

СОФИЯ НОВЕН

КАК ПЕРЕВОСПИТАТЬ
ВАМПИРА
ЗА 30 ДНЕЙ

Из столицы — в глухую провинцию! Решив одной ночью сыграть в рулетку, я и не думал, что жизнь перевернется с ног на голову. Мало того, что я проиграл поместье, меня выдворяют из клана! Да еще куда — в деревню, к черту на кулички! Тут тебе и рогатый собственной персоной, и его всемогущая поделница по имени Солоха, и семейные страсти Гоголей, и жаждущий мести Вакула... Даже одна заносчивая рыжая ведьма имеется! Но господин Готи так просто не сдастся... Посмотрим, кто кого!

- [Как перевоспитать вампира за 30 дней](#)

- [Глава 1. Рулетка судьбы](#)
- [Глава 2. Пресловутое поместье](#)
- [Глава 3. Далеко едущие планы](#)
- [Глава 4. Беспокойное утро](#)
- [Глава 5. Провинциальные прелести](#)
- [Глава 6. Соседи по дому](#)
- [Глава 7. Черти что](#)
- [Глава 8. Здравствуйтесь, я ваш завхоз!](#)
- [Глава 9. Дымок к костру приведет](#)
- [Глава 10. Очумелые ручки](#)
- [Глава 11. Трудовые будни](#)
- [11.2](#)
- [Глава 12. Скандалу быть!](#)
- [Глава 13. Гуляй, шальная!](#)
- [Глава 14. К нам едет ревизор!](#)
- [Глава 15. Балдейкинская ярмарка](#)
- [15.2](#)
- [15.3](#)
- [Глава 16. Караул! Черти в юбках!](#)
- [Глава 17. Баян хоть в таборе, хоть в колхозе пригодится!](#)
- [17.2](#)
- [17.3](#)
- [17.4](#)
- [Глава 18. С оркестром и калачом](#)
- [18.2](#)
- [Глава 19. Новые полномочия](#)
- [Глава 20. Разговор по душам](#)
- [Глава 21. С ведьмами браниться — никуда не годится](#)
- [Глава 22. Обычай крепче закона](#)
- [Глава 23. Поддай огоньку!](#)
- [23.2](#)
- [Глава 24. Вооружившись лопатой](#)
- [Глава 25. Лямур, тужур, бонжур](#)
- [Глава 26. Чао, бамбино!](#)

- [26.2](#)
 - [Глава 27. Держи друзей близко, а врагов еще ближе](#)
 - [Глава 28. За дело берется Николая](#)
 - [Глава 29. Оксана, Оксана...](#)
 - [29.2](#)
 - [Глава 30. Операция «Сватовство»](#)
 - [30.2](#)
 - [Глава 31. Сердцу не прикажешь](#)
 - [Глава 32. Курс на столицу](#)
 - [Глава 33. Одной темной ночью](#)
 - [Глава 34. Деревенские авантюристы](#)
 - [Глава 35. Дебютантка поневоле](#)
 - [35.2](#)
 - [Глава 36. Новый союзник](#)
 - [Глава 37. Да будет бал!](#)
 - [Глава 38. Маски сорваны](#)
 - [Глава 39. Не было бы счастья, да несчастье помогло](#)
 - [Эпилог](#)
-

Как перевоспитать вампира за 30 дней

Глава 1. Рулетка судьбы

Звон бокалов. Возбужденное перешептывание. Зеленое сукно пестрит фишками, кочующими от одного края стола к другому. Вбирает в себя страхи и надежды тех, кто в эту ночь собрался за ним. Одни растворяют тревогу в напитках, другие — скрывают за дымом сигар.

Но только не я.

Очередной раут в казино должен был не только пополнить мою коллекцию оружия, но и украсить особняк — к одной из ставок прилагались редкие полотна, стоимостью как сам дом.

— Делайте ваши ставки, господа! — объявил крупье.

Я же засмотрелся на хорошенькую златокудрую девицу. Она кокетливо стреляла глазками, пару раз даже задела волосами, чтобы заметил. Так и быть, скрашу ее ночь... Старалась же!

— Zero! Нечетная, больше половины! Пять, черная! — наперебой ставили мои взбудораженные соперники.

С двоими я был знаком лично — так сказать, коллеги по игорному столу. Третий же — птица залетная, уже потерявшая на поле боя двух дружков и проигравшая ни много ни мало десять тысяч.

Рулетка случайных лиц не терпит.

— Четная, больше половины, — после соперников произнес я.

Нас осталось четверо. Глаза каждого алчно сверкали, но вкус победы уже ощущался на моих губах. Терпкий, жгучий — как вино, обжегшее пищевод.

Почему не покер? Не тот накал ощущений. Просчет... И никакого вмешательства фатума! Лишний раз свободно не вздохнуть и не проверить то, что ведет тебя сквозь тернии судьбы — предчувствие.

К тому же в покер я в своей жизни достаточно проиграл!

Колесо сделало оборот, еще один... Присутствующие не спускали глаз с шарика, который остановился на...

— Двадцать четыре, черная!

Все мы, за исключением залетного, оказались в плюсе. Особенно я. Зоран, черноволосый пройдоха, одним лишь взглядом доказал гостю, что zero — вовсе не его ставка, а он сам.

— Господа, и снова мы в нашей уютной компании! — усмехнулся Милош. Говоря нынче модным языком, *le commerçant*. Да еще какой! Все рудники побережья с гномами впридачу принадлежали ему! — А не разнообразить ли нам ставки, господа?

Здесь я немного напрягся. Запасы мои подходили к концу — «карманных» денег, выданных заботливым дедом, уж было не видать. На кону стояла и конюшня с дорогими скакунами...

— Поставлю запасы своих винных погребов длиной в километр! — опрометчиво заявил Милош.

— Маловато, — ухмыльнулся я. Да у деда только в столице в два раза больше! Что уж говорить о его поместье в Трансильвании?

Поместье... в Трансильвании!

Если вампирское чутье срабатывало, то никогда не подводило. Проиграть — не проиграю. Максимум поделюсь парочкой гектаров с приятелем!

— Пять гектаров охотничьих угодий моего поместья в Трансильвании! — сказал я, чтобы выглядеть ничуть не хуже.

— Когда оно успело стать твоим, Марко? — заподозрил что-то Милош.

— Буквально на днях. Можете поздравить меня с приобретением! — не растерялся я. А что? Все равно моим будет! Осталось любимому дедуле отправиться к не менее любимой бабуле... И вуаля!

— Могу предложить собрание ваз, инкрустированных бриллиантами. — Зоран всеми силами старался не выдать волнение.

Ставки были сделаны. Шарик вновь побежал по черно-красному колесу. Златокудрая девица, навскидку юная графиня, подобралась уже вплотную, видя мое явное превосходство. Ручка ее легла на сукно, как бы невзначай задев мою. Она сделалась случайным наблюдателем игры. А я тем временем почувствовал странное тепло, наполнившее тело...

— Семь, красная, — обрадовал как никогда крупье.

Именно на нее ставил! Всегда знал, что семь — мое счастливое число!

— Черт возьми, Марко! Боюсь представить, куда это пойдет! — разошелся Зоран.

Уголки моих губ растянулись в улыбке, и я поднял бокал за еще один сокрушительный удар. Незнакомка тоже оценила.

Заметив на тоненькой шейке кулон в виде буквы "О", незаметно склонился к девушке:

— Как вас зовут?

— Ольга... — шепнула она. Голубые глаза пленили, очаровывали... и в то же время все больше отдаляли меня от реальности.

Зоран с Милошем странно переглянулись. Я заподозрил, что попахивает нечистым... Но взгляд Ольги пригвоздил меня к месту.

— Друзья! — прочистил Милош горло. — Раз уж мы так замахнулись... К черту все — я жажду лучшей игры! Кому-то из вас отойдут мои рудники!

После этих роковых слов мне стало как-то... дурно! Пути назад были отрезаны, к тому же в рулетку я проигрывал крайне редко...

— Отдаю своего «Гарсона», — после небольших раздумий заявил Зоран.

Мама мия! Лучшая сеть таверн в столице! И чем отбиваться? Конкуренцию могло составить только...

— Так уж и быть, поместье в Трансильвании!

Ну, не мог же я проиграть то, что мне не принадлежало? Карма должна была позаботиться об этом!

Фишки были подвинуты. Сам черт, не раз помянутый за вечер, потянул меня поставить на...

— Zero!

Колесо наконец закрутилось. Плыть по кругу начало и пространство вокруг... Лицо Ольги я уже видел смутно. Слышал лишь ее легкий смешок... После чего крупье сокрушительно объявил:

— Шесть, черная.

Земля стала медленно уходить из-под ног... Попытался обвести взглядом присутствующих, но меня словно закручивало в каком-то вихре. Где-то вдалеке слышались радостные вскрики... Сквозь пелену до меня доносились перестук фишек, шелест карт и

платьев дам...

Одна из них, в белом, ускользнула и растаяла в приглушенном пламени свечей.

Да какой черт потянул меня ввязаться в это безумие?! Сам дьявол! В женском облики!

И ее рогатые поделщики — Милош и Зоран!

— Ну что ж, Марко... У меня для тебя плохие новости! — едко усмехнулся Милош. —

Угодий нам будет недостаточно!

— Послушайте... — неуверенно начал я, чувствуя, что вот-вот рухну на стол.

От падения спасли плечи, подставленные с боков.

— Думаю, лучше обсудить все у меня. Тут недалеко! — распорядился Зоран.

Не теряя ни секунды, меня потащили к выходу. Как бы ни сопротивлялся — тщетно.

Тело будто мне не принадлежало. Карманы, по ощущениям, стремительно пустели...

— Господа, не совершайте ошибок! Меня ведь здесь все знают! — кое-как проговорил я, но на мое мнение чихать хотели.

Все явно принимали меня за бессовестно наклюкавшегося! Это вовсе не угон великорослого вампира, а благородная помощь захмелевшему другу!

По лестнице я вообще чуть ли кубарем не скатился — товарищей моя целостность не интересовала!

— Вели кучеру запрягать карету! — Милош буквально швырнул меня Зорану.

Толстяк тут же вытащил меня на улицу и за шкуру поволок к экипажу. Втолкнув в салон, захлопнул дверь, чтобы я не сбежал. Хотя куда мог на таких ватных ногах? И что эта девчонка применила? Магию? Или успела подлить что-то в бокал?..

Я понимал, что усидеть на месте не смогу. Тело будто притягивало к противоположной двери. И только я прикрыл глаза, как она стала медленно открываться... вместе со мной!

— Марко?

Ушам своим не поверил!

— Тадеуш?!

Друг сильнее распахнул дверь, и я буквально вывалился в его объятия.

— Что с тобой?! Разве ты когда-то водился с этими двумя? — заподозрил он неладное.

В ответ я лишь мотнул головой.

— Куда они тебя везут?

Пожал плечами.

— Вы прошли мимо и даже не заметили меня! — удивился Тадеуш. — Так, казино на сегодня отменяется. Поехали!

Друг рывком вытащил меня из кареты и, тихо прикрыв дверь, затолкнул в свою. Она оказалась припаркована прямо параллельно нашей.

— А как же Стефан? — вспомнил я про своего кучера.

— Разберемся! — отмахнулся ниспосланный спаситель.

Карета сорвалась с места. Кучер лихо подстегнул лошадей.

— Стоять! — послышался рев Милоша сзади.

Но мы не остановились. Только подпрыгнули на кочке. Да так, что я впечатался лбом прямехонько в окно! В глазах моментально замелькали искры...

И я провалился во тьму.

Глава 2. Пресловутое поместье

Глава 2. Пресловутое поместье

— Эй, Марко!

Попытался открыть веки, но они словно свинцом налились. Конечности онемели — я даже пошевелиться не мог. Голова гудела так, будто меня по ней огрели со всей ненавистью. Просто прикопать забыли.

— Да что ж ты будешь делать!

В следующее мгновение меня окатило студеной водой. От неожиданности вскрикнув, я подскочил в кровати.

— Мать мою за клык! — прошипел, щурясь от света. Однако надо отдать должное — бодрящий душ подействовал на все сто! Слабости и след простыл.

Проморгавшись, встретился взглядом с Тадеушем, в руках которого было ведро. По гобеленам на стенах узнал одну из гостевых спален в его доме.

— Ну что, игрок? — хмыкнул друг. — Не хочешь объяснить, во что встрял?

Мысли путались. Половина событий будто стерлась из памяти. Вроде бы все шло по плану и партия за партией была за мной... Но, когда мы остались вдвоем, странная сила захватила меня. Медленно подкрадываясь, она толкала прямоком в ловушку. И вот, очарованный, я и не заметил, как...

— Я проиграл поместье в Трансильвании.

— Чего? — усмехнулся Тадеуш, не веря. — Оно даже не твое!

— Это мне не помешало! — Схватился за голову. Сам не верил! — Когда со мной остались только Милош и Зоран, ставки резко возросли. Вдумайся, один поставил на кон рудники, другой — «Гарсона»! Что мог предложить я?

— Закончить это дерьмо! — До друга наконец дошел масштаб неприятностей.

— Если бы не одно «но»: ко мне подослали какую-то шельму!

— Говорил же, меньше на баб засматривайся!

— Думаешь, я такой дурак, что ради какой-то юбки, пусть и хорошенькой, готов отдать состояние?! — оскорбился я. — Она применила запретные чары! Незаметно опоила меня! Мерзавка! Как же ее звали? Имя еще такое... не наше! Никогда не слышал!

— Один хрен! — махнул рукой толстяк, залпом опустошая кувшин. Не только у меня утро началось паршиво. — Не пойму, на кой им это подстраивать?

— Наверное, думали прибрать к рукам мой особняк... но я сам заикнулся. — Зла на себя не хватало! Готов был разнести все к чертям собачьим!

— Своих мало? Тут что-то другое...

В приоткрытую дверь вдруг просунулась гоблинская морда.

— Тильбо? Что ты здесь делаешь?

— Господин... — На голове слуги зашевелилась парочка оставшихся волос. — Ваш дедушка прислал вестника. Велел найти вас и привезти к нему как можно скорее... Дело не терпит отлагательств, поторопитесь.

Мы с Тадеушем переглянулись. Еще вопрос, кто к бабуле отправится первым: я или дед! И поминай как звали!

Видок у меня был отменный! На ватных ногах, совершенно мокрый и злой, я проследовал с гоблином в карету. Тадеуш, пожелав мне удачи, остался в обнимку с

кувшином — обмозговывать случившееся недоразумение.

Я молил небеса о пощаде! Может, дед зовет по-другому поводу и мошенники еще не опередили меня? В самом деле, идти напрямик к главе клана Готи — верх невежества!

По дороге проверил замызганный сюртук. Как и думал, ни часов, ни дорогой зажигалки... о банкнотах вообще молчу. Докатились! Уже и профурсеток в помощницы берут! Перед глазами до сих пор мельтешила эта белая штора!

Дом деда встретил привычным холодом и сыростью. Он редко отапливался и больше напоминал подземелье: сплошной дуб и камень. Солнцу вход сюда был воспрещен — к старости дед стал уязвим. Сам он нашелся в кабинете за чтением каких-то бумаг. Странно, что не утренней корреспонденции.

— Что за вид? — Дед с пренебрежением оглядел меня.

— Попал под дождь, — наткнувшись на грозный взгляд, добавил: — Из девичьих слез, конечно же.

— Опять всю ночь куролесил? — хмыкнул великий и ужасный. — Весь в отца.

Еле сдержал громогласное «Фух!». Кажется, пронесло!

— Как будто ты в молодости был лучше... — Тут же прикусил язык — вечно бдящая бабушка недовольно зыркнула на меня с портрета.

— Я решил продать поместье в Трансильвании, — прозвучало как гром среди ясного неба.

Еле успел нащупать кресло и сразу же рухнул в него.

— Твой дядя не против.

— П-почему ты не посоветовался с-со мной? Это, з-знаешь ли, сродни предательству! — заикаясь, возмутился я. Хотя в душе уже начал радоваться. А пускай новый владелец разбирается с этими двумя!

— Потому что у меня к тебе предложение, — продолжил дед, ни о чем не подозревая. — Я отдам его тебе. Но с одним условием.

Еще вчера я был готов на все ради роскошного имения. Охотничьи угодья, винные погреба, горы... Но теперь...

— В течение полугода ты женишься. И даже не пытайся вновь провести меня и заключить фиктивный брак. Я лично должен одобрить твой выбор. — Дед строго посмотрел на меня поверх пенсне. — Согласен — сегодня все подпишем, и отправишься туда завтра. Но, если не выполнишь уговор, будешь светить голым задом не только перед барышнями. Намек ясен?

Расстегнул воротник рубашки — что-то душно стало... Еще и жениться, когда такие проблемы? Хотел бы я взглянуть на эту несчастную!

— Ну что, согласен?

— Жертвовать своей свободой я не готов, — осмелился заявить я.

— А я не готов продавать фамильную ценность, — давил на меня дед, уже пододвигая ключи. — Так что по рукам, внучок.

В дверь вдруг постучали.

— Да?

— Господин, утренняя корреспонденция! — вбежал одетый с иголки слуга. Не то что мой горбун.

— Запоздало, — покачал головой дед.

Небольшая стопка легла на стол. Завидев конверт, я сразу напрягся.

— Письмо?

— Было в ящике вместе с газетами.

Оставшись с дедом наедине, я буквально вжался в сидение. Я догадывался, что там внутри... Жаль, пути побега были отрезаны: в окно — высоко, в дверь — догонит.

Мой грозный воспитатель вскрыл ножом конверт и бегло пробежался по строкам. Чем ниже он опускался, тем выше поднимались его брови... И тем меньше я чувствовал землю под ногами!

— Дедуля, столько мошенников нынче развелось... — залепетал я, отодвигаясь к двери. Вместе с креслом. — Наживаются на богатых пенсионерах всеми способами!

Резко смяв бумагу, дед с ненавистью зыркнул на меня. Со стороны портрета послышался громкий «Ох!» — бабуле конкретно поплохело!

Впрочем, как и мне!

— Значит, по рукам...

Улыбка деда не предвещала ничего хорошего. Взгляд его метнулся куда-то в угол — там, кажется, тросточка стояла... Бабушка давно закрыла глаза, не в силах смотреть на преждевременную кончину любимого внука.

— Вот руки-то я давно не разминал!

— Я не виноват! — в сердцах воскликнул я. — Меня подставили!

— Да что ты вообще о себе возомнил?! — взревел дед. — Распоряжаться семейным именем! Еще и так бездарно!

Взглядом выцепил пару строк с «флага», которым передо мной неистово размахивали: «Многоуважаемый Влад Готи! Вынуждены сообщить вам пренеприятное известие: сегодня ночью ваш внук, Марко, проиграл нам поместье в Трансильвании. Ставка заверена крупье. С места проведения игры Марко сбежал, в собственном доме со вчерашнего вечера не появлялся...»

— Вздор!

— И кто поплатится за этот вздор?! — Дед со всей силы схватил меня за грудки.

В своей жизни я успел побегать много от кого... От настойчивых барышень, не желающих поутру садиться в карету... От их отцов, мужей...

Но такого деру я еще не давал!

— Дедушка, не бери грех на душу! У тебя и без того их хватает!

Инквизиция не отставала, возмущаясь мне в спину:

— Послала же Преисподняя внучка! Все ему мало! Сколько раз я спасал твою задницу?! Сколько карточных долгов покрыл! Терпел гулянки! Неблагодарный!

Заметив рыцарские доспехи в углу, повалил их. Но дед и бровью не повел — только ускорился. Старый пройдоха! Какая прыть! А еще жаловался, что годы берут свое!

— Ты что, отправишь к рогатым единственного внука?! Я ведь так молод! Даже не оставил наследника! — Я перемахнул через перила.

— Уж очень сомневаюсь, голубчик! И хорошо, если отделался только одним!

Слуги, высыпавшие на звук, стали разбегаться кто куда, теряя свою ношу. Что я только ни перепрыгивал: дедовы рейтузы из прачки, булки хлеба... особо впечатлительных, не устоявших от такого зрелища!

Мгновение — и дед, перелетев через меня, оказался впереди. Черные усы включены, глаза вот-вот полезут из орбит, грудь тяжело вздымается, клыки угрожающе обнажены. В ход пошла тросточка, прихваченная из кабинета.

— Бестолочь! — Я только и успевал уклоняться! — Напрасно я понадеялся на твое благоразумие! Пора тебя проучить! Никакого имения! И про свой особняк забудь! Им я и расплачусь!

Тут я, не веря ушам, замер.

— Что?!

— То! — Набалдашник пролетел в опасной близости от темечка. — Прямо сегодня манатки паковать можешь! Я его подарил, я его и отберу! Надоел!

Дворецкий, тоже ставший свидетелем перепалки, от неожиданности выронил поднос с чашками. И все бы ничего, да только это был любимый фарфор бабушки...

— Вон из моего дома!!! — взревел дед похлеще любого медведя.

Дважды повторять не пришлось — мы с дворецким одновременно протиснулись в дверной проем. Замкнула же процессию трость, прилетев мне прямо в лоб.

— Ай!! Дедушка!! — Такого потрясения мои ноги не выдержали, и я плюхнулся на землю.

Дверь хлопнула — дед был непоколебим. Только в этот момент я осознал, в какую же задницу влип...

— Господин! — Спотыкаясь, бежал ко мне гoblin. — Вы в порядке?

С позорным рогом на лбу, оклеветанный и больше никем не любимый, я шмыгнул носом и произнес страшные слова:

— Тильбо... у нас больше нет дома!

Глава 3. Далеко едущие планы

Глава 3. Далеко едущие планы

Гоблин схватился за сердце.

— Неужели он переходит к тем господам?!

— Это каким еще? — спросил специально.

— Двое приезжали в ваш дом за полночь... и утром. Спрашивали у меня, не появлялся ли господин Готи. Еще когда Стефан без вас вернулся, я неладное заподозрил...

— Нашлись тут караульные! — фыркнул я, вставая с земли. Тросточку прихвачу — неплохая вроде. Хотя что-то во мне должно внушать уважение... ну, или опасность. Зависит от ситуации.

Кучеру велел доставить меня к Тадеушу. Не делить же мне такое горе с самим собой?

Но Тадеуш, видимо, ведомый истинно мужской солидарностью, уже успел погоревать. За двоих.

Я нашел друга там же, где мы и расстались. Вот только спальня, а точнее кровать, конкретно пострадала в мое отсутствие! Болван, раскинувшийся звездочкой, явно не рассчитал силу и плюхнулся на нее со всей дури, сломав каркас. Кувшин вообще валялся в углу. Уже пустой.

— Эй, разрушитель кроватей! — Ткнул его тросточкой. — Ты жив хоть?

— Олюсик... — донеслось до меня бормотание.

— Чего?! — вскинулся я. — Поднимайся давай, кукусик! Разговор к тебе есть!

Но Тадеуш вновь нырнул в свои грезы, перевернувшись на другой бок.

— Напрашиваешься на силовые методы воздействия!

Что есть мочи дернул его за ворот и поднял. Ноги дружка справлялись с задачей крайне паршиво! В какой-то момент даже подумал, что вот-вот буду придавлен к полу ста пятьюдесятью килограммами. Но с горем пополам дотащил его до смежной двери и затолкал в ванну. Тут парой капелек не исправить ситуацию!

На сонную тушу обрушился холодный поток из душевой трубы, на меня — отборная трехэтажная брань.

— Все сказал? — Я остановил воду. — И когда только успел? Меня не было пару часов!

— Не твое собачье дело! — отмахнулся Тадеуш, тяжело дыша.

— Слушай, тут драмы и без тебя хватает: меня из собственного дома выселяют! — не стал церемониться я. — Надо бы вещи перевезти и успеть забрать хоть кое-какие ценности. Подсобишь?

Глазки удивленно заморгали, вмиг протрезвев. Видно, начинать надо было с этого, а не с «заряда бодрости».

— Какого...

— Такого! Дед не желает разбираться с этой подставой. Одно дело — проиграть пару тысяч, другое — поместье, которое тебе собирались отдать в наследство... — покачал головой я.

Тадеуш присвистнул.

— Понятно, для него это не только дело чести, но и лишнего червонца. Тут долги не прощают, сам знаешь.

— На это и рассчитывали Милош с Зораном. — Злобно сжал тросточку. Сейчас бы ею

ка-а-ак замахнутья... Полезная будет штука, уже одно место подсказывает! — А кто такой Олюсик? — вспомнил я странное погоняло.

Просохший гореватель на секунду задумался. После чего его вдруг осенило:

— Гадина одна! Красивая, зараза! Когда ты ушел, я вспомнил, как однажды и меня очаровала одна чертовка... колдовством, как потом выяснилось. Так грустно стало... — Грустно болвану стало от того, что кувшин закончился быстро, а за вторым идти было лень. — Утром я проснулся обобраный, хотя сам не против приплатить девочкам. Ни денег, ни драгоценностей... Попалась мне девка как раз в казино. Звали ее Ольга.

Аж подпрыгнул на месте.

— А я все пытался вспомнить это имя! Все ясно! Обычная прохвостка, которую нанимают в качестве отвлекающего маневра!

Тадеуш, почувствовав свою значимость в столь деликатном вопросе, даже приосанился.

— Да тьфу! Чтоб я так просто остался голодранцем? Я верну себе имя любой ценой! И дом! Точнее, заполучу то, что и так принадлежит мне по праву! А эти двое пускай довольствуются малым! — метал гром и молнии я. — Поехали!

Не спрашивая согласия, я подцепил толстяка предводительским жезлом за шиворот и повел за собой. Всю дорогу в моей голове созревала гениальный план мести. Не просто отыграться — подставить эту разбойную шайку ничуть не хуже! Компаньон был найден по умолчанию, как и временное жилье. Оставалось выждать момент...

Но планам моим не суждено было сбыться. То ли фортуна избрала нового любимчика... то ли таинственная Олюсик обладала даром проклятия.

Еще одна подстава подкралась незаметно. В лице дедушкиного слуги, уже ждавшего меня у ворот.

— Господин Готи! — услышал я, как только ступил на землю. — Ваш дед обязал меня проследить за тем, чтобы ни одна лишняя вещь не была вывезена из особняка, и передать вам это письмо.

По задумке, компаньон мой должен был брать на себя всю «грязную» работу, для которой я просто не подходил по габаритам. Но когда он с кряхтением выполз из кареты, чуть ли не свалившись в лужу, я понял, что план и здесь трещит по швам!

Ничего не сказав, с раздражением схватил письмо и быстро пробежался по строкам.

«В городе ты не останешься. Знаю, что будешь беспризорничать и доставишь мне куда больше хлопот. Есть другое предложение: реабилитироваться. Честным трудом и искренним сожалением», — тут я уже почувствовал неладное. — «Был у меня один хороший знакомый... пан, держащий земли у подножия Карпат. Связался я с ним. Оказалось, у него там целое хозяйство развернуто, даже какое-то учебное заведение мирянам построил. Одна проблема только — вечный недобор кадров. Недавно завхоз захворал, без помощника трудно ему обходиться. Старый уже. А ты молодой, сил в тебе достаточно. Даже девать их некуда. А там, обещаю, лишний раз не присядешь! Занятие для тебя уже имеется! В общем, я обо всем договорился. Твое дело — снарядиться в трехдневную дорогу. Адрес внизу».

И приписочка под этим. От всего сердца: «Уж если надеешься на мое прощение, даже не думай улизнуть. Найду — прикопаю».

Смяв бумагу, я зарычал от бессилия. Завхоз, колхоз... и, видимо, психоз впридачу!

— Будь проклят этот день! — прорычал я, рванув в сторону дома. — Ишь, чего старый удумал! Избавиться от меня!

— Чего-чего? — бежал за мной запыхавшийся Тадеуш.

— Господин, мы куда-то уезжаем? — Тильбо был на пределе своих возможностей: семеня так, что аж штаны слетали! Приходилось придерживать!

— Ага — в ссылку! Сам погляди! — Запустил в него смятым шариком.

Тут перед Тильбо возникла настоящая дилемма: то ли выполнить поручение, то ли... спасти гоблинскую честь. Как верный слуга, он выбрал первое. За что окончательно поплатился штанами.

— Тильбо, кхм... Мы, конечно, теперь оборванцы... но бегать с голыми задницами это нас не обязывает! — Я даже остановился от столь волнительной картины.

— Из-звините, г-господин... — Горбун покраснел до кончиков ушей и, подобрав штаны, развернул письмо. — Чертова заводь? Не припомню, где это...

— Где-то в горной местности. Три дня езды, — фыркнул я. — Даже не раздумывал, куда меня — сразу к чертям в котел! Еще и не выберусь оттуда!

— Что тебе мешает отсидеться у меня? — недоумевал Тадеуш.

— Хрыч уже обо всем распорядился! Даже не знаю, что хуже: попасться ему здесь или загнаться в той ж... — Слова заглушило цоканье моих каблуков. Были бы на пути гвозди — ббил бы все до единого! — Бандеролью меня пошлет!

Дойдя до гардеробной, я, не церемонясь, стал выкидывать содержимое шкафов на пол. Возьму все лучшее, а порядки пусть хозяева потом наводят!

Горки стремительно росли. Рубашки шли в один чемодан, брюки — во второй, сюртуки — в третий... Все самое необходимое закончилось только на шестом. Седьмой к рукам прибрал Тадеуш под предлогом «Все равно в деревне не пригодится!». Тильбо же громко пыхтел, взваливая на себя очередную ношу.

Штаны угрожающе сползали все ниже и ниже. Психика моя бы не вынесла еще один удар... Да и тут я задумался о том, что жалование ему платить все равно нечем...

— Тильбо! А поди-ка сюда! — Я вытащил еще одни штаны, которые были мне малы. Отыскав в сундуке ножницы, приставил к нему и отрезал. На глаз. — Ну-у-у... Затяни и подкатай — нынче модно! — посоветовал я, глядя на криво обрезанные шорты.

Но гоблин, в моде не разбирающийся, без стеснения выпрыгнул из прежнего наряда и втиснулся в новый, затянув по самую грудь.

— Господин, вы так щедры! — улыбнулся он во все свои десять зубов.

— М-да... — только покачал головой я, оглядев напоследок свои хоромы.

— Ну что, готов? — похлопал меня по плечу Тадеуш.

— Не спрашивай, — вздохнул я. — И за что жизнь так со мной? Что я там делать буду? Коровам хвосты крутить?

— Ты хоть пиши, что ли... — проигнорировал вопрос Тадеуш, уже косясь в сторону горки, где я хранил столовое вино. — Свидимся еще!

— Если не сопьешься к тому времени, — хмыкнул я и спустился во двор. Карета уже была готова. Причем, багажом ее обвязали повсюду: на запятках, на крыше...

Ну и пускай все знают, что мы народ не бедный! Вон, откуда пожаловали!

В эту их... Чертову заводь!

Глава 4. Беспокойное утро

Глава 4. Беспокойное утро

Следующим утром в Чертовой заводи

Дина

Сентябрь сопровождался легким румянцем листвы и ароматом костров, разжигаемых все чаще. Вовсю собирался и закладывался на хранение урожай. Свой отсчет начал очередной учебный год.

Дел, как всегда, было невпроворот с раннего утра. Ветер уже разгонял облака, укрывшие на ночь склоны Карпат, разносил по округе трель пробудившихся пташек. Казалось бы, тишь да гладь...

— Ай! Колючий, зараза! — зашипела на все болото Ася.

— Что, впервые чертополох собираешь? — покосилась я на подругу. — Ты его бережно, по стебельку...

— Да знаю я! Не виновата же, что перчатки вот уж месяц как дырявые! — вновь пожаловалась главная бездельница. Руки-то непривыкшие. — Ясно же, что злыдни повалили! Отсюда и все проблемы в колхозе! То птичник протекает, то урожай не выдался... Нет, чтобы колдуна посильнее найти — мы собираем какую-то траву, уповая на народные методы!

— Если бы колдун нам помог! — хмыкнул Грицко — первый красавец на деревне. Еще бы! Косая сажень в плечах, длинные пшеничные волосы, голубые, как васильки, глаза... Сколько девчонок за ним бегало... Аська особенно. — Нам бы завхоза нормального! А то Гоголь-Моголь как обычно слег, и никакого тебе ремонта! А инвентаря уж подавно!

— Что, пятый раз за месяц к великому предку решил отчалить? — удивилась я. Этот товарищ стал профнепригодным, вот только замена ему все не находилась. А в моменты, когда ее искали, Гоголь неожиданно оживал и продолжал работу как ни в чем не бывало.

— Да вот уж со вчера лежит, не дышит, — пожал плечами Грицко.

— Пятак ставлю, что вновь оживет! — заявила Ася, вмиг оказавшись около красавчика.

Да куда денется? Летаргический сон наш завхоз практиковал успешно, только в последнее время зачастил... Вот и проблем навалилось пруд пруди! Свободной минутки не было — приходилось с занятий бегать на поле или в лес, на болота. Хотя погодка шептала, да и в крови бурлила молодость, требуя ощущений куда острее, чем от случайно задетых грабель. Потоп и пожар в счет не входили — это мы всем селением устраняли... пока Василь Гоголь-Моголь преспокойно дрых.

Со стороны деревни послышался быстрый топот ног по траве.

— Слушайте, там тако-о-ое! — запищал знакомый голос.

Мы одновременно подскочили, забыв про корзины. Меж деревьев появилась Злата, сплетница номер один. Вечно вся запыхавшаяся и перепуганная.

— Гоголя нашего поднимают! Весь дом ходуном ходит! Так еще и лекарь заикнулся, что пан ему наконец замену нашел! Уже едет! Из самой столицы, представьте!

Я насторожилась. Это еще что такое? Столичная зазноба в наши-то дебри? Ей здесь не место — и дня не протянет!

Подол юбки был уже черного цвета. К рейтузам под ней что только ни цеплялось! А что-то особенно колючее, попавшее на мягкое место, вообще пробудило во мне

сверхъестественную скорость. Неслась так, что пятки горели!

Где-то сзади хлюпала по грязи и троица: Ася — за копеечкой, Грицко с воплем «Не верю!» — за правдой, а Злата — за очередной добавкой новостей. Авось повезет!

Выскочив на тропку, сразу заметила столпотворение на пригорке. Дом действительно ходил ходуном — от народа, сбегаящегося с других хаток и штурмующего его стены. Воздух наполнил гомон. Все пытались перекричать друг друга:

— Птичник после грозы затопило!

— Склад сена горел! Скотине корма не хватит!

— Почему мы получили три лопаты вместо тридцати?! Чем теперь картошку копать?!

— Да какая картошка?! У нас что вообще на полях растет?!

— Чем удобряли, то и растет! — высунулась с грелкой на голове спящая красавица. Бледный, еще и в белой сорочке — как призрак, ей богу!

— Накось, получи! — Отправился из толпы в полет сапог.

Но Гоголь-Моголь пригнулся, и каблук впечатался в лоб Захару — единственному лекарю и по совместительству нашему преподавателю целительства.

— Да когда ж ты нас оставишь, скотиньяка такая! — рванула к окну Маруська — та еще бой-баба. Странно, что без скалки — с ней она не расставалась с утра до ночи.

Толпа увеличивалась, бунтуя. Кого-то приходилось отпихивать, кто-то отпрыгивал сам, видимо, принимая меня за складского сторожа — черта. Чеботы мои, облепленные грязью, и правда походили на копытца, рыжие волосы спутались — что в них только не позастревало! Еще и впившаяся колючка заставляла время от времени подпрыгивать!

— Захар! — забарабанила я по двери. — Откройте!

Послышался тихий скрип, и я стрелой влетела в сени. За мной уже потянулась жаждущая мести рука, но лекарь вытолкнул незваного гостя во двор и сам стал удерживать дверь.

— Чего тебе? — бросил недовольно, пыхтя.

Вскинув руку, запечатала магией дверь.

— Поговаривают, завхозу замену нашли. Из столицы, — скосила взгляд на виновника торжества. Маруська уже одной левой вытряхивала из него объяснения, перевесившись через подоконник.

— Не совсем так... — замаялся Захар. — Скорее помощника. Пана Василя так просто не выдворить — сами понимаете, кто его дядя... был.

— А что, у нас своих помощников не хватает? — фыркнула я, сложив руки на груди.

— Да кого ж? — усмехнулся Захар в седые усы.

— Вон, Маруська! Сколько растений спасла! В академию нам метлы постоянно выбивает, учебники!

— За мужиком своим пусть сначала уследит! А то бегает по деревне навеселе, кур распугивает! У нас так и все остальное селение сопьется!

— Между прочим, я тоже много делаю! — взъелась я. — Чертополох от злыдней заговариваю, с захворавшими животными вам помогаю...

— Адептка Беленькая, — зафамильярничал вредный мужик, — не говорите ерунды! Вы — ведьма!

— И что? — нахмурилась я. — Как будто одна во всем селении! Со мной еще целая академия!

— А то, что у господаря нашего, пана Корнея, личная их непереносимость! Никогда он

не отдаст земли свои в руки какой-то ведьме! — с пренебрежением заявил Захар.

— Ах так? — В ладони уже увеличивался красный шар. — Тогда посмотрим, какие порядки ваш столичный щегол в деревне наведет! Если она к тому времени еще не развалится!

Шар полетел напрямиком в дверь. Задвижка отъехала, и в сени повалили все кто ни попадя.

— Да его сам пан Корней нашел! Свой человек! Науками владеет, прекрасный растениевод! Кого надо — уgomонит, что надо — посадит и восстановит! — с пеной у рта доказывал Захар, уносимый толпой.

— Еще вопрос, кого и на что он посадит! — не удержалась от колкости я и хлопнула дверью. — Знаем мы этих молодцев заезжих...

История одна вспомнилась... Тьфу! Ну, ничего, он еще у нас попляшет со своими столичными порядками! Видимо, растениевод он столь «прекрасный», что его аж за пятьсот верст от столицы засылают.

Так сказать, в благодарность!

Глава 5. Провинциальные прелести

Глава 5. Провинциальные прелести

Готи

Карету раскачивало во все стороны, подбрасывало и швыряло, будто мы попали в шторм. В попытках сомкнуть глаза я несколько раз впечатался лбом в стекло. Несколько суток колеса то грохотали по камню, то подпрыгивали на кочках. Теперь же они увязли в грязи — дождь размыл доселе никем не обкатанные тропы.

Дикими здесь были и леса. Ночью в глубине что-то голодно завывало, заставляя меня трястись в такт карете. Но на этот случай под рукой был припасен Тильбо.

Мы ползли, как улитка. Стефан и вовсе боялся, что застрянем. А застревать в таких местах — гиблое дело. Удручающий пейзаж не спасали даже живописные склоны. Убитые домишки, у которых выяснял отношения местный «цвет», скот, выгуливаемый вдоль дороги и делающий ее еще «прекраснее»... «Волшебные» ароматы так и пробивались сквозь щели, устраняя не только насморк, но и желание покинуть карету.

— Ах, какая природа! — мечтательно заявил Тильбо. — Господин, вам плохо?

Побледневший хуже предков, я подавил очередной приступ тошноты.

— Хорошо мне станет, только когда мы отсюда уедем.

Завидев экипаж, прохожие с изумлением оборачивались, а маленькие оборванцы свистели, пуская камни вслед. Один старый дурак вообще бежал за нами, размахивая руками. Даже пару раз запутался в своей накидке и чуть ли не грохнулся. О, я хотел сбежать отсюда не меньше! Глухо, грязно, полная бескультурщина — в общем, дед постарался!

Карета резко затормозила, и мы с Тильбо чуть ли не оказались на полу.

— Стефан?! — недовольно бросил я, выглянув в окно. И тут вдруг заметил этого ненормального... бросившегося нам под колеса! — Уважаемый, вы что себе позволяете?!

— Так я... машу вам... а вы... не тормозите! — Тяжело дыша, он подошел ко мне. — Вы же новый помощник завхоза?

— Ну, я, — ответил неохотно, отшатнувшись. Ну и духман от него!

— Ой, вы ж на одежду мою не смотрите! С работы я! У Дуньки роды принимал! — отмахнулся мужчина. Весь мокрый, грязный с головы до пят, с соломой в волосах...

— А Дунька, видать, щедро разродилась... — Глаза мои как залезли на лоб, так и не сползали.

— Еще как! Всея деревней праздновать будем! Трех телят сразу — это ж такая редкость...

— Телят? — Послышалось?

— Дунька — корова наша! — Мужик просунулся в окно с протянутой рукой. — А я Захар, лекарь. Мне вас встретить велели.

— Ааа, — лениво пожал. — Марко. Готи. До постоянного двора проводите?

— Тю! У нас отродясь такого не бывало! Ты ж свой теперь! — Он расставил руки в широких объятиях. — Василь, завхоз наш, тебе уже комнату выделил. Сейчас домчим, тут недалеко!

Больше ничего не говоря, Захар нагло запрыгнул на козлы к Стефану. Мне оставалось лишь стиснуть зубы.

Пока мы ехали, я заметил, что несколько домов в селении выделялись: стояли на

пригорках, сами чистенькие, побеленные, с расписными ставнями. Думал, что и столь уважаемый гость, как я, будет жить в таком же... Но тут меня подвезли к развалюхе с одним окошком.

— Это здесь ваш завхоз обитает? — Я неохотно вылез из кареты. Под ногами чавкнула грязь, на лицо вмиг налипла влага. Болото!

— Не-е-е! — Захар толчком открыл дверь. Та противно скрипнула. — Василь там живет, — ткнул в один из холмов, — а это так, хозпомещение. Тут кабинет его и коечка старая. А то, бывало, и до дома не доходил... — отчего-то тяжело вздохнул лекарь.

В сенях нас приветливо встретил паук, который уже свил в углу целое гнездо. По ощущениям, на меня осел слой столетней пыли, поэтому я стал без остановки отряхивать сюртук.

— Вот рабочее место, — прошел дальше Захар. — Тут в шкафу инвентарь некоторый, Василь лучше сам расскажет. — Это он, видимо, имел в виду гроб на двух ножках. — В столе бухгалтерия, выписки всякие. Ну-ка, еще осталась? — Лекарь пошерудил в одном из ящиков и вытащил оттуда пузатую бутылку. — Ты погляди, не скисла!

— Гоголь-Моголь? — прочитал я табличку.

— Ну так, потомок самого... — кивок на портрет над столом. Оттуда на меня сердито смотрел какой-то дядька. Темноволосый, с неумело подстриженным каре, длинным носом и усиками под ним. Сам он сидел в кресле, с рукописью в руке и горящим сзади камином.

— Не имею понятия, кто это, — стоило хмыкнуть, как дядька будто пожурил меня пальцем. Я аж отпрянул. Вот тебе и бессонные ночи!

— Писатель один... и ведьмак по совместительству. Бывал в наших местах. Заклятия у него неплохие... — Захар все не отлипал от браги.

Надоедливый запашок не переставал щекотать ноздри. Я завертелся в поисках источника, однако наткнулся на зеркало, висящее напротив портрета. Столь пыльное и почерневшее, что я не видел отражения.

— А Гоголь этот... тут хоть бывает?

— Да когда ему... — отмахнулся Захар. — Спит он! Да так, что не разбудишь! Столько его уже хоронили! Один раз даже в гроб положили, а он вылез! Вся деревня разбежалась, за вурдалака приняли... Оказалось, от дяди своего летаргический сон унаследовал. Вот и мучаемся с окаянным... — Лекарь вдруг нырнул куда-то за шкаф. Я не сразу заметил, что там имеется какой-то аппендикс. — Вот тут спать будешь.

Желтые пятна на тюфяке наталкивали на весьма двойственные мысли. Еще больше в ступор поставил ковер на стене. Да еще такой пестрый, хоть глаз выколи! Уж лучше б дыры в полу прикрыли!

Всучив мне застиранное постельное белье, лекарь засобирался уйти:

— Пойду Василя отыщу. Позавчера проснулся, вроде как держится.

— Постой, ты запах странный чувствуешь? Тянет го...

— И не говори! — Захар вдруг распахнул единственное окно. — Зато далеко бежать не придется!

Ноги как-то сами подкосились. Кровать очень кстати оказалась рядом. Вид предстал «сказочный» — прямо на общую уборную!

— Ну, ты располагайся... — попятился с испуганной улыбочкой Захар. — Как Василя найду, приведу!

Дверь хлопнула. Схватившись за голову, я уставился в одну точку. Мама мия... Это я тут

жить буду?! Да я загнусь через...

Мысли заглушил хлюпающий звук из окошка. Нет, я не загнусь — я задохнусь!

— Господин... — в комнату тихонько прокрался Тильбо. — На вас лица нет.

— Здесь недалеко был более-менее пристойный трактир, — процедил я сквозь зубы.

— Но ведь там может быть небезопасно...

— Разбери мои вещи! — сжав кулаки, я направился во двор.

Мне нужно снять стресс!

Трактир оказался забит почти до отказа. Свободное место нашлось лишь около группки маргиналов, опустошающих кувшин за кувшином. А какая же ядреная вонь тут стояла! Лук, чеснок, мясо, фирменные уличные ароматы — все смешалось! Гремели стаканы, музыкой служил навязчивый женский хохот. Кто-то особенно веселый отдыхал лицом в тарелку.

Подошедший ко мне хозяин выдавил из себя улыбку и протянул нацарапанное от руки меню. Одет он был куда хуже Захара — в растянутую рубаху и заплатанные портки. Некоторые вообще сидели без верха, на что я даже смотреть побаивался.

Я принялся изучать набор блюд, не вызывавших доверия: щи-борщи, какие-то булки, названные как, кхм, корпулентный дамы. От «голубцов» меня так и перекошило — я еще не настолько отчаялся, чтоб есть птичку, завернутую в капусту! Оглядевшись, заметил, что популярностью пользуются странные сырые пирожки, в которые тыкали все, что можно: грибы, картошку, вишню...

Меж тем за соседним столом развернулась драма похлеще, чем между мной и меню.

— Оксанка, ну не ломайся ты! — Лысый бугор притянул к себе девчужку.

— Лапы свои убери! — Она отчаянно пыталась вырваться. — Видеть тебя не могу уже!

В печенках сидишь!

— Это ты со мной так разговариваешь?! — Мужик со всей силы встряхнул девушку, заставив сморщиться от боли.

Совесь, просыпающаяся редко, но метко, не позволила остаться в стороне.

— Милейший, разве дама неясно выразилась? Оставьте ее в покое!

— Опася! — Он аж отпрянул. — И откуда у нас взялось говорящее клыкастое отродье?

Компаньоны его сразу привстали. Нет, ну я закрыл глаза на то, что обращаться ко мне как к господину тут никто не собирался! Но обзывательства — это уже слишком!

— Не ваше дело. Здесь не место для выяснения отношений, — сдержанно заметил я.

— Ты нам еще указывать смеешь, петух заморский? — побагровел от злости главарь. — Тебя обратно в твой курятник отправить?!

По залу прошелся неприятный шепоток. Приборы перестали стучать — посетители замерли в ожидании.

— А тебе, похоже, тоже тут не сидится? — Отложив меню, я осторожно поднялся.

— Ты сам нарвался! — Он навис над моим столом.

Кажется, настало время размять кулаки!

Дина

Уже второй день я крутилась волчком в трактире Янко вместо Аси. Подруга якобы настолько сильно ободрала чертополохом руки, что не могла удержать даже тарелку. На деле же она подозрительно пропала. Вместе с Грицко.

Целый день я слушала «принеси-подай-подмети», смотрела на уже залитые «сливы» — лицами назвать это язык не поворачивался! — и выбивала себе скудные чаевые. А что?

Жалованием со мной делиться не собирались!

Сын хозяина варил казан грибного супа. Злата же разливала по стаканам взвар, который я вот-вот должна была вынести в зал.

— Слышала, Дин? Помощник завхоза со дня на день будет... — зашептала она, склонившись ко мне. — Небось порядки свои, городские, начнет наводить...

— Как начнет, так и закончит, — фыркнула я.

— Эх, еще и красивым окажется, — мечтательно вздохнула сплетница. — Девки в ряд выстроятся за ним! А ты, наверное, больше не рискнешь пойти за городского? — добавила язвительно, протянув мне поднос.

— Не рискну, — вцепившись в него, выдавила из себя улыбочку. Вот сыпет соль на рану!

— Ну да, тебя уж и не возьмут! — хохотнула змеюка.

И если бы не женский крик, раздавшийся в зале, весь взвар оказался бы у нее на голове!

Что-то перевернулось. Посетители загудели. Стала падать посуда. Мы тут же кинулись на звуки, забыв о стычке.

Перед глазами предстала картина маслом. Какой-то разодетый придурок нашел себе приключения на одно место: вовсю махал кулаками с буйными гостями! В зале творился неопишуемый хаос: под брань переворачивались столы, по полу разлетались осколки и еда, кто-то бежал к выходу, кто-то — разнимать сцепившихся. Янко уже прилетело по лбу за попытку вмешаться.

— Что произошло? — остановила я бедного трактирщика.

— Из-за бабы сыр-бор, — процедил он и, держась за голову, поплелся на кухню.

— Какой еще бабы?! — Злата бросилась прямо в гущу событий.

— Стой, дура!

Но ее уже было не найти. Посетители, как тараканы, носились туда-сюда. Кто-то даже присоединился к потасовке, используя вместо щита поднос.

Я заметила неестественно бледного парнишу в сюртуке: он прописал громиле в челюсть и уже готов был отправить его в нокаут... Но случилось непредсказуемое. Кто-то в зале решил подложить свинью — использовать магию.

Мощным заклятием дамского заступника подкинуло в воздух, затем резко опустило на самый длинный стол и отправило в путешествие по нему! Вся еда летела на пол, одна часть ее оставалась на белой рубашке, другая — на лице и волосах. Весь в борще, компоте и сметане, он остановился и уж было хотел подняться... Но не тут-то было! Громила буквально приклеил его к столу и стал душить!

И тут до меня дошло — парниша этот... и есть наш завхоз! Тот самый, хреновод-любитель!

Понимая, что рискую, все же решила действовать. Спрятавшись за стойкой, я прицелилась к бугаю и прочла сильное боевое заклятье. Подействовало моментально: его оторвало от пола и, подкинув к потолку, завертело волчком. Под громогласный рев со столов поднялись уцелевшие тарелки и полетели в лица хулиганам. Как известно, Янко любит перчить борщ...

— Ай! Да будь ты проклят! — раздались вопли. Кому-то даже горчичная масочка попала... Упс!

Еще один «смельчак» ретировался сам, другого уложил новоиспеченный селянин. «Летчик» приземлился успешно — прямо в бочку, из которой хлынул квас. Блюда

продолжали наступать «голодных», а я тем временем решила ускользнуть. Сдались мне эти чаевые? Карма больше отсыпет — я, вон, беспомощного спасла!

Схватив накидку, помчалась к выходу. До двери оставались считанные шаги... Но справа вдруг что-то блеснуло, и в нескольких сантиметрах от моего носа в стену воткнулся нож. Крики стихли. В зале повисла тишина. И десятки глаз устремились на меня...

— Сбежать удумала? Вот уж не ожидал от тебя, Дина! Да вы весь трактир разгромили! — взревел Янко, выпрыгнув из-за стойки.

Где-то рядом громко ойкнула нашедшаяся Злата. Сердце забилося так быстро, что в ушах застучала кровь. А когда я встретилась взглядом с блондинчиком (и взгляд этот не предвещал ничего хорошего!), оно ухнуло в пятки!

— Да она заодно с этим индюком! — квакнули из бочки.

— Дезертирство! — поддержали, свесившись с люстры.

— Держи обоих! — дал клич трактирщик. — Пану нашему выдадим!

Вот это я попала!

Тем временем индюк понял, что вот-вот будет ошипан, и кинулся наутек, перескакивая поваленную мебель. Толпа тоже не осталась на месте. Побежала. С ревом.

На меня!

— Что встала?! — Меня за шиворот потащили на улицу.

Оказавшись во дворе, я заметила богато убранную карету: белую, с каким-то гербом сбоку и золотыми фигурами по периметру крыши. Птичка попала куда круче — не индюк явно! Вот только разве завхозы на каретах разъезжают?

Приблизившись к экипажу, мы столкнулись с новой проблемой: кучера не было на месте!

— Стефан?! — растерялся парень.

Меж тем разъяренная ватага догоняла нас, недвусмысленно размахивая кулаками. Больше ничего не говоря, меня поволокли напрямиком на козлы. Так уж и быть — не горю желанием разбираться с этим сборищем!

Вожжи ударили по лошадям. Послышалось громкое ржание, и мы тронулись. Да еще и как! С грохотом рухнуло ограждение, где-то под нами захрустела лавка, во все стороны полетели бочки, сено — да мы от любых препятствий избавлялись, просто снося их!

— Эй, кавалер! — попыталась докричаться до гонщика. — Ты хоть раз управлял каретой?!

— Лет десять назад. По пьяни. После этого зарекся! — выдал он чистосердечное признание.

— Господин! Стойте! — Помимо толпы за нами бежал кучер, придерживая расстегнутые штаны. — Я всего на минуточку отлучился!

— Минуточка могла стоить мне жизни! — Блондинчик только подстегнул лошадей.

Видя, что мы отрываемся, двое запрыгнули в телегу. Улица загудела: одни кричали, другие разбегались, третьи так вообще присоединялись к изгнанию будущего начальства! Переполошившиеся куры оказывали дополнительное сопротивление. В ушах свистел ветер, меня раскачивало из стороны в сторону, и я пыталась отбиться от назойливых птиц.

Тем временем в самой карете что-то подозрительно бахало и охало, приправляя свое бедственное положение отборным народным творчеством.

— Куда прешь?! С дороги! — пыхтел парниша, подпрыгивая на козлах. — А ты чего разоралась?! Клаксоном подрабатываешь?!

— За жизнь свою боюсь!

Словно в подтверждение моих слов, мы подскочили на кочке, и я чудом не вылетела под колеса. Держаться было не за что — вцепилась в него!

— Лучше покажи дорогу к будке завхоза! Иначе для чего я тебя взял?

— А я уж думала снова из благородных помыслов!

— Делать мне нечего! — усмехнулся самодовольно. — Сама ввязалась — будь полезной!

— Нашелся командир! — фыркнула я. — Хоть бы спасибо сказал!

— Это еще за что? — вскинулся он.

— За то, что спасла твой зад! Иначе светил бы им на всю округу!

Перебранка была прервана: над нами вдруг просвистели вилы. Спасло лишь то, что метнувший промазал!

— В объезд! Направо поворачивай! — засуетилась я и осторожно выглянула. Толпа поредела, кучера уж было не видать. Зато двое на телеге лихачили что есть мочи!

Метнув небольшой магический шар, я попала в цель. Управление было потеряно, и телега с ветерком отправилась в стог сена.

В поворот мы вписались в уже фирменном стиле, повалив фонарь. И вроде уходили мы хорошо... вот только по вмятинам в заборах легко можно было понять, куда.

— Налево! — указала на пролесок... и тут же пожалела!

Гонщик то ли на крыльях азарта, то ли из-за того, что его успели пристукнуть, стал маневрировать. Возможно, решил запутать следы, однако какой ценой! Грязь полетела во все стороны, в том числе на нас, ветки захлестали по лицу. Пару раз мы чуть ли не застряли между деревьев, а в конце я уж думала, что слетим в овраг! Некто в салоне думал так же, подвывая и проклиная гадину-Маруську и ее «новый способ кодирования».

На нужную дорогу мы выехали уже скоро. Ну как, выехали... Вылетели, скрипя колесами! Склады приближались с опасной скоростью, а мозги блондиночки до сих пор не встали на место: тормозов для него не существовало!

— Остановись! — запищала я.

— Я что, знаю как?! — заверещал он в ответ.

Дернув лошадей, он направил их вообще в другую сторону! Теперь летели мы прямо... в общественный сортир!

Я попыталась остановить тройку своей магией, но коням было хоть бы хны! Заговоренные они у него, что ли?!

— Ой, мама! — Я аж зажмурилась!

— Она тебе не поможет! Прыгай лучше!

Вожжи были отпущены. В следующую секунду мы с парнишей сиганули в разные стороны: я — в лужу, он — в сено. Карета же благополучно настигла свою цель, снеся ее напрочь. Доски с треском разлетелись повсюду (даже мне по лбу попало!), кони куда-то разбежались... И на поле боя остались лишь трое: я, столичный гость, зарывшийся с перепуга в сено, и Гоголь-Моголь. Со спущенными штанами, с открытым ртом и газеткой в руках.

Глазеющий на все это с того, что осталось от сортира.

Глава 6. Соседи по дому

Глава 6. Соседи по дому

Готи

Долго не раздумывая, я нырнул в то, что было под боком — в сено! Раздался грохот, кони заржали, рядом пискнула перепуганная рыжая девчонка... и наступила подозрительная тишина. В общем, покидать временное укрытие было опасно! Но, чувствуя, что задыхаюсь от не менее подозрительного запаха, я-таки выглянул из стога... и встретился взглядом с каким-то старичком. С лысиной на голове и спущенными до земли штанами. Свое главное хозяйство он прикрывал газеткой, глаза то на меня, то на рыжую. Та, кстати, хлюпала носом, сидя прямо в луже.

— Здрасьти... — прервал я щекотливую паузу. Щекотало что-то и мою щеку. Взглядом выцепил что-то коричневое прямо на пряди... и решил туда не смотреть. До лучших времен.

— Вы что, молодые люди?! Казенное имущество решили угробить?! — возмутился дед, грозно сдвинув брови.

— Помилуйте, любезнейший! — состроил я самое невинное лицо. — И мысли такой не было! Всего-то с управлением не справились... кони буйные...

— Да вы хоть знаете, что с такими у нас на колхозе делают?! — снова посыпались угрозы в нашу сторону. Только теперь дедок размахивал кулаком. Вместе с газеткой. Позабыв о том, что так усердно прятал.

Не выдержав, я так и прыснул со смеху. Еще и туалетными угрозами пугать меня вздумали!

Но в следующую секунду сердце мое ушло в пятки. Дедок, завидев обнаженные клыки, громко ойкнул и, схватившись за сердце, провалился вниз. В вонючую яму!

— Пан Василь! — Рыжая кинулась на место происшествия. — Не откачаем же!

— Умрет?! — охнул я, помчавшись за ней с зажатым носом.

— Это не самое страшное! — отмахнулась она. — Опять заснет — до зимы не растолкаем! Он же только вчера проснулся! Все селение с вилами сбежалось!

— А чем он им дорогу перешел?! — не сразу догадался я.

— Так это и есть наш завхоз! — Девчонка заглянула в яму, и бровью не поведя. — Давай Захара зови! Встал он!

Такое знакомство с начальством в мои планы не входило! А отправлять на тот свет я тем более никого не собирался! Ну, не такой я карьерист!

С радостью чухнув отсюда, я уже на повороте оглянулся. Девчонка была сегодня в ударе: вскинув руки, она каким-то заклятием вытащила дедка, успевшего с ног до головы поменять цвет. Вот только что-то пошло не так. И вместо того, чтобы аккуратно приземлиться, дедок полетел в тот же стог сена. Головой вниз. И торчал теперь оттуда ногами кверху. Благо, штаны во время полета вернулись на место.

— Ой! — подвела итог рыжая.

Я тоже чуть было не ойкнул — влетел в бегущего Захара. Запыхавшийся лекарь явился без приглашения. То ли на звуки, то ли...

— За аппаратом вашим бежал! — всплеснул он руками, имея в виду карету, отправившуюся восвояси.

Тут бегун резко замолчал, заметив торчащие ноги, и схватился за голову.

— Вы что наделали...

— Жить будет! — заверил я, и в подтверждение одна нога дернулась.

— Да клоун клыкастый потасовку в трактире затеял! — ответила на вопросительный взгляд девчонка, сдав меня с потрохами. Еще и новым прозвищем наградив! — Пришлось спасать его от особо буйных! А то совсем в нем не признали нового...

Договорить она не успела. Захар недоверчиво прищурился и склонился ко мне так близко, что пришлось отшатнуться. Видимо, бежал он за нами, спасая всех пуганных кур.

— А что, простите, не так с зубами парня?

— Вампир он! Вот Гоголь и свалился... — кивнула на дедка, смолчав о самом интересном.

— Так у Василя патологическая непереносимость всех клыкастых и ушастых!

Захар сломя голову бросился к завхозу и стал откапывать его.

— Василь! Дорогой наш! — начал трясти за плечи, вот только дедку хоть бы хны. Уже похрапывал, позабыв о тяжбах мирских. — Ну все! Спячка! — развел руками Захар, и завхоз нырнул обратно в стог. — Что ж ты, соколик, сразу-то не сказал... ой-ооой!

— Надо бы его спрятать... пока никто не увидел, — решила девчонка.

Захар огляделся по сторонам и, махнув рукой, кивнул:

— Бери, понесем.

Причем, относилось это не ко мне! Я как стоял истуканом, так и продолжил. Рыжая быстренько подхватила дедка под ноги, лекарь — под руки. И, бочком, эти двое направились прямо в мое временное жилище!

— Свободных коек нет! — крикнул я вслед.

— Туалет лучше чини! Он один на десять домов! — придумал мне занятие Захар.

Я подавил возмущенный вздох. Ишь, чего! Нашли мальчика на побегушках! Я его ломал, что ли?!

Возмущенно сопя, я поднял валявшуюся доску. Ну, как мне их приделать? В землю вкопать по всему периметру и сверху еще одну накинуть, мол, вот вам крыша?

Всадив в грязь первую, я понял, что план провальный. Она тут же покосилась, норвя меня прибить.

— Стой, окаянный! — послышалось откуда-то справа. — В сарай казенный он заваливается!

Кто-то чавкал по грязи, подвывая и крича:

— Точно что-то подлила мне! Ведьма!

Обернувшись, я застал странную картину: сухенького мужика, несущегося прямо на меня, и догоняющее его существо... Волосатое, грязное и, судя по лопате в руках, настроенное враждебно!

Мужик буквально вцепился мне в спину, спасаясь от чего-то лохматого и не совсем адекватного.

— Попался! — хрюкнуло нечто, размахивая оружием. Перед моим носом!

Понимая, что сейчас сбудется мечта деда (вправят мне мозги, и не только!), я выдал первое, что пришло в голову:

— Уважаемый! К вам деловое предложение!

Поросячьи глазки с ненавистью уставились на меня. Трясущийся сзади мужик дал деру — так, что пятки засверкали.

— Тут конфуз возник... Не поможете сортир починить? — кивнул я на покосившуюся

доску.

— Совсем рамсы уже попутали! Тьху на вас, вредителей! — рывкнули мне в ответ.

Наученный дедом, понял, чем честный пролетарий обижен. Лопата — тоже вполне неплохое средство атаки.

Покопавшись в карманах, я нашел банкноту. А стоило ее вытащить, как существо отказалось от своих принципов. Еще и хрюкнуло довольно:

— Будет сделано через час!

Пока те двое пытались разбудить деда и во дворе шла стройка (заросший говорящий поросенок уже принес молоток и гвозди), я решил не терять время и вернуть бедную карету.

Покружив немного, таки нашел следы от колес и вышел к транспорту, увязшему в грязи. Из белой карета стала черной, источая неопишутые ароматы. Так еще и вместо позолоты была украшена куриным пометом! Лошадей видно не было. Зато нашлись какие-то подростки, согласившиеся за вторую банкноту (а видели они ее впервые) дотолкать карету до дома.

Стоило остановиться во дворе, как колесо на моих глазах отпало. Карета предупреждающе скрипнула...

— А починить и отмыть сможете? — Порывшись в кармане, нащупал еще одну бумажку.

— Не вопрос! За день сделаем! — Мальчишка выхватил ее прямо из рук.

Разоренный коммерсантами местного разлива, я поплелся в дом. Из окна выглядывал обеспокоенный Тильбо. Стефана уж было не видать...

— Почти закончил, господин! — помахал мне молотком с крыши поросенок. Хоть один уважение проявил! Заслуживает чаевые.

Проковыляв в дом, я с удивлением обнаружил, что никого нет. Ну, никого бодрствующего. Дедок храпеть продолжал. На единственной койке! А девчонка с Захаром смылась...

Плюхнувшись на стул, я запустил пальцы в слипшиеся волосы и громко вздохнул. Черти что... Не-е-ет, я заставлю всех себя уважать! Чтоб дедами своими не разбрасывались и туалеты чинить не просили! Это где видано, чтоб господин Готи...

— Квасик нашелся... — Тильбо подвинул ко мне кружку.

Я отмахнулся. Устал... Просидев так еще немного, я стал постепенно раскисать. Тело становилось ватным, голова не варила... Да и сумерки спускались на землю. Я и не заметил, как отключился прямо за столом.

Вот только сон мой длился недолго. Посреди ночи я проснулся от трескучего звука... И сильного запаха гари.

— Кхе-кхе... — кашлял кто-то за моей спиной. — Опять не горят!

Я едва смог разлепить веки. От едкого серого дыма тут же заслезились глаза и защекотало в носу. Прерываясь на кашель, я что есть мочи завопил:

— Тильбо! Неси воду! Горим!

— Да не мы горим! — воспротивились за моей спиной. — И они — не горят!

Голос был мне не знаком — гнусавый, с акцентом... Не дедов точно!

— Кто, они? — Обернулся. И от страха чуть ли не опрокинул стол!

Горел портрет! Причем, горел изнутри! Само изображение никак не закоптилось, даже рама и стена вокруг оставались не тронуты.

— Не кто, а что. Рукописи! — вещал дядька с портрета. И вот из камина у него дымило

натурально!

— Вы... Вы... — стал заикаться я, нащупывая тросточку. Так, на случай самообороны. Но поблизости ее не оказалось!

— Гоголь, Николай Васильевич. Разве меня вам не представили? — обиделся дядька с немодным каре. Еще и бровь изогнул.

— П... представили! Только вы же... апчхи! Нарисованный!

— Но это ведь не мешает нам вести *questa conversazione*? — резонно заметил собеседник и одним взмахом потушил пламя позади себя. Наконец-то!

Я почувствовал к нему некоторое расположение.

— Бывали в Италии?

— Много лет там прожил... — с ностальгией улыбнулся Николай Васильевич. — Наверное, вам известно о красоте тех мест.

— Конечно! Не раз ездил, от нас это рукой подать! — Я даже расслабился. Ну, не с местными коммерсантами же мне беседы водить? И тем более не с рогатым поросенком!

— Признаться, редко встречал выходцев из Большой Валахии. Простите?..

— Марко. Можно просто Готи.

— Будем же дружны, Готи. Видите ли, беда в этих местах, — кивнул Гоголь за мою спину. Дым волшебным образом исчез, как и удушливый запах. — Племянник мой совсем от рук отбился. Ну, моголевская порода... Сами понимаете...

Дед так и лежал на кровати со сложенными на груди руками. Тильбо то ли исчез, то ли странным образом оглох.

— Надежда вся на вас.

— На меня?! — Аж поперхнулся. — Вот честно, на меня вообще не надо...

— А придется, голу-у-убчик, — усмехнулся Гоголь, и около его глаз появились складочки морщин. — Края ведь эти непростые... В них много богатств заложено.

— Золота? — оживился я.

— Есть вещи куда ценнее золота. Столько историй в этой земле, столько колдовства в ее недрах... Да и на поверхности немало. Жаль, пользуются ею неправильно.

— Ай! — отмахнулся я. — Не за магией я приехал! Меня, понимаете ли, завхозом сюда сослали! Чтоб в грядках копался, роды у Дуньки принимал и клозеты сколачивал! А я в родные кодры хочу! Чтоб ракия через край лилась, скрипка играла... чтоб жизнь как праздник была! — горячо разошелся я. — А не как пытка!

— Тш-ш-ш! — Гоголь приставил длинный палец к губам. За окном подозрительно быстро стало рассветать. — Петухов раньше времени поднимите! Вам разве жизнь дана, чтоб так бестолково ее прожигать? Вы только вдумайтесь: вам, Марко, скоро полвека исполнится. Да, по вампирским меркам — ничто, но за эти пятьдесят лет вы только и делали, что прикладывались к стакану, плясали под скрипку и гуляли с девицами! — возмутился моралист. — Ах, забыл! Еще и деньги спускали. Пачками за день!

— Имею право! — Я подошел к нему вплотную, уперев руки в бока. — Вам какое дело?!

— А такое, голубчик! — Нагнулся ко мне Гоголь и вдруг схватил за грудки. — Все ваши пра-пра... с того света возвращаться хотят! От возмущения! Может, вам предназначено благими делами заниматься... а не ставить свой род в дурное положение!

Громкий крик петуха заставил вздрогнуть. С перепугу я подскочил с места. В окно уже пробиралось неяркое солнце. Протерев глаза, огляделся. Дед дрых без изменений. Тильбо видно не было. Следов пожара в доме тоже не осталось.

— Почудится же... — Покосился на портрет.

Дядька, с виду спокойный и безмятежный, лишь еле заметно моргнул... и вдруг погрозил кулаком.

Глава 7. Черти что

Глава 7. Черти что

— Послали соседей, — фыркнул я, пытаюсь хоть что-нибудь разглядеть в мутном зеркале. — Один — старый хрыч... другой, — несмело покосился за спину, — творческий на всю голову! Еще и права качает. Тильбо!

Гоблин не откликнулся. Надо же...

— Ты что, в штанах запутался? — отшутился я, вспомнив, как Тильбо затягивал обновку до подбородка.

Сени пустовали. Не надев сюртук, я вышел во двор и наткнулся на... карету. Вроде как мою, белую, с позолоченным гербом... вот только мутировавшую. Все четыре колеса были разными: одно — от старенькой брички, два других — от телеги и лишь дальнейшее было родным. Вместо удобного сидения кучера прибили полусгнившую доску. В общем, на таком драндулете далеко не уедешь! Да и на ком? Лошади-то разбежались! Только вдалеке паслась одинокая коза, время от времени прерываясь на "Ме-е-е!".

Недалеко от восстановленного клозета вдруг зевнул стог сена. А после еще и икнул. Я с недоверием подошел ближе. Он вдруг обдал меня "амбре" не первой свежести, и из сена показалась заспанная морда Стефана.

— Господин...

Чуть дар речи не потерял!

— Воды-ы-ы, — сипло выдохнул кучер, и меня отнесло на пару метров назад.

— Ты где был, обормот?!

— Там... — ткнул он куда-то в сторону, а затем на рот: — Ы-ы-ы...

Я что, знаю, где тут воду брать? Вот что-что, а бражка в доме точно была!

Немудрено, что нашелся пузырек в столе.

— На, мне не жалко, — протянул Стефану.

Тот залпом опустошил склянку. Глаза сделались как две монеты, и кучер воскликнул:

— Ух, хорошо!

— Плохо! — отвесил ему затрещину. — Ты где пропадал, дурень?

— Так это... вы ж сами на козлы сели... и потом толпа за вами гналась... — бормотал Стефан, отряхивая с себя солому. — Я понял, что не догоню, а ко мне парочка мародеров прицепилась... ну и пришлось в один двор завернуть... А там, поймите правильно, дама была, одинокая... То есть, спасла меня! Правду говорю! Если б не она!.. — Аж за сердце, бедный, схватился. — Увидела, как меня хотели разорвать эти нелюди...

— По-моему, ты просто завалился к какой-то бабе со спущенными штанами на ночь глядя, погудел там до утра и кое-как доплелся назад! — отвесил ему еще одну порцию тумачков. — Идиот! Живо лошадей ищи! И чтоб глаза мои тебя без них не видели!

Трясаясь, как осиновый лист, Стефан кивнул, и через пару мгновений только пятки его сверкали. Рогатого поблизости не было. Даже козы след простыл.

Расхаживая в полном одиночестве по скрипящим половицам, я заглянул к завхозу. С виду — смертельно бледен. Наклонившись, прислушался к груди. Не пойму... Может, он все-таки... того?

Заметив в окне какое-то движение, обернулся. Аж вздрогнул! Честно, не привык с утра пораньше лицезреть оранжевое гнездо, да еще и с выпученными глазками!

Гнездо настырно постучало в окно, нагло заявив:

— Утро доброе, работничек!

— Кому как, — вздохнул я и отворил пыльную створку. — Гоблина не видела?

— А я разве не с ним сейчас говорю? — съязвила девица.

— Знаешь, мне не до шуток. — Я даже улыбнулся, но эта улыбка не предвещала ничего хорошего. — Надеюсь, пришла деда вашего забрать?

— Список дел тебе принесла. Василь еще перед прошлым "заспоем" составил. Ничего толком не сделал. Ну, сам поглядишь. — Оставив на подоконнике сверток, девчонка бодрым шагом отправилась восвояси.

Список развернулся сам собой. И ладно, если бы меня напугали только пункты "Истребить крыс в сарае", "Сбор навоза", "Вывести клопов из матрасов"...

Самым страшным было то, что список кончился аж у моих ног.

— Стой! — Я перемахнул через подоконник, волоча за собой сей приговор.

— Что, не справишься? — Рыжая с ухмылкой обернулась.

— Помоги мне! — взмолился я. — Как минимум, найти моего гоблина. А по-хорошему — разобраться со всем этим!

— С такими как ты водиться — себе дороже! — со знанием дела заявила девица, не сбавляя шаг.

— Я тебе заплачу! — предъявил весомый козырь. А что? На женщин работало безотказно! Хоть в карманах моих вот-вот загуляет ветер, такая девчонка вряд ли попросит много.

— А мне денег не надо! — Она гордо вскинула голову.

— Как это? — оторопел я. — Всем надо!

— Попробуй купить какую-нибудь дурочку и спихнуть на нее все свои обязанности, — ловко просчитала меня рыжая.

— Будь по-твоему! Давай сработаемся? Один я тут точно не справлюсь! — пошел на новую хитрость. — Что за это хочешь?

Девчонка вдруг остановилась. Развернувшись на каблуках (да-да, под мешковатым сарафаном цвета потоптанной травы она еще и сапоги на каблуке носила), немного пошевелила извилинами и решила:

— Ты же с паном Корнеем знаком? Проси у него оснащения академии книгами по колдовству и учебным инвентарем и словечко за меня замолви, мол, Дина Беленькая тебе помогала хозяйство организовывать...

— Школьница, что ли? — усмехнулся я, оглядывая курносое, нечесаное нечто.

Оно, кажется, обиделось, уперев руки в бока.

— Ааа! Институтка?

В ответ прилетела звонкая пощечина.

— Да не обижайся ты! — попятился я, потирая щеку. — В жизни знать не знал всей этой науки!

— Как же? — Меня одарили унижительной усмешкой. — Ты ведь опытный растениевод!

— Кто? Я?! — Ушам не поверил! — Опыт у меня явно не в том, о чем стоит всем рассказывать!

— Так я и думала... — окончательно разочаровалась во мне эта Беленькая.

— Значит, по рукам? Или не хочешь, чтоб за тебя словечко замолвили?

Я-таки добился своего! Девчонка с недовольной миной вырвала у меня список и без

приглашения направилась в мою временную обитель.

— И за что нам такое несчастье? — тяжело вздохнула.

Бросив укоризненный взгляд на паутину в сенях, она прошествовала в комнаты. Заглянула в гробоподобный шкаф, вытащила оттуда веник и всучила мне со словами:

— На, подметай!

Клянусь, хоть у сего приспособления и не было глаз, это не помешало нам с ним обменяться сочувствующими взглядами!

— Как?

— Руками. — Рыжая изобразила движение и продолжила копаться в шкафу.

Ну, была не была! Я как начал этими руками размахивать... Ух! Такие столпы пыли вверх полетели! Вмиг вокруг все серым стало! Рыжая аж закашлялась, кто-то сбоку чихнул (видимо, Гоголь), но я не останавливался! От души мел! Так, чтоб ни одна соринка на полу не залежалась!

— Дай сюда, умник! — Девчонка силой отняла веник. — Совсем невдомек, что мусор в совок собирают?!

Думал, она меня этой метелкой прямо здесь пристукнет! Но с улицы послышалось ржание, и за облачком пыли проявился лошадиный силуэт.

— Стефан! — Это, скорее, был крик о помощи!

Уносясь от взбешенной девчонки, я буквально выпрыгнул из дома и чуть было не угодил в аномальный стог сена, обладающий особой силой притяжения. Каково же было мое удивление, когда в повозке, запряженной тощей кобылкой, я увидел не кучера, а...

— Тильбо?!

Гоблин (а я даже усомнился, что это был мой слуга) спрыгнул на землю и ошаршил вопросом:

— Как вам мой наряд, господин?

Мало того, что на нем были не мои самодельные портки, а совершенно новые штаны, будто снятые с ребенка, Тильбо впервые в жизни облачился в рубашку! На ногах красовались увесистые ботинки. Венчала же этот модный шедевр выдавшая виды фуражка, съехавшая набок.

— Ты что... ограбил кого-то?! — Я позабыл о соломенной угрозе, уткнувшейся мне в спину. — А... телега откуда? И лошадь не моя!

— Да я на рассвете колодец искать пошел, стал воду набирать и чуть ли не провалился в него. Хвала небесам, рядом бабуля коз посла. За внучка какого-то меня приняла... — стушевался Тильбо.

— Бабка что, подслеповата была? Ты затылку свою в зеркало видел? Да и какой внучек будет вещать голосом старого прокуренного орка?

— Может, и была, — пожал плечами гоблин. — Да только душа добрая: медком угоститься предложила, крынку молока с собой дала и пирожков отсыпала. — Тильбо откинул белую простыню, которая все это время скрывала содержимое телеги.

— Еще и придела, и телегой внучка снарядила? — с сомнением покосился я.

— Не-е-е! — махнул рукой Тильбо. — Это по пути нашлось! У соседней одежда с бельем на улице сушилась, а еще чуть дальше телега стояла. А на лужайке, где бабка скотину выгуливала, я с самого начала бедную кобылку приметил! — Гоблин похлопал лошадь по выступающим ребрам. — Хозяину то ли животинка в обременение, то ли совсем загнал... а мы ее откормим! Животное лишним никогда не бывает!

Под впечатлением были все. Рыжая и вовсе передумала атаковать.
— Каков хозяин, такие и слуги... — подытожила она.
Ну, скучно ей с нами точно не будет!

Глава 8. Здравствуйте, я ваш завхоз!

Глава 8. Здравствуйте, я ваш завхоз!

Пробуя пирожки с мясом и запивая сие удовольствие молоком, я даже слегка расслабился. Недурно! Есть можно, жить, с оговорками, тоже... Гляди, погуляю еще! Найти бы только кровать... Да и где помыться в этой антисанитарии?

Устранением пыли и паутины занимался Тильбо. Девчонка что-то выискивала в столе. Стефан так и не вернулся — видимо, зашел на огонек к ночной подружке. Но мы и его к труду приобщим!

Я решил, что моего присутствия будет достаточно. Можно сказать, частично смирился с незавидным положением, умело делегировав полномочия. Как однажды сказал Тадеуш, если не можешь изменить обстоятельства — измени свое отношение к ним. Пройдет неделя, вторая... а там отправлю деду депешу. Как обычно, раскаюсь, буду молить о пощаде... а уж если ему захочется проверить, чем я тут занимался — пожалуйста! Результат моего позитивного влияния на эту глушь налицо!

— Эй! — крикнула из окна рыжая.

Я остановился. Даже не заметил, как в раздумьях намотал несколько кругов вокруг дома. В руке я так и держал надкушенный пирожок.

— Запомни, меня зовут Марко.

— Дело есть, — не стала церемониться она. — В списке нашлась куча людей, которым Василь что-то должен. Только имен половины различить невозможно. Вот пятак кому давать и на что — Бобчинскому или Добчинскому? Один в окна другому смотрит, а терпеть друг друга не могут! Крыша течет где? В кузне Вакулы или в бумажнице Брута? А по-моему и там, и там менять пора!

— А я тут причем? — искренне удивился. — Кто задолжал, тот пусть и отвечает. Нечего на меня спихивать!

— А при том, что теперь это — твои обязанности! Непонятно, когда он очнется и вообще, очнется ли... — вздохнула девка и перелезла через подоконник. — Поехали!

— Куда это? — Я шархнул от телеги.

— Ко всем, кто здесь указан! Заодно с народом познакомишься. А то плохо вчера вышло, мы с Захаром весь вечер отдувались! — Рыжая запрягла лошадь и уселась в телегу. — Ну? Чего замер?

Под этим грозным взглядом ноги сами по себе зашевелились.

— Ты палку не перегибай! С веником пошутили, и хватит! Приказывать она мне смеет! — Я всей душой сопротивлялся! Но каким-то образом оказался рядом. — Между прочим, я твой начальник! Мало того, я — потомок княжеского рода! Знаешь ли ты, кем был мой пра-пра-пра...

— Пошла! — перебила нахалка. — Уж коль помощи просил, не выпендривайся! Здесь свои порядки, не как в вашей чистенькой, мишурной столице!

Телега круто завернула — я чуть было не кувыркнулся. Девчонка, отъехав всего на пару метров, умудрилась собрать все кочки!

— Сюртук позабыли!

Тильбо запоздало выбежал во двор, но я лишь махнул ему пирожком на прощание. Какой тут сюртук? Не побили б за вчерашнее — уже знаком с местным темпераментом!

Развалюха быстро осталась позади. Проехав пустырь, мы замедлились у первой же хатки, во дворе которой тоже висело белье.

— Парашка!

На крик выбежала молоденькая барышня с перекинутым через плечо полотенцем.

— Утречка доброго, Дин! Только своего на подкормку проводила...

— А Василь случаем не обещал прибавку в птичник?

— Да уж ждем не дождемся! — кивнула девушка. Я вообще помалкивал сзади — пускай болтают, я мешать не буду... — Вспомнил, наконец, голубчик?

— А этим у нас теперь его помощник занимается, считай, наш новый завхоз. Марк, — извратили мое имя. — Василию здоровье поправить не мешает, вот ему замену и прислали!

Парашка перевела взгляд на меня и едва сдержала смех.

— Здравсьте... — кивнул я, даже не представляя, что вообще пообещали бедной бабе.

— Нам еще к остальным заехать надо, рада была повидаться! — Рыжая подхлестнула лошадь.

— Слушай, — затряс ее за плечо, — раз я завхоз, мне решать, что и кому здесь нужно! Давай вычеркнем все давние обещания? Мол, нерелевантно уже! Где мне этих кур найти? Небось она сама забыла, а ты взяла и напомнила!

— Тебе все равно заняться нечем, — и бровью не повела нахалка. — Да и реабилитироваться как-никак за разнос трактира надо.

Впереди показались два дома-близнеца, стоящих друг против друга. Только во дворе справа все было более-менее облагорожено: проложено подобие дорожек, деревца посажены. Слева же царил беспорядок, и двор представлял собой склад бочек и мешков. Звать никого не пришлось — из-под завалов появился неопрятный толстяк с краснющими кулаками. Точно боб фасолевый. Аж не по себе стало.

— Федор Ионыч! — махнула ему Дина.

Тот недобро покосился на нас и пробурчал:

— Что за разъезды с утра пораньше?

Я заметил, что справа приоткрылась створка окна и оттуда высунулось худое, лошадиное лицо.

— Да вот завхозу нашему помощника нашли, Марком звать. — Я уже еле держался! — Хотели узнать, вам пятак Василь обещал?

— Не ему, а мне! Опять все напутал! — запротестовала лошадиная морда.

— Мне, верно все! — Лысый сделал вид, что не услышал, а сам одним глазком глянул мне за спину. — То бишь на тачку новую, муку возить!

Дверь дома напротив открылась, и оттуда вылетел долговязый спорщик.

— Вы его не слушайте, то мне на рассадку! Только я в селении особый сорт огурцов выращиваю, экспериментальный! — твердил он с видом знатока.

— Слышь, ты, — у лысого лопнул пузырь терпения. — Страх потерял?

— Это ты врешь и не краснеешь!

— Молодые... эээ... люди... — В их случае прозвучало как комплимент! — Давайте решим вопрос мирно! — Я аккуратненько сполз с телеги, предчувствуя исход.

— Все себе тащишь! — Лысый закатал рукава, оголив грубые ручища. — Еще и на мою Дуняшу заглядываешься!

— Это ты у меня горшки воруеть! — парировал долговязый. — А на честного человека клеветать не смей!

— Думал, я не прознаю, что ты в окно подглядываешь, когда она переодевается? А, морда ты лупоглазая?! — Занеся кулак над головой, толстяк с ревом понесся на соседа.

— Бобчинский с Добчинским дерутся! — заверещал кто-то.

Я оказался меж двух огней. На помощь никто не спешил, а на меня стремительно летела разъяренная туша. Под рукой не было ничего, кроме... недоеденного пирожка. Ну, жалко было выкинуть!

В следующее мгновение я впихнул его в разинутый рот мужика. Тот остановился в шаге от меня, не понимая, что зажато меж зубами.

— Ты фо, хусь лапфатый?! — Он с трудом выплюнул пирожок, который тут же прилетел в лицо соседу. — Ты что мне в рот суешь?!

Не успел я и глазом моргнуть, как меня схватили за шиворот и толкнули обратно в телегу. Приземлившись с удивительной точностью прямо в центр, я вцепился в борты и зашипел:

— Что глазами хлопаешь?! Трогай!

— Некуда!

Тут я заметил, что с других домов к нам сбегались все, кому не лень! Дети, бабы с коромыслом, несколько парней, по пути запрыгивающих в сапоги...

— Ишь, в рот он мне пихает! Тоже батогов захотел?! — взревел боб на ножках, замахиваясь на меня.

— Мама мия... — только и успел сказать я.

— Уже открыто в лицо плюет! Дьявол!

В считанные секунды толстяк был остановлен лошадиной мордой. Да как оригинально! Долговязый, превосходя в росте, но никак не в массе, каким-то чудным образом запрыгнул на него сзади и впился зубищами в плечо. Лысый, не ожидая, так и повалился в грязь. Перекатившись и прижав пузом (по-другому не назовешь!) противника, он стал тузить его без пошады.

— Феденька-а-а-а! — Из дома толстяка прямо в исподнем выбежала женщина.

— Федор Ионыч! Кондратий Афанасич! — опомнилась рыжая, соскочив с телеги.

— Мой пятак! — орал Кондратий. Ловко извернувшись, он оказался поперек толстяка. Хвать его за ногу, да ка-а-ак сжал зубы!

— Моя Дуня-я-яша-а-а-а! — взвыл противник.

В мягкое место мне вдруг что-то уперлось.

— Твоя! Не нужен мне никто, Феденька-а-а! — вмешалась в дуэт та самая Дуняша, молотя толстенной косой без разбору то одного, то другого.

Как говорится, *cherchez la femme*... Хотя, по-моему, я шерше кое-что другое. Кое-что понужнее!

— Кто первый остановится, тому дам не медный пятак, а золотой! — вскочил я, размахивая завалывшейся монетой. Какая привычка полезная — деньги в карманах забывать!

Все, от мала до велика, уставились на меня. Крепкие объятия толстого и тонкого, больше напоминавшие не драку, а нечто другое, расцепились.

— Я первый! — подбежал ко мне запыхавшийся Кондратий.

— Еще чего! Ты меня башмаком пнул, когда вставал! — снова замахал кулаками раскрасневшийся толстяк.

— А ну! Цыц! — Я поднял монету над их головами. Дуняша и вовсе дышать перестала, глядя, как поблескивает золотишко. — Оба хороши. Первый и последний раз вам

предупреждение! Чтоб больше такого не было у меня тут! — вошел я в роль. — Поделите как-нибудь между собой.

Монета приземлилась аккурат в дрожащую руку Добчинского.

— Делить сказано! — вырвал ее Бобчинский, решив попробовать на зуб.

— Дай сюда, дурень! — забрал монету долговязый и попытался сломать ее руками.

Бабы с "задних рядов" смотрели так, что аж вода из ведер выливалась. Управа на народ найдена! Главное, чтоб этот золотой не был последним...

— Уходим, — взяв под руку девку, усадил ее в телегу. — Они тут еще долго возиться будут.

— Нашелся делач! — хмыкнула она, но с места мы тронулись.

— Может, к Вакуле пойдем, он поделит? — донесся до меня вопрос толстяка.

— Нет, он еще и себе затребует, за работу! — не терял надежды долговязый.

— А вот нам к Вакуле не помешало бы заехать, — сказала Дина, вновь куда-то заворачивая.

Минут через десять телега остановилась около небольшой каменной постройки. Из приоткрытой двери слышались тяжелые удары по металлу.

— Еремей! — первой в кузницу заглянула рыжая. Я топтался сзади. Надо бы таксистку развернуть после Вакулы, полно на сегодня добрых дел!

От горна внутри стояла ужасная духота. В середине, за наковальней, гремел молотом настоящий великан. Под рубахой перекачивались рельефные мышцы. Спина громилы в ширину запросто могла вместить двоих, как я. Кучерявые волосы взъерошились, со лба стекал пот. Лицо и руки были черными от сажи.

— О, Динка! — встрепенулся мужик. — Прости, не заметил сразу. Подковы срочно на замену понадобились...

— Да мы ненадолго, — заверила она. — Мы с новым помощником завхоза, Марком, познакомиться пришли...

Я будто набрал в рот воды, потому активно закивал. Такой, если осерчает, кулаком в лепешку превратит. С первого попадания!

— И узнать, тебе Василь крышу обещал починить?

— Давным-давно уже сам сделал, — мотнул головой громила и задумчиво потербил длиннющую бороду. Боюсь представить, кто в ней водился... — А вот что он мне точно обещал, так это наладить торговлю с городом. Работы у меня всегда край непочатый, а денег мало... — Тут он оценивающе посмотрел на мои брюки.

— Ере-е-ема! — с улицы послышался мелодичный голосок.

Дверь вновь приоткрылась, и на пороге показалась прекраснейшая особа. До чего же хороша была, чертовка! Крепко сбитые бедра, иссиня-черные локоны, спадающие на пышные груди и осиную талию... А глаза — две блестящих льдинки. Губки алые, щечки розовые...

— Ой, у тебя гости? — смутилась она, встретившись со мной взглядом.

М-да, зарекся я после одного случая с чьими-то женами связываться! Однажды муженек очередной дамы умудрился залезть ко мне в окно ночью. Проснулся я от того, что что-то уперлось между ног. До сих пор страшно думать, что было бы, если бы ружье не дало осечку...

— Дина помощника Василя привела... — Кузнец угрожающе сдвинул брови.

— Марко, — кивнул я с вежливой улыбкой. — Позвольте узнать ваше имя?

— Инга... — улыбнулась в ответ красotka, сложив руки под аппетитными формами.

Рядом со мной вдруг что-то хрустнуло. Повернув голову, вздрогнул — в стол впилося лезвие топора.

— Давно хотел его туда переложить. Силы не рассчитал, — потирая костяшки пальцев, объяснился Вакула. Для приличия.

Намек ясен. А жаль. Женщин я повидал много. Жена кузнеца могла составить конкуренцию лишь парочке из высшего света.

Тем временем кто-то недовольно сопел у моего уха.

— Нам пора, — процедила сквозь зубы Дина. — Еще к Бруту надо заехать.

Не говоря больше ни слова, рыжая бесцеремонно вытолкала меня во двор. Мне даже показалось, что ей стало... обидно? С чего бы? Как будто это в нее топором промахнулись!

Напоследок я обернулся. Как я и думал, провожали меня задорные глазки! Ох, чую, они еще доставят проблем...

Архив некоего Брута располагался на соседней улице. С виду это было полуразвалившееся деревянное здание с хлипкой дверкой, державшейся на соплях. Окна оказались плотно занавешены изнутри, и я даже усомнился, что архивист на месте.

Телега остановилась так резко, что я впечатался в рыжую.

— Черт! Неужто с колесом беда... — Девчонка, спрыгнув на землю, принялась осматривать драндулет со всех сторон.

— А как еще может быть с вашими дорогами... — фыркнул я. — Прямо знак свьше, что с разъездами пора заканчивать!

Рыжая, видимо, тоже поняла, что архив пустует, и никуда не спешила. Я решил не сидеть на месте и размять ноги. Мне показалось, что в одном окне дернулась занавеска — будто кто-то подошел к нему. Загляну-ка туда.

Начав продираться сквозь заросли, я вдруг нащупал языком что-то твердое за клыком. Вот же ж! Мясо, что ли? А я еще этой Инге улыбался!

Добравшись до окна, я уж позабыл, зачем шел. Стекло послужило заменой зеркала, которое я, между прочим, всегда носил с собой в сюртуке. Предварительно поплевав на ладони, я широко открыл рот и преспокойно принялся выковыривать застрявший кусочек. Позор! И как красotka только не засмеялась?

Вдруг кто-то постучал по моему плечу. Я обернулся, ожидая увидеть рыжую...

— Изыди, ирод! — Меня обсыпали солью. Еще и чеснок в ноздрю умудрились просунуть! — Накося, получи!

Даже не знал, за что хвататься! То ли за задергавшийся нос, то ли за щиплющие глаза. Нет, я люблю чеснок! А какой соус из него к свиной рульке подавали в доме деда! Но кто ж зубчик в ноздри сует? Что за доисторические методы лечения насморка?!

Оглушительно чихнув, протер слезящиеся глаза. Благо, в них попало не много.

Тем временем сухенький мужичок, стоявший напротив, занес надо мной толстенную книгу...

— Дядь Фома! — раздался голос рыжей. — Вы зачем это?

— Динка! — Дедок отскочил, как ошпаренный. — Ты супостата привела?!

— Так это ж завхоза помощник новый. Разве вам Захар не говорил?

— Захар? Нет... — Фома опустил книгу. — А чегой-то он мне в окно зубы скалит?!

— Мясо застряло! — показал я на рот.

— Ага! Успел когось сожрать! — Мужичок снова замахнулся.

— Да чтоб вы знали, уже мой прадед кровь не пил! — оскорбился я. — И вообще, нынче мода такая — никого не есть!

Потерев жиденькие усишки, он воровато огляделся и протянул руку:

— Брут, Фома Хомич.

— Марко Готи. — Хоть один коверкать мое имя не будет! — Позвольте спросить, а чем это вы меня обезвредить пытались?

— Да вот, почитываю Гоголя время от времени... — Фома протянул мне увесистый томик. — Там еще в "Вие" папка мой покойный упоминается. Правда, не помирал он, а пропал из селения на два года и бурсу так и не закончил. Запойный был...

Специфический мужичок. Вот вроде трясется, как заяц, а глаза хитрющие, как у лисы. Еще и смешно окает. На груди носит какой-то самодельный кулон, от которого разит чесноком. Так сказать, все средства самообороны при себе!

— А вы чего закрылись от всех? — поинтересовалась рыжая.

— Дык выходной в кои-то веки решил устроить! А то ж каждый день бумаги сижу перебираю. Недавно еще и крыша протекла, так половину пришлось переписывать! Хорошо, я всех до десятого колена наизусть знаю. А то б случились и с нами мертвые души...

— Значит, вам Василь ремонт обещал, — кивнула Дина.

— И не токмо! Чернила заканчиваются, бумаги тоже кот наплакал... Откуда мне это добро брать? По закону подлости, еще начнут тут рождаться и помирать, и куда я их запишу? — Мужик поднял фиолетовый от чернил палец.

— Вот Марко этим и займется. Решит проблемы за считанные дни! — обрадовала меня девчонка.

— Премного благодарен! — Брут отчаянно затряс мою руку. — А вы откуда сам будете, пан начальник?

— Издалека. — Кое-как вырвавшись, я поспешил к телеге, пока на меня не повесили еще сто дел сверху. — Пора ехать, Дина!

На мои уговоры вернуться труженице и патриотке было плевать. Повозив меня еще пару часиков туда-сюда, она-таки добилась своего. Вся Чертова заводь знала меня! И желала что-нибудь да получить! В карман, на развитие родины... Неважно! Мы даже заехали на подкормку сада. Взгляды мужиков были очень красноречивы. Благо, никто, кроме кузнеца, не мог похвастаться хорошенькой женой.

Какая-то Солоха, дама корпулентная и излишне гостеприимная, все спрашивала, женат ли я. Язык чесался сказать "да". Ну, даже для меня это было слишком... масштабно!

— Поговаривают, к ней сторож по ночам заглядывает... — шепнула мне Дина.

— Это который рогатый? — не поверил я ушам.

— Ага. Черт!

Ну и деревенька! Голова моя раскалывалась от всего этого трепа. Мало того, что я уже должен был найти где-то тридцать лопат и разобраться с птичником, кто-то особо умный вспомнил, что завхоз обещал привезти мешки разных семян на будущую рассадку. Откуда? Знать не знают!

— А не поехать бы нам в трактир? — с мольбой в глазах спросил я. Живот и правда урчал.

— Ладно, достаточно на сегодня, — сжалились надо мной. — Я тоже проголодалась.

То, что мы едем в тот самый злополучный трактир, я понял по покосившимся фонарям

и отсутствию части забора. Другого, по-видимому, здесь не было. Вроде бы дважды за одно и то же не судят?..

Трактирщик встретил нас далеко не радушно. И если к Дине были еще более-менее лояльны, то в отношении меня взгляд говорил: "Не заплатишь и не оставишь сверху чаевые — станешь новым блюдом".

Проблема была в том, что я поздно вспомнил: денег с собой нет. Золотой ушел, что-то осталось в сюртуке...

— У тебя с собой случайно лишнего пятака нет? — решил зайти я издалека.

Мы расположились у стены, неподалеку от музыкантов. Сегодня тут грустно пикикали две скрипки. Плач их время от времени разбавлял аккордеон. Эх, не то, что у нас...

Рыжая недовольно вздернула брови.

— Учти, долг платежом красен, — согласилась с зубовным скрежетом.

— Я мало ем! — заверил ее.

Хотя, когда нам принесли тарелку крылышек, солений и те самые вареники с разными начинками — от мака до картошки и куриной печени, — я понял: не наемся! Уплетал за обе щеки, потому что не ел нормально вот уже несколько дней. Может, голубцы еще попробовать?

— Слушай... — Я потягивал уже второй стакан компота. Дина недовольно зыркала, не поспевая за моим аппетитом. — А Инга эта... жена Вакулы, сама местная?

Зеленые глаза потемнели. Рыжая даже жевать перестала.

— Просто я уже где-то слышал это имя... — поспешил оправдаться.

— Не совсем. Родители ее из Трансильвании переехали, как только Инга родилась, — выдержав паузу, Дина озлобилась: — Ты зачем о ней выведываешь? Занята баба!

— А никто ее свободной делать не собирается! — сказал, чтоб снять с себя подозрение, а в душе ой как обрадовался. По глазам все понял! Считай, землячка!

Тут двери скрипнули, и на пороге появились две женщины. Каково же было мое удивление, когда я встретился взглядом с...

— Явилась, не запылилась. — Дина сжала в руке кость.

— Да что ж тебе нейметя? — спросил я, возвращаясь к еде. Хотя сам продолжил краем глаза наблюдать за подругами.

Рыжая промолчала. В голове против моей воли начала созревать кое-какая авантюра... Есть у меня один способ поднять всем настроение. Даже трактирщик кислый, как лимон!

Свистом подозвал музыкантов.

— Уважаемые, а можете с чувством сыграть? Чтоб в пляс пуститься хотелось!

Троица неуверенно переглянулась.

— Цыганское, что ль?

— Можно и цыганское! — потер руки я.

Глава 9. Дымок к костру приведет

Глава 9. Дымок к костру приведет

— Ты что творишь?! — Куриная кость норовила прилететь в лоб мне, а не Инге.

— Приглашаю тебя на танец! — схитрил я.

Скрипачи, переглянувшись, решили начать с протяжных нот. Они словно призывали всех оторвать взгляды от столов и вслушаться в пронзительное откровение. Скрипка задала тон приближающемуся вечеру. Яркий, головокружительный, страстный...

— Меня? — Дина поспешила вытереть руки.

Трактирщик перестал начищать стаканы. Гости, один за другим, заинтересованно поднимали глаза и перешептывались. Леди заискивающе посматривали на джентльменов (коих здесь было по пальцам перечесть). Я заметил, как дернулись уголки губ Инги.

Скрипки стали ускоряться. Вот-вот должен был присоединиться аккордеон. Выбежавший из кухни парниша додумался постукивать деревянными ложками в такт музыке.

— Тебя, тебя!

Не выжидая больше ни секунды, я встал и, рывком подняв рыжую, потянул ее в центр.

— А чем мы хуже?! — хлопнул в ладоши трактирщик.

Подскочили все. Особо ушлые барышни вмиг урвали себе кавалеров. Остальные же образовали круг, замкнув несколько пар танцующих.

Рыжая не успевала за моими ногами. Несмотря на то, что у нее была удачная комплекция, пластичностью она не отличалась. Создалось впечатление, что девку в жизни на танец не приглашали!

— Ну же! Шаг, еще... Руку откинь! — нашептывал ей, а сам наблюдал за Ингой. Легкая тень огорчения легла на лицо красы. Но-но, дорогая! Рано печалиться!

Музыканты затихли, и повар выдал сольную партию на ложках. Получилось очень хорошо! Скрипки зазвучали куда яростнее, аккордеон ничуть не отставал...

Я резко притянул к себе рыжую — от неожиданности она вскрикнула. Не отставая ни на миг от музыки, я взял девчонку за локоть и закружился. Ах, еще лет десять назад мы с Тадеушом (тогда стройным и привлекательным) каждый день баловались жоком! Какие времена были!

Казалось бы, куда еще быстрее? Но скрипачи вошли во вкус и разыгрались так, что голова с непривычки могла пойти кругом!

Дина уже отдышаться не могла. Расцепив руки, я толкнул ее в круг и притянул к себе Ингу. Она словно ждала все это время.

— Вы еще и танцуете? — рассмеялась жена кузнеца.

Где-то сзади крякнула рыжая, похоже, сбив кого-то с ног.

— Отчего ж не танцевать? — крутанул я чертовку. — Прекрасно двигаетесь!

— Куда мне до вас, господин завхоз! — подмигнула Инга, беря меня за руку.

Нам досталась самая быстрая часть из всех возможных. Какое это было сумасшествие! Как она двигала бедрами, как кружилась... В пылу танца я только и делал, что гадал, на кой черт ей кузнец. С таким жгучим темпераментом Инге нужен не он! Рука сама скользнула вниз по талии...

Краем глаза заметил, что дверь открылась. Инга и бровью не повела — ее захватил наш

танец. Я не сразу понял, почему Дина со всей дури кинулась на меня, буквально отбив у Инги. Хоровод закружился быстрее, музыканты даже не думали заканчивать...

Круг вдруг яростно раздвинули. Дина отчаянно повисла на моей шее. Увидев проступившую звериную фигуру, я закружился с ней как ни в чем не бывало.

Вакула громко свистнул.

— Ша!

Музыка прервалась. Инга к тому моменту оказалась в противоположной стороне.

— Праздник сегодня какой-то? — насупился кузнец и тут же обратился к жене. — А ты что здесь делаешь?

— А я... я... — Из-за сбившегося дыхания Инга даже говорить не могла. — С Аленкой шла... а тут... — Она ткнула в кого-то за моей спиной.

Суровым взглядом Вакула чуть ли не прожег во мне дыру. Я сильнее обнял рыжую. То ли от страха, то ли чтоб правдоподобнее было!

— Домой пора! — сказал муж тоном, не терпящим возражений.

Подобрав полы юбки, Инга пулей вылетела из трактира. Кузнец поспешил за ней.

— А давайте что-нибудь помедленнее? Так сказать, напоследок! — крикнул я квартету, решив понизить градус напряжения. — Аплодисменты талантам!

Трактир взорвался овациями. Парни, раскланявшись, взялись за размеренную музыку.

Внезапно Дина оттолкнула меня и почти бегом устремилась к выходу.

— Ты куда? — попытался преградить ей путь.

— Ах, извини! Забыла! — Пошарив в мешочке на поясе, она вложила мне в руку несколько монет.

— Я не это имел в виду!

Толкнув дверь, девушка вышла на улицу и зашагала по дороге.

— Да стой! — схватил ее за руку. — Ты ведь была так голодна?

— Расхотелось. Телега твоя, лошадь тоже. Как-нибудь доберешься! — вырвавшись, Дина побежала.

— Ты оставляешь меня одного?! — Я даже растерялся! — Но... я здесь не ориентируюсь!

— Пускай кто-то другой поможет! — крикнула, не оборачиваясь.

Постояв еще немного в задумчивости, я вернулся в трактир. Несколько барышень решили построить мне глазки, танцуя неподалеку от стола. Но я лишь мотнул головой.

Допив компот, оставил все, что мне дала рыжая, и сел в телегу. Делать было нечего... Оранжевое солнце уже начало клониться к горизонту.

— Пошла... — лениво сказал тощей кобылке. Послушалась с третьего раза.

Хорошо, что покошенные фонари и заборы за ночь никто не подравнял! Да и следы крутых поворотов остались на земле. С горем пополам я выехал на нужную дорогу. Один раз чуть ли не свернул в чащу, но вовремя опомнился.

И вот я снова стоял перед маленькой развалюшкой. Поблизости не было ни души, только ворон сел на крышу клозета, хлопая крыльями. На землю спускались первые сумерки. В низине то тут, то там неярко вспыхивали окошки домов.

Интересно, а где Тильбо?

Я уже подошел к двери и хотел постучать, но тут в мое горло уперлось что-то острое... и блестящее.

— Вечер добрый, барин.

Дина

Пыхтя от злости и раздражения, я семимильными шагами приближалась к общежитию. Небольшая постройка располагалась почти вплоты к нашей академии, близко к чаше. Если приходилось припоздниться, идти назад было страшновато даже в чьей-то компании. Но все неудобства — табун мышей, бродящий от комнаты к комнате, тесноту, шумных соседей — оставалось лишь терпеть. Не возвращаться же на хутор, где два дома друг на друга смотрят?

— Ловелас! Непроходимый болван! — не стеснялась я. Еще и камешек, попавшийся под ноги, ка-а-ак пнула!

— Динка! — окрикнули меня сзади.

Послышался приближающийся топот копыт. Я обернулась. Захар?

— А ну! — Лекарь остановил повозку, поравнявшись со мной. — Запрыгивай!

— Я думала, вы давно у себя...

— Дело одно у нас с тобой осталось, — он указал за спину.

Обернувшись, увидела бугор, закиданный мешковиной. Приподняв ткань, аж подпрыгнула на месте. Под ней лежал Гоголь-Моголь, побелевший как мел.

— А вы уверены, что он... не окочурился?

— Вот если бы наша медицина стояла на месте, его б давно землей засыпали, как дядюшку! — хохотнул Захар и подстегнул лошадь. — Но нет, прогресс! Жить будет. Правда, очнется в лучшем случае к заморозкам...

— Это что, дурака заезжего так долго терпеть придется? — надулась я.

— А он уже натворить что-то успел? — усмехнулся Захар. — Гоблин его сказал, что господин с рыжей девушкой по делам еще утром уехал.

— Бездарь он! Не умеет ничего! А уж о растениеводстве и подавно не слышал... — я только вздохнула.

— Ты поэтому камнями раскидалась? — как бы невзначай поинтересовался лекарь.

Я демонстративно молчала. Давалось тяжело. Изо всех сил продержавшись минуту, выпалила:

— Неблагодарный! Да я его возила целый день, чтоб селение посмотрел, с людьми познакомился! Потом в трактире накормила — денег у этого лопуха не оказалось! А он давай за женой кузнеца гоняться, танцевать с ней...

— То-то Вакула смурной ходит! Видел я его сейчас, а вертихвостка эта, Инга, в слезах рядом шла!

— А он мне даже спасибо не сказал! Потанцевать со мной нормально не смог — швырял то в одну сторону, то в другую! Опозорил перед всеми!

— Ну-ну, Динка... — Рука Захара легла мне на плечо.

— Да я ж к нему по-человечески! А он... ходит, собой красуется! — смахнула непрошеную слезу.

— Так это ж нелюдь клыкастая! Ты не переживай, мы барину еще покажем... — лекарь заговорщически подмигнул.

Эх, хорошо, что в селении был хотя бы один человек, который мог меня выслушать, и относился ко мне снисходительно, без примеси всяких сплетен...

Готи

Вот уж не ожидал! Неужто Вакула так скор на расправу? Да ведь не пойман — не вор!

Не успел я пошевелиться, как меня развернули и прижали к двери. Нож никуда не делся. Я увидел перед собой смуглое лицо с темными, словно две пропасти, глазами. В зловонном

рте поблескивали золотые зубы. О цыганах я слышал — они иногда выступали в заведениях потехи ради, но в основном на них всегда спихивали "черную" работу. Сами обычно водились на окраинах, оставляя о себе незавидную славу.

— Чего тебе?! — не стал чиниться, оглядываясь по сторонам. Где этот глупый гоблин?! Разве не слышит возню за дверью?!

— Ты, барин, совсем страх потерял. Думаешь, все тебе дозволено? — Презрительно сплюнув, цыган опустил нож к сердцу. Разглядел клыки, чертяка!

— Не понимаю, о чем речь! — заметив копошение у кареты, я закричал: — Ти-и-ильбо-о-о!

Рот мне тут же зажали.

— Кобылу зачем нашу увел? Своей нет?

Думал уже укусить, да только истинный похититель лошадей решил объявиться эффектно: запрыгнул на спину цыгану и попытался его придушить.

Воспользовавшись заминкой, я помчался к дороге. Пускай сами разбираются! Но Тильбо, пинком отброшенный, опередил меня и кубарем покатился по пустырю. Я обернулся — нас уже догонял другой, маленький и кучерявый. Предводитель с сияющей улыбкой завалился в дом.

— Мои вещи! — взвыл я, не в силах смотреть на этот разбой. — Люди добрые! Бьют! Воруют! — закричал что есть мочи.

Одним толчком меня повалили на землю. Я беспорядочно замахал руками, однако цыган оказался шустрее и окунул меня лицом в грязь, крепко-накрепко вцепившись в спину.

— Фух, мать честная! Думал, никогда забор не пройдет... — донеслось со стороны клозета. — Это шо за беспорядок?

Зловонные комки налипли на глаза, но я разглядел рогатую фигуру с газеткой.

— Любезный! Помоги-и-и! — заверещал я и мог быть снова по уши в жиже, если бы не Тильбо — он с ревом кинулся на недоброжелателя.

— Ах вы душегубы! Да я вам такую кузькину мать покажу! — объявил черт и оглушительно засвистел.

Вмиг газетенка сменилась лопатой, а с неба, вопреки всем законам природы, стали срывать первые звезды. Причем, приближались они с такой скоростью, что я только и успевал отскакивать, как горный козел! Тильбо заполз под телегу, дрожа, как осиновый лист.

— Мне место оставь! — взвыл я, прыгая к нему.

Звезды все не кончались. Белые, желтые, они с грохотом разбивались оземь на множество блестящих частиц. Несколько цыган забралось в мою карету, успев запрячь ее кобылой, за одним черт самолично гонялся с лопатой, размахивая ею, как флагом.

— Так тебе, собака! Еще раз нос сюда сунешь!

Я наконец добрался в укрытие. В этот момент из дома с воплями выбежал главарь. За ним шагал по пятам... Гоголь! Клянусь, тот самый дядька, с которым я вел беседы ночью! Только куда бледнее и прозрачнее, чем на портрете! Вперед он выставил заостренное на кончике гусиное перо.

— Трогай! — заорал цыган, запрыгивая на запятки.

Карета помчалась. Не забыв захватить последнего, скрючившегося с перепугу в грязи, налетчики скрылись в сумеречной синеве.

— А-а-а, пан Никола... Давно мы с вами не здоровались! — добродушно сказал черт.

Я повернул голову — рядом с рогатым уже никого не было. Не веря своим глазам, я

вылез из-под телеги, осматривая ямы повсюду. Еще одна дыра красовалась прямо в крыше развалюхи...

— Ну, чем-то приходится жертвовать, — философски заметил черт, взгромоздив лопату на плечо. — Хорошо еще, что месяц не пришлось стаскивать. А то если в сентябре мы не досчитаемся полнолуния, пани Солоха не сможет провести ритуал.

— Какой ритуал? — опомнился я.

Но черта и след простыл. Я испуганно огляделся. Да не могло ж мне все это привидеться?! И почему никто не бежит на звуки? Такой звездопад все селение должно было слышать!

— Куда он делся? — спросил у Тильбо.

— Не знаю, — пожал плечами гоблин. — Моргнул — и нет уже... Молочко будете?

Придя наконец в себя, зашел в дом. Все мои вещи, чемоданы лежали на месте. Гоголь по-прежнему был нарисован — ни намек на то, что оживал! Случайно заглянув в проем, я увидел, что деда больше нет... В смысле, забрали его! Вроде, цыган с пустыми руками выбегал...

— А-а-а! — вспомнил Тильбо. — Мужичок буквально перед вашим возвращением заезжал. Забрал его. Я вам уже чистенькое постелил...

Сев на кровать, я схватился за голову. Ни тебе Стефана, ни лошадей, ни кареты... Зато неведомая сила творит дела направо и налево! Спасибо, живым оставили... Да только как теперь уснуть?!

Глава 10. Очумелые ручки

Глава 10. Очумелые ручки

Петух горланил, не жалея связок. Я даже не сразу понял, что за тревога. Пожар? Боевой клич?

Вздвогнув, поднял голову и увидел виновника моего недосыпа на письменном столе! Он, хлопая крыльями, продолжил сотрясать воздух.

— Да стой же ты, гадость пернатая! — бежал из сеней Тильбо с тряпкой в руке. — Ох, господин... — стушевался, заметив меня.

Виновник суматохи, воспользовавшись заминкой, перелетел на пол и... бросился в мою сторону! Я вовремя отскочил вместе с одеялом — рехнувшаяся птичка клюнула прямо в подушку! Останавливаться она не собиралась — это я понял по ненависти, горящей в глазах-бусинках!

— Убери его от меня! — заверещал, накрываясь с головой и ныряя в дверной проем.

Мне вдруг прилетело полотенцем по заднице — гад, видно, уже наступал меня!

— Промахнулся! — вознегодовал гоблин, не поспевающий за нами.

Дав кружок вокруг стола, я кинулся ко входной двери. Хитрец — к окну. Заплетаясь в одеяле, решил скинуть его прямо на противника. Птичка застыла буквально в нескольких шагах.

— Кысь-кысь... — поманил пальцем. — Тьфу! Сюда иди, мерзавец!

Выставив одеяло, как красную тряпку, думал зайти с другого бока, но петух вдруг стал грести землю лапой. Раскусил, зараза! Не успел я и глазом моргнуть, как он взлетел, метясь мне...

— Не сме-е-е-ей! — Прикрыв свое достоинство в кальсонах, я галопом бросился в сортир. Благо, тот был не занят!

Заперевшись, еле отдышался. Сердце выпрыгивало из груди! Второе покушение на мою жизнь за сутки! Да только кто мог надумать пернатого?!

Прислушавшись, осторожно глянул в прорезанное в двери сердечко и чуть в глаз клювом не получил!

— Подждал, сволочь! — Стукнул кулаком по доскам.

— Ага! Попался! — восторжествовал за дверью Тильбо. — На суп тебя пустить! Ай!!! — Гоблин схватился за лысую макушку, но не отступил — побежал гнать недруга со двора.

Выходить было рано. Мало ли, паршивец вернется... Заодно справлю нужду.

— Ой, а что это Степашка у вас забыл? — слышался уже знакомый голосок. И как не вовремя!

Натянув белье, я сгоряча выглянул из-за двери. Около дома стояла Инга с корзинкой в руках. Она была так обворожительна в этом белом сарафане, с ромашкой, воткнутой в прическу...

— Какой... Степашка? — Тут мне словно щелбан кто-то дал (а может, сила неведомая расшалилась), и я вспомнил, в каком виде предстал перед ней! — Пардон! — Спрятавшись за дверью, прильнул к отверстию. Еще и запахок со мной вышел... не представительный!

— Петух! — рассмеялась девушка. — Убежал, когда птичник затопило... А теперь вернулся!

Я тоже посмеялся. Хотя внутри мне стало страшно! На кой черт приперлась?! Да еще

посреди бела дня!

— Я пирог испекла... — будто прочла мои мысли Инга. — Угостить решила. — Она поставила корзинку на подоконник. — Хорошо вчера потанцевали...

— С-спасибо! — Ага, за то, что мне потом этой корзинкой прилетит! — А ты случайно не слышала ничего ночью... странного? Грохот какой-то? — перевел я тему. Ну, не хотелось мне в этом загаженном туалете мечтаниям предаваться!

— Нет, — даже растерялась Инга. — А что?

— Ничего. — Вот тебе и чертовы проделки! Так с ума и сходят! — А где доктор ваш живет, который Захар?

— Через две улицы, на пригорке... — совсем сникла жена кузнеца. — Ладно, я пойду.

— Доброй дороги! — зачем-то ляпнул я.

Постояв еще пару секунд, девушка сдернула с головы ромашку и пулей вылетела со двора.

— Иди, иди... — Я проследил, чтоб точно ушла. И чтоб на хвосте мужика ее не было. — Весь настрой мне сбила!

— Господин! — мчался к дому Тильбо, победно размахивая тряпкой. — Убежал вредитель! Ой, это та дама принесла?

— Кто ж еще?

Ополоснув босые ноги в ведре, я вернулся в дом. От сеней к кровати тянулась дорожка перьев, а на столе красовалось пятно от помета. Видя, что дядька Гоголь едва сдерживает смех, я даже оскорбился:

— Ваших с чертом рук дело?!

Он замотал головой.

— М-м-м, со смородиной! — занес корзину гоблин.

— Тильбо, а Стефан ни разу не приходил? — вдруг вспомнил я об увесистой пропаже.

— Никак нет, господин! — Гоблин стал оттирать со стола помет.

— Вот ты и займешься его розыском. — Приподнял салфетку — из корзинки на меня соблазнительно поглядывала румяная корочка. — Я пойду к Захару — тому, что вчера приезжал. Может, подмогнет чем-то. А то к рыжей соваться после вчерашнего побаиваюсь...

Ближайший пригорок найти было нетрудно. Трудно оказалось туда дойти. Уже на полпути у меня стало скручивать живот. Думал повернуть назад, вот только обернулся — показалось, что дорогу перешел клюнутый на всю голову Степашка. Я ускорился. Бедные лаковые туфли совсем истоптались — хорошо, что в чемоданах десять пар запасных.

Подойдя к побеленному дому, выделявшемуся на фоне других, я остановился. У пригорка располагался незакрытый сарайчик, от и до заваленный рулонами ткани и мешками. Поднявшись, крикнул:

— Захар! Это Марко!

Тишина. Заглянул в окна — занавески отдернуты, но вроде бы никого.

Дверь оказалась не заперта. Может, не слышит?

Скрючившись из-за высоты потолков, я миновал сени и попал в основную комнату. Угол занимала печь, у окна стоял стол, на котором валялись какие-то записи. Посмотрел — ну и каракули! Не разобрать! У стены возвышались два шкафа, один из которых был отдан под книги, а другой — забит банками.

Вторая комната служила спальней. Почти все место занимали растения. Горшки стояли

на полу, на спинке кровати. Даже под потолком были развешены пучки трав. Но внимание мое привлек подоконник. Там, рядом с цветком, выстроились в ряд разноцветные склянки.

— "От кл", — прочитал надпись на фиолетовой. — Клопов, что ли? Так мне это и надо, чтоб их травить! А это? "От т"? Видимо, тараканов? — Тут меня прервал забурливший живот. — А вот и "От кр" — крыс? — С дуру понюхал — как будто в лошадиный зад носом ткнули!

В комнату влетела жирная муха. Противная, громко жужжащая... Ее тут же захотелось прихлопнуть. Размахивая руками, случайно пролил на пол красную жижу. Ничего, зато крыс не будет!

Муха вдруг села на лепесток цветка. Можно было бы, конечно, прихлопнуть, пожертвовав его целостностью, но я вовремя заметил "От М".

Откупорив зеленую склянку, капнул на насекомое немного. Оказалось, работает! В следующее мгновение оно упало на подоконник лапками вверх. Я стал радостно перебирать другие, но вдруг цветок издал хруст... Подняв глаза, встретился взглядом... с другими глазами! Огромными, злыми, торчащими на верхушке метрового стебля. И самое жуткое, что у выросшего стебля появилась пасть — зубастая, клацающая и...

— Мама!!!! — заорал я что есть мочи.

За ногу меня что-то схватило.

Волосы на затылке зашевелились. В панике обернулся — из дыры в полу смотрело такое же зеленое чудище, отростками сжимая мою щиколотку с нечеловеческой силой. Попытался припечатать его каблуком — еще крепче впилося! Глазки кровожадно захлопали. Дернул рукой — монстр оскалился так, что аж слюна закапала! Острые зубы блеснули, челюсть клацнула у моего запястья...

— Не-е-е да-а-амся-я-я!!! — прокричал, как в последний раз, и рванул со всей силы.

Послышался хруст ткани. Лишившись рукава и куска штанины, я споткнулся о порожек и чуть ли кубарем не полетел вперед. Благо, вовремя руки выставил! Не останавливаясь, я так и поскакал, перебирая руками и ногами. Сзади трещали по швам куски одежды и клацали голодные челюсти...

Чуть ли головой не протаранив дверь, я влетел в чей-то выпирающий живот.

— Мать честная! — охнули знакомым голосом, едва устояв на ногах.

— За-за-ха-хар?! — заикаясь от страха, я повис на докторе. — Где ты был?!

— К ручью ходил, за водой живительной... — Захар перевел взгляд за мою спину. — А ты что тут забыл?

Отвечать не пришлось — за меня все объяснили!

— Хщ-щ-щ-щ! — раздалось в глубине дома, и в спальне со звоном лопнуло окно.

— Ты что, зелья на подоконнике трогал?! — вмиг рассвирепел лекарь, беря меня за воротник рубашки.

— Я случайно...

— Захар! — крикнули у пригорка. Сюда бежала рыжая, неся на руках небольшое коричневое животное. Козла, что ли? — Яшику совсем плохо... — Она остановилась, увидев меня.

Часть крыши с грохотом взлетела вверх — это стала пробиваться разрастающаяся напасть. Не ожидая такой подставы, я подпрыгнул. Рыжая чуть ли не приземлилась на мягкое место.

— Что вылупились?! За вилами бежим! — скомандовал Захар.

— Это те самые экспериментальные реагенты? Я лучше магией попробую! — Всунув мне животинку, Дина побежала за дом. И как она его донесла? Даже для меня тяжеловато!

Махнув рукой, лекарь двинул в противоположную сторону — к миниатюрному сарайчику.

— Ме-е-е! — проблеял козлик, глупо уставившись на меня.

В ту же секунду окно позади нас выбило — оттуда вывалился самый настоящий плющ!

— Вот тебе и ме! — придерживая козла, я побежал просто прямо, куда глаза глядят. А что еще оставалось?!

Честно, еще никогда так не хотелось справить большую нужду! Скрючившись, я враскорячку добежал до склона. Может, ну его, этого Яшика? Сейчас незаметно вернусь к себе, запрусь там и...

— Беги-и-и-и-и! — завизжала рыжая, несясь на меня.

От неожиданности я выронил рогатого. Если кому-то из нас двоих и было плохо, то явно не ему: он резво запрыгал к сараю, позабыв о своем спасителе!

Делать было нечего. Я бежал за радостно блеющим козлом, Дина — за мной, не переставая при этом визжать. Сначала не понял, отчего... Но, обернувшись, заметил зеленую "змеяку", настигающую ее по пятам, и сам не сдержался:

— Заха-а-а-а-ар!

Лекарь вылетел из сарая с двумя вилами и одной лопатой. Последней меня чуть ли не зашиб.

— Чего рот раззявил?! Отмахиваться будешь! — ругнулся Захар. — У меня там противоядие спрятано!

— Туда?! Второй раз?! — воспротивился я, но в зад вдруг больно боднули.

Сказать, что Яшику похорошело — это не сказать ничего! То ли руки у меня живительные... то ли страх так все процессы в организме запустил что у меня, что у него! В общем, бежал я без оглядки! В бой, за товарищами!

Основная комната нехило заросла. Плющ уже пробирался в сени, но сам по себе был не опасен — максимум мог обвить лодыжку, тут и лопата не требовалась. А вот спальню... лучше было не видеть! Все, от пола до стен, кишело одичавшими "цветочками"! В потолке зависла самая большая "голова", все еще высматривая нас около дома.

— Да если б тебя не в помощники прислали, собственноручно бы им скормил! — утешил Захар и вонзил вилы в одного монстра. — Оно под кроватью. Прикройте меня!

Рыжая с видом опытного дачника давила стебли, как жуков. Я просто размахивал лопатой по сторонам, чтоб даже приближаться не смели.

Клац!

— Нашел! — радостно сообщил Захар, тряся склянкой с мутной серой жидкостью.

Но им уже заинтересовался самый крупный экземпляр... Не успел он и шагу ступить, как чудище, проделавшее дыру в крыше, обвило тело лекаря и стало поднимать его ближе к своему рту. Вилы выпали из рук, и Захар, повиснув как кукла, замычал. Дина кинулась к бутылку.

Клац-клац. Только она подняла его, как маленькие извивающиеся гады поползли по ее спине, пытаясь обездвижить.

Я почувствовал что-то липкое на своей ноге и, боясь смотреть, врезал "по ощущениям". Это было плохой идеей.

— Ай!!!

— Да чтоб тебя! — Рыжую оторвало от пола, и пузырьек вновь покатился по полу.

Прыгая на одной ноге, я подобрал его.

— Лей на них! — крикнула Дина, отчаянно размахивая руками. Откуда-то сверху послышалось одобрительное мычание.

Откупорив, стал поливать все и всех вокруг. Как только капля попадала на стебель, он мгновенно засыхал, становясь желтым. Вот только всё чудо-средство вскоре ушло на маленьких чудовищ, большому — хоть бы хны! Дина тоже осталась висеть в воздухе — ее держал отросток гиганта.

Я стал безжалостно тарабанить по нему лопатой — даже не шелохнулся! Попробовал вонзить вилы — тверже дерева!

Уж было потерял надежду, но за спиной послышался топот...

— Осторожно! — взвизгнула Дина.

Еле успел отпрыгнуть! В следующий миг козел влетел в стебель рогами и, каким-то образом продырявив его, еще и копытами лягнул. Ошибка садовода-недоучки качнулась и начала покрываться трещинами.

Дина рухнула вместе с отпавшим отростком. С грохотом бухнулся в середину Захар, а рядом с ним приземлилась и глазасто-зубастая головешка.

— Ешки-матрешки... — заключил лекарь, схватившись за голову от масштабов ущерба.

Козел, победно заблеяв, умчался на улицу. В дверном проеме показались лица с разинутыми ртами.

На нас испуганно пялилась целая толпа...

Глава 11. Трудовые будни

— Это ж надо было так с рассадой переборщить... — охнули в толпе.

— Гляньте, завхоз новый уже тут!

— Вы птичник чинить собираетесь?

— А как же теплица? Что мы есть будем, коль все погибнет?

— Пушай сначала разберется, кто по полям ночью шастает и в окна заглядывает!

— Лопаты скоро получим?

— Граждане! — перебил я нестройный хор голосов. — А не хотите ли вы сделать что-то сами?

— Так делаем мы! — завершала особо бойкая особа. — Теплица на соплях держится, в сарае крыша подлатана. Да только рук и материалов на все не хватает!

— Кто траву косить будет? Картошку копать?

— Товарищи, а ничего, что я теперь вообще бездомный?! — перекричал всех Захар. От злости он покраснел, как помидор.

— Так у вдовы Настасьи поди местечко пустует! — Все головы вмиг повернулись на стоящую позади женщину.

— Нет у меня никакого местечка... — застенчиво отвернулась она.

— А куда оно делось? — вновь влезла "верещалка". — Еще вчера было!

— Любви все возрасты покорны, знаешь ли, — загадочно ответила женщина.

— Ах ты ша...

Уж не ожидал, что ко всем прочим неприятностям добавится драка! Верещалка с кулаками бросилась на деревенскую Джульетту, та схватила противницу за волосы... Тут меня осенила гениальная мысль!

— Барышня! — Вместе с другими мужиками я кинулся разнимать визжащих клуш. — А этот ваш... любовник, такой толстый, некрасивый, носатый и черноволосый? — описал максимально правдоподобно своего кучера.

— Не толстый, а упитанный! Не носатый, а с изюминкой! — гордо заявила женщина.

— Его случайно не Стефан зовут?

— Да... — удивленно заморгала она, расплетая растрепавшуюся косу. — А вам откуда знать?

— Так это кучер мой! — то ли обрадовался, то ли еще сильнее разозлился я. — Я его по всей деревне ищу!

— Как это, кучер? — Руки барышни опустились. — Говорил же, купец, проездом у нас...

— Не купец, а делец! — хохотнул кто-то в толпе.

— Вот же... хряк бесстыжий! — топнула ногой Джульетта. — Да я ему...

Больше в скорейшем возвращении Ромео я не сомневался. Одной заботой меньше — блудный кучер нашелся! Справедливость восторжествовала!

Объектом всеобщего внимания вновь стал я.

— А, собственно, почему у вас тут такая... дыра?

Захар, из ушей которого уже почти валит дым, процедил сквозь зубы:

— Эксперимент проводили. В целях увеличения урожая. Помощник нашего завхоза, если вы не знали, — растениевод со стажем.

— С виду и не скажешь... — кашлянули в толпе.

— Господин помощник завхоза! — ехидно протянул девичий голос, выделив слово "помощник". Вперед шагнула Инга, все это время скрывавшаяся от моих глаз. — Третий день вы уже что-то портите, ломаете... Не пора ли вам делом заняться? Влад Готи явно не будет в восторге, когда ему пришлют письмо с жалобами. Так скоро и в таком количестве.

Я вздрогнул.

— Откуда ты... — осекся. Но с удивлением заметил, что люди вокруг будто не слышали ее слов. Все смотрели кто куда.

— Глаза отвела! — прошипела за спиной Дина.

— Не к тебе, детонька, обращались! — с усмешкой заметила Инга и вновь растворилась в толпе. Как наваждение.

— Да мы тебе местечко найдем! И дом восстановим! Завхоз подсобит! — до ушей стали доноситься утешения селян.

— Травки мои! Да я ж за этой горечавкой в горы ходил, все ноги истоптал! — горевал Захар, утирая слезы с лица. — А зелья! Десять лет придумывал! Пять раз рецепт менял!

Чувствуя, что пора делать ноги отсюда, я медленно попятился к склону. Даже про бурлящий живот забыл — обиженный взгляд Инги так и стоял перед глазами. На душе сделалось очень беспокойно...

Рыжая неотрывно смотрела на меня, но с места не сдвигалась. А на нее почему чары красавицы не подействовали? Ладно, узнаю потом.

Мчался я так, что пятки горели! Горело и еще кое-что, добавляя мне скорости. Все тише становились причитания Захара. Опомнился я только у дома — даже не заметил, как пробежал весь путь...

Тильбо в доме не оказалось. Все было прибрано: перья исчезли, кровать стояла застеленная, бумаги, разбросанные рыжей, вернулись в стол. Доев пирог, я пришел к единственному верному заключению — просить помощи, пока совсем не растерзали. Зуб уже точат. Еще и требуют исправить то, что сами сломали! Ишь, деду писать вздумали... Вампир пожилой, здоровье уже не то — в любой другой ситуации я бы и сам написал, но сейчас мое положение оставляло желать лучшего.

— Николая Василич, вы тут? — постучал я по портрету.

Тишина.

— Не делайте вид, что вы меня не слышите! С кем мне еще советоваться?

Опять молчит. Так не пойдет!

— Э... — замахал я руками в надежде, что меня заметят. — Ау!

— Да что тебе, что?! — услышал за спиной его голос.

Обернулся. Никого... Выражение лица Гоголя ни капельки не изменилось — портрет по-прежнему молчал.

— Это что еще за игры?!

— Игры у тебя с барышнями. От дела меня не отвлекай.

Я стал расхаживать по комнате в поисках чего-нибудь говорящего.

— Удосужился бы в зеркало поглядеть! — с укоризной сказал Гоголь и цокнул: — Ну и вид у тебя...

В мутной зеркальной глади действительно виднелась фигура в черной накидке — полупрозрачная, склонившаяся над столом с пером в руке. Но, повернув голову, я так никого

и не обнаружил.

— Луна прибывает. Вот я и выхожу, так сказать, воздухом подышать. Без надобности не показываюсь — долго потом хвораю, — не отрываясь от рукописи, объяснился Гоголь. — Ну-с, чего тебе?

— Беда! — в сердцах воскликнул я. — Не успел обжиться, как селение против меня пойти вздумало! Требуют немедленного ремонта птичника и теплицы! И чтоб я им лопаты нашел!

— Полно тебе девицам замужним глазки строить и пол каблуками отбивать. Деревня ленивых не любит, народ помощи ждет. Птичник с теплицей восстановить — элементарно. Материалы собери, несколько мужиков созови, и работа начнется. За пару дней управитесь, и куры разбегаться перестанут. Лопат и добра всего, которого ты людям наобещал, на ярмарке полно. Утром в повозку садись, к обеду вернешься.

— Деньги мне на это откуда взять?! — возмущился я.

— У племянничка моего на то жалование припрятано, — устало вздохнул Гоголь.

— Да я эти гвозди, молотки... что там еще надо?.. в глаза толком не видел! И ни один мужик со мной не пойдет — плюнут в спину! У них, видите ли, картошка, рук не хватает!

— Как ты к людям, так и они к тебе, — пожал дядька плечами. — Спесь твою простому народу не понять.

— Вот спасибо за совет! — всплеснул руками я. — Что делать-то предлагаешь?

— Иди к черту!

— Сам иди!

— Ну и бестолочь! — хлопнул себя по лбу Гоголь. — К сторожу местному. Он все знает, вот и поможет.

— А где найти твоего черта? Появляется, когда хочет! — я потихоньку закипал. — Иди туда, не знаю куда, делай то, не знаемо что!

— Безднадежный, — махнул рукой Николя и, отложив перо, залихватски свистнул.

В ту же секунду за окном раздался громкий "Бух!" и недовольное "Ай!". Появившийся из ниоткуда черт отряхнулся и, перевесив через плечо лопату, прошествовал в дом.

— Чей-то отвлекаете меня от трудовых будней? — недовольно хрюкнул он, заглянув в комнату.

— Небось опять по полю бегал, ворон пугал? — Гоголь с невозмутимым видом вернулся к записям.

— Скучно мне круги мотать, вот и развлекаюсь, как могу! — Черт повел пятаком, принюхавшись. — Пирогом не угостите?

— Плохо ты трудишься, не заслужил, — фыркнул я.

— Чаво?! А кто твой зад вчера спасал?! — встал в позу сторож.

— За это спасибо, — согласился я. — Вот только народ мне пожаловался, мол, ночью по полям кто-то шастает, еще и в окна домов заглядывает.

— Да знаемо кто — цыгане! Время от времени в каждое село заходят в поисках навару. Но я их вчера выпроводил. Я и так, и эдак, и вот так их, супостатов! — Черт стал показательно размахивать лопатой.

— Кхм, вообще-то, мы тоже там были, — остановил геройствование Гоголь. — Вижу, ты сегодня особо ничем не занят.

— Как это, не занят?! — оскорбился рогатый. — Да я каждый день, без обедов и ужинов бдю и...

— Помощь нужна, — перебил я этого многословного. — Птичник после потопа не восстановлен, с теплицей проблемы. Народ негодует.

— А я тут каким боком? — вновь стал приноживаться черт, слушая меня вполуха.

— Где вообще все это находится и где достать материалы на ремонт?

— Я че, знаю? — Рогатый посмотрел на меня, как на дурака.

— А что ты тогда охраняешь? — окончательно впал в ступор я.

— Да все, че под руку подвернется! — пожал плечами черт. — Ну, братцы, я пошел...

— Стоять! — Гоголь оторвал от стола суровый взгляд. — Совсем, негодяй, разомлел.

Раньше ты чем занимался? Дожди, метели насыпал, на ярмарках продовольствие проверял. Все знали: у какой бабы рогатый появится, там и капуста плоха, и мясо не свежо, и яблоки гнилы. А сейчас?! — Николая Василич резко поднялся. — Сейчас что?!

— Че? — Черт согнулся в три погибели, на всякий случай прикрывшись лопатой.

— Ни один дурак тебя не боится! Целыми днями мух считаешь, за воронами гоняешься!

— Деться некуда! Я к этой земле привязан! — всхлипнул от обиды сторож. — Между прочим, до сих пор месяц краду, когда Солоха велит!

Я замороженно наблюдал за перепалкой этих двоих. Теперь понятно, почему Николая бывал тут при жизни так часто — выдумывать ничего не надо. Достаточно перекинуться парочкой слов с местным чертом, и сюжет книги готов!

— Значит так, лукавый! — стукнул ладонями по столу Гоголь. — Или ты перестаешь шутки шутить и имя земли этой оправдываешь, или...

— Понял, не дурак! — сдавшись, поднял руки черт. — Только у меня это... планы еще есть на сегодня! Как луна взойдет, тут как тут буду! — козырнув, он шмыгнул за угол и сам по себе исчез на пороге.

— Так уж и быть, — довольно опустился на стул Николая. — Посреди бела дня неча чертям под ногами мешаться.

Не успел я ответить, как моего собеседника дух простыл. И на том спасибо! Посмотрим, что мне черт делать предложит... Надеюсь, до вечера меня еще не прикопают.

Промаявшись около часа, я дал кружок вокруг дома в очередных поисках следов звездопада. Не найдя ничего, кроме таинственной дырки в крыше, вернулся в дом. Переодевшись в новую сорочку и приличные штаны, я присел на кровать и даже не заметил, как уснул. Организм никак не мог настроиться на местных петухов. Вот бы очнуться на пуховой перине, в собственном особняке... М-м-м! Наслаждение! А потом выйти на террасу, отзавтракать свежими плациндами, брынзой и...

Проснулся я от шорохов в комнате. Оказывается, я проспал до самого вечера — вернувшийся Тильбо уже зажигал свечи.

— Господин, я вас разбудил? — вздрогнул гоблин.

— Стефан нашелся? — Я лениво потянулся и встал.

— Ждет вас во дворе... Ох и провинился он! Сам жалеет! — кинулся на защиту друга Тильбо, но я лишь отмахнулся. Не собирался я никого наказывать — денег и так кот наплакал, лошадей все равно нет.

По доносившемуся из телеги храпу понял, что разговору не суждено состояться. Видно, набегался герой-любовник!

Вечер еще не успел полностью овладеть небосводом. Над горизонтом виднелась оранжевая полоска, уже со всех сторон окруженная фиолетовыми и синими пятнами. Звезды

после вчерашнего решили уйти на покой — на небо сбегались темные кудрявые облака.

Облокотившись на шаткий заборчик (точнее его остатки), я стал насвистывать веселую мелодию в ожидании черта. Однако каково было мое удивление, когда взгляд выцепил фигуру, приближающуюся со стороны пустыря. Женскую фигуру.

Мысли, как пчелы, зароились в голове. Инга? Снова?! Неплохо бы выяснить, откуда она знает моего деда. А может, несостоявшаяся любовь Стефана идет с новой порцией тумачков?

Но спустя пару минут я увидел нечто куда страшнее всего, о чем успел подумать. То, что могло дать тумачков мне.

— Какими судьбами? — крикнул я Дине, заранее отойдя от заборчика.

— Надо поговорить! — отозвалась она, размахивая колоском. Подготовилась.

— О чем? — нервно улыбнувшись, уже рассчитал, как убегу и запрусь в доме.

— Не смей связываться с Ингой, — в лоб заявила рыжая. — Колдовка она, не ведьма даже, как я.

— А если свяжусь, что тебе с этого? — хмыкнул я.

— Недалекий ты, оно и видно. — Рыжая устало оперлась спиной о забор — ей это позволял рост — и закусила колосок. — Ведьма колдовством пользоваться умеет и направляет его осознанно, потому вреда просто так не причинит. Насолить ей надо хорошенько, — добавила как бы невзначай. — А вот колдовка сил не различает. Дарованы они ей от природы, но осознанному колдовству не обучена. Потому, даже не замышляя ничего, силу свою против тебя обратить может.

— И что она меня, убьет? На меня вообще мало что действует, — обнажил я клыки.

— Ворожба без исключения работает. Только кузнец тебе этого с рук не спустит, попомни мои слова. Не робкого десятка мужик.

— Раз ты ведьма, отвори ее от меня! — предложил я оптимальный вариант.

— А ты влюбись в кого-нибудь другого по-настоящему, — пожала плечами девчонка. — И чары сами рассеются.

— Так не в кого! Я бы с радостью... — с ностальгией вспомнил столичных красоток. Тяжело, оказывается, жить без женской ласки!

— Один раз тут уже был скандал на все село. Досталось купчику заезжему, который в город с ярмарки путь держал... — Дина отвела глаза и вдруг заторопилась. — Ну, я предупредила, ничем больше помочь не могу.

— Подожди, — успел схватить ее за запястье. — А Расскажи про купчика.

— Делать мне нечего, — нехотя обернулась она. — Не о чем нам трепаться, в каждом селе таких историй наберется.

Силой приставил ее к забору.

— Нет уж! Я все равно черта жду, а он придет не раньше, чем луна взойдет. Уж будь добра договорить!

Дина зыркнула на меня исподлобья и, выплюнув колосок, произнесла:

— Ладно, лучше ты от меня это услышишь, чем кто-то в трактире нашепчет.

— Я весь внимание. — Тем не менее руку с ее плеча не убрал. Еще передумает.

— Некрасивая то была история. Для меня, — издали начала Дина, потупив взгляд. — Весной в двадцати верстах отсюда ежегодная ярмарка проходит: съезжаются иноземные торговцы, и наши, местные. Везут все самое лучшее: ткани, драгоценные камни, животных диковинных, одежды красоты неопишуемой. Василь оттуда даже напиток заморский привез, нынче модный. Вроде кофе называется. Редко здесь гость какой затесаться может, но это

был тот редкий случай. Оказался он из Клужа и звали его Дан. Внешне недурен, не сказать, что красавец, но Инге чем-то приглянулся... Мы тогда с ней дружили. Приезжих здесь по пальцем перечесть, на этой почве и сошлись пару лет назад. Ты не слушай Ингу, я далеко не "детонька", да и разница у нас небольшая, всего два года.

— А сколько тебе? — слегка опешил я. — На вид ты не старше гимназистки.

— Двадцать четыре вот-вот стукнет. В следующем году я из академии выпускаюсь. — Мне показалось, что она обиделась. Хотя женщинам всегда приятно, когда их возраст округляют в меньшую сторону. — В общем, Дан этот, когда на ярмарку ехал, с Ингой познакомился — она ему дорогу подсказала, вот они и разговорились. Уж не знаю, о чем там дальше беседа зашла — это Инга смолчала, — но купчик обещал на обратном пути заехать. На ярмарке глаз толком не сомкнуть, в лесу ночевать опасно, а дорога не близкая. Через два дня возвращается он и останавливается в доме вдовы Настасьи. И Инга как будто случайно начинает пропадать: то на посевах ее не досчитаемся, то на очистках. Один раз я ее словить успела. Бежала, как дура, в тайное место встречи — сарай! А на мой вопрос "Не смущает ли колечко на пальце?" лишь пропела "На то мамка родила, чтоб дивчина любила!". И захохотала. Она и раньше умом не отличалась, но это уже было слишком. На следующий день и Вакула два плюс два сложил. Я разговор подслушала в трактире — он с мужиками собирался найти этого Дана и... сам понимаешь. — Тут даже луна выглянула из-за облака, подслушав душещипательные подробности. — Я бегом к сараю. Примчалась, когда они только миловаться начали. Думала, успела. А Инга глядь в окно — там уже вилы виднеются, к мужикам еще и бабы добавились. Давай сарай окружать. Понятно стало, что не выйдет дивчина незамеченной. Тут-то она задрожала, стала умолять подыграть... Сама одежду подобрала и спряталась за мешками. Инга дура, но подруга же. Я разделась до исподнего, легла на ее место. Дан этот ка-а-ак впился мне в губы... так больно, аж слезы на глаза навернулись. В этот момент дверь открылась. Вакула весь сарай прочесал, да только изменщица хорошо спряталась, небось сила ее спасла. Извинились, вышли. Дан негодовать стал, видите ли, оскорбили его. На следующее утро след купчика простыл... А Инга нашлась в тот же вечер. Наплела мужу, мол, у завхоза была, а потом домой вернулась. Так уморилась, что уснула, не дожидаясь его. Василь, как ни странно, в ту ночь снова слег... Кто ж знал, что сама змеюка слухи про меня плодить станет, чтоб о пропажах ее забыли? Так я стала обесчещенной гуленой, а Инга — образцовой женой, — рыжая выдохнула, будто скинув с плеч тяжелый груз. В больших зеленых глазах застыла обида. — Ох и пожалела я! И ты не ввязывайся — все карты тебе спутает. На заезжего господина у нее небось особые планы имеются. Ты не Дан, спустя пару свиданий она еще замуж попросится. А не возьмешь, всех собак на тебя спустит, еще и до деда твоего дойдет.

— Думаешь, какая-то деревенская баба может повлиять на дедулю? — ухмыльнулся я. — Это не удалось даже валашской аристократии! Что уж говорить о...

— Ты даже не представляешь, на что способна мстительная колдовка, — в свою очередь горько усмехнулась Дина. — Уж очень сильно она хочет выбраться отсюда.

— Ба-а-а-атю-ю-юшки-и-и-и!

Воздух пронзил истошный вопль Стефана. Чуть не поседев, я обернулся.

— Я больше не буду! Клянусь! Мамой! — Кучер уже удирал подальше от дома, кидаясь в черта камнями.

— Ну вот, только нашелся! — всплеснул руками я.

— Забыл причесаться, с кем не бывает! — заявил в оправдание рогатый. — Неужель

страшный такой...

Дина, воспользовавшись заминкой, юркнула за забор и засеменила по дороге.

— Стой! — выскочил я за ней.

— Удачи, парни! — Рыжая всего-то махнула рукой и прибавила шаг.

Черт присвистнул.

— Че, девчонку упустил? Пардон, помешал! Симпатишная... — последнее он заговорщически шепнул мне на ухо.

— Жалко ее, — неожиданно для себя сказал я. Женщин в своем окружении я жалел редко. По сути все они были счастливы, что бы ни творили: после импульсивных порывов "любви" они все равно возвращались в отчий дом, к богатому (или не очень) мужу, на худой конец, выходили на новый променад, не забывая порадовать себя очередной сумочкой или платьем. Судьба их была устроена.

А вот что было у Дины?

— Да-а-а, грустновата! — покачал головой черт. — Ну, куда двинем?

— Долго тут до теплицы? Или до птичника?

— Секунды три, — поразмышлял черт.

— А? — не сразу сообразил я.

Рогатый топнул копытом, и все вокруг мгновенно переменялось. Грязь под ногами обратилась поросшей травой, а за спиной стоял уже не дом, а длинная стеклянная постройка, окруженная деревьями. От сооружения, располагавшегося неподалеку, доносилось мычание. С одной стороны засыпало селение, усыпанное то тут, то там светящимися окошками. С другой — без конца и края чернело поле. Луна, наслушавшаяся на сегодня историй, стала медленно прятаться за облако.

— В общем, вот тебе молоток и доски, — черт указал на лежащий у копыт мешок, — больше ниче не нашел!

— Смеешься? — Я раздраженно покосился на него. Нечистая сила на то и нечистая — ожидай подвоха в любой момент!

— Дак не шутил никто! — глупо хрюкнул чертила.

Взяв его за рога, процедил сквозь зубы:

— Или перестаешь дурака валять, или я зову Гоголя.

— Я те че, строитель?! — возмутился сторож. — Сказано было помочь, а не колдунство творить! Тем более за просто так... Дух нечистый за бесплатно не помогает!

— И что же тебе надо?

— Вещички у тебя больно хороши... — расплылся в гаденькой улыбке черт. — Сюртук один есть, золотыми нитями расшитый, с брошью гранатовой...

— Да это же подарок! — взвыл я. — На юбилей! Я его на память взял из особняка! Откуда прознал?!

— Тю-тю-тю! — передразнил меня пройдоха. — А я с ним на ярмарке поиграю! Одному покажу, другому... а потом себе заберу! — еще и рассмеялся противно. — Зато теплица и птичник будут как новые! Да и на ярмарку ты без меня не доедешь! Дороги перепутаться могут! Случайно!

— Бес поганый! — оттолкнул его. — Мог бы что-то поскромнее попросить!

Черт предвкушающее потер руки. Поплевав на каждую, он ловко, как кот, вскочил на самую крышу теплицы.

— Н-да, форточки совсем плохонькие, скоро с петель сойдут... Ох и крепления! Да и

доски местами прогнили... Подкинь мне молоточек!

Не был бы он полезным — пришиб бы тут же. Молоточком.

И минуты не прошло, а черт уже летал туда-сюда с одного конца крыши на другой. Скорость его еле улавливал даже вампирский глаз. Противореча всем законам строительства, он откидывал в сторону старые доски и стекла, заменяя новыми, возникающими прямо в воздухе. Поменяв буквально за минуту кровлю, он перешел вниз. С боков форточки тоже нуждались в обновлении — как выразилась дамочка, они держались на соплях. Но и тут черт легко справился, вырвав отжившие и установив на их место только что появившиеся. Причем все старые элементы куда-то исчезали — никакого мусора, никакого грохота. Вот кого надо нанимать для ремонта поместья в Трансильвании!

Дверь в теплицу тоже видала виды. Где-то облупилась, местами потемнела, стекло помутнело. Точным взмахом руки рогатый выбил ее и, эффектно крутанувшись, установил на замену абсолютно новенькую, деревянную, со стеклом посередине.

— Эх, еще б дорожку! — мечтательно улыбнулся черт и пошевелил пальцами с длинными когтями.

Земля подо мной забугрилась. Отпрыгнув в сторону, я увидел, как расчищается почва и ее одна за другой накрывают каменные плиты. Когда последняя легла около двери, черт довольно оглядел свою работу и воскликнул:

— Пожалста!

— Неплохо, — заплодировал я, дабы потешить самолюбие чертяки. Помощником он и впрямь оказался хорошим: тихий, хоть и коварный, шустрый, на все руки мастер. Что еще нужно в хозяйстве?

— Перекур! — объявил рогатый. Оглянувшись и не обнаружив ничего, на что можно было присесть, он щелкнул пальцами, и около теплицы появилась клумба. Причем, усеянная какими-то синими и розовыми цветами.

— Не поздновато для цветочков? — усмехнулся я.

— Так васильки же. До поздней осени цветут, а климат у нас будь здоров! — Черт вытащил из-за пазухи самокрутку и, чиркнув когтями, задымил. — К тому же мои любимые... Бушь? — протянул мне еще одну.

Сделав затяжку, я чуть ли не подавился.

— Ну и гадость! — отшвырнул самокрутку и затушил туплей.

— Много ты понимаешь! — фыркнул черт и закинул ногу на ногу. — Еще дед один древний со мной рецептом поделился.

— Со времен деда они у тебя и лежат, — отмахнулся я, присев рядом. — Слушай, а ты тут все про всех знаешь?

Черт почесал за ухом.

— Ну, постольку поскольку. С человеками я водиться не люблю. Раньше дурил их, пакостил, потом вообще равнодушен стал... Они злее нас, нечистых, будут.

— Это точно... — Из головы не выходили слова рыжей. Если б Инга не прознала про деда, я бы и бровью не повел, но своей неуместной угрозой она посеяла во мне сомнения. — А ты девчонку, с которой я разговаривал, знаешь?

— Ведьму рыжую? Видал пару раз. — Черт выпустил облачко дыма в виде сердца. — А че?

— Сказать про нее что можешь?

— Краем уха слышал, что с купчиком заезжим шашни крутила. С виду не скажешь.

— От кого?

— Поди не вспомню. Мы тогда с Солохой делом одним занимались... — Черт аж поперхнулся дымом.

— Боюсь спросить, каким, — подавил я смешок. Вот уж провинциальные страсти, нарочно не придумаешь!

— Важным! Упокоить надо было дух буйный! — поправился рогатый, посерьезнев.

— А про Ингу, жену кузнеца, что знаешь?

— О-о-о! — протянул он и, отбросив окурок, уронил голову на руки. — То девка бедовая! Вот за кем глаз да глаз нужен! Взял зачем-то ее в жены Вакула, теперича терпит... С кем она только не собачилась! Даже с Солохой разок спорить вздумала, да только хозяйка моя не промах. Она таких как орешки щелкает!

— Не поделили что-то? — наострил уши я.

— Ворожке захотела научиться. А Солоха ей отказала, мол, учениц не беру, тем более таких, как ты. Девка спесивая, оскорби-и-илась, давай острить. Быстро дорогу в ту хату забыла!

— Вот из-за нее девчонку и очернили. У Инги с купчиком тем роман был, а она, зная, что Вакула жену по селу разыскивает, к ней побежала, предупредить. Да только не успела, и пришлось на себя всю вину брать. Мол, это она с торгашом по сараям пряталась. Инга потом слухи про нее распускать стала, чтобы себя обелить, — разоткровенничался я.

Вспышка геройства одолела меня уже второй раз за последнее время. И, если в трактире я избежал проблем, то тут не сразу догадался, чем чревато секретничать с чертом...

— Ниче се! — хрюкнул нечистый, вылупившись на меня. — Тоды ясно, чем девка твоя опечалена!

— Она не... — начал я, но был перебит рогатым.

— Порядочные барышни не должны ходить с кислыми минами! Вот как ее зовут?

— Дина.

— Берешь эти замечательные васильки, — черт сорвал охапку цветов с клумбы, — идешь к ней и говоришь: "Дина!"...

— Не пойду я никуда! Опомнись, ночь на дворе! — возразил я. Одно дело, когда на террасе утром стоит букетик для красоты. Его для меня обычно собирала кухарка. Но чтобы я к женщине приходил с цветами? Да когда такое было? Бессмыслица! — С розой в зубах и гитарой в руках я даже к любовницам не заявлялся!

— Фи, какой неромантишный! — Любитель васильков оказался настырным и насильно вручил мне веник. — Вот если б я тебя к стерве замужней посылал, ты бы как миленький поскакал!

— Плохо ты меня знаешь! Но она хотя бы... красивая! — ляпнул первое, что пришло в голову.

— Да в бабе душа главная! — Черт приложил руки туда, где, видимо, находилась у бабы душа. — Все старухами станут, на одно лицо будут!

— Вот не скажи! Бабка моя даже в старости ого-го была!

— Где Дина эта живет? — вlepил мне оплеуху чертяка.

— Да откуда мне знать?! — перешел я на повышенный тон. — Руками не размахивай!

Глаза черта сузились, и он стал обнюхивать меня, как пес. Букетик как бы случайно хлестнул его по лбу.

— Дурень! Запах ее на тебе остался! — Черт дернулся сначала в одну сторону, потом в

другую, затем глянул за мою спину. — Сейчас тебя к общежитию подошлю. Ты васильки на подоконник положи, девке приятно будет. А как сделаешь, меня кликни. Я пока птичником займусь... — Рогатый странно улыбнулся. По лукавому взгляду стало понятно, что думал он не о птичнике.

Смачно плюнув на траву, черт отскочил от меня. Земля под ногами вновь забугрилась. Мне даже показалось, что мимо пролетела большая птица.

Местность резко изменилась. Теперь я стоял в нескольких шагах от низенького деревянного дома, из открытых окон которого слышались девичьи голоса. Еще несколько таких построек окружали двухэтажный терем с башней, наверху которой располагалась смотровая площадка. На крыше волчком вертелся флюгер в виде петуха.

Ступая бесшумно, чтобы не прервать задорный щебет, я согнулся и заглянул в ближайшее окно. На кроватях сидели три незнакомые девушки, обсуждая кого-то так, что аж щеки краской налились. В следующем меня тоже ждала неудача: комната оказалась заполнена играющими в "Дурака" девицами, но ни в одной я не заметил Дину. Ставни третьего окна и вовсе были закрыты. Уже теряя терпение, я подошел к последнему и аккуратно поднял голову.

Дина сидела в гордом одиночестве, читая при свечах книгу.

11.2

Вот же! Если пошевелюсь, сразу заметит! А мне эти сердечные посиделки ни к чему! Да еще с кем? Дина, конечно, оказалась не самой плохой девушкой, но уж точно не была той, ради которой я (в теории!) мог снизойти до такой дурости — с цветами бегать!

Страницы зашелестели быстрее. Рыжая с головой погрузилась в сюжет. Казалось, за выдумку она переживала больше, чем за собственную жизнь. Подступившись с другой стороны, я решил подождать пару минут. Может, повезет и в комнату еще кто-то зайдет.

Небольшая спальня была заставлена чем ни попадя: котлами, сундуками, кухонной утварью (даже чугунок затесался). Дина жила как минимум с двумя соседками, занимая скромный угол у двери. В тесноте да не в обиде, как говорится.

Удача была явно не на моей стороне. Эпицентр интереса находился двумя окнами правее, и, судя по безудержному хохоту, возвращаться соседки не собирались.

Луна, как назло, нескромно выпятила бок из-за тучи — видимо, решила посмеяться надо мной! Отступив назад, я не придумал ничего лучше, чем ошарашить противника и, воспользовавшись заминкой, чухнуть отсюда как можно скорее.

Прицелился так, чтобы букет попал точно на книгу, и, резко бросив, юркнул за угол. Из окна раздался короткий вскрик, затем последовало раздраженное:

— Это что за шутки?!

Кажется, васильки она не любила!

Створки ударились о стены — рыжая уже перелезала через подоконник.

— Черт! — позвал я, оббегая дом. — Че-е-ерт!

Шаги за мной становились отчетливее, и, если бы рогатый не опомнился, миссия могла считаться проваленной! Земля под ногами заходила ходуном, и через секунду я влетел прямо в лохматого помощника.

— Да тьфу на тебя! — оттолкнув меня, он воровато огляделся. — Ну че?

— Кинул! — сказал, переводя дыхание.

— Кого?! — схватился за сердце черт.

— Букет!

— Зачем?! — теперь уже за голову.

— Она в комнате одна была. Сразу бы заметила, — развел руками я.

— Так она по-любому узнает, кто приходил. Ведьма же! — Хвост черта негодуяще изогнулся, а кулаки сжались. — Подошел бы и сказал "Для настроения!".

— Для настроения бокальчик игристого берут, а не вениками с грядки разбрасываются! — Тут взгляд упал на старое сооружение с пристройками, за стенами которого всю переговаривались пернатые. — Ты птичник ремонтировать собирался?

— Отходил. По нужде, — скрестив руки на груди, обиженно отвернулся рогатый.

— Это по какой? — в который раз оглядев его, так и не обнаружил "нуждающихся" мест.

— У чертей свои нужды! — щелкнули меня по носу и засеменили к "объекту".

— Между прочим, больно! — пожаловался я, но за чертякой пошел.

— Надо бы курей заговорить... — вновь потер он ладони. — А то еще все селение на уши поставят!

Похлопав пару раз, рогатый со скрипом открыл двери и что-то зашептал. Квохтание с гагаканием вмиг стихли, и из птичника повалил целый пернатый легион. Все — куры, петухи, гуси, утки — воинственно шли прямо на меня! Причем, с таким благоухающим ароматом, что аж слезы на глаза навернулись!

Две особо наглые курицы сразу заняли места на моих плечах. Остальные молча окружали птичник в несколько рядов, глядя абсолютно отсутствующими взглядами в никуда.

— Мама мия... — только и смог выдать я, переглянувшись с одной из несушек.

Глаза так и разбегались — на улицу высыпало не меньше сотни голов! По-моему, даже в пару раз больше! Яблоку негде было упасть! Места хватало не всем — кому-то пришлось садиться на крыши соседних сооружений.

— Спокойно! Работает нечистая сила! — авторитетно заявил рогатый и, расправив плечи, вошел в птичник.

То, что нечистая, особенно ощутилось, когда черт стал выносить оттуда ведра грязной соломы, перьев и пуха. Каждое самоочищалось и возвращалось в птичник пустым. Я лишь смотрел на все это с зажатым носом, боясь сдвинуться с места. Еще накинута со всех сторон и поклюют... В жизни бы сам не справился — просто б задохнулся, а потом еще и в обморок бы упал! От впечатлений!

После ведра десятого я сбился со счета. Ускорившись, черт вскочил на крышу и недовольно цокнул:

— Ай-ай! Кто ж так близко кладет! Вот они и покоробились!

Стоило ему свистнуть, как в когтистую руку откуда ни возьмись упал лом. Распевая на манер душевной народной, черт стал поочередно выдергивать непригодные дощечки.

— Раз — жизнь молодая! Два — горя-я-я не зная! Три — эх, любила меня ты, шалопа-а-ая!

Со стороны могло показаться, что рифмоплетство так тронуло меня, что я аж прослезился, зашмыгав носом. Но нет! Тому была другая причина! К тому же, он еще и фальшивил!

Подхватив цыпочек под мышки (уж какие были!), я подобрался ближе к запевале.

— Долго еще? Мне дышать нечем!

Рогатый вопрос проигнорировал. Взмахнув рукой, он подозвал к себе рой деревянных черепиц, которые тут же заняли пустующие места.

— Вот и вся забота! — Отряхнувшись, хвостатый мастер спрыгнул на землю. — Ну, я пошел! Дела остались... — Пороссячи глазки подозрительно забегали.

— А с птицами что делать?! — остановил его. Да и не ушел бы далеко — дорогу преграждал пернатый легион.

— Так это... посиди с ними до зари! Заклятие само сойдет! — "обрадовал" помощничек.

— Я что, нянька для куриц?! — от злости скинул с себя ни в чем не повинных бабонек. — Расколдовывай их немедленно!

— Барышни и кавалеры! — Черт снова хлопнул в ладоши. Все присутствующие синхронно подняли головы. — Шагом марш в птичник!

Послушались безукоризненно!

— Посидишь с ними внутри! — как ни в чем не бывало продолжил рогатый. — Ну, нельзя их оставлять! Напугаться могут, еще и заголосят мне раньше времени! Колдовство рассеется, если петухи не по заре горланить начнут!

— Я спать хочу! — всем нутром противился я.

— А я туда уже сена свеженького принес! Специально для тебя! — расплылся он в довольной улыбке. — Как петухи три раза прокричат, отправляйся домой. Тебе прямёхонько на противоположный конец, через все село! Заодно вместо меня утренний обход проведешь.

— А ты где будешь?! — схватил пройдоху за шкуру.

— Меня хозяйка звала! Еще награду свою, честным трудом заработанную, у тебя забрать надо! — вырвался он, как котяра. — А вообще, не твоего ума дело!

Рогатый топнул оземь копытом, да и испарился.

— Вот же... черт! — Со злости пнул булыжник. Угораздило же остаться наедине на всю ночь с глупыми пернатыми!

Походив туда-сюда, я почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок. Птичник, как и теплица, стоял на отшибе. Кругом тьма и тишина. Ближе всего было безлюдное (а может, и не очень) поле, в котором мог прятаться кто угодно. То ли черт навел на меня страху, то ли эти мысли заставили шагнуть в сторону птичника...

Зарывшись носом в воротник, я присел на небольшой стог сена. Внутри сооружение было просторным и уходило далеко вперед.

На меня, не мигая, смотрели сотни светящихся от заклятия глаз.

Глава 12. Скандалу быть!

Глава 12. Скандалу быть!

Вскоре мне стали чудиться шаги вокруг птичника. "Ших-ших-ших", — приминал кто-то траву. Черту возвращаться было незачем...

— Ветер, — утешил самого себя, на всякий случай задвинув засов.

Дабы совсем не впасть в панику, я решил развлечься единственным доступным способом — светской беседой.

— Чахнете вы тут целыми днями и даже не подозреваете, насколько прекрасен мир за дверью вашей будки! — начал любезничать я с замороженной толпой. — Ах, как я тоскую, вспоминая родные края, свой дом... — горько сказал я и добавил: — Двухэтажный, с просторной гардеробной, садом и фонтанами. Да мне тоска душу рвет! Здесь и воздух другой, и народ мне не мил, и еда какая-то... неполноценная! Быть может, если отъехать на пару десятков километров, станет лучше... Но все равно это будет не то!

Тут я прервался. И с кем я откровенничаю?!

Шаги снаружи участились, послышались глухие хлопки. Обведя взглядом молчаливых собеседников, я шутливым тоном приказал:

— Отряд, становись!

Вот уж не ожидал, что пернатые вновь соскочат со своих мест и повалят со всех углов! Судя по прищурам, настроены они были воинственно.

— Если меня начнут бить, клюйте так, чтоб мало не показалось! — воспользовался я положением. Но противник опередил — со стороны узенького окна раздался громкий стук.

Я кубарем слетел с сена на пол. По-моему, прямиком в свежий помет! Выглянув из-за стога, заметил размахивающий крыльями силуэт.

Уже догадываясь о природе звуков, я отодвинул засов и высунулся из птичника. Пернатый легион остановился за моей спиной, ожидая дальнейших распоряжений.

Из-за угла, важно шагая, показался...

— Степашка?! — вырвался то ли возглас облегчения, то ли страдальческий вздох.

Петух, завертев головешкой, подозрительно сощурился и вдруг открыл клюв...

— Не смей! — взвизгнул я. — Все колдовство испортишь! А мы, между прочим, старались, дом твой чинили!

По-моему, неприятель удивился. Растопырив крылья, он осторожно проскочил между моих ног и стал осматриваться.

— Отряд, отставить! — заважничал я. — Полно тебе по селению разгуливать, честных вампиров пугать. Возвращайся в птичник!

Степана появление нового авторитета злило. Отделавшись грозным "Ко!", он с гордо поднятой головой прошагал к дальнему насесту. Надеюсь, ночью его не переклинет и я не получу еще одну шишку на лоб. А то знаю этих... клюкнутых петухов и забивных козлов! Как взбредет что-то в голову!

По ощущениям, промучался я почти до самого утра. Все кололо, все, пардон, воняло! Сено, не щадя, лезло повсюду: за шиворот, за пояс, в волосы, уши. Воротник рубашки давно заменил мне платок. Раздумывая над тем, что сказать Дине, если она заявится ко мне из-за букета, я задремал. Вот зачем с чертом связался? Понапридумывает он, а объясняться потом мне...

— Кукареку! — зарядил петушиный хор.

Я вскочил, с перепугу врезавшись в какую-то жердь. Только глаза сомкнул!

— Ку-ка-ре... — Хоть уши затыкай — не поможет!

Бухнувшись обратно на стог, я обхватил гудящую голову. Перед глазами после встречи с жердочкой бегали искры.

Продрав горло, сильная часть птичника прошествовала к кормушкам, вопросительно глядя на меня. К ним подтянулись и куры. Ну а кто виноват, что они такие прожорливые? Гуси же с утками обитали в отсеках подальше — там у них стояли корыта с водой.

Заря только занималась над Чертовой заводью. Полоска неба над горизонтом окрашивалась в огненно-оранжевый цвет. Синева плавно рассеивалась, забирая с собой эту бессонную ночь и еще один шматок моих нервов.

Рядом с птичником нашлась более-менее чистая бочка. Все еще пытаюсь продрать глаза, умылся и, расстегнув наполовину рубашку, опрыскал грудь холодной водой. Немного отрезвило.

— Ах! — послышался восхищенный вздох за спиной.

— Ба! Чудо... — поддержал второй голос.

Прекрасно, когда утро начинается с комплиментов!

Обернувшись, я уже приготовился остроумно ответить воздыхательницам, да только взгляды их оказались направлены вовсе не на меня. На птичник!

— Митяй! Глянь, что с птичником стало! — крикнула та, что помоложе. В руках обе женщины держали ведра с зерном.

От теплицы бежал тощий мужичок, размахивая руками.

— Бабы! Там такая диковина! Теплица наша новехонькая стоит!

К постройкам неспешно сходились люди. Кто с пустыми руками, кто с ведрами, в которых было то же зерно либо корнеплоды.

Народ стал заглядывать в птичник, удивленно перешептываясь.

— Наконец-то крыша течь перестанет!

— От нечистого все, от нечистого...

— Вот же он, герой-мужчина! — радостно воскликнула бой-баба, тыча в меня пальцем.

Похлопав себя по щекам, я ответил:

— На благо общества ничего не жалко.

— Вы что... всю ночь не спали?! — пискнула девчушка с ведром.

— Не спал, — в подтверждение зевнул я. — Вы, граждане, пользуйтесь, на здоровье, а мне на обход пора, — покачиваясь, побрел куда глаза глядят. Если развалюшка в противоположном конце, то прямо надо... Как-нибудь дойду!

— Вот спасибо, вот удружили! — доносилось мне в спину. — Да мы ж вас отблагодарим! Да от всей души!

— От нечистого, говорю! Ни один человек за ночь такую работу не сделает!

— А он, поговаривают, вампир...

— Ба-а-атюшки! Вот расплодилось...

Стряхнув с головы солому, обхватил себя руками и сгорбился. Было зябко, гадко... еще и заносило то в одну, то в другую сторону от того, что ужасно хотелось спать!

Беспорядочно зевая, я вышел на ближайшую улицу. И что тут обхаживать? Дома, заборы? Что вообще могло случиться в этой дыре за ночь? Коль все пошли на чудо-ремонт глазеть — ничего! Да ну этого черта!

Я ускорился в надежде встретить по дороге телегу. Чувствую, не дойду — свалюсь куда-нибудь!

Видимо, за ночь я достаточно намучился. Фортуна сжалилась, и через пару домов я увидел мужика, запрягающего лошадь.

— На край деревни довезешь?

Он с испугом оглядел меня и пролепетал:

— Мне в другую сторону, извините...

— Ремень кожаный хочешь? С пряжкой из серебра? — вспомнил я о старом подарке Тадеуша, ни разу не ношеном.

Глаза мужичка вмиг загорелись. Не знаю, какой там ремень на его портки... но если расхламляться, так по полной!

Доставили меня с ветерком, еще и на мягких мешках. Мужик гнал кобылу как на скачках. Когда телега остановилась у заборчика, я спрыгнул и, сказав, чтоб ждал здесь, поплелся в дом. Открыв дверь, подумал, что спросонья все перепутал и приехал не туда...

От сеней в комнату тянулась дорожка из лепестков. Стол был накрыт кружевной скатертью, над головой больше не зияла дыра от звездопада... Да нет же, вон и портрет Гоголя висит! Но что за бормотание я слышу?

Только сделал шаг, как из "спальни" вдохновенно выпорхнул черт:

— Ух, какие ромашки у нашей Ма-а-ашки-и-и!

Я аж воздухом подавился!

— Какой, к чертовой бабушке, Машки?!

— Нет у меня бабушки! А Машка... — Рогатый вновь приставил руки к месту, где у бабы находилась "душа". — Погодь, ты че здесь делаешь?! — опомнился он.

— Живу, вообще-то! — сдвинул его с дороги. — Что за бедлам ты устроил?!

— Красивенько! — Черт заткнул за ухо ромашку. — А чегой-то ты так рано приперся? Зря чтоль на обход посылал? Важное дело, между прочим!

— Отстань уже со своими делами! — Я прошел дальше и, завернув за угол, чуть ли не упал в обморок. — Это что за самодельный люкс?!

Маленькой железной кровати больше не было. Вместо нее в "аппендикс" каким-то образом вместились двуспальная, застеленная призывным красным одеялом. В сочетании с ковром на стене — "шедевр" дизайнерского искусства. Бонусом шло сердечко, выложенное из тех же нескончаемых лепестков. Прямо посередине!

— Ложе любви! — заявил как ни в чем не бывало рогатый.

— Извращенец! Я... я не этот! — пыхтя от негодования, оглядел героя-любовника. Кажется, где-то здесь лежала дедова тросточка...

— Совсем сбрендил?! — кинул в меня ромашкой черт. — Все старания для вас с Ингой!

— Что-о-о?! — Ушам не верю! — Какого...

— Такого!

— Я не просил! — взвизгнул я.

— Да это для дела! — завел очередную песню делец рогатый.

— Ну все! С меня хватит! — Вот и тросточка нашлась...

Схватив ее, от всей души замахнулся на беспредельщика. Да только он успел отскочить — еще и на потолок!

— Скотина! — забравшись на стул, я замахал жезлом расправы с новой силой. — Подставить меня вздумал?!

— Ты на кого руку поднял?! Неблагодарный! — визжал черт, прыгая из угла в угол. — Все декорации испортишь!

— Так им и надо! — топча разбросанные повсюду лепестки, я побежал за ним по комнате. — Тебя кто просил?!

— Дай объяснить! — Рогатый перелетел на люстру и поджал хвост. — Я тебя когда к ведьме перенес, сам к Солохе побежал, сплетнями делиться! Хозяйка моя шельму замужнюю вспомнила, да и загорелась желанием отомстить — это наши ведьмы любят! Говорит, есть у меня идея... Неча тут языком паршивым чесать, надо и место знать! — проблеял он с самыми честными глазами.

— И что же вы задумали? — Я начал расхаживать вокруг люстры, предупреждаясь вертя тросточкой.

— Хозяйка прознала, что Вакула решил сегодня выходной себе устроить. До обеда в кузне просидит, да и до дому, к женушке, чтоб время с ней провести, щей отведать. Только не сказал он ей об этом, сюрприз захотел сделать. Солоха этой лисе письмо от твоего имени написала, мол, приходи ко мне к обеду, хочу с тобой объясниться... Она и придет, блудом ведомая, наверняка подумает, что ты в ее сети попался. Но мы не пальцем деланы: есть у Солохи средство одно... зелье правды зовется. Она его в вино добавит, которое вы разольете. Ты сам не пей, выплевывай или только вид делай. Достаточно пары глотков, а мы тут как тут... С муженьком и всем селом впридачу! То-то он ее искать кинется! А она на него — со всей правдой!

— Делать вам нечего? — Вот я и пожалел, что разговорился с ним на ночь глядя!

— Жить надо весело! — Черт спрыгнул с люстры, потеряв бдительность.

Тут-то я его и прижал тросточкой к стене.

— Ты хоть подумал, что мне тоже достанется?! — прошипел я. — А с Ингой что будет? После такого позора один выход — топиться!

— Предателям в деревне не место! — Рогатый стал извиваться, как уж. — А тебя мы героем-разоблачителем сделаем! Тем более глаз на тебя другая баба уже положила! Отпусти!

— Какая еще баба?! — перепугался я, надавив сильнее.

— Ведьма... рыжая... — прохрипел нечистый.

— Дьявольское отродье! — процедил сквозь зубы, но, сжавшись, убрал трость. — Доставил же ты проблем!

Черт, кашляя, сполз по стеночке вниз, изображая жертву нападения.

— Где мой гоблин?! — понял, что чего-то не хватает.

— Так это... он письмо как раз пошел передавать.

— Смахивает на ОПГ, — почесал затылок я.

Задушевная беседа прервалась шорохами со двора и лошадиным ржанием. Я кинулся к окну. Никакой телеги у забора уже не стояло. Зато к дому, размахивая метлой, уверенно шла та самая корпулентная дама, интересовавшаяся моим семейным положением. Хоть в чем-то меня пронесло: ни один ее глаз больше не косился в мою сторону!

В том, чтоб открыть дверь, не было необходимости. Мадам зашла без приглашения, с порога заявив:

— Ну шо, готово?

В пухленьких ручках она держала пузатую бутылку вина. Завидев меня с тросточкой и черта, распластавшегося на полу, Солоха нахмурилась и воскликнула:

— Тю! Касатика моего обижаешь?

В лоб мне тут же прилетел мощный щелбан. В глазах заискрило, и я так и повалился на пол...

Очнулся на мягком. Приподнявшись на локтях, огляделся. Я почивал на "ложе любви" в полном одиночестве, но... без одежды. Точнее, в одних шортах с красными сердечками! Видимо, для пущей правдоподобности!

Смахнув с себя лепестки ромашек, я прошлепал в комнату в поисках одежды. Гады! Спрятали куда-то вместе со всеми сундуками! Чтоб не сбежал!

Со стороны портрета послышался ехидный хохот.

— Смешно тебе?! — скривился я, глядя на веселого дядьку.

— Коль шутка хороша, чего не посмеяться?

— Нашел время остроумничать! — обиделся, нервно глянув в окно. Пускай споткнется по пути... или лучше сразу мужа своего встретит!

На столе теперь стояла бутылка вместе с корзинкой яблок и винограда. Отщипнув пару ягод, я спросил:

— И долго я был в беспамятстве?

— Полдень на дворе, — утирая слезы от смеха, Гоголь прикрылся книжонкой.

— И ты с ними заодно! — ткнул пальцем в портрет.

Но дядька уже замер, делая вид, что ничего не слышит. Я присел на подоконник и открыл форточку — душновато стало... Это ж надо было такое учудить! Нет, лучше иметь ввиду какие-то пути побега! А то еще в пылу гнева налетит на меня, и все... поминай как звали! Прибьют прямо на ложе, в ромашках!

В дверь тихонько постучали. На ватных ногах, не спеша поплелся навстречу смертному приговору. Но на пороге меня ждало еще большее удивление.

— Дина?!

— Марко?!

Мы с рыжей вылупились друг на друга так, будто встретились впервые.

— Ты что, спал? — Взгляд ее сполз на мои дизайнерские труселя.

— Да! — прикрылся руками, как смог. — Зачем пришла?

— Обсудить кое-что хотела. — Рыжая заглянула мне за спину. — А ты ждешь кого-то? — вздернула она брови.

— Ж-ж-жду... — неуверенно закивал я, зыря по сторонам. Когда там Ингу нелегкая принесет?

— И кого, интересно? — Бесцеремонно оттолкнув меня, Дина прошествовала в комнату.

Хоть я и не видел ее лица, готов поспорить — оно багровело от злости!

— Это... еще что? — Рыжая заглянула за шкаф. Сжав кулаки, резко обернулась. — Ах вот как, значит?! Букеты мне по ночам носит, а сам... Кобелина! А я еще с ним поделилась всем!

Схватив из корзины яблоко, она швырнула в меня им. Увернувшись, я подбежал к скандалистке и крепко сжал ее со спины.

— Ты все неправильно поняла!

— Совсем дуру из меня не делай! — брыкалась Дина. — Раз хочешь со стервой этой пашни крутить, не приближайся ко мне! После всего, что я тебе рассказала...

— Да черт с Солохой ее наоборот проучить собрались! — развернул ее к себе и

встрянул для профилактики. Заметил, что Дина впервые за все это время собрала волосы в причудливую косу, которая теперь растрепалась. — Мы ее зельем правды напоим...

Тяжело дыша, Дина сначала не поняла, что я сказал... Но уже через пару секунд глаза ее полезли на лоб.

— С ума сошли?!

— Ма-а-арко-о-о! — послышалось с улицы.

— Ёж-твою-мышь! — выразилась за меня рыжая.

— В шкаф! — прошипел я, толкая ее.

— Занято! — заявил черт из распахнутой дверцы.

— Под кровать! — дернул Дину в другую сторону.

В дверь снова забарабанили.

— Живее! — Я стал собственноручно заталкивать ее под постель.

— Да погоди! — Рыжая попыталась пролезть, придерживая юбку. Послышался звук глухого удара. — Ай!

Инга вновь постучала, теряя терпение. И я его терял!

— Ничего личного! — Не церемонясь, схватил Дину за выпяченную пятую точку и... пихнул как можно сильнее!

Куда меня послали из-под кровати, я б в жизни не повторил! В панике мечась из стороны в сторону, я сдернул одеяло и, обернувшись им, побежал навстречу госте. Не сражать же наповал с порога! А произведение цветочного искусства и без того было испорчено!

Наконец распахнув дверь, я так и обомлел. Румяная краса сложила ручки перед собой и недовольно вздернула бровку. Черные локоны спадали на сорочку, усыпанную пестрым орнаментом, бедра облегла синяя юбка. Груды часто вздымались, норовя выпрыгнуть из декольте. Ну как такой женщине вообще можно отказать?!

— Заставляешь даму ждать! — с упреком сказала она вместо приветствия.

— Думал, ты придешь позже, — улыбнулся я. И все-таки не буду черта подводить. Не моего полета птичка, хоть и хорошенькая...

Войдя без приглашения, Инга вдруг прижала меня к двери своим бюстом:

— Зачем тебе одеяло? Прячешь там что-то?

Еще и носиком по моей щеке поводила, словно что-то вынюхивая.

— Холодно. — Крепче вцепился в самодельную мантию. Лучше так, чем в позорных труселях!

— Разве вампирам бывает холодно? — Голос Инги резко изменился с раздраженного на бархатистый.

— Вампиры тоже люди! — выпалил я и, чуть ли не поперхнувшись от осознания сказанного, взял ее за руку. — Что ж мы на пороге стоим?

— Действительно! — усмехнувшись, Инга обернулась и громко ахнула. — А ты подготовился!

— Да это так, приятное дополнение! — Я подтолкнул ее к столу, чтобы пьеска не затягивалась. — Надеюсь, ты любишь ромашки? — Чтоб я еще в этом что-то понимал!

— А кто не любит? С поля принес? — Она кокетливо очертила пальчиком мой подбородок. — Слышала, ты за ночь теплицу с птичником в порядок привел... Неужто сам, без чьей-то помощи? — Как бы невзначай окинула взглядом угощение на столе.

— Еще бы! Сам, конечно! — заверил я, пододвигаясь к вину. — Как говорится, первое

впечатление нельзя произвести дважды, но можно исправить!

— Должно быть, измучился, устал... — Приблизившись со спины, Инга заводила руками по моей груди... а после опустила их гораздо ниже! Впервые я не был готов к такому повороту!

Встретившись с ней лицом к лицу, вымученно улыбнулся:

— Вина?

— Разве ты не хотел поговорить со мной? — Инга нехотя отдернула шаловливые ручки.

Кинулся к стаканам так, что чуть ли в одеяле не запутался. Со стороны кровати кое-кто отчетливо стукнул кулаком по полу. Инга повернулась на звук.

— С улицы, — отмахнулся я, протягивая ей напиток. — Под хорошее вино и беседа лучше идет! — блеснул очередным авторским афоризмом.

Жена кузнеца присела на стул и, приняхавшись к стакану, спросила:

— А откуда оно у тебя?

— С собой привез! — и глазом не моргнул. — Многолетней выдержки, ценный подарок дорогого друга!

— И правду говорят, у вас там все на вине помешаны. Нашли, что дарить! — хмыкнула девушка, закинув одну ножку на другую.

— А разве ты сама не родом из наших земель? — Сделал вид, что отпил из стакана. — М-м-м, попробуй!

— Родом. Вот только я о них ничегошеньки не знаю! — Она осторожно пригубила. — Там хорошо?

— По сравнению с вашей дырой — чудесно! — Аж слезы на глаза навернулись! — Что ни день, то праздник! Казино, рауты в замках, охота в кодрах...

— Как беспечно! — перебила меня красотка. — И надолго ты в нашем захолустье?

— Надеюсь искупить вину за месяц, — тут я кое-что вспомнил. — А как ты про моего деда прознала?

Инга горделиво поднялась и, покачивая бедрами, подошла ко мне.

— Яблочко по блюдечку пустила.

— Колдуешь? — деланно удивился, огибая стол.

— Околдовываю! — поправила она, шагая за мной по пятам.

— Может, на брудершафт? — ляпнул я и сразу пожалел. Пить-то придется до дна!

— А давай! — лихо согласилась жена кузнеца.

Со стороны шкафа раздался тяжелый вздох. Раззадоренная Инга и бровью не повела — подняла стакан.

Выхода у меня не было. Эта чертовка точно что-то бы заподозрила! Скрестив руки, мы обменялись короткими взглядами и начали пить. Перед глазами, как назло, пронеслись все моменты, которые надо было не помнить!

Инга справилась быстрее и, дождавшись, когда я опущу стакан, буквально впиалась мне в губы. О, какой крепкий это был поцелуй... Но в то же мгновение спину обжег ненавидящий взгляд.

Я отпрянул. Голову слегка вскружило.

— Разве ты пригласил меня, только чтоб пить вино? — Коварно блеснув глазами, Инга сорвала одеяло и хохотнула. — По-моему, нет!

Вцепившись в недоразумение в сердечках, я попятился, как неопытный юнец.

— Хотел... признаться... — Слова давались как никогда тяжело! — Я... влюблен в

тебя!

Отступать уже было некуда — сзади стояла кровать!

— Знаешь... — Инга без стеснения стала расстегивать пуговицы на сорочке. — Ты ведь мне тоже очень, **очень**, — подчеркнула, расплывшись в хищной улыбке, — нравишься!

Тряпки полетели на пол, а Инга — на меня! От неожиданности я повалился на кровать и тут же отполз подальше от края.

— Инга! — грозно позвали со двора. — Ты здесь?!

— Ерема?! — растерявшись, верная жenuшка прикрылась руками. — Как?!

— А вот так! — злобно процедила Дина, и из-под кровати высунулась беленькая ручка, схватив Ингу за ногу.

Жена кузнеца испуганно завизжала, окончательно выдав себя. Я слился со стенкой...

Мгновение — и дверь грохотнула. Кажется, ее просто-напросто снесли с петель!

Глава 13. Гуляй, шальная!

Глава 13. Гуляй, шальная!

Из-под кровати, как кошка, выпрыгнула взлохмаченная Дина. Инга юркнула в проем, к шкафу, вот только и там ее поджидал сюрприз.

— Куда намылилась, милочка? — довольно хрюкнул черт, распахивая створки.

Жена Вакулы, снова взвизгнув, отшатнулась... и встретилась лицом к лицу со своим главным страхом.

— Е-ре-ма... — по слогам произнесла она, заливаясь краской.

— Вот чем ты в мое отсутствие занимаешься?! — процедил сквозь зубы кузнец, сжимая гигантские кулаки. Я уже не сомневался, что он меня в рогалик скрутит...

Воздух потрескивал от напряжения. Гоголь и вовсе закрыл глаза, не в силах наблюдать за разразившейся трагедией. Разбилась еще одна лодка любви... вот только не о быт, а о меня! Чувствовал ли я сожаление? Нет! Зато чувствовал, как мутнел мой рассудок!

Инга, хлопая ресницами, попятилась, но путь ей преградила грозно сопящая Дина. Повернув голову, Вакула встретился взглядом со мной... Глаза эти были страшны: черные, сверкающие ненавистью, они испепеляли заживо!

Я стал медленно отползать в уголок...

— Очи ч-черные, очи с-страстные... — вспомнилось! Из цыганского! Напоследок! — Не люблю я ва-а-ас, но боюсь я ва-а-а-ас!

С диким ревом кузнец бросился на меня. Врукопашную!

— Граждане понятия! — свистнул черт.

Откуда ни возьмись в дом повалили люди. Все выходы оказались перекрыты. Остался один — в окно!

Больше не заботясь о позорном внешнем виде, я вскочил на подоконник, но сразу был схвачен Вакулой. Наперерез ему кинулась рыжая.

— Ирод! — рычал кузнец, дергая меня за ноги.

— Да не винова-а-ат я-я-я! — кричал я, вцепившись чуть ли не зубами в форточку. Народ, наблюдавший снаружи, отпрянул, охая и ахая.

— Это черт все подстроил! А он подыграл! — верещала Дина, безуспешно пытаясь оттащить Вакулу.

Взмахом она была откинута на кровать. Попытавшуюся сбежать Ингу удерживал черт. А меня по-прежнему удерживало чудо!

— Не люблю я тебя, Ерема! — выпалила Инга и, спохватившись, захотела прикрыть рот. Но не тут-то было: зелье уже начало действовать! — Больно для тебя, тюфяка, хороша! Я его заполучить хотела!

Челюсти зрителей поотвисали одна за другой. Глаза Инги полезли на лоб, и только теперь она догадалась, почему я так хотел угостить ее питьем...

— Ах ты дрянь паршивая! Ты что мне подлил?! — забрыкалась жена кузнеца.

— Зелье пра-а-авды-ы-ы! — взвыл я, находясь на пределе своих возможностей. — Это не моя идея! Черт с Солохой захотели тебя на чистую воду вывести!

Вакула рывком сдернул меня с подоконника. Вместе с форточкой! Чуть ли не раздавив Дину, я кубарем покатился по полу.

— Не любишь, значит... — Кузнец насупил брови, сжимая в руках раму. — Почему

раньше не сказала?

— А я не знала, поведется ли этот дурак на мои ухищрения! — хохотнула Инга и тут же боязливо осеклась. — Денег у него море! Безмозглый внучок богатого дедули, который вот-вот лапты откинет и оставит ему в наследство поместье в Трансильвании! Прикатил сюда на месяцок-другой, а потом, как обратно бы засобирался, меня б с собой взял! Зажила бы там припеваючи, не зная нужды и скуки, а ты бы и не представлял, где я и с кем. Пропала женушка! Волки съели!

— Плохо ты колдовала! — рассмеялся я, вскакивая с пола. — Никакого поместья больше нет! Я проиграл его! — Десятки изумленных взглядов переместились на меня. — Да! Проиграл! А после этого дед отобрал у меня мой особняк! Теперь я гол как сокол! Ни гроша! Я вообще склонен все проигрывать! — заявил без стеснения, положив руку на сердце. — Деньги — это ладно, дед привык! Я проигрывал мебель, кареты, слуг... Даже бедного Тильбо однажды проиграл Тадеушу, своему лучшему другу! Правда, мы с ним нашли компромисс... О, эту историю я еще никому не рассказывал! Господа, пользуйтесь случаем! — завладев всеобщим вниманием (кто-то даже дышать перестал), я прочистил горло. — Этот прощельга предложил мне переодеться дамой, пройтись так по главной площади и словить попутную карету в обмен на гоблина! Сейчас я бы ни за что не согласился на такое унижение, но лет двадцать назад я жил без царя в голове...

— Лет двадцать?! Сколько же вам?! — удивились в толпе.

— Почти пятьдесят! — Особо впечатлительные на этом моменте свалились в обморок. — А что? Я не дама, чтоб возраста стыдиться! Между прочим, мужчину годы только красят, а вампира — тем более! — специально обнажил клыки. — Так вот, надел я премиленькое розовенькое платье одной знакомой барышни... А барышень у меня было много! Я их... ух! Всегда любил!

Рука сама потянулась шлепнуть Дину по ягодице. Но, сделав это, я мгновенно пожалел — в ответ прилетела хлесткая пощечина. Потирая щеку, я продолжил:

— Расхаживаю, значит, по площади. Лицо скрывает плотная вуаль, на руках перчатки. Тадеуш стоит у какой-то лавки под видом покупателя. И тут, спустя минут десять, ко мне подбегает дедок! Целует ручку, зовет к себе, мол, поехали, деньгами не обижу. Ну, Тадеуш ведь не уточнял, с кем мне ехать? Вот я и беру его за локоть, и иду напрямиком в карету! Его не смущает, что я на голову выше и хожу на каблуках, как слон, раскачиваясь из стороны в сторону! Куртизанки нынче разные бывают! — со знанием дела заявил я. — Садимся, а он, как назло, таким обходительным оказался! Мне аж не по себе стало! И ручку подает, и интересуется, не укачивает ли... Сижу я, хихикаю с ним тоненьким голоском, — даже изобразил, — и буквально на следующем перекрестке он мне — раз! Руку на ногу кладет! Я повернулся, вижу, Тадеуш еле поспекает, бежит за нами. Ну и аккуратненько так платье приподнял, ножку на деда закинул... — Выставил ногу на кровать, оглядывая замершую с открытыми ртами публику. — Он рукой по ней провел, да ка-а-ак заорет! Карета остановилась, я выпрыгнул и понесся сломя голову к Тадеушу! Благо, вечерело уже, вот мы и нырнули в какой-то переулок.

Инга заливисто рассмеялась, и ее смех стали подхватывать в толпе. Похрюкивающему черту веселее всех было — у него аж слезы выступили! А вот кузнец с места не сдвинулся, что-то напряженно обдумывая. Дина же прикрыла глаза рукой, видимо, испытывая испанский стыд.

— Ой, а мы когда с Грицко на сеновале миловались... — начала Инга, но была прервана

возмущенными возгласами.

— С Грицко?! Так вот почему первый красавец ни на кого не смотрит! Да он же младше, постыдилась бы!

— Ты еще и с ним спала... — Вакула сильнее сжал оконную раму. Мне показалось, она сейчас на куски разлетится!

— Но-но! Со мной эта стерва не спала! — поспешил обелить себя. — Пирог мне носила, в трактире вместе отплясывали, но не более! А вот с кем спала, так это с купчиком заезжим! Она Дину тогда подставила, вместо себя положив! А сама в сарае пряталась, когда ты, Вакула, ее искал!

Дина дернула меня за руку. Я лишь пожал плечами, мол, что поделать? Зелье правды, как-никак!

Веселость Инги вмиг улетучилась, и она побледнела, как поганка. Дрогнули горячие уста. Кузнец был уже малинового цвета от злости. Вулкан страстей в нем вот-вот должен был рвануть...

— Все ваши сплетни, дамы и господа, незаслуженные и грязные! Требую извинений перед Диной! — разошелся я. Заметив, как несколько дамочек без стеснения рассматривают мои трусы, поспешил прикрыться. — От каждого!

— Убью-ю-ю-ю-ю! — взревел пуще прежнего Вакула и запустил форточкой в толпу.

Народ с криками повалил в разные стороны, и рама со стеклом разбилась о... портрет Гоголя! Бедный, бедный дядька! Не ожидая такой подставы, он так и упал с кресла, держась за голову!

Вакула, вконец озверев, метнулся к Инге. Черт разжал руки, по-пороссячи завизжав от испуга. Сама благоверная попыталась слиться с выбегающей из дома толпой...

Воспользовавшись суматохой, я нырнул в распахнутое окно.

Приземлившись на траву, поспешил ретироваться в какое-то укрытие до лучших времен. Двор превратился в квохочущий курятник. Пока народ с криками метался туда-сюда, я обогнул дом и думал перебежать через пустырь в деревню... но очень не вовремя столкнулся с Ингой.

— С дороги! — рявкнула она.

— Ага, щас! — схватил чертовку и потащил в ту сторону, откуда она бежала.

Из-за угла выскочил взвинченный Вакула. За ним, придерживая подол платья, еле попевала рыжая.

— Поздно убежать! — толкнул Ингу прямиком в объятия муженька.

— А ведь ты мне действительно понравился, Марко! — обозленно бросила она, не теряя надежды вырваться. — Даже если бы ты не забрал меня с собой, сердцу моему рядом с тобой было хорошо! Не то что с этим! — с ненавистью глянула на Вакулу. — Ты груб, ты даже не понимаешь, как обращаться с женщиной! Только и можешь стучать молотком в кузне! — Инга забарабанила кулачками по ручищам, крепко обхватившими ее талию.

— Коль здесь, — ткнул себя в грудь, — и здесь, — хлопнул по бедрам, — природа даровала, тут, — покрутил пальцем у виска, — она решила сэкономить! Ты даже не представляешь, сколько вариантов можно найти в столице! И с прекрасной родословной, и с приданым, и с характером уж явно приятнее твоего! Какой мне прок брать в жены скверную, еще и замужнюю сельскую бабу?! Да Дина и то лучше! — Рыжая аж подпрыгнула на месте от комплимента. — А ты... обыкновенная потаскуха! Всю деревню собрала! Это хорошо, что мы тебя зельем угостили! Еще неизвестно, что собиралась подмешать мне ты! — и только

закончив, я осознал, сколько всего наговорил... Нет, правда в этом была, но Вакуле, судя по лицу, она не нравилась!

Народ, окружив нас, стал свистеть и улюлюкать.

— Распутница! Плутовка! Она и моего мужика соблазнить пыталась! Стыд! Позор до конца дней! — раздавалось отовсюду.

Вакула со всей силы толкнул лохматую, полураздетую Ингу — ее спасла от падения Дина — и, закатав рукава, в считанные мгновения повалил меня на землю.

— Я не то хотел сказать! — заверещал я, извиваясь как уж и размахивая ногами. — Ну, сглупила баба, с кем не бывает!

Увернувшись от кулака, я смог перекатиться, но кузнеца было не остановить: он намеревался заживо прикопать меня! Никакие попытки оттащить его не помогли! Казалось, глаза Вакулы вот-вот вылезут из орбит...

Но вдруг откуда-то сверху послышался приближающийся гул. А затем женский голос громогласно объявил:

— Посторонись!

Народ, выстроившийся в несколько рядов, отскочил в разные стороны, открывая следующую картину: впереди, активно размахивая руками, бежал как угорелый черт, а за ним, вцепившись в метлу, неслась по воздуху Солоха. Причем корпулентная дама балансировала на тоненьком черенке с завидной элегантностью!

Вакула на мгновение отвлекся, но и этого оказалось достаточно. Лягнув его, я понесся не хуже черта к сортиру. Дернул дверь — елки-палки, кому приспичило, когда во дворе такие страсти кипят?!

Раздраженный кузнец, заметив пропажу, быстро нагнал меня. Не придумав ничего лучше, я помчался к дому. Внутрь бежать было бессмысленно. Только лезть на крышу!

Запрыгнув на подоконник, я успел дотянуться до кромки... Но сильная рука впиалась прямо в мой зад.

— Не уйдешь, подонок клыкастый! — прорычал сзади Вакула.

— Убегает! — прозвучало в толпе.

Мы с кузнецом синхронно повернули головы. Какая-то женщина поднимала с земли поверженную Дину, потиравшую ушибленный бок. Все взгляды были устремлены на чашу, располагавшуюся вдалеке. Туда на всех парах летела Инга, за которой пытались угнаться двое мужиков.

— Самонадеянная! Неча с кривдой на ты знаться, шоб потом от правды бежать! — усмехнулась Солоха и стукнула оземь помелом. Вдруг голос ее словно объял все селение, взмыл над ним и вынес роковой приговор: — Не жена ты отныне Вакуле! Нарушила клятвы, данные мужу своему, предалась страстям запретным! А скольких же ты обманула! Птицей тебе обратиться! Пути все здешние спутаются, дороги забудутся!

Слова ведьмы эхом разошлись по округе. Земля затряслась. Я почувствовал, как слабеет хватка Вакулы, и крепче вцепился в кровлю. Трава, деревья — все зашелестело от резко налетевшего ветра. Казалось, сама природа в эту минуту приговорила Ингу к вечному скитанию.

Наконец девушка остановилась и, только успев обернуться, растаяла зыбкой тенью в воздухе. А вверх взмыла большая сорока...

Публика в привычной манере захохла. Кто-то, испугавшись колдовства, закрыл глаза, кто-то недоверчиво отошел от Солохи, и лишь Дина никак не отреагировала на случившееся.

Обхватив себя руками, она молча провожала взглядом бывшую подругу.

— Мать честная... Что ж теперь с Вакулой будет? А может, пощадить надо было бабу? Ну, простил бы... лет через десять, — переговаривались в толпе.

Несмело обернулся на кузнеца. Он замер, как каменное изваяние, глядя вслед удаляющейся птице. Об Инге напоминали сорочка да юбка, упавшие на землю. Честно, даже мне не по себе стало. Был человек буквально пару минут назад, говорил с тобой... и вот его не стало. Бр-р-р! Это ж как надо было Солохе дорогу перейти?

Вакула, не готовый к такому лихому повороту, видимо, решил выместить всю злость на мне. Причем я уже был уверен, что топор войны зарыт! Но нет, он только поднят!

Дернув меня сзади, кузнец сильно просчитался... Послышался треск ткани — это трусы погибли смертью храбрых... Разошлись по швам! Надвое!

— Мама мия... — проскулил я под смешки женской половины, сверкая теперь не только голой задницей. Впрочем, все, как и обещал дед!

Выругавшись от души, Вакула повалил меня обратно на траву. Краем глаза я заметил дядьку в окне, который тут же прикрылся от срамоты шторкой.

— Может, договоримся? — пискнул я, не сводя глаз с ошалевшего. — Ко мне, знаете ли, и с ружьем заявлялись, и с саблей! Но почти во всех случаях...

Закончить я не успел. Под оглушительный визг Дины мне таки решили украсить глаз. Кулаком!

Глава 14. К нам едет ревизор!

Глава 14. К нам едет ревизор!

— Бито! — послышался девичий смешок где-то неподалеку.

— Ай-й-й! — хрюкнули недовольно.

Приоткрыв один глаз, я так и зажмурился. Лучи солнца беспощадно били из дыры в окне.

— А что вы скажете на это? — усмехнулся, похоже, Гоголь.

— Да едрить твою!.. — выругались в ответ.

— Не при даме же, сударь! — возмутился дядька.

Приподнявшись на локтях со второй попытки, я встретился с табуном искр, кружащихся по всей комнате. Голова гудела словно после гулянки, левый глаз не на шутку опух и сам закрывался. Отбросив одеяло, я встретился... собственно говоря, ни с чем и заново прикрылся.

За столом резались в "Дурака" Дина, черт и Гоголь. Причем, последний играл прямо с кресла на картине. Девчонка уже скинула карты и взирала на соперников с довольным видом.

— Тебе, рогатый, козырнуть надо! — подсказал я сидящему ко мне спиной чертяке.

— Ба-а-а, очнулся! — Тот аж подскочил на стуле.

— Ничего без ворожбы своей не умеешь! — отмахнулся от черта Гоголь, отрываясь от игры.

— А где все остальные? И... что у меня с лицом? — потрогал бедный глаз, стараясь вспомнить последние события. Вот пришла Инга, мы выпили на брудершафт... буквально через несколько минут появился кузнец, застав ее врасплох... А дальше что?!

Дина, тяжело вздохнув, подперла голову рукой:

— Хорошо тебя Вакула приложил...

— Он еще и не помнит? — усмехнулся дядька.

— Дык зелье правды же! Будь оно неладно... — Черт сгоряча бросил на стол все свои карты.

— Тебя сюда дотащила эта прелестная сударыня после того, как Вакула с тобой, кхм, поквитался, — как бы между делом вставил Николая.

— В таком виде?! — ахнул я, вновь заглядывая под одеяло. — И... много тех, кто это застал?

— Пол села, — пожал плечами чертяка.

— Не было бы тебе позора, если б на жену чужую не засматривался! Уж лучше бы на Дину глаз положил: и Шекспира цитирует, и Байрона знает! — иронично добавил дядька.

— Я, между прочим, тоже барона знаю! Знал, — поспешил поправиться. — Кентервильского, что ли? — тут я задумался, вновь ловя перед собой искры. — А может, он вообще графом был...

— Полно с меня! Разговаривайте с этой бестолочью сами! — Гоголь, скинув карты, слился с креслом.

— Ха! Выеживался он! — радостно подпрыгнул рогатый. — Не было у него козырей!

— Вакула застал вас с Ингой в спальне, а с ним и добрая часть деревни... — начала Дина. — Он давай требовать от нее объяснений, а Инга заявляет: "Не люблю я тебя, его

заполучить хотела. Забрал бы меня с собой в поместье трансильванское, а ты бы даже не узнал, где я и что со мной".

— Не сыпь мне соль на рану! Нет никакого поместья! — перебил с раздражением.

— Ты так и сказал. А еще признался, что в жизни много чего проиграл, в том числе своего слугу Тильбо... — тут Дина сдвинула ладошку на щеку, надеясь, что я не замечу улыбки на ее лице.

— Только не это... — натянул на голову одеяло.

— Хотел бы я глянуть на твои ножки под розовеньким платьем! — скабречно хохотнул черт.

— Нет! Нет! Нет! — Впервые в жизни я сгорал со стыда! — Это шутка! Все совершали ошибки в молодости!

— Харе стесняться! Мы теперь все про тебя знаем! — еще сильнее раззадорился черт. — И даже все видали!

— Эй, знаток мужской красоты! — выглянул из-под одеяла. — Ничего смешного у меня ТАМ нет!

— Потом ты назвал Ингу потаскухой, которая собрала всю деревню... — скромно продолжила озвучивать мой послужной список Дина. — В принципе, справедливо. Но Вакула не оценил.

— Ой-ой-о-о-ой! — взвыл я и хлопнул себя по лбу. — Что ж теперь будет с Ингой?!

— Судьбу ее Солоха уже решила. С мужем Инге после такого не жить, а идти некуда. Вот Солоха и обратила ее в птицу да пустила по свету, — с ноткой грусти ответила рыжая.

— В сороку! — весело хрюкнул черт. — И поделом бабе! При жизни на цацки только и глазела!

— Еще и человеку жизнь испортил! — искренне сожалея, воскликнул я. — А... Вакула? С ним что?

— Не спрашивай! — махнула рукой Дина. — Дом свой поджег! На всю округу полыхало! И часу не прошло, как потушили!

У меня отвисла челюсть!

— Дык он в порыве гнева чудом пол деревни не снес! — вторил девчонке черт. — От кузни его оттащить успели, так он житницу крушить стал! Сидит щас у хозяйки моей, ни жив ни мертв... Она его отварами успокоительными отпаивает. Больно плох мужик.

— Да он меня со свету сживет! — вскочил я и, схватив подушку, запустил в нечистого. — Скотина парнокопытная!

— Етижи-пассатижи! — взвизгнул хряк рогатый, прыгнув на люстру. — За что?!

— Ты мне что обещал, предатель?! Что я героем буду, разоблачителем! А я теперь кто?! Проходимец! Душегуб!

— Хмырь голозадый! — вставила Дина. Заметив наши удивленные взгляды, пояснила: — Это не я, это Вакула...

— А как я, собственно, без трусов оказался? — захолопал уцелевшим глазом я.

— На крышу полез. А кузнец тебя оттуда за них стянул... — не удержавшись, рыжая прыснула со смеху.

Картина в голове наконец восстановилась. Я вспомнил, как пытался сбежать от Вакулы в окно, как валялся с ним "в обнимку" в грязи, о чем свидетельствовали коричневые разводы на теле.

Черт тихонечко спрыгнул с люстры и попятился к выходу.

Завернувшись в одеяло, я прошлепал к зеркалу и, взглядевшись в отражение, чуть ли не получил инфаркт на месте! Цензурно было не выразиться!

— ...Да предки в склепе перевернутся! — напоследок вырвалось у меня. — Таким уродом я в жизни не был! — почти в голос зарыдал, глядя на огромное фиолетовое пятно на пол-лица. Мой левый глаз превратился в еле заметную щелочку!

Во дворе вдруг послышались торопливые шаги — к нам кто-то бежал.

— Есть хтось? — раздалось в сенях.

Вот кого-кого, а архивиста я уж никак не ожидал увидеть! Красный, запыхавшийся, Фома Брут влетел в комнату, буквально сбив черта с ног. Волосы, тронутые сединой, сбились так, что напоминали птичье гнездо.

— Хорошо, шо вы все здесь! — Он оперся о шкаф, переводя дыхание. — Ба-а-атюшки! — вздрогнул при виде меня. — Я ж думал, брешуть...

— Че надо? — Рогатый недовольно повел пятаком.

— В году этак сорок осьмом произошло в нашем местечке шось такое... Только, помнится, никаких вампиров там и в помине не было! — серьезно задумался Брут.

Не дожидаясь, пока Фома опомнится, черт вырвал у него из рук бумагу.

— Это че?

— Я к вам с новостями важными, пан начальник! — Брут вернул себе исписанный чернилами лист. — Дело сурьезное, еще и в самый неподходящий момент, как назло! Скажу словами Николая Василича, раз и он здесь! — Фома приветственно кивнул портрету. — К нам едет ревизор! То есть пан Корней! Три ночи ему на дорогу нужно! Их благородие хочет поглядеть, как помощник завхоза на новом месте обжился, заодно и познакомиться! Пишет, давненько в краях своих не бывал, как раз неча ему делать...

— Ну, приехали, товарищи! — всплеснул руками черт. — Че ни день, то новый сыр-бор! Я из-за вас на пенсию раньше времени уйду! Тьху!

— Это все дед! Он меня подставить решил, чтоб я здесь пожизненно остался! — вскричал я, сгоряча схватившись за голову. Одеяло предательски шмякнулось на пол, обнажив все мои "прелести"...

— Не, нам такого счастья не надо! — хрюкнул рогатый.

Дина, покраснев, отвернулась. Фома кашлянул и сделал вид, что продолжает читать письмо.

— А, вот! Их благородие отправляются в дорогу завтра, время еще есть...

Прижав одеяло к груди, я выпалил:

— Пол деревни развалено! От хаты Вакулы один пепел остался! Еще и внеплановые кадровые перестановки случились! И что вы предлагаете делать?!

— Ехать поутру на ярмарку! — мгновенно нашел решение нечистый. — Мы там все, что нужно, прикупим и за пару ночей селение подправим! Правда, сюртуком тут уже не отделаешься... — Он задумчиво почесал козлиную бородку.

— А с этим как быть?! — подбежал я к зеркалу, забыв прикрыть "вид сзади".

— Ну, тут все само за себя говорит! — поганенько рассмеялся черт. — Динка, че отвернулась? После такого его только в жонихи брать!

— Дина! — осенило меня. — Диночка! — подлетел к рыжей, не обращая внимания на двусмысленные подмигивания рогатого. — Ты ведь можешь этот позор с лица убрать? Колдовством?!

Рыжая наконец соизволила посмотреть на меня, но ничего утешительного в ее взгляде

не было.

— Я чарами преображения не владею. Тебе только Солоха поможет — она на все руки мастер!

— Че есть, то есть! — потер ладони черт, подкрадываясь ко мне со спины.

— Отстань, извращуга! — отскочил с одеялом к портрету. Гоголь тут же закрылся рукописью, не в силах терпеть близость моей пятой точки. — Иначе я тебе твои копыта засуну...

— Забыл! Мне ж еще перепись делать! — воспользовавшись моментом, Брут пулей вылетел из дома.

— Бумагомаратель треклятый! — плюнул ему вслед рогатый.

— Динуля... — не отступал я от штурма рыжей крепости. — Может, ты со мной к Солохе пойдешь? Там ведь Вакула... Да и просить ее как-то... неудобно!

— Ага! — Девчонка поднялась, грозно сжав кулаки. — Вот для чего ты букетами по ночам расшвыриваешься! Мозги мне пудришь, а сам везде мной прикрываться вздумал?!

— Это черта идея! — возмутился я.

Тем временем рогатый, насвистывая что-то себе под пятак, преспокойно шагал к выходу. Заметив наши негодующие взгляды (мой уж точно нельзя было не заметить!), он как ни в чем не бывало обернулся:

— Вы, голубчики, время не теряйте, идите лучше к хозяйке моей. А я к Василию в хату сбегая. Там заначка лежит под подушкой...

И пропал, как наваждение!

— Хмырь голозадый, — повторила сквозь зубы рыжая, но я услышал.

— Я жертва обстоятельств... — начал я, но был прерван ее свистом. — Ты чего?!

Дина, с важным видом прошептовав в сени, объявила:

— Полетим, пока народ не видит ни тебя, ни метлу!

— А тебя совсем не смущает, что я голый?! — оторопел я.

— Ну оденься, делов-то! — хмыкнула она. — Жду на улице.

— Во что?! Падла рогатая все мои вещи растащила!

Я стал беспокойно расхаживать по комнате. Тут взгляд мой упал на портрет...

— Меня здесь нет, — сказал Гоголь, прикрывшись листом с головой.

— Николя, будь другом, помоги! — взмолился я. — Тебе-то тряпки зачем? Сидишь здесь десятилетиями, пылишься...

— Бесстыдник! — оскорбился дядька, откинув рукопись. — Я благородным делом занимаюсь — литературой!

— По-хорошему тебя просил... — Рука сама нырнула в портрет и ухватила его за сюртук. Гоголь попытался вцепиться в кресло, но я оказался сильнее.

— На тебя даже ничего не налезет!

— А это не твой кучер из туалета вышел? — заглянула в сени Дина.

Уже наполовину вытянув из портрета дядьку, я отпустил сюртук и кинулся к окну. Гоголь облегченно выдохнул.

— Стефан?! — Глазам своим не поверил! У клозета действительно стоял кучер, лениво подпоясываясь. — Как вовремя нашелся!

Рванув на улицу, я чуть ли не сбил Стефана с ног.

— Отдай одежду! Живо! — огорошил его.

— Мамочки... господин... — Кучер припал к двери, схватившись за сердце.

— Давай, давай! У меня нет времени! — потянул его за рукав.

— Прошу, не выгоняйте меня! Не оставляйте на улице! — зачем-то упал на колени этот дурак. — Не нашел я лошадей ваших, оттого и запил в трактире-е-е! Но всегда вам верой и правдой служи-и-ил! — почти ревел он.

— Да уймись ты! Мне сейчас вообще не до того, где ты и с кем был! У меня одежда пропала, вот я и хочу, чтоб ты мне свою одолжил!

— Так она ж... грязная! — Стефан смахнул слезу и непонимающе уставился на меня.

— Все равно! — не дожидаясь, начал расстегивать пуговицы на его рубаше.

Кучер встрепенулся и наконец стянул с себя портки с рубахой.

— А это... тоже надо? — оставшись в дырявых кальсонах, со стеснением покосился на Дину.

— Еще чего! Обойдусь! — Я уже тонул в штанах, пытаюсь затянуть пояс как можно сильнее. Получилось что-то вроде удлиненных шароваров. Рубаха, пожелтевшая от грязи, напоминала бабкин балахон с вырезом почти до пупа. — Башмаки давай! — Хоть в одном мне повезло: размер обуви у нас был примерно одинаковый. — Пойдет!

— Прямо сельский денди, — покачала головой Дина, забираясь на парящую в воздухе метлу.

— Н-да... Никогда не знаешь, куда завтра вильнет мода! — брезгливо оглядел обноски. — А этот веник точно двоих выдержит?

— Не дрейфь, — рыжая хлопнула по черенку. — Метла боевая, не раз испытанная!

— Прямо как ты, — буркнул себе под нос, переступая палку. — А... как тут?..

Больше спрашивать не пришлось — метла взбрыкнула и, попав мне точно между ног, понеслась вперед как угорелая. Вскричав, я еле успел вцепиться в платье Дины. Стефан так и остался стоять в одних кальсонах, глядя нам вслед.

— Визжишь, как баба! — хохотнула девчонка, ловко поворачивая метлу.

— Да ты... тьфу! Да я... тьфу! — Только и успевал отплевываться — из-за ветра волосы лезли в лицо!

Мстительная метелка прибавила скорости, да так, что с меня чуть ли портки не слетели!

— Когда там... кха!.. конец?! — Схватился за них одной рукой. Так, на всякий случай!

Мы проскочили над малюсеньким домиком... и только теперь до меня дошло, на какую высоту мы успели подняться! Земля превратилась в далекое зелено-желтое пятно!

— Идем на посадку! — объявила рыжая. — Держись!

— Ты мне за карету мстишь?! — Я не то что за платье схватился — я ее полностью обнял! И ноги поджал!

Метла описала крутой круг и, накренившись (тут я вспомнил всех почивших родственников), шмыгнула вниз.

— Крушение — тоже посадка... — многозначительно сказал я и зажмурился. Пал смертью храбрых... Не каждому вампиру, знаете ли, довелось полетать на метле!

Ведьминский веник резко остановился, поменяв положение с вертикального на горизонтальное. Я осмелился открыть один глаз... и встретился с тремя... нет, четырьмя белыми хатками! Как-то странно они кружились вокруг меня...

— Прилетели? — Шагнув на землю, я ничком бухнулся на траву. — И все-таки водить — дело не женское... — Трава, кстати, тоже колыхалась...

Над ухом послышались шаги, и дверь со скрипом отворилась.

— Тю! — удивленно воскликнула Солоха. — Гостей мы не ждали... А это шо за

скоморох?!

— Это не скоморох, это завхоз новый! — ответила за меня Дина.

— Ай, не заметила сразу! Виделись! Шо ж он мордой в грязь на пороге лег? — Солоха наклонилась ко мне, раздвоившись. Хотя с ее формами двоиться было опасно... Я уж не знал, куда смотреть!

— Так его на метле укачало!

— А ты в мышку не превращаешься? — искренне удивилась ведьма.

— Какую мышку? — Оторвавшись от земли, я наконец понял, какая из Солох настоящая.

— Летучую! — Она помахала руками на манер крылышек.

— Это у нас Дракула умел, — мотнул головой, пытаюсь встать.

— Эть! — Меня одним рывком поставили на ноги. — Хиленький какой! Ну, раз уж пришли, заходите! Потолкуем...

Потирая лоб, с опаской глянул на Дину. Она лишь пожала плечами, мол, что будет, то будет.

Пригнувшись из-за низости дверного проема, я первым вошел внутрь. Дом был старым не только снаружи: внутри его давненько не обновляли. Окошки, прикрытые вышитыми крестиком занавесками, дышали на ладан, как и вся мебель. Скамья, стулья, буфет — все было доисторическим! Но тем не менее пани Солоха чтит порядок: самодельные скатерти накрахмалены, на стене и по углам на одинаковом расстоянии друг от друга развешены пучки трав, все тарелки-горшочки выстроены идеально в ряд. Печь не закопченная. А на столе — блестящий пузатый самовар. В общем, хозяйкой Солоха была отменной, как и ведьмой!

— Вы говорьте тихонечко, а то я Еремушку минуток десять назад как уложила... — Она присела на лавку и принялась разматывать клубок ниток. — Коврик новый связать хочу. Прошлый мыши погрызли.

К слову, даже сама Солоха была одета в хэнд-мэйд сорочку, расшитую цветами. В переднике, с косой, закрученной вокруг головы, и задорным румянцем на щеках она являла собой глас народа — народную ведьму.

Я покосился на шторку около буфета, скрывавшую еще одну комнату. По-моему, колыхнулась...

— Скоро в нашу разруху пожалует пан Корней, — начала издалека Дина, присаживаясь на стул. — Хочет селение повидать и с ним, — кивок на мою скромную персону, — познакомиться. Вот только смотреть не на кого и не на что!

— Вот не живется нам спокохонько! — У Солохи даже руки опустились. — Вечно чудеса в решете подавай! Может, тропинки ему спутать?

— А так можно? — Мне даже похорошело!

— Так он с нас потом в три раза больше возьмет, как в прошлый раз было! — остановила Солоху Дина. — Наши ведьмы и так во всем ограничены: ни тебе шабашей, ни возможности, элементарно, взять землю под хозяйственное управление!

— Да-а-а, старый хрен хуже незваного черта! — вздохнула старшая ведьма. — Тоды остается совместными усилиями...

— Надо фингал с его лица убрать, — перешла к делу рыжая. — Ему утром на ярмарку ехать.

— Ой, это мы быстренько! — Солоха мигом подскочила и, чуть ли не задев пышными

бедрами горшки, открыла буфет. — Подь сюды, малеванный!

— Я? — С недоверием приблизился к ней.

— Ты, ты! — Вытаскивая поочередно склянки всевозможных цветов и размеров (от бледно-желтых до фуксии, от пузырьков чуть больше ногтя до литровых банок) ведьма шурилась, вчитываясь в названия. Перебрав с десятков зелий, она воскликнула: — О! Пойдет! Ну-кась...

Мне на нос с размаху прилетела жирная розовая капля.

— Итить-колотить! — в сердцах выругалась Солоха и с усердием принялась размазывать жижу по левой части лица.

Вот только сделанного было не воротить. Мой нос уже всюю вытягивался в тонкий стручок, на конце которого торчал...

— Мухомор?! — Получилось громче, чем хотелось!

— Аки прыщик! — развела руками хозяйка. — Ишь, поорать он тут решил! Вакулу разбудишь! — Она с опаской обернулась на шторку.

— Вылитый Пиноккио! — глумилась надо мной рыжая, смеясь в кулачок.

Хорошо, что здесь не было зеркала! Такого я б точно не пережил!

— Что за дилетантство?! Верните нос! — прошипел я, еле сдерживаясь.

— Подумаешь, капелька! — хмыкнула Солоха, наливая на стручок между моих глаз зеленую жидкость. — Ты поаккуратнее с заявлениями будь! Я и в жабу оборотить могу!

— Не сомневаюсь, — процедил сквозь зубы, зыркнув исподлобья. — Что вы с этим Вакулой, как с маленьким, носите? Вы ему кто, мать?

— Еще чаво! Это пан Никола все напутал, сделал меня в рассказе своем мамкой его покойного батьки, который в те времена парубком был.

— Так вы ему бабушкой приходите? — запутался я. — По вам и не скажешь!

— Да мне до бабки, как тебе до Дракулы! — оскорбилась Солоха. — Жалко мужика хорошего, душенька за него болит... Я батьке его тоже помогала!

— Сколько ж вам лет?! — Сказать, что я испытал шок — это ничего не сказать!

— Все! Готово! — пропустила мимо ушей Солоха, закрывая створки буфета.

Я потрогал нос — вроде бы мой, адекватных размеров, с небольшой горбинкой. Отек тоже спал, и глаз стал лучше видеть.

Не успел я поблагодарить хозяйку, как в дымоходе кто-то заохал и захрюкал. Спустя пару секунд в печи раздалось душераздирающее "Мля!", а затем тяжелый "Бах!". Заслонка с грохотом отлетела на пол, и из отверстия высунулась перепачканная сажей морда.

— Клянусь, не знал, что дедок проснется! Пришлось его нейтрализовать!

— Василь?! — ахнула Дина в полный голос.

— Ну а че? — шмыгнул пятаком рогатый. — Он меня выгонять стал! А я ему ух! От лица честного народа...

— Ты что наделал?! — взревел я от негодования. — Да я ж мог через три дня уехать, если бы завхоз проснулся! — Под руку как нельзя кстати попался один из горшков...

Шторка вдруг отъехала в сторону. Из комнаты с рассерженным лицом высунулся Вакула.

— Не хватило тебе, значит... — сказал он, закатывая рукава рубахи.

А что это у него за спиной? Случайно не мои сундуки с одеждой?!

— Делай ноги, Казанова! — хохотнул чертяка и ретировался обратно в трубу. Заслонка мигом встала на место.

— Стой, Еремушка! — Солоха самоотверженно бросилась на кузнеца.
Подставлять второй глаз в планы не входило. Оставался один выход — на метлу!

Глава 15. Балдейкинская ярмарка

Глава 15. Балдейкинская ярмарка

С горем пополам Дина вернула меня домой и, на прощание сказав, что завтра ей в академию, шмыгнула в закатное небо. Второй полет оказался не таким душтрепательным, как дебютный, однако я все еще покачивался из стороны в сторону, ощущая легкую тошноту.

Заслышав шевеление у развалюшки, оглянулся и увидел Тильбо.

— Господин, с вами все в порядке? — подбежал он и с удивлением стал разглядывать обноски Стефана на мне.

— А ты где пропадал? — пропустил мимо ушей.

— Так сначала письмо передавал, потом следил, чтоб девушка из дома вышла, потом пожар тушил... — стал перечислять гоблин.

— Герой местного разлива, — усмехнулся я, устало плетясь к дому. — Неси ведра, мыться буду. А это Стефану отдашь. Кстати, где он опять? — В доме кучера точно не могло быть, а двор вновь пустовал.

— На ручей пошел купаться. Сейчас, господин, только сбегая к колодцу. На столе ужин для вас стынет, из трактира принесенный. Мне даром дали, за то что дом тушил... — засуетился Тильбо, подхватывая ведра.

Что-то шепча себе под нос, гоблин скрылся за заборчиком, а я зашел в уже привычную развалюху. Скинув башмаки, бухнулся за стол и принялся уплетать за обе щеки жаркое. Ну, дядька, завидуй! Еще и пирожком закусил, и компотом прямо из бутылки запил!

От внезапного хрюканья за окном я поперхнулся. Вот сглазил, с-собака!

— Я это... че сказать хотел? — черт аж забылся, подтирая слюни. — А! На рассвете едем с тобой на ярмарку близ Балдейкино. Не просыпай.

— Бал... что?! — Я снова закашлялся. — А сундуки, кха, с одеждой, кха, ты вернуть не хочешь?!

— От сразу видно: нет в тебе деловой жилки! Да мы ж это продать можем и сто-о-олько всего взамен закупить! И себе, и людишкам! — Чертяка коварно потер руки. О "людишках" он явно думал в последнюю очередь! — Одних штанов тебе достаточно!

— А разрешения ты, свинья рогатая, спросил?! — Стукнул кулаком по столу, отчего вилка со звоном подпрыгнула.

Но нечистый в излюбленной манере смотался. Вместе с ним из моей руки пропал и надкушенный пирожок.

Зато на кровати теперь лежали самые гаденькие, самые ненарядные штаны с рубашкой и короткий коричневый сюртук...

Ни свет ни заря в окно забарабанили. Выглянув из-под одеяла, я сначала не понял, кто и зачем стучит. На то, чтоб вспомнить разговор с чертом, ушло несколько секунд. После плотного ужина и самодельной ванны в бочке, которую прикатил смекалистый Тильбо, я совсем разомлел и с удовольствием ушел в объятия Морфея. Но новый день нес с собой новые заботы — пришло время ехать с чертом на кулички.

Правда, никакого черта я не увидел! Может, то был обман зрения в предрассветных сумерках, а может, вовсе не рогатый хотел видеть меня. Пододвинувшись к окну, я разглядел статную девушку в пестром платке, с длинной косой, выбивающейся из-под него, и

размалеванными щеками. Ранее я нигде не встречал ее.

— Че зыришь, глаза напузыришь? — спросила барышня не самым мелодичным голоском.

— Простите?.. — сделал вид, что не расслышал, и открыл створку.

— Не узнал, че ли? — хрюкнув, хохотнула девица и сорвала с головы платок. Все это время он скрывал уменьшившиеся в размерах рожки.

— Совсем сбрендил?! — шикнул я, протирая глаза ото сна. — Зачем комедию ломаешь?!

— А как, думаешь, я на ярмарку попаду?! Обшманают всю кибитку, и, если меня найдут, пиши пропало! Я ж этот, мифический злой дух! Несчастья приношу! И вообще, изловить меня надо! — Чертяка усердно прятал рога под платок. Хотел соорудить что-то в стиле à la babushka, но получилось "Люди добрые! Помогите! зуб болит!".

— Ну да, тебе ж душу продают и все такое, — в шутку бросил я, зевая.

— Да если бы хоть один продал! — искренне возмутился черт. — Я б в колхозе этом не сидел, будь он неладен! Так никто не хочет! Уже лет сто!

— Сочувствую, — с усмешкой сказал я, ныряя в брюки.

Заправив рубашку и накинув сюртук, я отпил вчерашнего компота и поручил Тильбо, дремавшему в сених, следить за Стефаном, затем вышел во двор. Впервые за все это время здешний воздух показался мне упоительным! В нем витали ароматы желтеющей листвы, сырой от росы земли, свежести, сошедшей с гор.

Обдав лицо водой из ведра, повернулся и был готов свалиться без чувств прямо здесь! Нет, я лицезрел разные модные извращения, но ЭТО не мог перенести! Пестрого платка "моднице" не хватило. Она решила надеть ярко-зеленый сарафан, нацепить поверх него синюю жилетку и убить всех наповал алыми сапогами!

— Копыто чешется! — добавила девица и без всяких церемоний скинула сапог, обнажая увесистое копытце. К слову, барышня была не промах — и упитанная, и росленькая!

Как там моя бабуля говорила? Если я этого не вижу, значит, этого нет!

Позади барышни стояла крытая повозка, запряженная вороной лошадкой.

— Поехали, черт, — не стал дожидаться его.

— Какой я тебе черт?! — взвизгнула девица. — Я Матрена!

— Судя по фигуре и разукрашенным щекам — матрешка, — вспомнил название незатейливого сувенира.

— Иди ты... — обиделся рогатый и первым полез на облучок.

Я устроился рядом. Спрашивать, откуда у него сей транспорт, смысла не было: черт мог создать что угодно из ничего. И так же быстренько забрать.

Отодвинув ткань, скрывавшую содержимое повозки, я разглядел наставленные друг на друга сундуки.

— Все забрал? — процедил сквозь зубы.

— Не-е-е, штук пять! — Нечистый пустил лошадь вскачь. — Еще столько же себе оставил. Ну так, за дружбу и помощь!

— А для чего ты тогда у завхоза жалование воровал?

— Денег много не бывает! — авторитетно заявила "Матрена" и мечтательно прибавила: — Там такие меха, такие сладости... м-м-м, не оберешься!

— Если б не ваш пан... — Я непроизвольно сжал кулаки. — Хоть какой-то сундук верни! Это нечестно!

— Так и быть, получишь один сюртук. Че я, совсем бессердечный? — задорно хрюкнул рогатый, пихнув меня в бок.

Черт повернул в чашу, в которой пыталась скрыться Инга. Даже несмотря на то, что близился рассвет, мне стало жутко, как только мы в нее въехали. Колючие лапы деревьев словно тянулись ко мне, пытаясь зацепить рубашку, что-то чавкало, бормотало повсюду, увлекая в сторону.

"Не выспался," — подумал я. Да и стоит ли бояться незримой опасности, когда рядом с тобой такая Матрена?

— А Чертовой заводь же стала благодаря тебе? — нарушил я молчание.

— Ага, щас! Еще в честь чертей они называть будут! — надулся рогатый. — Чертополох на местных топях растет, пруд пруди! А это сокращение.

— А что, боюсь спросить, растет в Балдейкино, раз у него такое название? — хмыкнул я.

— Это честным чертям не ведомо! — отвернулась барышня.

— И долго нам до твоего Балдейкино ехать? Это что вообще? Деревня, город...

— Единственный городок из ближайших поселений. Так-то два часа путь туда держать, но есть идея получше...

— Знаешь, твои идеи до добра не доводят! — сказал я со знанием дела.

— У тебя с ве... вестя... б... л... Тьфу! Короче, с головой все нормально? — озадачила меня спутница.

— Пока сюда не приехал, вообще не жаловался!

— Ну, мутит при езде, полете? — объяснил внятнее черт.

— Есть немного... — Вчера уже проверил!

— Ну, ничего! — махнул рукой рогатый и пришпорил лошадь.

Лучше б он этого не делал!

15.2

Кибитка подпрыгнула и помчалась по чаще, ломая все ветки на своем пути. В ушах моих засвистел ветер. Казалось, мы вот-вот протараним какое-то дерево, но черт неожиданно свернул в сторону.

Вынырнув из темной чащи, мы устремились навстречу восходящему солнцу по дороге, проложенной через поля. Мало того, что мы поднимали столпы грязи, черт решил привнести суматохи: веселым хрюканьем (видимо, изображая клаксон) он стал распугивать ворон. Те с карканьем взлетали с поля, кружа над нами. Рогатого это лишь подзадоривало! Кибитка и так подскакивала на каждой кочке, за спинами громыхали сундуки, я уже ногтями впивался в облучок, а этот "любитель острых ощущений" продолжал подстегивать лошадку!

— Издеваешься?! — крикнул я, не зная, куда себя деть. Шелохнусь — кубарем слечу вниз!

— Не-е-е, мы ж друзья! — добродушно откликнулась девица, придерживая съезжающий платок.

— А по-моему, вот-вот станем врага-а-а-ми-и-и! — взвизгнул я, больно приземлившись на пятую точку из-за очередного "заскока". — Долго еще?!

Впереди замелькало что-то, очертаниями напоминающее ворота.

— Приехали! — объявил чертяка и резко затормозил.

Если б он меня не схватил... я б уже отдыхал лицом в грязь и лошадиные отходы!

Подняв голову, заметил покошенный дорожный указатель. "Балдейкино. Три версты", — гласила корявая надпись. С ветерком, так сказать!

— Ток это... — Девица на мгновение задумалась. — Местами поменяться надо! А то странно как-то, баба за вожжами...

— ... это всегда травмоопасно, — закончил я. Полет на метле без содрогания не вспомнишь.

Матрена бухнулась вниз и, оправив юбку, забралась на мое место. Конечно, если взглядеться, в девичьем лице угадывались поросычьи черты: глубоко посаженные глазки, вздернутый нос, напоминающий пяточок... А если платок снять, или, чего хуже, на сапог наступить...

— Ни пуха ни пера! — вспомнилась одна поговорка.

— С чертом! — переиначил лукавый и задорно мне подмигнул.

Кобыла неспешно побрела вперед. Мне даже делать ничего не пришлось — только вожжи в руках держать.

Уже на подъезде к воротам я заметил маленького мужичка, дремавшего на лавке. Топот копыт не потревожил его сон, потому вмешаться решил черт. Свистнув, он писклявым голоском крикнул:

— Отворайте ворота! Гости пожаловали!

Мужик вздрогнул и, проморгавшись, поднялся с дубинкой наперевес.

— Кто такие будете?

— Издалека путь держим, везем одежды расчудесные! — отчиталась за меня Матрена, кокетливо улыбаясь.

— Это ж откуда? — почесал сторож затылок.

— Из земель трансильванских, старче, самое лучшее везем!

— Неужто вам на нашу ярмарку надо? Вам на ежегодную, по весне... — отчего-то упирался мужичок.

— Платим пять процентов от выручки! — смекнула моя спутница.

— Семь! — прищурился сторож.

— Ладно, твоя взяла! — Матрена недовольно повела пятаком. То есть носом.

— Эй, парни! — окликнул кого-то мужик.

Ворота мигом распахнулись. Навстречу нам выбежали двое громил, одинаковых на лицо. Кулаком они легко могли размазать по стеночке — в общем, тылом щупленький сторож себя обеспечил! Один из них тут же полез в кибитку. Другой подлетел ко мне и, бесцеремонно стащив с повозки, быстро обшарил карманы.

— Что вы?... — только начал возмущаться, а увалень уже метнулся к черту.

— Э, руки! Я ваще-то дама занятая! — Матрена попыталась отпихнуть громилу, но тот что-то старательно искал у нее на... — Я предупредила!

Зарядив парнише пощечину, Матрена по-женски оскорбилась и забралась обратно на облучок. Правда, хрюкнула случайно, но даже получилось похоже на всхлип.

Парень обиженно потер щеку. Тем временем из кибитки выглянул второй "секьюрити", доложив:

— Пущай едутъ!

Окрашенный солнцем двор встретил нас суетой и вереницей звуков. Матрена все озиралась и нарочито громко цокала с оскорбленным видом:

— Ишь, че творится! Честных женщин за абы кого принимают!

— Да хватит ерзать! У тебя там что, хвост? — отшутился я.

— Он самый! — взволнованно шепнул черт. — Да я в эту юбку со страху чуть ли не...

— Ой, не продолжай! — отстранился от нескромной девицы.

Во дворе уже вовсю шли приготовления: кто-то сидел прямо в телеге, кто-то организовывал самодельный прилавок, а несколько мужчин, выделявшихся среди общей массы, установили шатер и заставляли его мешками с пряностями. Рядом с ними в отдельной палатке сидело человек десять с клинками на поясах — персональная охрана. Буквально через дорожку от иноземных гостей бабуля соорудила пирамидки из яиц, за ней расставлял табуретки и стулья паренек. Попадались и те, кто приносил самодельные украшения. Конопатая девчушка, на вид ровесница Дины, развешивала на прилавке расшитые причудливыми узорами салфетки, а рядом с ней женщина, по всей видимости мать, выставляла шкатулки, расписанные сюжетами сказок. Чего здесь только не было: и птица, и мед, и посуда... А вон и лопаты!

— Дальше идти — клиента не сыщем, будем тута деньги делать! — решительно заявила Матрена.

Кибитка остановилась у прилавка с тканями. Тетка сразу покосилась на нас недобро. Очень недобро. Конкуренция обострялась и обувной мастерской, распахнувшей свои двери прямо напротив.

— А ты уверен, что место подходящее? — аккуратно спросил я, делая вид, что не замечаю, как тетка к нам подкрадывается.

— Тю! Я ж этот... экспёрд по продажам! Пять веков на ярмарках в каждую бочку заглядывал, думаешь, не знаю, че и как продается?! — излишне громко оскорбилась Матрена. — Да мы щас такое наворотим!

Тетка, подслушивающая за кибиткой, выглянула из-за угла. Черт испуганно подскочил и, затянув узел под подбородком, спросил:

— Гражданочка, вы че тут забыли?

— А не хотите откатиться на своей тележке подальше? — учтиво поинтересовалась тетушка. — Я здесь второй месяц стою и ни разу вас не видела!

— Мы разрешений не спрашиваем! Свободная конкуренция э-э-э... двигатель рынка! — поднапряг извилины черт, вспомнив умные словечки.

Нырнув в кибитку, Матрена стала двигать сундуки с одеждой. Еле сдержался, чтоб не всплакнуть. Из этих вещей половина принадлежала недавним модным коллекциям!

Тетка, злобно зыркнув на нас, вернулась за свой прилавок.

— Че стоишь? Помогай давай! — Матрена собственноручно вынесла один сундук.

Сквозь зубовой скрежет я стал спускать на землю оставшиеся четыре. Оказалось, что черт подготовился: с собой у него было и зеркало, и даже покрывало, на котором он раскладывал одежду и обувь. На удивление, не только мою. Среди сюртуков и штанов мелькали сарафаны, которые носила Солоха.

Покупатели начинали стягиваться к нашему ряду. Бабуля уже толкала свои яйца, торговцы пряностями пытались перетянуть внимание на себя, хватая людей за руки и подталкивая в шатер.

— Во, гении рекламы! — ткнула в них пальцем Матрена.

— Ткани льняные, шелковые, шерстяные! С узорами и без! — горланила тетка, косясь на нас.

— А у нас лучше! И шить не надо! Одежды итальянские, французские, английские, да какие хошь! — одним махом перебил ее черт и шагнул вперед. — Хошь шелк á? Кибитка полна! Хошь хлопок? Шерсть? Всё у нас есть!

Все резко замолчали и обернулись. Даже куры перестали кудахтать. То ли внешний вид Матрены произвел фурор, то ли народ и впрямь никогда не видел нормальную одежду, не похожую на мешок с картошкой.

Я и моргнуть не успел, как на нас понеслась целая толпа.

15.3

Бабы, мужики, дети — все за считанные секунды столпились у нашей кибитки! А те, кто только заходил во двор, меняли траекторию движения!

Я еле успел отскочить в сторону, чтоб не задавили. Глаза людей горели, руки тянулись ко всему, что лежало на покрывале и в сундуках. Одни с подозрением перешептывались, другие без разбора кричали:

— Почему кофта? Скока стоять? А это английское? А на Ваньку моего шось найдется?!

Захотелось свалиться без чувств прямо здесь!

— Какая кофта?! — возмутился я. — Дамочка, это сюртук с золотыми пуговицами! И он не английский! Его шила восходящая звезда итальянской моды, Джорджо Арманиеле!

Черт пихнул меня в бок и радушно заулыбался:

— В очередь, дорогие покупатели! Каждому подберем, с каждым сторгуемся! Первым пяти скидка!

Что началось... Такого мир маркетинга давно не видел! Какие там мавры со своими приправками?! Да сельский черт уделал всех!

Одной левой жена Ваньки смахнула сразу пятерых конкуренток, которые проскочили к сундукам. Смахнула так, что больше их видно не было! Другие уже благополучно боролись за второе и третье место, кидаясь в друг друга всем, что успело завалиться в корзинах: яблоками, яйцами... Я даже начал бояться за сохранность вещей, но не тут-то было: прямо из толпы в кибитку запустили самого худенького мужичка, который приземлился в сундук с воплем:

— Беру-у-у-у!

Тем временем около меня разворачивался новый скандал:

— Туча пучеглазая, ты себя в зеркало-то видела?! Ни в одно платье не влезешь с такой...

— Завидуй молча! — Плотная женщина с легкостью оттолкнула соперницу и перебила всю очередь. — А это у вас тоже заморское? Чуйство, шо наши шили! — ткнула она в платье Солохи.

— Обижаете, голубушка! — всплеснул руками черт. — Да у нас эксклюзив, качество — Европа!

— А шо ж у меня соседка в такой Европе ходит? — прищурилась бабенка. Ее все пытались оттащить, но она не поддавалась — стояла, как глыба!

— Тю! Да щас каждый второй в подделках! Жалкая пародия! — отмахнулась Матрена, уже подставляя к ней сарафан. — А вот вы будете неповторимым оригиналом! Какие изгибы! Да этот цвет вас так освежает! Правда? — Черт незаметно пнул меня копытом.

— Абсолютная! — выдавил из себя я, пнув его в ответ.

— Ой, не смущайте! — покраснела женщина. — И за скока дадите?

— Шесть медных! — слету определился рогатый.

— Та у меня их всего семь! — охнула баба.

— Дык качество денег стоит! Тем более французское! Мы вам еще и скидку делаем! Барышня, а может, вам платьишко примерить? — крикнул черт той, что потеряла первенство в очереди и возмущалась громче всех.

— Еще чаво, мое платье! — Женщина вложила в ладонь Матрены монеты и на крыльях

радости упорхнула подальше от очереди.

А очередь была бешеной. И уже втрое длиннее! Страсти в ней кипели нешуточные — у меня аж голова гудела! Цыганский табор курил в сторонке!

— Я здесь стояла! Нет, я! — не утихал ожесточенный бой в ближнем ряду. О дальнем я вообще молчу...

Из обувной мастерской выглядывал с разинутым ртом башмачник. Очки его сползли на кончик носа, и он вот-вот норовил выпасть за прилавок.

— Вот сами сшили в верстах десяти отсюда и людям втюхать пытаются! — старалась перекричать черта тетка, размахивая своими тряпками. — Мягчайший шелк! Отборная шерсть! Подходи, за полцены отдаю!

Несколько покупателей метнулись на ее зов, но у черта все равно не было отбоя.

— Между прочим, эти сюртуки мне на заказ делали! И не в десяти верстах, а... — разозлился я, но нечистый нагло перебил.

— Дощечку неси!

— Какую дощечку?! — оторопел от его запроса.

— Не на земле ж мужчинке туфли мерить! — цокнул черт, показывая на деда, на вид не мывшегося лет десять.

— Он?! Мои туфли?! Ты смотри, кому продаешь! — шикнул я на Матрену.

— А што, думаете, денег нет? — Чмокая почти беззубым ртом, дедок вынул из-за пазухи целый мешок с монетами и философски добавил: — Помирать надо красивым!

Я этой дощечкой... был готов пришибить новоявленного коммерсанта прямо на месте! Мама мия, да как вообще можно стоять без ширмы на улице и пытаться что-то натянуть на себя?! В цивилизованном мире для этого давно придумали примерочные!

Тем временем дед уже облачался в мою рубашку.

— И штаны тащи! — прочмокал он.

Случайно заметив, на ЧТО он старался напялить брюки, я понял, что мне нужны новые глаза.

— Че рот раззявил?! Щас покупателя упустишь! — подтолкнула меня Матрена.

Прикрылся ладонью, дабы не лицезреть эту срамоту! Но, видимо, одного меня смущал полуголый дедок не первой свежести — все остальные как ни в чем не бывало глазели на него!

Если дед выбрал себе простенький сюртучок из камлота, то молодой батрак присматривался к бархатному, на ворота которого поблескивала золотыми нитями лоза. За этот экземпляр гардероба сердце кровью обливало!

— Свадьба у меня скоро, — сказал парень, надевая сюртук. — За сколько отдашь?

— А сколько есть? — спросил я, провожая взглядом довольного дедулю, обеспечившего себе полный костюм. Тем временем черт распродал уже третий сундук.

— Голубчик, берите! Ощущение, шо баварские модельеры шили его именно на вас! — меж делом крикнул нам рогатый.

Я закатил глаза. Этот сказочник в печенках сидел!

— Тут пятнадцать серебряных. Это все, что у меня есть.

— Значит, за пятнадцать! — не дожидаясь, выхватил у парня кисет.

— А скидка?! — Он аж воздухом поперхнулся. — Я жизнь копил!

— На свадьбе грех экономить! Тем более первый раз женишься! — Взяв паренька за плечи, отправил его обратно в толпу. Да ему никогда не накопить столько, сколько стоил

сюртук!

Покрывало стремительно пустело, четвертый сундук шел в ход.

— Мать честная! Вылитая парижская мадемуазель! — восхищенно ахнула Матрена, окруживая очередную бабку. Конечно, была она не парижской мадемуазелью, а балдейкинской мамзелью, на которую без слез не взглянешь.

Толпа вдруг зашевелилась: народ стал испуганно кидаться в стороны, давая кому-то дорогу. Причем, этот кто-то прокладывал ее не абы чем, а метлой! Недовольные уже готовились отбивать выстоянные места, но им пригрозили:

— Разойдись, а то зашибу!

Навстречу мне выпрыгнула взлохмаченная Дина. Я даже глазам не поверил — откуда ей тут взяться?!

— Больно хорошие у вас вещички! — хмыкнула рыжая, окинув взглядом богатую "поляну". — А знаете, что? Я возьму все!

В толпе присвистнули. Раздались негодующие окрики:

— Ты еще кто такая?! А ну, в очередь!

— Ты че, мать... — У рогатого из рук аж рубашка выпала. — С ума сошла?!

Глава 16. Караул! Черти в юбках!

Глава 16. Караул! Черти в юбках!

— А нам тоже надо! — заявила бабка в платочке. На вид, невинный одуванчик, но не тут-то было! Подобрав с земли рубашку, она всунула черту несколько монет, выхватила из сундука брюки и пулей унеслась со своей добычей.

— Э, а за штаны?! — крикнул вслед рогатый.

— Ишь, чего удумала! Аферистка! — негодовали тетки, потесненные Диной.

Я перевел вопросительный взгляд на рыжую. Не растерявшись под натиском толпы, она вынула из одного кармана пачку купюр, а из другого — набитую кошелек.

— Уверена, никто не даст вам больше! — Метнув ее черту в руки, Дина играючи завертела пачку в руках.

Стоило рогатому заглянуть в мешочек, как челюсть у него отвисла.

— Распродано! Приходите э-э-э... как-нить в другой раз! Баварские модельеры еще не сшили новую коллекцию! — объявил черт, сияя как медный таз.

Тетка по соседству возликовала и, ехидно улыбаясь, продолжила зазывать народ. Толпа таяла на глазах: кто-то посылал нас далеко и громко, с завистью глядя на меньшинство, успевшее урвать себе что-то, а кто-то махнул рукой и побрел в другие ряды.

— А че вы хотели, товарищи? Высокая мода, она не для всех! — кричала вдогонку Матрена. — Ну, Динка, ну дала жару! Теперь все это барахло твое — забирай! Только пачечку отдай... чтоб по-чесноку было! — Коварная девица в два счета оказалась рядом с нами.

— Тебе я ничего не дам. Знаю, для чего ты все это устроил. — Пачечка легла в карман платья. — А одежда мне не нужна. Пускай ее Марко забирает. Вот так по-честному будет!

У меня пропал дар речи! Я успел свыкнуться с тем, что в моих костюмах будут играть свадьбы, ложится помирать, в конце концов, пасти коров в Балдейкино...

— Диночка! Динусик! — Готов расцеловать мою любимую, мою прекрасную... одежонку! — Мама мия! Там же осталось несколько дизайнерских сюртуков! — Не теряя ни секунды, я кинулся к жалким остаткам и стал сгребать свои вещи.

— И мешочек верни, — хмыкнула Дина, выставив перед собой ладонь.

— С какой стати?! — взъелась Матрена.

— С такой, что это — на нужды селения! — Рыжая ловко вытащила кошелек из-за пазухи черта. — Нечего себе шелка и меха покупать за счет одного недалекого вампира!

— Вообще-то, я жертва мошенника! — оскорбился я, но в мою сторону даже не посмотрели.

— Говорю ж, за десять верст отсюда шили... — нарочито громко сказала тетка покупательнице.

— Почему-то мы с Солохой раньше не общались... — как бы невзначай бросила Дина. — А вот сегодня иду мимо, а она мне говорит, мол, беда бедой, обокрали! Платьев в шкафу не досчиталась и юбок... А в них защитные руны вшиты были.

— Я че, знаю, куда она и че тыкает?! — повел пятаком черт.

— Солоха согласилась закрыть глаза на пропажу, если мы окажем ей небольшую услугу. — Закинув метлу на плечо, Дина обошла Матрену.

— И какую? — Рогатая девица, чувствуя опасность, попятилась.

— А ты сполна компенсируй и узнаешь! — Рыжая вновь протянула руку.

Пораскинув мозгами, черт нехотя вытащил все, что успел добыть на ярмарке. Ну, или почти все.

— Несколько ингредиентов для ритуала на полнолуние: порошок из трехлистника, крылья летучих мышей и, — Дина понизила голос, — лепестки цветка папоротника. Где-то в конце ярмарки стоит лавка одного чародея...

— Что за ритуал? — подал голос я, закончив перетаскивать вещи в повозку.

Мой вопрос вновь пропустили мимо ушей!

— А деньги откуда взяла?

— Вместо того, чтоб с завхозом тягаться, лучше бы в сервант заглянул. Там заначка куда больше лежала. — Дина победно прошествовала к бричке.

— И че, это все — людям?! — Черт засеменял за ней.

— Купим все, что было в списке Василя, а остальное про запас, — ответила рыжая, полезая на облучок.

— А разве ты сегодня не должна быть в академии? — Я пристроился сразу за ней.

— Должна, но планы поменялись. Не оставлять же тебя ему, — кивок на Матрену, взявшуюся за вожжи.

Актриса погорелого театра только обиженно хрюкнула. То ли метла в руках Дины смотрелась очень убедительно, особенно с криком "Зашибу!"... То ли кое-кто почуял, что по возвращении ему хорошенько прилетит от Солохи.

Бричка тронулась. Первая остановка была сделана у прилавка с различным инвентарем: вилами, граблями, кочергами, лопатами. Тут моя спасительница не на шутку разошлась:

— За шестьдесят не возьму, сорок от силы!

— Только за шестьдесят! — упорствовал торговец.

— А я говорю, сорок!

— Сорок пять!

— Сорок! И точка!

Сбив цену почти вдвое, Дина таки ухватила тридцать лопат и еще парочку тяпок. Даже удивился ее деловой хватке — не каждый мужчина мог похвастаться таким натиском!

Следующая лавка, на которую указала рыжая, была меловой. Тут повозка пополнилась несколькими мешками извести. Места в ней еле хватало, да и кобыла стала идти куда медленнее. Хозяйственный ряд мы миновали, но азарт в ведьме только разыгрывался. Вскоре Дина набрала мешков семян (которые мы впихнули не с первого раза!), а напоследок договорилась с радушной тетушкой, чтобы завтра в селение доставили несколько десятков несущек.

Бричка заполнилась так, что раздулась. Я только успевал переключать и двигать содержимое, чтобы влез хотя бы еще один мешок. Добрав рулоны мешковины и льняной ткани, а заодно и несколько обещанных Бруту связок бумаги, рыжая погнала нас в противоположный конец ярмарки — к чародею.

— Деньги на ветер! Нет, чтоб че-то дельное заграбастать! Золотишко, тулупчик... — причитал без умолку гад под прикрытием.

— Губу закатай! — пихнув его в бок, Дина спрыгнула с облучка.

Стоило ей скрыться в черном шатре, как черт с легкостью отогнал бричку назад.

— Эй, ты куда? — засуетился я.

— Нашлась командирша! Мне стресс снять надо! — фыркнула Матрена и подкатила

повозку к меховой лавке.

Рогатая девица, естественно, отдала Дине не всю выручку и от поганенькой идейки ввиду алчности отказываться не собиралась.

— Вон тот тулуп заячий давай! — блеснув глазками, крикнула она мужику.

Ох уж эти женщины! Вот если что-то задумали, не отговоришь! Оставалось взирать со стороны и помалкивать!

— Не! — Чертяка скинул с себя тулуп и ткнул пальцем за спину торговца. — Шубу соболиную хочу!

— Не завидую, — посочувствовал проходящий мимо мужик. Эх, знал бы он, что это не "женушка расшвыривается моими деньгами"... Это нечто страшнее! Во всех смыслах!

Вдруг я заметил, что рядом с чертом топчется женщина. Именно с ней тетка, невзлюбившая нас, больно долго точила лясы...

Отставив ногу в сторону и уперев руки в бока, Матрена красовалась перед зеркалом.

— Беру! — улыбаясь во весь рот, она направилась к прилавку...

Я и глазом моргнуть не успел, как раздался хруст. Глядь — женщина каблуком наступила Матрене на юбку! Юбки почти не осталось в живых — она уже валялась на земле, а вместе с ней и девица в изорванных остатках. И все бы ничего, да ведь ткань скрывала вовсе не женские ножки...

— Караул! Черти в юбках по ярмарке шастают! — заверещал кто-то из прохожих.

И визг этот подхватили все, кому не лень!

От испуга лошадь поднялась на дыбы. Я вовремя соскочил с повозки — в ту же секунду она сорвалась с места со всем накупленным добром! Да так, что примяла пару прилавков поблизости! Люди, мечась из стороны в сторону, кидались под ноги кобыле. Несколько дамочек вообще влетели в меня, чуть ли не повалив на землю! А вот виновница переполоха бесследно исчезла!

Я подбежал к распластавшемуся на дороге рогатому и рывком поднял его. На нас уже надвигалась толпа, вооруженная всем, что продавалось в соседнем ряду: кочергами, скалками, котелками... А возглавляла ее та самая потесненная, которой мы помешали!

— Жулье! Проходимцы! Крохоборы! Та ваши тряпки пеплом обернутся! — негодовала тетка, размахивая моей рубашкой.

— Беде быть! Черт красную свитку ищет! — выкрикнули в отряде за ее спиной.

— Вы че меня путаете?! — возмутилась Матрена, отряхиваясь. — То не я свитку искал, а братец мой двоюродный, когда его в Сорочинцы погнали из ада! Между прочим, так и неясно, че хуже: Сорочинская ярмарка али пекло!

Из шатра уже на всех парах мчалась Дина. Растолкав толпу, она так и замерла, глядя на нас с возмущением.

— Не дадим лукавому по земле нашей скитаться! Лови черта! — дала боевой клич главная подстрекательница.

На нас откуда ни возьмись вылетел двухметровый сторожила с мешком. Прыжок на меня — я отскочил, врезавшись в улепетывающую отсюда бабульку. Прыжок на черта — тот споткнулся и, упав на четвереньки, с поросычьим визгом прошмыгнул меж бабских ног. Аж сапог потерял, зато в шубе остался!

Галдеж поднялся... Курятнику и не снилось!

— Галка, он у тебя под юбкой!

— Где мои панталоны?!

— Э, куда упер шубу?! — опомнился мужик за прилавком.

Пока все бежали куда глаза глядят, я в панике огляделся по сторонам. Кибитки давно след простыл — лишь глубокие борозды виднелись в земле. Но Дина не была бы Диной, если бы у нее не нашлось решения.

Рыжая оглушительно свистнула, и через несколько мгновений между прилавков проскочила метла.

— Полезай! — крикнула девчонка, лихо оседлав взбалмошный веник.

— Я?! — Мне поплохело! Сразу! — А может, я как-нибудь сам, на своих двоих?!

Но в чувство быстро привела тетка, шлепнувшая меня моей же рубахой:

— Попался, дружок бесовской! У самого небось под штанами секретик!

— Не ваше дело, что у меня под штанами! — Запрыгнув на метлу, заранее вцепился в девчонку. Знаю ее кульбиты!

Метла быстро набрала высоту. Под нами осталась перевернутая вверх дном ярмарка: все ряды перекособочило, внизу вперемешку с людьми замельтешили куры и гуси. Уезжали телеги, рассыпались пирамиды яиц, фруктов, овощей, разбивались горшки и вазы, в клочья разрывались ткани, из перевернутых кадок тек мед... Шатер иноземных гостей давно покосился. Вдобавок ко всеобщей суете, кто-то особо отчаянный не терял надежды сбить наш летательный аппарат, швыряя в воздух валенки.

— Ты видишь его? — подала голос рыжая, сделав крюк.

В дальнем углу скопилось больше всего публики — там, прямо по прилавкам, скакала знакомая морда. Причем, в своем истинном облике! К нему прилагались женские панталоны, ушло стянутые с какой-то тетки, ну и, конечно, обновка в виде соболиной шубы!

— Туда! — ткнул пальцем в черта.

— Вы что натворили?! Совсем страх потеряли?! — не на шутку разошлась рыжая. — Ты вообще куда смотрел?!

— А куда должен был?! — возмутился в ответ, но мое негодование сдуло ветром, стоило Дине вильнуть вбок. Накренившись, я еле успел схватиться за ее сарафан: — Динусик, я просил! Умолял! Но он, падла рогатая, заставил...

Рыжая направила веник к забору и прибавила скорости — так, что все хлынули в разные стороны, лишь бы не стать жертвами метлокрушения!

— Падаем! — заорал я, жмурясь от страха.

— Надо думать, прежде чем делать! — выпалила Дина. Поравнявшись с бегущим чертом, она схватила его за полы шубы и резко взмыла вверх.

— А-а-а-а-а-а-а-а! Да чтоб тебя-я-а-а-а-а-а... — раздалось не то чтобы над всей ярмаркой — над всем Балдейкино! Черт не просто испугался — он готов был откинуть копыта, несясь вниз головой по воздуху.

— Тебе того же! — крикнула рыжая, разворачивая метлу к лесу, виднеющемуся далеко впереди. — Подожди-подожди, тебе Солоха и не такое устроит!

— Да я как лучше хоте-е-е-ел!

— Ты же просил, чтоб я тебя на метле прокатила, если ты в карты выиграешь? — усмехнулась Дина.

— Но я проигра-а-а-а-ал! — завопил рогатый, болтаясь в воздухе, как флаг.

Метелка вдруг остановилась. Рыжая с легкостью подкинула черта вверх, и в следующее мгновение это чудовище приземлилось на черенок за мной. Глаза у него собрались в кучку, пятак приклеился чуть ли не ко лбу.

— Ёк-макарёк! — резюмировал рогатый и, покачнувшись, горячо обнял меня волосатенькими ручонками.

— А это уже лишнее! — попытался отделаться от объятий, но черт пристал намертво. Еще и хрюкнул на ухо.

— Бричка нашлась, — вздохнула Дина и плавно пошла на снижение.

Солнце уже пробудилось и всюду стремилось к зениту. На подходе к лесу действительно стояла наша напуганная кобыла. На удивление, повозка оказалась цела и мы недосчитались разве что нескольких мешков семян.

Рыжая молча села за вожжи и, даже не удостоив нас взглядом, направила лошадь в лесную чащу. Я придерживал подбитого черта, который буквально повис на мне.

— Не-е-е, Сорочинская ярмарка — это цветочки! Страшнее пекла только Балдейкинская! — заявил он.

Глава 17. Баян хоть в таборе, хоть в колхозе пригодится!

Глава 17. Баян хоть в таборе, хоть в колхозе пригодится!

Цыганская мудрость

Путь назад занял куда больше времени. Черт, не желавший слезать с меня, постеснялся продемонстрировать свои скоростные способности и лишний раз не подавал голос. Довольствовался малым — украденным заячьим тулупом. И даже оборачиваться побаивался.

Уже на въезде в деревню я заметил, что немногочисленные улицы, несмотря на середину дня, пустовали. Рыжая объяснила, что основная часть селян сегодня на посеве чеснока и лука под зиму. А после прибавила:

— Нам тоже скучать не придется. Пока погода сухая, нужно белить коровник, свинарник, хату Василя приводить в человеческий вид. И это не считая того, что на месте склада сена одни головешки остались! Да и житница от Вакулы тоже пострадала...

Черт присвистнул. Я же от упоминания имени кузнеца содрогнулся. Кому-кому, а Вакуле, неожиданно сменившему семейный статус, на глаза попадаться не стоило.

— Ну, ребятки, я вам мешать не буду! — у первого же пригорка заозирался черт. — У самого дел — непочатый край! Свидимся!

Подобрав тулуп, рогатый юркнул в ближайшие кусты. Те лишь зашелестели, бесследно скрыв темную душонку.

— Ему еще перед Солохой отчитываться, — ухмыльнулась рыжая, недобро косясь на меня. — Сейчас к Бруту заедем, макулатуру отдадим, потом в погребе семена оставим, лопаты в сарай завезем и белить начнем. Предлагаю начать со свинарника — за него по весне брались.

О, ну что за великодушие? Мне еще и право выбора дали! Наверное, полагали, что я предпочту коровник всеми забытым хрюшкам!

— Спешу огорчить тебя: я даже не представляю, как это делать! И мне абсолютно все равно, свинарник, коровник... Лишь бы это быстрее закончилось! — вскипел я, тоже поглядывая на кусты.

— Но-но! — похлопала меня по плечу Дина. — Мы только начинаем! У нас целых два дня впереди!

Брут, весь заляпанный в чернилах, встретил нас с такой радостью, что я даже позабыл, какой была наша первая встреча. Оказалось, мы подоспели вовремя: крыша снова протекла так, что верхняя стопка бумаг попала под раздачу и теперь срочно нуждалась в переписывании. Дел было ровно на два дня — Брут честно обещал выполнить все до приезда пана.

— Ибо их благородие, пан наш Корней, счет ведать! — растолковывал Фома, стоя в обнимку с кипой свежей бумаги. — А тут уж под раздачу не мертвые душеньки попали, а, как назло, живые!

— Еще и крышу подлатать нужно успеть, — как бы невзначай бросила Дина, направляя коней дальше по тропе.

Я сделал вид, что не услышал — так засмотрелся на свои ногти! А ногти, отросшие, с забившейся под них грязью, и вправду требовали внимания. Такими неаккуратными они

были впервые за пол столетия! Но в местном этикете неопрятные руки считались нормой даже у дам — никто из них не слышал, что весь цивилизованный мир давно решал эту проблему методом обрезного маникюра.

Погреб почти сравнялся с землей, вся его крыша поросла травой. Под ней находилась невысокая дверца, за которой была крошечная тьма. Когда я предложил Дине помочь перетащить мешки с семенами, она лишь отмахнулась и, взгромоздив один на спину, сказала:

— От твоей помощи только тяжелее будет!

Она скрылась в темноте и через минуту вынырнула обратно. Нет, воспитание не позволяло вот так просто сидеть и смотреть свысока на страдания дамы, однако для любых манипуляций с тяжелыми предметами у меня был Тильбо! По-моему, мне даже не к лицу скрючиваться в три погибели и, пыхтя, таскать на себе грязные мешки... Это так противоестественно!

Приличия ради, я все равно вытащил из брочки один мешок. Правда, стоило поднять его и с размаху попытаться закинуть на спину, как я неуклюже завалился на бок!

— Оно и видно, что тяжелее пера ты ничего в руках не держал, — хмыкнула рыжая, с легкостью отбирая у меня ношу.

— Сколько в нем килограммов?! — ахнул я.

— Трехпудовый, — привычно ответила Дина и вновь скрылась под землей.

Я чувствовал себя пристыженным! Мало того, что я превосходил Дину в комплекции раза в три, еще лет пять назад я с легкостью мог поднять даже очень нехуденькую даму! Вот уж разленились мы с Тадеушем! Куда ушло то время, когда мы днем и ночью были полны сил? Последние годы мы с ним только и делали, что протирали штаны в казино и гудели в лучших заведениях столицы.

На лбу рыжей проступил пот. Тем не менее она с завидной ловкостью запрыгнула на облучок и пришпорила кобылу. За следующим поворотом мы остановились — отсюда тянулась вереница хозяйственных построек. Тут я сдюжилась помочь ей отнести лопаты в сарай — все-таки эта ноша была легче предыдущей. Да и не мог я снова оплошать перед девчонкой — еще припоминать будет, что я ни на что не гожусь!

Внутри и шагу нельзя было ступить. Повсюду лежал или висел различный инвентарь: грабли, молотки, пилы, метлы, вилы, косы и еще куча всего, что я в помине не знал. Посередине стоял станок невесть для чего, по углам лежали связки досок. Пока я осторожно складывал лопаты, боясь вогнать себе занозу с грубого черенка, Дина успела перенести в сарай почти все мешки с известью. Оставив только один, она отряхнула руки и взяла два ведра.

— Чтобы погасить известь, нужно набрать воды. Колодец там. — Рыжая ткнула пальцем прямехонько в противоположный конец улицы и вручила мне ведро.

— Я один пойду? — непроизвольно отшатнулся. — Нет, Дина, я понятия не имею, как работает твой колодец! В мой особняк давно был проведен водопровод!

Но мое негодование вкупе с незнанием не вызвало никакой реакции. Дина стояла на своем:

— Ничего сложного: ведро подцепи и аккуратно, чтобы не оторвалось, опусти в колодец. Начинай раскручивать рукоятку и придерживай стопор, пока не услышишь, что ведро опустилось в воду. Немного подожди, чтоб вода набралась, и медленно крути рукоять в другую сторону. И от вращающейся рукоятки подальше держись — иначе снова к Солохе

идти придется, — последнее она добавила с насмешкой. — Иди-иди, время не теряй!

Все указания сразу перепутались в голове. Нет, здесь очевидно не хватало Тильбо!

Больше рыжая не пожелала со мной объясняться. Я заскрежетал зубами и, подпिनывая "на радостях" ведро, поплелся в указанном направлении. Путь лежал по довольно плотной аллее деревьев. На деле оказалось, что колодец еще дальше, чем я думал, и вскоре мне стало чудиться, что не только набежавший ветер шелестит кронами и травой. Я прибавил шаг.

Колодец я видел однажды в трансильванском имении, однако там он был засыпан. Да и таким выглядел лучше, чем эти криво сколоченные доски. Поставив ведро рядом, я снял крышку и из любопытства заглянул внутрь. Яма была очень глубокой.

— Сколько ж здесь метров? — Мой голос глухим эхом отдался в колодце.

— Сейчас сам узнаешь! — Чьи-то пальцы больно впились мне в спину.

17.2

Тяжело сглотнув, я сильнее вцепился в бортник колодца. Сначала грубый мужской голос показался мне незнакомым, но по следующей реплике я прекрасно понял, кто позади.

— Ты, барин, не дергайся. Тут тебе нечистый не поможет.

— Что вам нужно?! — Раздраженный вопрос был подхвачен эхом.

— А все, что есть у тебя! — усмехнулся цыган и, развернув меня, прижал спиной к колодцу. На секунду я облегченно выдохнул — такой темени не было даже в родовом склепе!

— Так нет ничего! — ответил я, оглядывая своих противников. Семеро на одного?!

— Лачо, карманы проверь, — оскалился главный недоброжелатель, оголяя ряд золотых зубов и обдавая меня гнилостным дыханием.

Я дернулся — к горлу моему вмиг приставили нож. Поиски Лачо не дали никаких результатов, чем только сильнее распалили шайку. Грязные, в аляпистых рубахах, все, как один, злобно ощерились и взяли меня в плотное кольцо.

— Должок кто отдаст? — не унималась жертва дантиста.

— Да какой должок?! — пискнул я. Этим невыносимо было дышать! У меня уже глаза щипали!

— Кобылу нашу брал, отплатить должен!

— Лавэ нанэ! — вспомнил я всем известную фразу. Ножик блеснул в опасной близости от моего подбородка. — У самого все отобрали!

— А чем платить собрался? Натурой? — раздалось в толпе, и цыгане противно загоготали.

— Да как вы смеете?! — в сердцах выпалил я и задергал ногами, за что был схвачен крепче.

— Думай, у кого есть лавэ! А то убедишься, что суд цыганский — самый скорый и справедливый! — изрек златозубый, и все вокруг закивали с умным видом.

Но отпускать меня никто не собирался — хватку не ослабили. По всей видимости, подразумевался вопрос.

Мозг, стабильно оказывающийся в стрессовых ситуациях последнее время, выдал безумную идею... Но жизнь была дороже!

— У нее есть! — ткнул я вперед, осененный решением.

Семеро цыган синхронно обернулись.

— У кого? — не понял главный.

— У девушки одной! — разъяснил я, имея в виду Дину и припоминая мощну, которую она забрала у черта. — Только я сам у нее взять должен. Вам к ней лучше не соваться.

В голове уже зрел план похищения денег. Что поделаешь, судьба у них такая! Дина сама украла их из серванта завхоза, вот и у нее крадут!

— Луна взойдет, мы у твоего дома будем. И только попробуй кинуть, — пригрозили мне напоследок.

Не успел я отдышаться, как цыгане скрылись за стеной деревьев. Чтобы не выставить себя совсем безнадежным и не слушать упреки, все же решил попробовать набрать воду. Опустить ведро в колодец получилось, но вот раскрутить рукоять... Да она сама разошлась

так, что я от неожиданности отпрыгнул! И так был весь на нервах! Послышался громкий плеск — ведро ударилось о воду. Рукоять перестала бешено вращаться. Не зная, на что надеяться, я стал раскручивать ее в обратную сторону. Когда, наконец, ведро было у меня, я даже забыл про люк и понесся к Дине, дабы поскорее осуществить задуманное.

Правда, несся так усердно, что немного расплескал содержимое.

— Принес! — гордо объявил я.

Дина, глянув на меня, как на идиота, стала всыпать известь в воду. Делала она это постепенно, помешивая образующуюся жижу деревянной палкой. Прошло не так много времени, когда содержимое ведра стало пузыриться и слегка бурлить, подобно зелью в котле ведьмы. Мои брови так и поползли на лоб от увиденного, но, кажется, так и было задумано — Дина не придавала этому значения и, зевая, принялась помешивать жижу дальше.

И только тут я заметил, что на улице чего-то не хватало.

— А где бричка?

— Отправилась домой, — рыжая и глазом не моргнула.

— В смысле? Сама? — не понял я.

— Ну да. Это ж Солохи бричка, — усмехнулась Дина.

— Что-то не заметил у нее во дворе лошадей, — удивился я.

— А черту лошади не надо — из черной кошки вполне неплохая животинка выходит. —

Рыжая поднялась и, заткнув за пояс кисть, выставила вперед руки. — Погаситься-то она быстро погасилась, а вот ждать, чтоб остыла, времени нет. Гляди, пан внезапно нагрывает.

Простояв с минуту с вытянутыми над ведром руками, Дина довольно заключила:

— Пошли, тут близко.

— А может, ты сама с помощью магии покрасишь, а? — с надеждой посмотрел на нее. — У тебя так хорошо получается колдовать!

Но ведьма была непреклонна. Более того, у нее на меня имелись свои планы.

— Думаешь, один ты такой умный? Хотела бы — давно б так и сделала. Вот только красить свинарник будешь ты.

Не дожидаясь моего согласия, мне вручили кисть.

— Нет, ну я понимаю, кисточка для пудры, вжих-вжих — и готово! Но как можно орудовать этим чудищем?! — повертел в руках расплывающуюся во все стороны страшилую.

— Стремянку бери и пошли, научу. — Дина кивнула на лестницу, поджидающую около сарая, подняла ведро и направилась дальше по тропе. Деловая, однако!

Свинарником (даже слово какое грубое!) служила дурно пахнущая постройка с тремя окошками. С виду она была не такой большой, однако я не мог представить, как буду все это красить...

— Сейчас покажу, а ты, как я свиней в загон поведу, начнешь белить изнутри. Это проще простого. — Рыжая забрала у меня кисть и, обмакнув ее в ведро и стряхнув лишнее, провела по стене. — Вправо, влево, вправо, влево. Идти надо сверху вниз.

И вновь я был вооружен этим приспособлением. Дина открыла дверь и шагнула внутрь. Я еле успел задержать воздух! Да что там бабоньки-наседки... Вот, где была сушая смерть! Хрюкающая, источающая такое зловоние... что меня стало мутить! Я не мог войти! У меня уже плыло перед глазами — этот запах был повсюду!

Дина, словно не ощущая его, открыла окна и стала выгонять свиней наружу. Я отскочил вовремя: одна особо разъяренная розовая туша понеслась не разбирая дороги! Когда несколько десятков голов высыпали на улицу, я готов был свалиться без чувств на месте —

мало того, что набранный воздух кончался, пяточки стали обнюхивать меня со всех сторон!

— Иди. Скоро еще известки поднесу, а то на все не хватит, — сказала рыжая и, вооружившись длинной палкой, погнала хрюкающую ораву на пастбище. — Ты запал не теряй, свиней у нас мало. Коровник-то куда больше! — задорно хохотнула она.

Я был обречен. Как унижительно! Чтобы Я красил хлев для свиней?! В кошмарном сне не приснится!

С диким нежеланием ступив на порог, я брезгливо огляделся. Пол был полностью устлан соломой, по бокам стояли длинные кормушки. Откуда начинать, я не знал — ноги уже чесались смотаться отсюда! Главное, магия имелась, но козлом отпущения специально сделали меня!

Ляпнув белой жижей на стену, я мазюкал ее туда-сюда, боясь сдвинуться с места. Казалось, эти зловония уже впитались в кожу! Постояв так с минуту, я бросил кисть и с оглушительным "Фу-у-у-у-!" выбежал на улицу.

Дины видно не было. Напрашивался только один вывод... Я не знал, сработает ли, но попробовать стоило.

— Черт?

Естественно, ничего не поменялось.

— Черт! Ты меня слышишь?

Не идет...

— Слушай, сородич хрюкающих! Немедленно отзовись! Или...

— Харе обзывать! — Рогатый спрыгнул с крыши чуть ли не на мою голову. — Я че, виноват, что природа-матушка пятакoм одарила?

— Срочно нужна твоя помощь! — выпалил я, на радостях хватая его за волосатую ручонку.

— Ну, если дашь че-то взамен, сослужу вновь, — пожал плечами нечистый.

Тут я призадумался... Меня уже раздели, обчистили... Не оставалось ничего, кроме:

— Помнишь мощну Василя, которую у тебя так незаслуженно отобрали? — Глаза черта заблестели. — Она мне нужна, чтобы с цыганами расплатиться... У колодца окружили, все им кобыла не дает покоя — оказывается, мой слуга у них ее в тот день увел. В общем, деньги достану — возьмешь себе часть.

Черт задумчиво повел пятакoм.

— А че сделать надо?

— Всего лишь побелить свинарник! — махнул рукой я.

— А деньги ты еще не достал? — подозрительно сощурился нечистый.

— Не было подходящего момента! — заверил я, подталкивая его в хлев.

— Если отдашь половину, я для тебя выкраду. Мне в этом деле равных нет! — авторитетно хрюкнул черт и ткнул пальцем в небо. — Там подтвердят!

Вздыхнув, я кивнул. Дороговато, зато надежно.

— Вот и славненько, все равно заняться нечем было! — Черт захрустел суставами пальцев. — До хаты возвращаться не охота, там со мной еще "не договорили"... — тут он схватился за зад и заковылял внутрь.

Я предпочел остаться снаружи — и без меня обойдутся! Черт тем временем окунул в ведро кисть и, с легкостью прыгнув под потолок, принялся орудовать с такой скоростью, что глаза мои не поспевали за ним. Секунду назад он был в одном углу, через мгновение перелетел в другой... Еще через миг целая стена была покрашена...

— Готово! Снаружи тоже? — приземлившись передо мной, спросил он.

— Ага... — Я так и стоял с открытым ртом. Этот малый не переставал удивлять!

— Покрас — раз! — Черт тут же оббежал постройку. — Покрас — два! — Не успел я моргнуть, как он снова стоял передо мной. — Вот и вся работа!

— А коровник сможешь? — очнулся я, глаза на идеально белый хлев.

— Не, внимание к себе привлекать не будем! — Он вручил мне кисть. — Меня здесь, кстати, не было! Куда ведьма мошну дела?

— На поясе у нее все так же висит.

— Помнится, сегодня барышня должна была грызть гранит науки в академии... — Черт коварно потер руки. — Ну, сейчас я ей это устрою! Негоже отлынивать... Хе-хе-хе!

17.3

Сначала рогатый принялся — пятак задергался во все стороны. Потом прислушался — увеличилось правое ухо, затем левое. Хвост его стал вращаться, подобно флюгеру. Усмехнувшись, черт залихватски свистнул, взмыл вверх и, перебирая конечностями словно в воде, понесся к пастбищу.

— Стой! — Я сорвался с места, не выпуская из рук кисть. — А я?!

— Ручная кладь в услуги не входит! — рассмеялся нечистый и только приударил.

Что-что, а быстро бегать я умел! За одним из деревьев черт пошел на посадку, а, приземлившись, по-кошачьи вскарабкался на толстую ветвь. Я подоспел через несколько секунд и, резко затормозив, чуть было не впечатался в ствол. Карабкаться наверх я не мог — Дина бы заметила. Она как раз пересекала пастбище с противоположного конца. Там, на фоне передевающихся в желто-оранжевое одеяние холмов, виднелся загон, в котором копошились розовые тельца.

— Не высовывайся! — скомандовал черт и, слившись с листвой, издал соловьиную трель.

Дина в задумчивости приближалась. Мне пришлось зайти за дерево, чтобы не выдать нас. Некоторое время ничего не происходило... Но внезапно мое внимание привлек объект в небе, пикирующий прямо на девчонку.

— Зачем так кровожадно?! — всполошился я, дернув черта за копыто.

— Много ты понимаешь! — лягнул меня рогатый.

Рыжая подняла голову, когда метла почти настигла ее. Сделав оборот вокруг хозяйки, она распушилась и замерла. Дина явно удивилась и что-то сказала, затем потянулась к соломе и вытащила оттуда листок.

— Птичка в клетке! — раздалось сверху. — Сейчас прочитает...

Лицо ведьмы изменилось, она вскочила на метлу и стала набирать высоту.

— Что ты ей наплел? — настороженно проводил взглядом эту парочку. Что-то странное было в поведении метлы... Нет, она и до этого брыкалась... но не так яростно!

— Что ищет ее Захар. Мало того, что сегодня была проверка знаний адептов по всем дисциплинам, академия готовит эту... как ее... — Спрыгнув с ветки, рогатый в задумчивости почесал бородку. — Короче культур-мультик к приезду пана Корнея!

— Это ведь не так?

— Ваще-то я подслушал! — обиженно хрюкнул черт. — Правда, Захар ее не искал... Ну ниче, явится — о ней вспомнят!

Тут я спохватился:

— А она в свинарник не заглянет?

— Тю! — махнул рукой черт. — Ей бы в академию добраться... без потерь! — и с довольным видом указал в небо.

А там... Там раздался девичий визг: метла брыкалась с такой силой, что Дина еле держалась. Крутанувшись, буйный веник перевернул хозяйку головой вниз и помчал отсюда, как оголтелый.

— А ну слушайся-я-я-я-я! — заголосили что есть мочи напоследок. Через пару секунд метла с Диной превратилась в точку. А черт дернул с места с такой скоростью, что я от

неожиданности подскочил.

— Куда?! — Несчастливая кисть выпала из рук — я должен был догнать рогатого!

Чертяка высоко подпрыгнул и, перехватив падающий предмет, опустился на землю.

— Во! — Он поднял над головой мошну с серебряниками. — Видал?

— Видал! — Попытался выхватить у него, уже чуя неладное, но первоклассный мошенник увернулся.

— Нью-ню-ню! — подразнил он меня. — Сейчас я себе копеечку отсчитаю... Цыгане счет деньгам знают, а черти не хуже! Дух нечистый одинаков — с ним расплачиваться надо!

Скрупулезно отобрав себе половину мешка, рогатый убрал деньги в таинственное место за пазухой и протянул добычу мне.

— Все, как договаривались!

— Знаю тебя! — пригрозил ему.

— А пошли в трактир, побалагурим? — предложил черт. — Скоро народ повалит с посева, нам бы на глаза никому не попасться. А там, через часок-другой, уже и табор объявится.

Я согласился. Делать было нечего, да и поесть не мешало.

Добрались мы в мгновение ока, а точнее по одному хлопку черта уже стояли у дверей трактира. Пока он пустовал, но аппетитные запахи всюду витали по помещению. Мы заняли стол в дальнем углу, и я снова принялся изучать меню.

— О, галушки! — обратил внимание на знакомое блюдо. — У нас они тоже есть. Только готовятся из брынзы.

— Так и быть, угощаю! — расщедрился рогатый.

Подошедший Янко был ко мне снисходительнее, чем в прошлый раз. Я ограничился галушками с жареным луком, борщом (таки хорошая вещь!) и голубцами по-карпатски. Все же решил попробовать блюдо, вызвавшее у меня удивление в день приезда. По объяснениям черта я понял, что голубцы — это как наши сармале, только с другой начинкой. Если у нас ею, традиционно, выступали рис, рубленая свинина и лук, то здесь — кукурузная крупа, шкварки и лук с морковью.

Черт же... не стал скромничать. Гуляли ведь за его счет!

— Сальца, да пожирнее, с чесночком! Рулетиков мясных! Борщеца да со сметанкой! Вареников с творожком! Груздей соленых! И компота! Вишневого! — Аж слюни утер!

Когда Янко скрылся в кухне, я с усмешкой спросил:

— А ты не лопнешь?

— Потенциал — ого-го! — хлопнул себя по животу рогатый и вдруг вынул из-за пазухи пачку банкнот.

Я опешил.

— Это еще что?!

Будто не слыша меня, он поплевал на ладонь и стал внимательно их пересчитывать.

— Эй, казнокрад! — пнул его под столом. — Объяснись-ка!

— А че объяснять? Сам не видишь? Деньга! — потряс он передо мной банкнотами.

— Откуда? — Не успел перехватить его руку — нечистый оказался быстрее.

— Что у девчонки выпало, то и взял! Ты ни о каких бумажках не говорил! А кто первый — того и черевички! — Черт показал мне язык.

— Это нечестно! Ты уже достаточно меня обобрал! По-хорошему надо оставить хотя бы часть, чтоб Дина нас не прокляла.

— Пф, мне это точно не грозит! — ухмыльнулась наглая морда и, замешкавшись, протянула мне несчастную купюру. — Больше не дам!

— Унизительно! — фыркнул я, пряча жалкую подачку в карман. Будет хотя бы чем за завтрашний обед расплатиться...

Вскоре нам принесли компот, закуски и первое. Черт предложил чокнуться (так был рад своему обогащению!) и выпил залпом два стакана. Икнув от резкого старта, рогатый накинудся на борщ, параллельно запихивая в рот грибы, сало и мои галушки. Ложка гроыхала о тарелку так, что у меня звенело в ушах. Не успел я доестъ борщ, как этот "образец манер" рыгнул и хрюкнул. Я чуть галушками не подавился! Правду говорят, из свиньи человека не сделаешь!

Тем временем нам несли вторые блюда. Голубцы мне понравились — начинка была оригинальная. Черт тоже остался в восторге, даже тарелку из-под рулетиков вылизал... Благо, в трактире никого не было — эту срамоту никто не застал. Мне самому было сложно есть, не отворачиваясь! Напоследок впихнув в себя вареники, черт вытер руки о белую скатерть, допил прямо из кувшина компот и поковырял в зубах ногтем.

— Эх, хороша жизнь на полный желудок! — улыбнулся во все зубы свин рогатый. — В картишки сыграем?

Следующие часа два прошли за игрой — других развлечений он попросту не знал. Обещал не колдовать, а потому стабильно проигрывал мне, опытному игроку в казино. Хотя что-то придало уверенности в себе!

Когда в трактир заглянули мужики, черт подозвал к себе Янко и, щедро отсыпав ему пять монет, засобирался:

— Закат близко, пора нам.

По щелчку пальцев мы оказались у моей развалюшки. Тильбо, выбежавший навстречу, стал расспрашивать, не голоден ли я.

— Все в порядке. Закройся в доме и не высовывайся, — приказал я.

— О, нужник! — обрадовался черт и понесся к туалету вприпрыжку. М-да, такой гастрономический перебор не проходит без последствий!

Вздыхнув, я прилег на стог сена. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая холмы и поля в красно-желтый цвет. До восхода луны оставалось недолго, но ожидание томило. Более того, я не мог отделаться от предчувствия, что что-то пойдет не так...

Туалет разразился страшными звуками... громоподобными! Никто явно не собирался оттуда выползть!

— Любезный! Будьте скромнее! — постучал ему. — У нас, вообще-то, дело намечается!

— Да ты не переживай, я тут посижу, в укрытии! — сдавленно ответило рогатое недоразумение.

Постепенно на селение опускались фиолетовые сумерки. На небе забрезжили первые звезды, и вскоре над низиной показалась луна. Показалась не полностью, лишь желтым бочком, но и этого было достаточно.

Обернувшись, я увидел, как из чащи сюда направляются трое мужчин — недавние знакомцы. Я кашлянул, чтобы кое-кто в укрытии был начеку, и подошел к забору.

Тут-то я и услышал гул... Предчувствие не подвело — со стороны селения на меня надвигалась верная смерть.

Дина! На метле!

17.4

С обеих сторон зажали, изверги!

Я дернул к черту и забарабанил по двери:

— Вываливайся, слышишь?! Сюда летит Дина!

— Я занят! — гаркнули из клозета. — Ты б лопушок лучше подал...

— Знал, что на тебя нельзя положиться! — сторяча стукнул кулаком по двери так, что она прогнулась.

Карма не заставила себя долго ждать — из туалета донеслось такое бульканье, что я предпочел броситься во вражеский тыл. К цыганам. Как говорится, из двух зол выбирай меньшее!

Цыгане явно не ожидали такого радушного приема: я бежал им навстречу буквально с распростертыми объятиями!

— Принес? — крикнул издали предводитель. Его сопровождал Лачо и еще один парень, который в ту ночь лично пытался придушить меня.

Я кивнул и вытащил из кармана полегчавшую мошну. Гул сзади все нарастал, но никто, кроме меня, не придавал этому значения.

— Кареты мало было? — скрипя зубами, протянул мешок.

— Взял наше раз, отдашь вдвое больше. Уясни! — заявил главный и отдал мошну Лачо.

Сзади отчетливо спрыгнули с метлы. Цыгане, занятые подсчетом денег, не сразу заметили опасность... А я ее спиной почувствовал! И сразу нашел подходящие кусты!

— Это что тут за сходка такая, на ночь глядя, а? — сказали так... что я понял — пора! — А ну стоять, скотиняка!

Замах метлой произвел впечатление на всех — цыгане отпрыгнули кто куда! Попадание в цель, а именно мне по шее, смягчила листва. Вот только я не знал, куда дальше — в чаще было темно, хоть глаз выколи! А Дина останавливаться не собиралась!

— Где дружок твой, а?! Сюда зови! Давно поросенка запеченного не ела!

Ткнули меня филигранно... в смысле, в филейную часть! От неожиданности я подпрыгнул, зацепился за что-то и упал на четвереньки. Дезориентировав на мгновение противника, я пополз наугад.

Цепкие руки подняли меня за ворот рубашки, и я был задержан Лачо. Не успел я и глазом моргнуть, как с Диной проделал то же самое младший цыган. Она попыталась вырваться, стала брыкаться, однако ничего не вышло — к ее горлу приставили нож. К моему с запозданием тоже...

Отбросив метлу ногой, цыганский барон сунул мошну в карман и с усмешкой устоял на нас.

— Ты что... с цыганами повязался?! — только сейчас дошло до Дины. — Ты понимаешь, что натворил, идиот?! Знаешь, сколько они детей и женщин выкрали?!

— Язык у тебя больно длинный, барышня! — показал зубы главный. — Что в цыганах плохого? Душа особенно хороша! — рассмеялся он, и двое других подхватили.

Дина меж тем попыталась осторожно начертить пальцем символ в воздухе, глядя на метлу. Но не только я это заметил.

— У-у-у, думаешь, поможет? У нас, цыган, своя магия! — Барон подошел к Дине.

Дела наши были плохи... Такой подставы я не ожидал!

— Мужики, мы же с вами все решили, — начал я дипломатично. — Деньги ваши, так отпустите нас и разойдемся мирно!

— Хитрый своего не потеряет, а еще и чужое к рукам приберет! — Цыган оглядел рыжую с головы до ног. — Ты нам нипочем, а девка в таборе сгодится!

Дина ненавистно зыркнула на меня, затем перевела взгляд на барона... и вдруг лягнула его промеж ног. Цыган взревел похлеще любого медведя и согнулся в три погибели от боли. Ох и зря она это сделала...

В ту же секунду меня толкнули на землю. Младший цыган подхватил Дину на руки и, крикнув Лачо что-то на своем, побежал вместе с ней в чащу. Тот громко свистнул и, подняв на ноги багрового от злости барона, понесся за соратником.

Я остался один на один с златозубым. В руках его блеснул нож...

— Че-е-е-е-е-ерт!!! — завопил я во все горло, не зная, куда кидаться. В этот момент из чащи выскочили еще трое сидевших в засаде!

Тут со стороны развалюхи грохотнуло — мы все одновременно обернулись. С криком "А-а-а-а-а-а! Да чтоб вас всех..." и отборной бранью в небо, прямо из туалета, взмыл черт. Растопырив конечности, он описал в воздухе дугу и бухнулся между мной и цыганами. Да с такой силой бухнулся, что земля под ногами затряслась и все попадали.

— Че, договориться не смогли? — Черт принюхался и осмотрел себя со всех сторон.

— Они выкрали Дину! — Вскочив, я указал на чащу.

— Тю! А это уже другой разговор! Кто разрешал?! — Рогатый подошел вплотную к барону и упер руки в бока.

— А кто запрещал? — принял такую же позу цыган.

— На кой ляд тебе ведьма сдалась? Деньги получил, вот и дуй отсюда! А то, гляжу, берега попутал! — недовольно хрюкнул черт. — Я и так вам навстречу пошел, не изгнал, разрешил с полей подворовывать! Можно сказать, вошел в положение! А вы че? Ведьм моих таскаете?!

— Да совсем у нас туго, нигде промыслу нет, — вдруг сник цыганский предводитель. — Отовсюду погнажи, не пригодились ничем...

Нечистый призадумался. Хитро глянув на меня, он выдал:

— А вы ж это... пиликать на скрипках умеете? На баяне клацать? Ну вот эти все румбабасы свои петь?

— Ну что ты, табор без музыки и дня не проживет! — засиял чернявый собеседник.

— Есть у меня одно предложение... деловое. Сюда пан наш едет, будет со дня на день. Нежадный на деньгу он и музыку любит погромче да позадорнее. Коль играть хорошо будете, не обидит, карманы полные у вас будут. Только как он уедет, чтоб я ноги вашей тут не видел! То звездами раскидываться заставляют, то в нужник сходить не дают... Достали!

— А по рукам! — легко согласился цыган.

— Ты девку-то верни, — сказал черт и пожал протянутую ладонь.

На том и порешили.

Глава 18. С оркестром и калачом

Глава 18. С оркестром и калачом

— Ах ты спекулянт козлоногий! Плохо тебе Солоха зад надрала! — первым делом заявила Дина, выйдя из чащи.

— Да че вы пристали к моему бедному заду?! — возмутился рогатый, провожая взглядом цыган. — Где спасибо?!

— Там же, где и ваши извинения! Нашлись воротилы! — Рыжую аж колотило от злости. Казалось, она сейчас метлу переломит надвое!

— А может, тебе в таборе неплохо бы сиделось? — оскалился черт и по-кошачьи изогнул хвост. — Не, ну а че?! Она у меня одежды на ярмарке купила, денег стока за них сама выложила, а потом взяла и все себе заграбастала! И мой товар, и мои деньги! И кто из нас воротила?! — Он обернулся на меня, ища поддержки. — Это она мошенница!

— Я?! Да как ты смеешь?! — Дина от души лупанула веником... только не по черту, а по мне — тот успел отскочить! — Ты обещал отдать все на нужды селения!

— Брешешь! Чтоб черт пообещал, с ним контракт заключить надобно! — вновь увернулся нечистый.

— Еще и с цыганами, с-с-собака, водишься! То-то все гадают, отчего ж они не изведутся! Все по полям нашим шляются! — Тут Дина решила изловчиться и сбить его с ног метлой. Однако рогатый раскусил ее и подпрыгнул. — Ты зачем этого лопуха приплел?!

— Попрошу без оскорблений! — встрял наконец я, но был отогнан всемогущим летательным аппаратом.

— Не я приплел — сам приплелся! Это он захотел деньги у тебя выкрасть, а меня о помощи попросил! Кобылу цыганскую упер, вот они и привязались, плату взамен потребовали! — сдали меня с потрохами.

Дина на секунду потеряла бдительность и вопросительно уставилась на меня. Черт решил воспользоваться заминкой и удрать с места преступления...

— Стоять! — Дина схватила его за хвост и с удивительной легкостью подняла над землей. И это при том, что были они почти одного роста!

— Руки прочь от сокровенного! — заверещал черт, беспомощно барахтаясь.

— Сейчас-сейчас! — Она потрясла его пару раз, и на землю посыпались банкноты вперемешку с монетами. — А теперь кыш отсюда! Солоха тебя уже ой как заждалась!

Черт, брякнувшись на траву, наспех похватал пару купюр и семимильными шагами побежал к селению. Без оглядки.

Я остался наедине с ведьмой, взгляд которой не предвещал ничего хорошего. Попятившись, виновато улыбнулся и уж было хотел объясниться...

— Больше на мою помощь не рассчитывай! Надоел! Остолоп великовозрастный! — сказала как отрезала.

Оттопырив карман платья, она жестом подозвала к себе разбросанные по земле деньги. Монета за монетой, купюра за купюрой — все до последнего уместилось в небольшой с виду кармашек. И, вскочив на метлу, Дина растаяла в сумерках близящейся ночи.

Таким брошенным и всеми ненавистным я не ощущал себя даже после проигрыша поместья! Мало того, что меня подставил рогатый, я терял стратегически важного союзника — Дину! А тем временем приезд пана Корнея, способный вызволить меня отсюда, был все

ближе...

Следующий день прошел в приготовлениях.

Утро началось неожиданно. Не успел я продрать глаза от взошедшего солнца, как ко мне подослали какого-то мальчика.

— Важное сообщение для пана завхоза! — загорланил он с порога.

— Господин, простите, что бужу вас так рано, но к вам... — в спальне показался Тильбо с виноватым видом.

— Пусти, — зевнул я, потягиваясь в кровати. Да-а-а, сна в Чертовой Заводи мне было не видать!

— Пан завхоз, доброе утро! Вас Дина спрашивает! Коль изволите явиться, она будет ждать вас у хаты пана Василя! — повторил слова ведьмы паренек.

— Коль изволите! — передразнил я, представляя, каким голосом Дина это сказала. — Передай, что скоро буду!

Отправив посланника назад, я натянул штаны и рубашку и обнаружил, что дурацкого коричневого сюртука нет.

— Так постиран... весь в пятнах был! — объяснился Тильбо. — Господин, вам отзавтракать надо! Совсем исхудали, бедненький! Позвольте сбегать в трактир...

— Не буду я завтракать, — отмахнулся, выходя во двор. — Настроение перебили!

Явившись так быстро, как только мог, я застал Дину за побелкой хаты. Словно набрав в рот воды, она кивнула на ведро с кистью. Сурова, ничего не скажешь! Но, чувствуя вину за вчерашнее, я все-таки пристроился рядом и, пересиливая нежелание, стал повторять за ней.

Разговор не клеился. Хата была почти побелена, но Дина не проронила ни слова. Все это время она стояла, нарочно не смотря на меня.

Когда мы закончили, она с отсутствующим видом произнесла:

— А теперь пойдем в коровник. Коров уже подоили и должны были отвести в загон.

— Может, позовем черта? Свинарник он вчера красил. — Я размял затекшую кисть. Шея, плечи ныли, живот урчал от голода...

— Ему еще житницу восстанавливать и дом Захара. — Тут меня удостоили взглядом с упреком. — А все из-за тебя!

— Не надоело во всем меня винить?! — оскорбился я, но был как и прежде проигнорирован.

Сказать, что я чуть ласты не откинул в этом коровнике — это не сказать ничего! Вон стояла адская. Хоть Дина и заверила, что в хлеве прибрано, я и шагу не мог ступить, боясь вляпаться в источник вони! Раз десять пришлось выйти на воздух — продышаться. А сколько ведер я перетаскал... Коровник был как минимум в два раза больше свинарника! Единственное, что не позволяло мне развернуться и сбежать, — надежда на спасение в лице пана Корнея.

К вечеру я не чувствовал ни рук, ни ног, ни спины. Хотелось свалиться на месте. Дурнопахнувший и злой, я расстегнул заляпанную рубашку и упал на траву. Заметив на себе взгляд Дины, я спросил:

— Надеюсь, на сегодня все?

— Твоя помощь больше не нужна. — Она отвернулась и поспешила зайти в коровник.

Молчанка так молчанка! Никаких зато претензий и высказываний в мой адрес!

На обратном пути я ловил на себе игривые взгляды девиц. Не давала им покоя моя

расстегнутая рубашка! Это даже повеселило. К слову, внимание я заслужил не только от женской половины — мужская тоже приветственно склоняла головы. Все-таки не зря птичник с теплицей чинили! Как раз пан увидит, что я уже заслужил всенародную любовь и искупил грехи! Исключением был один кузнец, рыжая ведьма и... хрюкнутое на всю голову создание. Но что могли сделать трое против всего селения?

А меж тем Чертова Заводь приводилась в порядок общими усилиями. Каждый убирал свой двор. Одни расчищали дорожки, другие открывали окна-двери и начинали намывать дом, как будто пан должен был наведаться именно к ним.

Еще издали увидев на крыше архива плечистую фигуру Вакулы, я решил изменить маршрут и пошел в обход. Только с этим пересечься не хватало!

До своей будки доплелся после заката. Голова гудела, перед глазами все плыло. Тильбо сразу засуетился вокруг меня и помог раздеться. Последнее, что помню, — как залпом опустошил стакан молока. После этого я ничком упал на кровать и спал как убитый...

Утро началось, по традиции, с неожиданного визита. Причем, будил меня не петух (с ним топор войны мы зарыли), и не какой-нибудь мальчишка...

— Харе дрыхнуть! Наряд оцени! — гаркнули прямо над ухом.

Нет, и все же не привык! Я вскочил и, запутавшись в одеяле, налетел на что-то маленькое и рогатое.

— Черт?! — не сразу понял, кто передо мной.

Вроде голос его, по очертаниям похож... Проморгавшись, я разглядел то, что сбilo меня с толку.

— Это что на тебе?!

— Ты че, не узнал? Твой сюртук с жилетом! — Черт закрутился, демонстрируя одеяние. — Я еще и бородку подстриг!

— Ты Солохе предложение делать собрался? — уставился на него во все глаза.

— Типун те на язык! С бабой узами повяжешься, потом не развяжешься! — сплюнул черт. — Каждый день будет мозг чайной ложечкой колупать! — А тут он был несомненно прав!

— Тогда для кого старания? — Я стал разглядывать его со всех сторон. И бородка вышла неплохая, из козлиной превратилась в эспаньолку, и зеленый сюртук с коричневой жилеткой сидели на рогатом точно влитые. По-моему, он даже стал на оттенок светлее — помылся!

— Для пана, тугодум! Как только момент подвернется, я его убедить хочу, что нужно мне карьерное повышение! Неча сторожем сидеть, от полей ворон отгонять — пропадает харизма! — блеснул явно отрепетированной речью черт.

— И куда ж ты метишь? — Закутавшись в одеяло, я сел на край кровати. Так любой разговор было приятнее вести.

— В счетоводы! — гордо ткнул себя в грудь нечистый.

— По-моему, ты переоценил свои шансы, — не стал лукавить я. — На твою счетоводческую деятельность у Дины сразу найдется компромат.

— Тю! Да кто ж девку слушать будет?! Я все придумал, ты только подыграй! — Черт, потирая руки, расплылся в коварной улыбке.

— Вообще-то, я сам хотел его кое о чем попросить... — А что? Свой зад дороже!

— И о чем же? — шелестя полами сюртука, рогатый склонился надо мной.

— Я домой хочу. Надоели мне ваши коровы, свиньи, куры... Неделю нормально не

мылся! Ни тебе душа, ни туалета... Я вчера навозом провонялся! — Это был крик души. — Еще и каждое утро поспать не дают!

— Кто рано встает, тому больше перепадет! — заявил черт. — Раз так, то планы меняются: я буду новым завхозом! Предложи меня на свое место! — Когтистые ручонки вцепились в мои плечи, а пороссячи глазки хищно заблестели.

— Да пожалуйста! Больно надо было! — фыркнул я, хотя в душе обрадовался. В два голоса пана Корнея убедить будет даже проще!

— Вот и славненько! — удовлетворенно хрюкнул рогатый. — А дрыхнуть у тебя любому не выйдет. Пан вот-вот будет! У меня уже все готово, и калач, и оркестр! — Черт с важным видом смахнул с сюртука невидимые пылинки и приосанился.

— А калач зачем? — Я стал искать рубашку со штанами, которые вроде бы кинул на пол вчера.

— Хозяйка моя его всегда готовит к приезду пана! Смачный, на сливочках, с солью! М-м-м! — черт аж поперхнулся.

Так и не найдя никакой одежды, я вспомнил, что часть моего «приданого» должна быть возвращена.

— И как я пана буду встречать? Мне не в чем! Где непроданные вещи?

— Ага, щас! Буду я добром раскидываться! — хмыкнул черт и забрался на подоконник, уже пытаясь улизнуть.

— Ты и так все лучшее себе забрал! Одолжи хоть что-то, пана встретить! — возмутился я и дернул его за сюртук.

Повалившись на пол, неутомимый гастроном прохрюкал что-то неразборчивое себе под пятак и щелкнул пальцами. По его взгляду я сразу понял, что что-то не то... А, когда посмотрел вниз, сполна в этом убедился!

— Я тебе кто, клоун?! — взревел, глядя на ярко-голубые брюки от старого маскарадного костюма.

К ним, чтобы добить меня окончательно, прилагалась бордовая рубашка, наличие которой я даже не мог припомнить в своем гардеробе! Вот что значит хватал без разбора!

— Чё заказывали, то и получили! Оно само подбирается! — развел руками чертила, еле сдерживая смех.

Борясь с чувством врезать ему, я подбежал к зеркалу и разглядел там такое пугало огородное... Даже страшно было осознать, что это я!

— Давай быстрее, народ уже собирается! — хихикала падла рогатая.

Кое-как распутав слипшиеся после вчерашнего волосы, я влез в растоптанные туфли и прикрыл цветастый стыд высохшим сюртуком. Мама мия... Этот малый придумал отличную предвыборную кампанию! Из нас двоих он, даже несмотря на повышенную волосатость и рога, выглядел гораздо презентабельнее!

Шел я с опущенной головой — так, чтобы не видеть глумливые взгляды селян! Спасибо черту! Устранил конкурента!

Народ собирался неподалеку от хаты Солохи, что стояла на ближайшем ко въезду в селение пригорке. Разделились все: бабы стояли в расшитых узорами рубахах, мужики — в затрапезных костюмах, лежавших у них еще со времен свадьбы, адепты академии — в форме... Кто-то даже держал букеты цветов! Возглавляла процессию сама Солоха и еще одна рослая баба, чуть ли не превосходящая в габаритах хозяйку рогатого. Рядом крутился взволнованный Захар. Дины же нигде не было видно...

— Фух, батюшки мои, успел! — чуть ли не сбил меня с ног Брут. — Утра доброго, пан завхоз... — Взгляд карих глаз упал на мои штаны. Рубашку я еще как-то мог спрятать! — Гляжу, и вы сегодня в парадном! — выдавил он из себя, еле сдерживаясь.

— Доброго, доброго, — прорычал я сквозь зубы и отошел в сторону в гордом одиночестве.

Черт побежал встречать цыган, едущих в расширенном составе на телеге. Барон восседал в шляпе и алой рубашке, вожжи держал Лачо, одетый в желтую блестящую сорочку. По бокам, с воткнутыми в волосы розами, сидели две девушки в красных платьях.

— Товарищи цыгане! Попрошу вас вот сюда, так сказать, в оркестровую яму! — черт указал на место, где стоял я.

Вот спасибо! Издалека я даже за цыганского сородича сойду! По цветовой гамме мы совпадали!

Вдруг я заметил, что в толпе мелькнула рыжая шевелюра. Дина осторожно пробралась к Захару и, поприветствовав его, пристроилась за моей спиной.

— А что-то приличное нельзя было надеть, чтоб я за тебя не краснела? — недовольно шепнула она.

Мне отчего-то польстило, что за меня будет кто-то краснеть.

— Претензии не ко мне, а к стилисту! — кивнул на рогатого. Тот уже крутился рядом с Солохой с покорной улыбочкой.

— Е-е-еде-е-ет! — дала клич старшая ведьма, что-то пристально высматривая впереди. Сама она тоже не поскупилась на прикрасы: надела красные многослойные бусы, серьги, нацепила расшитый бисером чепчик.

Я всмотрелся вдаль. На фоне густой стены деревьев и желтеющего низовья Карпат действительно белела карета. До нас ей было еще ехать и ехать, но это никого не остановило. Решили выдвигаться.

— Товарищи цыгане, музыку! — торжественно объявил черт.

Те переглянулись и взялись за свои инструменты. У одних это была гитара, у других — гармонь, у третьих — тамбурин. Только солист, барон, держал подмышкой скрипку.

— Частушки давай! — крикнул он и взмахнул руками на манер дирижера.

— Такого веселого приезда у пана Корнея еще не было... — сказала с ужасом в голосе Дина.

18.2

Процессия двигалась неспешно, зато с какой громкостью, с каким напором! Уверен, пану все было слышно издалека! А если еще и видно, то он, наверное, уже катался со смеху в карете: некоторые начали приплясывать с букетами в обнимку!

— Долго думала подруга, с кем пойти ей под венец, в семьдесят четыре года вышла замуж наконец! Ай да Люда, Люда-ля да ай да Люда, Люда-ля! — тем временем голосили цыганки, размахивая пышными юбками.

Когда же карете осталось каких-то жалких десять метров, шествие остановилось. Черт, выбежав вперед, крикнул:

— А теперь душевную!

Наконец барон взялся за свою скрипку. С новой силой зазвучали гитары, заиграла гармонь, зазвенел тамбурин. Карета тем временем остановилась почти вплотную к нам. С облучка сошел ямщик в старомодном кафтане и кучерской шляпе и открыл дверь.

Оттуда спустился толстый неуклюжий старик с тростью. Весь красный, с редким пушком на голове, он блестел на солнце как масляный блин. Веки его обвисли настолько, что я с трудом разглядел под ними глаза. Стянув с шеи шелковый платок, старик протер лоб от выступившего пота. То ли испугался представшего перед ним зрелища, то ли понял, что затянутый сюртук в его случае — плохая идея. Пуговицы на увесистом животе должны были вот-вот лопнуть...

— Ай нэ-нэ-нэ хоп-хоп-хоп! — тем временем распевали девицы, позвякивая золотыми браслетами на запястьях.

Черт, демонстрируя самую широкую улыбку, на которую только был способен, жестом остановил цыган, чтобы "хоп!" не превратился в чей-то преждевременный "хлоп!".

— Ясновельможный пан Корней, господарь наш! Радужно приветствуем вас в Чертовой Заводи!

Произнеся это елейным голоском, нечистый поклонился до самых копыт. А вместе с ним и все остальные. Первый раз участвуя в массовом отбивании лбов (не светский раут все же!), я отвесил поклон с опозданием. Благо, стоял с краю и сливался с цыганским оркестром — пан даже не заметил. Когда все поднялись, к старику выступила Солоха, держа расписное блюдо с калачом.

— Ваше благородие, откушайте с дороги!

Пан, отломив кусок побольше, макнул его в соль и вдруг добродушно сказал:

— Как всегда расстаралась, Солоха! Не хвораешь?

— Отчего ж мне хворать, ясновельможный пане? — усмехнулась ведьма, обрадованная таким вниманием.

В мгновение ока Корней был окружен букетами и поклонами со всех сторон.

— Польщен, польщен! — смеясь, он взял один и вдруг обратился к черту. — А где же новый помощник завхоза?

— Так вот он, ваше благородие! — указал на меня рогатый, вытянувшись по струнке.

А я как будто к земле прирос! Стыдно было в таком виде показываться! Стоявшая за спиной Дина выручила — подтолкнула меня. Сконфуженно улыбаясь, я оказался лицом к лицу с паном и, как младший по статусу, вновь склонил голову.

— Марко Готи, ваше благородие.

Хоть глаза его почти не были видны, я мог поклясться: Корней уставился на мои штаны! Вскинув кустистые брови, он отдал букет черту и протянул руку со словами:

— Корней Квятковский из рода Вий-Квятковских. Рад познакомиться с вами лично.

Пожав ее, я готов был провалиться на месте. Зато рогатый ощущал себя хозяином положения и вовсю демонстрировал удивительную любезность! Никаких тебе "че?", "тю!", "харе"... Даже хрюкать перестал!

— Ваше благородие, не желаете ли отправиться откушать в трактир? — покорно спросил он.

— Позже, — отрезал пан, оглядываясь по сторонам. — Давненько я у вас не бывал! Хочу посмотреть, что в местечке этом творится. Урожай оно снова приносит негодный, население на убыль идет, кругом одни жалобы. И для кого я академию строил? — последнее он добавил гораздо тише, но я услышал. — Господин Готи, а не составите ли мне компанию, не похвастаетесь успехами? Быть может, они у вас уже имеются? — Корней жестом пригласил меня в карету. — Как долго вы здесь?

— Дней восемь, — навскидку ответил я, принимая приглашение под завистливый взгляд черта.

Устроившись на сидении рядом, пан Корней приказал ямщику трогать. Народ боязливо расступился, цыгане же снова взялись за инструменты и стали провожать нас под музыку.

— Предлагаю отбросить все формальности, я не за этим три дня ехал, — огорошил пан, как только шумная толпа осталась позади. — По глазам вижу: хочешь, чтобы я позволил тебе покинуть селение раньше, чем наказал мне твой дед. Так знай, что я этого не сделаю. У меня для тебя особое поручение.

Я так и уставился на него с открытым ртом. Даже слова в оправдание вставить не дал! Вот как нынче пенсионеры развлекаются? Спасибо, на Луну со своим особым поручением не послали! Видно, не додумались!

Глава 19. Новые полномочия

Глава 19. Новые полномочия

— Я весь внимание, — взял себя в руки. Оставалось надеяться на кандидатуру черта и вовремя вернуть про нее в разговор.

— Эти земли еще отец мой за выслугу лет получил. В те времена здесь был сплошной лес. Отойдя от службы, он начал расчищать местность и вскоре в низовье Карпат возникло новое имение Вий-Квятковских — Чертова заводь, — издалека начал пан.

До того, как мы сели в карету, я не придал значения его чудаковатому акценту. Речь Корнея больше напоминала речитатив. Говорить он начинал так же внезапно, как и заканчивал.

— По этой причине от сей глухомани я не могу так просто избавиться, какие бы убытки ни терпел. Хотя такой вопрос уже назрел. Проблемы те же: никакого урожая, никакого проку. Не хватает ни рук на поле, ни голов в академию. Сами ее выпросили, целым селом мне написывали, а в итоге что?! — Он так резко повысил голос, что я вздрогнул. — Некому и нечему учиться! Я дал им время, думал, академия привлечет умы со всей округи и слух о ней разойдется по ближайшим городам. Благодаря этому селение должно было вырасти! Я даже отправил в столицу несколько преподавателей осваивать арифметику, географию, историю... Но недавно я получил от Захара письмо с описанием того, что учат выпускники... и чуть не лишился чувств! Уже который год они копаются в каких-то травах, пытаются летать на метлах и зубрят абракадабру!

— И что в этом плохого? — искренне не понял я.

— А то! — Корней снова промокнул лоб платком. — Академия строилась для того, чтоб народ грамоте учился, науку осваивал, а не мракобесием занимался! Прошу простить, я плохо переношу любителей шабашей! Но даже так пошел на уступки и разрешил им страдать колдовством на отдельном факультете! Какого же было мое удивление, когда я узнал, что в академии поголовно случилось помешательство! А больше половины селения так и ходит не зная грамоты!

— И что же вы предлагаете? — без задней мысли спросил я.

— Я не предлагаю, я настаиваю на том, чтобы ты, господин со светским воспитанием и широким кругозором, рассеял тьму этого бескультурья!

А кто б рассеял тьму перед моими глазами?! Я аж воздухом поперхнулся! Мама мия, какой там широкий кругозор?! Конечно, я легко мог отличить альбариньо от мюскаде, станцевать как жок, так и вальс, сыграть как в покер, так и в преферанс... Но на этом таланты кончались!

— Ты, как цивилизованный представитель столичного общества, получил прекрасное домашнее образование... — еще больше подбил меня пан.

Моя гувернантка, наверное, перевернулась в гробу. Прекрасным образование никак нельзя было назвать: меня даже за стол не могли посадить! Я вечно убегал, отвлекался на что-то, делал все специально наоборот. За ненадобностью. Я с детства понимал, что у меня и без того все было, есть и будет. Потому попытки перевоспитать юного Марко были оставлены раньше, чем того хотел дед.

— Ну что вы, что вы! — сделал вид, что смущен. — Вы меня переоцениваете! Я так далек от наук!

— Но ты хотя бы можешь рассказать неучам, как выглядит мир! То, что ты — человек искусства, даже лучше! Ну, или не совсем человек... — тут он кашлянул и трясущимися руками снова вытер лицо. — Сам подумай! Сегодня они пытаются оседлать веник, а завтра что? Будут плясать с бубном?!

— Пан Корней, вы же сами понимаете, я не смогу здесь остаться надолго. Как им помогут мои недельные лекции обо всем понемногу? — зашел я с другой стороны.

— Почему это недельные? — нахмурился старик. — Твой дед сказал, что ты можешь хоть полгода здесь сидеть, пока толку от тебя не будет. Так что оставайся так долго, как захочешь!

Как захочу?! Что-то голова покруживается, сердце больно сжалось... По-моему, кое-кто просто смерти моей желает!

— Но как же... обязанности завхоза? Разве не для этого я сюда ехал? — сглотнул ком в горле.

— А ты с ними справляешься? — усмехнулся пан Корней.

Видимо, судьба решила сжалиться надо мной, и без того уже побитым! Доказательства нашлись сами собой: мы как раз приближались к хозяйственной части селения.

— Сами взгляните! — Я перегнулся через него, указывая на постройки за окном. — На улицах чистота и порядок! Хлева побелены! Крыша курятника больше не протекает! Теплица как новенькая стоит! — Прости, рогатый, но тут бы себе не навредить! — И это не говоря о том, что я был на ярмарке и привез селянам то, что обещал Василь! И все это — за неделю!

— Признаться, удивлен, — закивал пан. — Да только не верится мне, что ты это без чьей-либо помощи сделал.

— Конечно, без нее не обошлось. Местный сторож, черт, тоже заинтересован в благоустройстве селения... — намекнул я. — Думаю, он сможет стать хорошей заменой Василю и необходимость в помощнике завхоза отпадет.

Корней вдруг рассмеялся и, размахивая мокрым платком, уничтожил все карьерные планы рогатого:

— Да это главный подельник ведьмы! Дай ему слово, черт скажет то, что хозяйка ему науськала! А бабу я до управления не допущу, тем более бабу на метле!

Прокашлявшись, старик продолжил уже более спокойно:

— Мне тут доверять некому. Один Василь был, да напасть на него какая нашла. Судьбу дяди своего повторяет. Поэтому оставайся ты за главного, Марко, пока я должную замену не подыскал. Помогает тебе черт — пользуйся на здоровье. Но не в свои дела не лезь.

Ужас охватил меня, буквально перекрыл кислород. Не выберусь я из этого омута... Сгину в Чертовой заводи! Безжалостно!

— Время от времени проверяй, как идут дела в хозяйстве, не нужна ли помощь. Хотя бы вид сделай, что указания от меня получил. Сам захаживай пару раз на неделе в академию, обучай их всему, что знаешь. Я Захара предупрежу, они тебе часы выделят. За месяцок-другой и преподавателей подтянешь, хоть какой-то прок будет. А то в столице скоро начнут сомневаться в целесообразности моих намерений! И так осуждают, что вольно у меня живут...

Мало деду моих страданий! Решил бить в больное и наверстывать упущенное семимильными шагами! Выкручивайся, как хочешь, а в грязь не упади!

— Что-то лица на тебе нет. — Действительно! — Да ты не переживай, жалованье я выпишу. Еще поинтересоваться хотел, как ты в моей глуши расположился. Тебе комнату в

доме Василя же выделили?

— Мне выделили сарай! — Я обессиленно обмяк на сидении.

— Как же так? Это надо поправить! — старик искренне оскорбился. — Здесь дом отца моего на пригорке стоит, я уж давно в нем не останавливался. Весь, наверное, паутиной зарос, но всяко лучше сарая будет. Якуб! — крикнул пан через открытое окно кареты. — Останови у трактира! Нам с господином Готи отобедать пора!

Не успели мы толком подъехать к харчевне, как нас уже встречали с песней и плясками.

— Ай нэ-нэ, ай нэ-нэ! — Цыгане обступили карету со всех сторон.

— Будем считать, что сегодня я в хорошем расположении духа! — усмехнулся пан и, вытащив из кармана впечатляющих размеров пачку, просунул в окно. — Глянь на них, стараются!

Деньги стали исчезать с невиданной скоростью. Даже у меня в казино они уходили медленнее! Мужчины ловко выхватывали купюры, не прерывая игру, а девушки беспорядочно совали их в лиф платья, с восторгом глядя на своего обогатителя.

— Наис! Наис! — кричала та, что помладше.

— Явэн састэ! Здоровы будьте! — улыбалась до ушей вторая.

У распахнутых дверей трактира нас ждали черт с Солохой.

— Ясновельможный пан, просим вас к столу! Для вас изготовлено все самое лучшее! — расшаркался рогатый, не убирая улыбку с морды.

Трактир был отдан исключительно под наш с паном обед. Стол... нет, целых пять столов ломились от яств! У меня разбегались глаза. Все только приготовленное, с пылу с жару, дымящееся... Я еле успевал слюни подтереть!

— Прошу! — пан занял место в центре и пригласил меня за соседний стул.

Я повязался салфеткой (все-таки впервые за долгое время находился в приличном обществе) и принялся заедать и запивать свое горе. Горю предстояло быть долгим, а утешаться как никогда было чем! Тут не просто борщ с салом, тут все меню подали, и даже больше! И тебе капустняк на копченых ребрах, и жаркое в горшочках, и соленья, и биточки с грибами, и картофельные зразы, и пироги с печенью, и вареники со всеми на свете начинками, и блины... А, еще холодец забыл, на петушке! Я уточнил, не на Степашке ли, но был уверен, что нет. Сначала я не понял вкус... Напоминало желе, но кусочки мяса никак с десертом не вязались. Но после того, как рука пана от компота потянулась к медовухе... я распробовал! С хренком особенно вкусно получилось! А если еще рукой зачерпнуть капустку квашеную...

— Гарсон! — пан подозвал трактирщика. — Наливочка какая-то есть?

— Есть, ваше благородие! — Янко только и успевал убирать со стола пустые тарелки. А появлялись они каждую минуту!

— Неси! — приказал Корней и запихнул в рот штук семь вареников.

— Цума-а-айлэ, цумайлэ-э-э! — весело исполняли на своем цыганки. За эту песню они получили наибольший гонорар: старик уже пятый раз лез в карман.

Тем временем Янко нес кувшин, а Солоха — очередную порцию хрустящей капусты. Пан отвлекся от цыганок и вдруг схватил корпулентную ведьму за руку. Черт, околачивающийся все это время на кухне, выглянул в зал и наострил уши. Пан что-то шепнул Солохе, отчего та хохотнула и порозовела, и, отпустив хозяйку рогатого, обратился ко мне:

— Сегодня сам остановлюсь в отчем доме, а завтра поутру выдвинусь в путь. Надо бы

еще в другое имение добраться!

Не только я проводил пани Солоху взглядом — черт это сделал куда выразительнее. Пятак его гневно задрожал, кулаки сжались, а глаза ненавистно скосились на пана, который запоздало чокнулся со мной за знакомство.

— Хороший ты собеседник, Марко! — похлопал меня по плечу старик.

Я отмахнулся. Мне даже говорить ничего не пришлось: Корней сам изливал душу! Сначала жаловался на своих многочисленных дочерей, которых никак не мог выдать замуж, потом вспомнил, как в юности застал Николая Василича во время его визита в Карпаты... Я покорно слушал. Горе под болтовню заедалось и запивалось так, что спустя пару часов мое положение перестало казаться мне столь бедственным!

Я не сразу заметил, что черт исчез в неизвестном направлении. Зато вместо него прибежал Захар.

— Ваше благородие! — еле переводя дыхание, он низко поклонился.

— Ну что ты, Захар! Присядь, отдышись хоть! — великодушно разрешил Корней.

— Покорно благодарю вас, пане! Для меня большая честь сидеть с вами за одним столом! — Захар еще раз поклонился и с содроганием занял дальний стул. — Вся академия готовилась к встрече с вами! Адепты даже приготовили для вас целое выступление...

— Поехали, Марко! — решил пан и сдернул с шеи обляпанную салфетку. — Как раз представлю тебя как нового преподавателя!

У Захара от ужаса расширились глаза. Он уж было запыхтел от негодования, но, повинуясь, не возразил и поднялся из-за стола следом за нами.

— Слово пана — закон! — сказал ему я и ускорил шаг. На всякий случай.

До академии нас с Корнеем домчали в два счета. Я еле переставлял ноги после всего съеденного и выпитого, а вот пану это было не впервой. К тому же энергии в нем явно хватало на что-то еще! Это что-то делало его особенно радостным... и заставляло меня нервно оглядываться в поисках черта.

Передо мной предстало уже знакомое благодаря нечистому здание — двухэтажный терем с башней, окруженный домишками. Именно сюда со злополучными васильками меня посылал рогатый товарищ.

Теперь же я оказался внутри. Темный коридор, устланный бордовым ковром, уходил далеко вперед. В самом конце виднелись очертания лестницы, ведущей на второй этаж. Кабинеты, в которых занимались адепты, располагались по обе стороны. Все они были прибраны и выглядели одинаково пусто: десяток парт в каждом лишь с тем различием, что в некоторых на стене висела доска. Одним словом, скромно.

— А здесь мы занимаемся травознанием, — меж тем вещал Захар про каждый кабинет. — Для зельеварения лаборатория в башне, я вам писал...

Корней слушал с недовольным видом, то и дело комментируя мне на ухо:

— Травознание! Ишь, чего удумали! А варить зелья опасно! Спалят академию и что мне делать прикажешь? Нет, ты обязан исправить сие безобразие!

Да как бы я его не усугубил...

— Прошу в музыкальный зал, ваше благородие! — пригласил Захар в последнюю перед лестницей комнату.

Она оказалась больше всех предыдущих и состояла из невысокой деревянной платформы и нескольких рядов стульев. По бокам было подобие кулис, за которым вовсю переговаривались адепты.

Меня, как почетного спутника пана, посадили посередине. Рядом ждали начала представления трое немолодых мужчин и две женщины — по всей видимости, преподаватели, которых в селении я еще не встречал. А за спиной уже занимали места adeпты различных возрастов. Черт как в воду канул...

Заявление решено было делать в конце. Захар дал отмашку, и на сцену высыпали парни и девушки. Еще несколько ребят сидели в углу с музыкальными инструментами. Я разглядел скрипку, цимбалы, кавал и даже кобзу — визитную карточку наших краев. Выступающие собрались в полукруг и обнялись за плечи. Адепты приоделись: парни сменили учебную форму на белые рубахи и свободные брюки, а девушки — на сорочки с расшитыми цветами рукавами и подпоясанные красные юбки по колено. Волосы каждой были заплетены в косу, обернутую вокруг головы.

Волей случая напротив меня оказалась рыжая шевелюра. Сначала я даже подумал, что обознался. А все потому, что сегодня Дина была хороша как никогда прежде! Наконец-то передела безвкусную зеленую тряпку, скрывающую точеную фигурку, и заменила громоздкие сапоги на туфли, в которых ее ножка смотрелась аккуратно.

Заметив, что я ее рассматриваю, рыжая скривилась и отвернулась. Даже когда заиграла бодрая музыка и адепты принялись танцевать, запала в девушке не прибавилось. А мне было весело! Пану тем более — по-моему, он прихватил с собой из трактира спонсора настроения!

Музыка то ускорялась, то замедлялась. Выступающие двигались в такт ей: то перепрыгивали с ноги на ногу, то шагали медленно, то начинали водить хоровод. Временами они выкрикивали что-то задорное. В какой-то момент в центр сцены выбежали парень с девушкой и приударили так, что мне самому захотелось присоединиться к ним. Вот, как надо! Как у нас говорят, стал в круг — пляши! Жаль только, съеденное пригвождало к стулу! Оставалось хлопать!

Рыжая, не отличавшаяся грацией, старалась оказаться ближе к кулисам. Под конец я и вовсе потерял ее из виду. Пан, стоически державшийся часа два, все-таки заклевал носом, поэтому как только музыка стихла и в зале раздались аплодисменты, я растолкал его.

Адепты, поклонившись, расступились, пуская на сцену Захара.

— А теперь слово господарю нашему, милостивейшему пану Корнею! — объявил лекарь, и зал снова утонул в овациях.

Старик с кряхтением поднялся и, важно поправив воротник, сказал:

— Благодарю академию за радушный прием! Несмотря на то, что я давно здесь не был, Захар держал меня в курсе дел. И, признаться, я не очень доволен происходящим.

Адепты в зале взволнованно зашептались.

— Поэтому, в целях улучшения образования воспитанников академии, я принял решение расширить преподавательский состав! Вашим новым педагогом на время станет господин Готи, прибывший сюда по моему поручению. — Тут он выразительно посмотрел на меня, и я поднялся с приветственным кивком. — Светские взгляды на жизнь явно пойдут воспитанникам на пользу!

Я вежливо пожал руку новоявленным коллегам мужского пола. Адепты отреагировали по-разному: кто-то радовался, восхищенно глаза в мою сторону, кто-то уже собирал ополчение, негодуя по поводу "светских взглядов". Но больше всего меня удивила реакция Дины: побагровев не хуже рака, она бесцеремонно метнулась за кулисы.

Пан получил букет хризантем и поспешил ретироваться подальше от студенческой

самодеятельности.

— Садись, подвезу! — сказал он мне на выходе из терема.

Карета ждала у ступеней, однако впервые мысль о том, чтобы выспаться, пришлась мне не по душе. Душа-то требовала продолжения банкета, как в старые добрые времена!

— Поезжайте, дорогой мой! Не смею вас задерживать! — расцеловался я со стариком.

Тот не настаивал, наоборот быстрее заскочил в карету, которая сразу тронулась. Торопился! Так сказать, чтоб хризантема не завяла!

Академия все еще стояла на ушах — адепты не спешили покидать ее. Но насчет отсутствия одной студентки я был уверен...

Я нашел Дину в той же комнате общежития. Через открытое окно подсмотрел, как она сбросила туфли, расплела косу, от негодования чуть ли не выдрал волосы... А когда рука потянулась к поясу на юбке...

— А я думал, ты обрадуешься! — ухмыльнулся я.

От неожиданности взвизгнув, рыжая испуганно обернулась.

— Ах ты упырь озабоченный! — мгновенно подобрала с пола туфлю и прицелилась.

— Я пришел с миром! — прикрывшись створкой, осторожно выглянул.

Грозно сдвинув брови, Дина подошла к окну и принюхалась:

— По-хорошему уходи! Не заставляй меня отрабатывать на тебе навык упокоя!

— А какие еще у тебя есть навыки? — понизил голос я. А что? С Ингой не сложилось, а душа просила женской ласки! Тем более после такого обеда! Всяко лучше, чем ничего!

— Да как ты смеешь?! — Рыжая вlepила мне такую запоминающуюся затрещину... что я аж на землю осел. — Бесстыжий! Вон пошел, пока к предкам не отправила!

— Понял, не дурак! — Ласки мне сразу перехотелось!

Обогнув общежитие, я с горячей щекой побрел в сторону дороги. Еще раз пройдя мимо академии, я был порядком удивлен: на ее ступенях с поникшим видом сидел черт. Нашелся!

— Че, тоже бортанули?

Глава 20. Разговор по душам

Глава 20. Разговор по душам

— В смысле, тоже? — непонимающе уставился на него.

— Пошли, как мужики поговорим! — заявил рогатый, чем окончательно ввел меня в ступор.

Жаль, язык не повернулся спросить, видел ли этот "мужик" себя в зеркало. Дела черта, по всей видимости, впервые обстояли хуже моих. Утерев под пятаком соплю, он поднялся и, пошатнувшись, щелкнул пальцами. В следующее мгновение терем сменился моей будкой. Не дожидаясь приглашения, черт быстрее меня ввалился внутрь и занял единственный стул.

Тильбо, не ожидая никаких (тем более буйных!) гостей, аж в угол отлетел. Рогатый тем временем сунул руку за борт сюртука и вытащил оттуда трехлитровую банку наливки, свинченную из закров трактира, а затем закрутку капусты. По безапелляционному взгляду я сразу все понял.

— Тильбо, стаканы! — велел гоблину. Эх, не такого продолжения банкета я хотел!

— Присядь! — махнул рукой нечистый, и подо мной возник табурет.

Тильбо было приказано отправляться гулять на неопределенный срок. Черт закатал рукава и, наполнив стаканы вишневым напитком, склонился ко мне:

— Вот ты в бабах разбираешься? Скажи, че ж им, гадинам, надо?! Вот все для нее делаешь, по первому зову бежишь, выслушиваешь нескончаемый треп! А она че?!

— Что? — Тут у меня даже хмель прошел!

— Отворот-поворот тебе дает! — рогатый обиженно хрюкнул. — И улепetyвает... к другому!

— Энергичная женщина, — хрустнул я капусткой.

— Ну чем я плох?! Надо месяц украсть — краду, звезды собрать — собираю! А знаешь, какие они, падлы, горячие?! Все руки обжигают! Кого подслушать нужно — подслушиваю, кого с пути сбить — сбиваю! Да я к любым услугам! Ответь, че этой ведьме не хватает?!

— Солохе-то? — Мне пришлось подбирать слова, чтобы не обидеть рогатого. Хотя в его случае все было очевиднее некуда! — Преданность и самоотверженность — это, бесспорно, хорошие качества... Но привлекательность в мужчине тоже важна.

Черт ударил кулаком по столу так, что стаканы подпрыгнули.

— Я — не привлекательный?!

— Я не говорил этого! — поспешил успокоить разъяренного товарища. Застолье не шло ему на пользу. — Просто у Солохи... другие предпочтения! Она воспринимает тебя скорее как друга, как... коллегу. Ее можно понять, — последнее добавил намного тише.

Но рогатый услышал.

— Вертихвостка! — выругался он и вскочил из-за стола.

— Солоха всегда имела почитателей, — как бы невзначай сказали с портрета.

В разговор вмешался дядька, все это время прикрывавшийся рукописью, словно его здесь не было.

— Ты! — ненавистно хрюкнул черт. — Понаписывал в своих книжонках абы че! Да я тебя одной левой...

Схватив со стола вилку, он вдруг замахнулся на портрет. Я даже не понял, как успел прыгнуть на черта и повалить его с копыт. Со стороны картины послышался испуганный

"Ох!" и шорох.

— Невиданное разбойничество! — Перед нами стоял Гоголь собственной персоной. — Осмелел, дух нечистый?! Так я тебя живо усмирю!

Выставив перо, словно шпагу, Николая бросился на нас. Черт метнулся под стол, я — к двери.

— Ты обязан мне своим спасением! — заметил резонно, нащупывая ручку.

Николя Василич заглянул под стол и рассмеялся:

— Ни совести, ни храбрости! Коль потолковать по-мужски хотели, садитесь — будем разговаривать!

— Лично я ни с кем конфликтовать не собирался! — оправив сюртук, я первым сел за стол переговоров.

Черт, смерив угрожающим взглядом Гоголя и все еще не выпуская из рук вилку, пристроился рядом.

— Только покойно мне стало... — вздохнул дядька. — Как вы прервали полет моих мыслей! Что ж вам неймется, господа? Ты! — он ткнул пером черта — тот со страху хрюкнул. — Как ты смеешь в таком виде по селению разгуливать? С тобой и без того не считаются, в спину твою плюются! Еще и хозяйке перечешишь! Служишь — служи, дело твое за малым! Тут тебе не театр, чтоб выступать!

Униженный черт вытер рукавом пятак. Даже жалко бывшего сообщника стало!

— Господа-господа! — цокнув, Гоголь покачал головой и отодвинул от нас стаканы. — Не стыдно вам? А, Марко?

Уж думал, гвоздь вечера не я и про меня успешно забыли!

— А я вроде не жаловался, — пожал плечами.

— Разве это подобающее поведение для завхоза и тем более педагога академии? — переключился на меня Николая.

— Как еще здесь развлекаться? Да и не мог я отказать пану! — аргументировал я, но Гоголь лишь отмахнулся.

— Только хиреешь и хиреешь с каждым днем... Зря я на тебя понадеялся! — фыркнул дядька и внезапно посмотрел на меня таким пронизывающим, долгим взглядом...

Волосы на затылке зашевелились, в груди будто все сжалось. Мне стало откровенно не по себе.

"Может, тебе предназначено благими делами заниматься," — то ли всплыли в памяти слова Гоголя, то ли сказал мне дядька напоследок.

Этого я уже не узнал. Никакого Гоголя подле нас не было — отчалил на свое законное место и застыл, словно каменное изваяние.

— Не, с меня хватит! — шмыгнув пятаком, рогатый встал и, качаясь, побрел к двери. — Ишь, че бормочет! В спину мою плюются... Ну и уйду, раз плохой такой! Другого черта себе искать будете...

Нечистый хлопнул дверью, оставив меня, пристыженного ничуть не меньше, наедине с пустой бутылкой и горсткой капусты. Вот и поговорили по душам!

Глава 21. С ведьмами браниться — никуда не годится

Дина

Наутро Захар велел всем собраться и проводить пана Корнея в дорогу. К господареву дому, что стоял через пару пригорков от хаты Солохи, сказано было приходить не раньше полудня — пан пожелал отоспаться.

Пока солнце ползло с востока на юг, я решила разведать обстановку. Обида на распущенного недоумка бередила душу и гаденько нашептывала проучить его... Но я знала: не приду на помощь, будет только хуже. А в помощи после вчерашнего он не мог не нуждаться: все, кроме великовозрастного лопуха, знали, что после наливки Янко никто так просто на ноги не встает. А потому лишний раз не связывались.

Противоядие точно имелось у Солохи. Улизнув из общежития под храп соседок, я направилась напрямиком к главной хате селения. По дороге не встретила ни одной души: кто-то был на поле, а кто-то решил устроить себе выходной по случаю отъезда пана. И так уже все увидел, везде поплевался!

Но на подходе к дому я почуяла неладное: дверь и окна были распахнуты, а из самой хаты доносились чьи-то быстрые шаги и грохот.

— Солоха? — Я осторожно прошла через сени...

И чуть ли не врзалась в пронесшегося мимо черта!

— Что за погром ты устроил?! Где Солоха?! — крикнула ему вслед. Но помощник ведьмы, игнорируя меня, скрылся за шторкой.

Я удивленно огляделась. В комнате царил ужасный беспорядок: на полу валялись разбитые горшки и тарелки, стулья были повалены, створки буфета — настезь открыты.

— А меня это больше не касается! — донеслось из передней.

Расчистив ногой осколки, я отодвинула штору и застала не менее красочную картину. Перину было не узнать: от нее остались одни перья... Все углы были усеяны разбросанными подушками. Меж тем виновник бардака вынимал из сундуков содержимое, в котором угадывалась одежда Марко.

Поймав черта за воротник сюртука, рывком подняла его:

— Давно острых ощущений не получал?! В котел захотелось?!

— Это ей за то, что использовала меня, а потом предала! — зашипел черт, извиваясь по-кошачьи.

— Чего?! — Ушам своим не поверила! — Ты вчера тоже наливочкой вечерок скрасил? Бредишь теперь?!

— Да Солоха с этим паном... Тьху! — Черт извернулся и вдруг лягнул меня так, что я шлепнулась на подушки. — Все, я ухожу! Аривидерчи!

— И в каком направлении уходишь? Трактирном? — усмехнулась я, снимая с волос перья. Они разлетелись по всей комнате!

— Смейся-смейся! Сами потом жалеть будете и просить, чтоб вернулся! — озлобленно бормотал черт, уже завязывая котомку.

Не успела я слово сказать, как эта пакость перекинула мешок за спину и, грозно хрюкнув, юркнула в открытое окно. Я бросилась из дома за чертом, да только в скорости ему

равных не было... Несся, как конь разгоряченный!

— Ну ты и подлец! Гад черномордый! Скатертью дорожка! — разошлась я, сгорая от возмущения.

Как черт только посмел против хозяйки пойти?! Свободная женщина, пускай делает, что хочет и когда хочет! Размечтался! Да после такого Солоха его никогда на порог не пустит!

Схватившись за голову, я вернулась в разгромленный дом. Ну, мужики... Одни проблемы от вас! А нам, бабам, потом разгребать!

Готи

Мама мия... Какой только бред мне ни снился! Уж думал, не проснусь!

Сначала я снова позорно разгуливал по площади в платье... Казалось бы, всего лишь дурацкий спор с другом. Только вместо дедка ко мне подскочил сам Тадеуш и, силком утащив в карету, повез в свой особняк! Я пытался объяснить, что это я, Марко, сорвал вуаль, но он напрочь не узнавал меня! Тогда я открыл дверь кареты и выскочил из нее на ходу... В следующую секунду меня вернуло на место, в объятия Тадеуша! Я кричал, пробовал вырваться второй раз, третий... Тщетно! Карета прикатилась в особняк, и радостный Тадеуш потащил меня внутрь! Оказавшись в большой гостиной, я чуть было не оглох от музыки: она заиграла так внезапно, что я не сразу понял, кто заправляет весельем. Знакомые цыгане исполняли коронное "Ай нэ-нэ" как в последний раз. А в центре под ритмичную музыку отплясывал какой-то мужик...

— Смотри, какую красавицу привел! — воодушевленно сообщил ему Тадеуш.

Мужчина повернулся... и я признал в нем пана Корнея!

— Чего встала? Танцуй со мной! — сказал мне очумевший старик.

Ноги сами задвигались. Шелестя платьем, я стал выдавать такие пируэты... Аж во сне стыдно за себя стало!

Внезапно двери залы с грохотом распахнулись и музыка остановилась. В вошедшем я узнал свой главный кошмар...

— Вот чем ты занимаешься, внучок?! — завопил дед. — Позор! Никакого особняка! Никакого поместья в Трансильвании! Отныне ты не принадлежишь к роду Готи!

— Лей, не жалея! — скомандовал уже другой голос... Женский и подозрительно кого-то напоминающий.

На меня плеснули студеной водой. А потом еще раз! И еще!

Подпрыгнув на кровати, я от души выругался и закрыл лицо руками. Яркий солнечный свет больно ударил в глаза.

— Нормально! — подытожил голос, в котором я узнал Дину.

— Полотенчико надо! — сказал уже Тильбо. Послышались удаляющиеся шаги.

— Ты что... делаешь? — еле выдавил из себя, чувствуя, как немеет язык. — Ы... э...

— Жизнь тебе спасаю. В который раз, — хмыкнула рыжая.

Тем временем Тильбо принес полотенце и принялся обтирать меня. Все еще издавая нечленораздельные звуки, я услышал, как Дина откупоривает бутылку. В следующую секунду в пересохшее горло полилась горькая жидкость.

— Фу! — отпрянул я, не выдержав и двух глотков. — Что это?!

— Глянь, сразу полегчало! Еще пей! — заставила она.

Проглотив отвратительную жижу, я откашлялся и осмотрелся по сторонам. Я лежал на кровати, совершенно не помня, как добрался до нее и снял одежду. У моих ног сидела Дина,

держа в руках темно-зеленую баклажку, а за ее спиной стоял всполошенный гоблин.

Голова резко закружилась, и я откинулся на подушку.

— Тильбо, принеси еще воды, пожалуйста, — спокойно сказала рыжая.

Слуга вышел. Оставшись наедине с ней, я, сам того не ожидая, запричитал:

— Дина... Диночка... Как мне плохо...

— А нечего было посиделки с чертом устраивать! Тильбо мне все рассказал! — с укором ответила рыжая и накрыла меня одеялом.

— Ты не представляешь, что мне снилось... Вспоминать страшно! — поежился я. — Тебя, наверное, небеса послали...

— А ты с наливкой Янко не перебарщивай, и "помощь с небес" не понадобится, — разумно заметила Дина. — У нас каждый дурак это знает!

— Да я ж не ради себя! — решил оправдаться я. — Сначала пан... потом рогатый! И, если с паном все было более-менее... то с чертом ситуация приняла неожиданный оборот! У него, понимаешь ли, любовь не любитя, работа не работаетя, карьера не строится!

— А-а-а... так вот почему он дом Солохи разнес и сбежал... — Был в ее тоне какой-то подвох...

Осознание пришло не сразу.

— Как это... разнес?! Как, сбежал?!

Сдернув одеяло, я вскочил в исподнем и стал рыскать по комнатенке в поисках одежды.

— Поздно суетишься. — Дина насмешливо оглядела меня с ног до головы. — Благодаря мне там не осталось следов его мести. Вот только как вам, мальчики, теперь со мной рассчитаться?

Перед глазами все предательски поплыло, и я опустился на кровать, тяжело дыша. Давно не чувствовал себя настолько паршиво — наливка трактирщика и впрямь оказалась на любителя!

— Ты так не прыгай, силенок не хватит. — Дина, издеваясь, вновь накинула на меня одеяло.

— Что он сделал?!

— Список прегрешений нехилый: перебил всю посуду в доме, разорвал перину, разбросал мебель... Оказалось, еще и зелья хозяйки повыливал... Но это уже не в моей компетенции, — пожалала плечами рыжая. — Кота ее я тоже найти не смогла — бедняга не выдержал тяжелой артиллерии и сбежал.

Я уставился на Дину во все глаза.

— Вчера рогатый обещал уйти... но я думал, он сделает это по-английски!

— Куда уйти, в дупло к белкам? Как миленький прибежит, в ноги Солохе упадет! Эх, знала бы она, какое безобразие еще час назад было в ее хате... — и снова Дина подчеркнула свою значимость. — А теперь ему всего лишь за зелья отчитываться!

В спальню с ведром в руках вбежал Тильбо. Поставив его у кровати, он зачерпнул ковшиком воду и протянул мне питье. Командирша спасательного отряда вышла в соседнюю комнату:

— Не разлеживайся, нам скоро пана провожать. В полдень собираемся у его дома.

Смочив дерущее горло, я приказал Тильбо нести одежду и вдруг заметил, как Дина с Гоголем обменялись взглядами. Объяснений не требовалось — я и так все понял. Наверное, ни за одну гулянку мне еще не было так неловко. В памяти всплыл визит к Дине, после которого долго болела щека... Мало того, что я до сих пор не вернул ей деньги за ужин в

трактире, сегодня я приумножил свой долг. А вспоминать о том, что Николая стал свидетелем нашего "разговора по душам" с чертом, и вовсе не хотелось — в жизни меня не отчитывал ни один... призрак!

Чертова заводь в который раз творила чудеса. Боюсь представить, что со мной будет дальше...

Надев свой "непарадный" костюм, я без оглядки пронесся мимо портрета. Дина ждала меня у забора.

— Дина, ты з-знаешь... — неуверенно начал я. Впервые у меня заплетался язык! Даже будучи пойманным с чьей-то благоверной в постели, я находил, что сказать! — Я хотел извиниться за вчерашнее... Конечно, непристойных мыслей у меня нет...

Рыжая выгнула бровь и, помучав меня взглядом под названием "Одних извинений здесь недостаточно", вынесла вердикт:

— Забыли.

К дому пана мы шли в напряженном молчании. Я все время покашливал из-за нескончаемой жажды, оттягивал рубашку из-за жара в груди, чем вызывал у Дины раздраженные вздохи. А, когда началась икота, я стал опасаться за свою жизнь...

У пригорка, на котором располагался дом Корнея, уже стояли люди. Хата Солохи просматривалась отсюда довольно хорошо, а потому на вопрос, как ведьма не заметила ее погром, назревал очевидный ответ. Ночь была веселая не только у нас с чертом!

Сама же постройка уверенно носила звание лучшего дома деревни. Она была впечатляющих размеров, по сравнению с соседними хатами, скрывалась за высоким забором и отличалась богатой росписью стен и ставен: повсюду были бутоны и узоры из листьев. Наличники окон служили образцом искусной работы: такую резьбу по дереву я видел от силы пару раз.

Кучер тем временем уже запряг карету. Занавески зашевелились — я заметил мелькнувшее за ними лицо Солохи. Следом открылась дверь, и на пороге появился порядком посвежевший, а то и помолодевший пан Корней. По-моему, даже веки приподнялись!

Позади толпы зазвучал прощальный цыганский романс. Я обернулся — это с гитарой в руках пел Лачо. Цыганки хлопали и что-то обрывисто выкрикивали из телеги. А за ними сидела знакомая рогатая морда...

Пока пан принимал поклоны, я ткнул Дину локтем и кивком указал на мстителя. С гордо поднятой головой и котомкой за плечами, черт нарочито не замечал нас.

— Значит, уйти по-английски хотел? — усмехнулась рыжая.

— Марко, дорогой! — Пан шел ко мне с распростертыми объятиями. — Друг мой, придется нам расстаться! Жалованьем ты обижен не будешь, жильем теперь тоже! — Он вручил мне ключ от дома. — Располагайся на здоровье! А мне ехать пора. Дорога дальняя, а к концу недели меня ждут в столице. Если что случится, пиши, — неохотно добавил старик и протянул мне руку. — Рад был познакомиться!

— Спасибо, Корней, взаимно. — Я изо всех сил старался не икнуть. — Доброй дороги!

Прощавшись с Захаром и отсыпав табору золотых, пан сел в карету. Высунувшись в окно, напоследок махнул Солохе. Это не осталось незамеченным: по толпе пробежал взбудораженный шепот.

Карета тронулась. Народ медленно потянулся за ней. Бабы размахивали платками, дети, как оголтелые, с криками пытались догнать экипаж. Солоха, поправив чепчик, осталась стоять на пороге и провожала пана взглядом. Захар с Диной тоже не присоединились к

процессии.

К моему удивлению, и цыгане не сдвинулись с места. Гитара замолчала, и к черту обратился барон:

— С нами поедешь?

Рогатый молча кивнул и деланно отвернулся от Солохи. Та, словно очнувшись, сбежала по пригорку с криком:

— Стоять! Куды намылился?!

— Вижу, хорошо тебе в доме пана спалось... Уверен, ты и без меня обойдешься! Прощай! — решительно заявил черт, одним глазом все-таки косясь на ведьму.

Солоха охнула и схватилась за... кхм, сердце.

— Ты шо, касатик, с дубу рухнул?! Я пана нашего усю ночь лечила!

— Вот как ты это называешь?! — аж подпрыгнул на телеге рогатый.

— А как еще называть?! У него ж, голубчика, вся спина от дороги разболелась! Везде усе позащемляло, вправлять пришлось!

— И че, ты до утра ему все... вправляла? — осекся черт. Он присмирел, а во взгляде теперь читался испуг.

— До петухов! А потом еще отваром отпаивала! Кашель у него, зараза, в последнее время появился! — с честным видом заявила Солоха, озадачив всех нас.

Пристыженный помощник ведьмы виновато посмотрел на Дину. Рыжая подмигнула, и морда просияла облегченной улыбкой.

— Ишь, чего выдумал! Засобирался кудысь! — Погрозив черту кулаком, Солоха добродушно сказала: — А ну слезай с телеги, пойдём пирожков напечем!

Больше его упрашивать не пришлось — слетел с телеги в два счета.

— С вареньцем?

— Как же без вареньица? — Солоха пощекотала черту пятак, отчего тот совсем разомлел.

Однако идиллию нарушил здоровый черный котяра, прыгнувший к ногам ведьмы.

— А ты тут откуда? — охнула Солоха и взяла животинку на руки.

— Дверь плохо запер, вот паразит и сбежал! — Рогатый потрепал кота за ухом. Но котяра оказался куда умнее и, зашипев, лапой хлестнул по наглой морде.

Нечистый хрюкнул и отскочил в сторону. Солоха лишь рассмеялась и, ничего не подозревая, направилась к своей хате...

— Ну что, пан завхоз, — нарушил тишину Захар. — Когда на новоселье позовете?

Глава 22. Обычай крепче закона

Глава 22. Обычай крепче закона

— На какое еще новоселье? — с подозрением посмотрел на лекаря.

— Ну как же ж? У нас в селении традиция — обмыть новую хату! Тем более в чужие дома ты позаглядывать успел, а в свой чего-то не зовешь! — припомнил мне Захар, с важным видом накручивая ус на палец.

— А вот сегодня вечером и позовет! — конкретно подставила меня Дина.

— Да все сюда даже не влезут! — возмутился я.

— А зачем всех звать-то? Пригласи тех, кто тебя любезно встретил, обжиться на новом месте помог... — Лекарь переглянулся с Диной, и та кивнула.

— И в сарай на краю деревни поселил? — с упреком сказал я.

— Я человек подневольный, мне Василь велел! А в то утро он еще бодрствовал! — упрекнули уже меня. — Ну, позови жителей почетных!

— Понятия не имею, кто это! — Мне порядком поднадоело ему отказывать. Задарма все почетными станут, никто не откажется!

— Я сама всех, кого нужно, приглашу! — поставила точку Дина. — А ты, как хозяин, стол накрой, делов-то.

Я уж было хотел заикнуться, что сам решу, что мне делать... Но эти двое явно сговорились!

— Ты осматривайся, пан завхоз, мы мешать не будем! Вечерком заглянем! — махнул мне рукой повеселевший лекарь. — Захочешь — приходи в академию, заодно тебе расскажу, как у нас дела обстоят.

Заговорщики поспешили смыться. Ну, неужели они думали, что я поверю, что в этой глуши так чтити обычаи? Новых домов здесь, наверное, уже лет двадцать не появлялось — обмывать давно было нечего! А тут так подфартило: пан уехал, и повод нашелся!

С тяжелой душой зайдя в дом, я первым делом попал в сени. Здесь было три двери: правая вела в кладовую, заставленную всем нажитым, левая — в просторную светлую комнату, оказавшуюся опочивальней. Именно отсюда выглядывала Солоха. Пуховая перина была пышно взбита и украшена вышитыми узорами подушками. Рядом с ней громоздился сундук, на котором стояла лампада, а чуть дальше высился деревянный платяной шкаф. У окна висело зеркало, на которое накинули полотенце. Под ним, у стены, располагался стол с блюдом для мытья рук и умывания лица, застеленный скатертью.

Третья дверь вела в столовую: тут размещалась изразцовая печь, длинный обеденный стол с самоваром и буфет с ажурной резьбой. На стенах, расписанных под потолком тем же цветочным орнаментом, висели рушники, полы были устелены пестрыми дорожками. За печью, прикрытый шторкой, скрывался закуток — этакая кухня, забитая хозяйственной утварью.

Из столовой я проследовал в последнюю комнату — подобие кабинета. Входящего встречал портрет бывшего владельца — копии Корнея, только с густыми усами и бородой. Основную часть занял шкаф с книгами и связками писем, однако в дальнем углу я заметил игровой стол в окружении деревянных кресел и лавки, накрытой покрывалом. К безукоризненному порядку явно приложила руку Солоха.

В задумчивости повернув назад, я не сразу заметил фигуру в сенях.

— Короче, сегодня без варенья... — хрюкнули огорченно.

Аж вздрогнул!

— А жаль... это мое любимое было... Сливовое! — Перепачканное бордовой жижей создание макнуло палец в макушку и причмокнуло. — Нормальная у тебя хата, мне как раз перекантоваться негде!

— Не простили тебе разбитые зелья? — усмехнулся я.

— Не, — мотнул головой черт. — Но это она так, для профилактики подуться решила, вечером назад пустит. Вот если б не девчонка твоя, Дина... отправился бы я в печь вместо пирожков! — вздохнул он, сожалея о содеянном с крайне искренним видом.

Тут я смекнул, что угрызения совести рогатого мне на руку, и предложил:

— Раз тебе делать нечего, ты мне поможешь. А я за тебя перед Диной словечко замолвлю.

— Че, опять чинить? Мне б это... Солохе на глаза не попадаться, — замешкался черт. — Она, знаешь, два раза повторять не любит...

— Дина с Захаром буквально заставили меня устроить вечером новоселье. Надо накрыть стол, а я этого в жизни не делал! Мог бы сказать своему гоблину, да только в карманах у меня пусто — где ему еду достать, чтобы все приготовить? — выложил я, и решение пришло само: — Ты ж у Янко в трактире вчера свинтил банку наливки? Свинти и для меня что-нибудь!

Рогатый повел пятаком.

— Если подкормишь, то и украсть не жалко. Да и ваще-то я этому прохиндею вчера на кухне помогал, а он мне даже котлетку зажал! Солоха на твоём новоселье будет? — Черт стал озиаться, словно ведьма могла нагряться из-под полы.

— Раз Дина вознамерилась собрать всех почетных жителей селения, Солоха первая в списке, — огорчил его я.

— У-у-у! Почетные кадры селения... Пожалуй, останусь! — Настроение нечистого отчего-то мигом улучшилось. — Только это... под столом отсидеться придется. Ты мне туда время от времени че-нить кидай...

— Договорились.

— Мне в трактире наследить нельзя, умыться хоть дай. — Черт размазал по морде варенье, стекающее ему на глаза.

Отослав его на задний двор (я еще из окна заприметил клозет и бочку у забора), направился к Тильбо — сообщить о переезде.

Гоблин сидел прямо у двери без дела. Вручив ему ключ, я хотел войти, чтобы попрощаться с дядькой (знакомцы все же), но в спину мне донеслось:

— Господин... а как же Стефан?

— О, за этого донжуана я не переживаю! Сам нас найдет! — отмахнулся, даже не огорчаясь по поводу таинственной пропажи кучера. Ну, пускай устраивает личную жизнь! Теперь я все равно в нем не нуждался!

Уже на пороге понял, что объясняться не придется.

— Значит, переехать решил? — Гоголь с недовольным видом откинул рукопись.

— Представилась возможность, — пожал плечами я.

— Сними меня немедленно! — огорошил Николая. — Мне здесь скучно одному висеть! А с тобой хоть поговорить можно... иногда!

— Уговорил! Пару раз ты даже был полезен... — Я снял портрет с гвоздя. Правда, он

оказался тяжелее, чем я себе представлял, и, пошатнувшись, я чуть было не уронил Гоголя на пол.

— Ай! — Послышался приглушенный грохот с картины — это Николая навернулся с кресла. — Нельзя быть чуточку деликатнее?!

— Прости, не рассчитал! — прокряхтел я, еле дотащив портрет до порога. По ощущениям, я поднял человека! Удивительно, как гвоздь мог это выдержать!

Взвалив ношу на Тильбо, имеющего опыт в перетаскивании сундуков, я не придумал ничего лучше, чем скоротать время в академии. Черт прекрасно справится сам, а до новоселья осталось как минимум несколько часов.

Люди, встречающиеся по пути, исправно склоняли передо мной головы — видимо, метили в почетные жители. После вчерашнего затишья селение вновь ожило. Одни шли со стороны поля с инструментами, другие что-то активно перетаскивали в складские помещения. В некоторых дворах тоже происходила возня: женщины стирали в корытах прямо на улице.

На подходе к академии я заметил оживленную толпу адептов у крыльца. Услышав раздавшийся звон колокольчика, все, как один, припустили в терем — по всей видимости, у них закончился перерыв. Я зашел следом и чуть ли не был снесен адептами, разбегающимися по кабинетам. Колокольчик не прекращал звенеть — с ним расхаживал по коридору Захар. Когда последний студент скрылся за дверью, дребезжание стихло и лекарь обратил на меня внимание:

— О, пан завхоз! Это ты вовремя, у ребят только пара началась!

— Да вот, поручил слуге заняться сегодняшним ужином и решил прогуляться до академии, — отвел от себя лишние подозрения.

— Ну, пойдем потолкуем. Как раз в учительской никого нет. — Захар повел меня напрямиком в конец коридора — под лестницу.

Вчера, пройдя мимо, я и не заметил, что в углу скрывалась какая-то каморка. Лекарь со скрипом отворил дверь, и я оказался в небольшой комнатке, сплошь заваленной книгами и пачками бумаги.

— Ты погодь, я сейчас самовар растоплю, чайку нам сделаю, — сказал Захар и оставил меня одного. А точнее в компании бубликов с маком — с ними я еще вчера успел познакомиться.

Через некоторое время лекарь вернулся с пузатым самоваром. Наверху приспособления стоял заварочный чайник, из которого он разлил по чашкам напитков. Я сразу оценил необычный вкус.

— Я туда веточку можжевельника добавил, — пояснил Захар и откусил бублик. — Ну, выкладывай, какие порядки пан велел в академии наводить?

— Порядки — это громко сказано, — отмахнулся я. — Всего лишь поручил немного разнообразить обучение адептов. Не нравится ему, что вы здесь колдовством занимаетесь.

— Этим он всегда недоволен! — цокнул Захар, разливая по второй чашке. — Да только не годишься ты на эту роль! Давай честно, у тебя знаний, вон, дырка от бублика! — Он приставил один к глазу на манер монокля и прищурился.

Тут мне даже вредно стало! Еще зачуханный сельский лекарь будет тыкать мне в собственное невежество?!

— У меня была прекрасная гувернантка. Ее стараниями я обучен не только грамоте и арифметике, но и иностранным языкам. — А что? После пары бокалов все немного парле и

вполне андерстенд! — Что уж говорить о моих блестящих светских манерах...

Сам себя не похвалишь — никто не похвалит! На Захара подействовало.

— Мы, конечно, давно поняли, что твоих навыков растениеводства нам не видать, — припомнил мне лекарь. — Но, может, волк в лесу таки сдохнет и ты нас удивишь... Бдительность не теряй, я за тобой наблюдать буду. От адептов все прознаю! — пригрозил пальцем Захар.

Разговор был внезапно прерван: в "учительскую" вихрем внеслась рыжая. Не заметив меня, она выпалила:

— Захар, я всех обошла! Мы к нему ка-а-ак нагрянем...

Я кашлянул. Рыжая осеклась и удивленно вскинула брови.

— И кого же ты позвала? — решил уточнить.

— Ну... Солоху... — Бинго — я угадал! — Брута, Маруську с мужем — она за постройку академии ратовала и вообще много помогала. Вакулу...

— Вакулу?! — Я поперхнулся чаем!

— Он же единственный кузнец в селении! Без него ни одна стройка не обходится, ни одна лошадь не протянет... — стали перечислять мне заслуги врага.

— Вот он меня в подкову и скрутит! Спасибо, Диночка! — Я треснул по столу рукой, отчего чашки зазвенели.

— Перестань! Солоха его уже подлечила! — заверила меня рыжая.

— Я смотрю, она у вас здесь всех лечит! — взорвался я. — Спрашивается, на кой вам Захар?!

— А преподавателей ты не забыла? — опомнился тот от нашей перепалки.

— Не забыла! Итого с нами двенадцать человек получилось, — обрадовали меня.

На такую ораву я не рассчитывал! И вообще, когда это Дина успела стать почетной жительницей селения?

Дармовый шабаш был назначен на шесть вечера. Я искренне надеялся, что гости придут не с пустыми руками — черт явно не мог незаметно обчистить половину трактира!

Но, возвратившись в дом, я... потерял дар речи! В столовой уже был накрыт стол. И он буквально ломился под тяжестью тарелок! Я так и замер на пороге, рассматривая вереницу блюд.

— Компотик и медовуху я, конечно, спер из подпола... — сознался черт, польщенный моей реакцией. — Но потом я пробежался по карманам посетителей... и честно купил все это у Янко! Ну че, красота? Только сразу говорю, одной котлеткой ты уже не отделаешься!

Глава 23. Поддай огоньку!

Глава 23. Поддай огоньку!

Вскоре самовар был растоплен, а стол — окончательно сервирован на тринадцать персон. Рогатый занял укромный уголок под стулом, где собирался сидеть я.

— Ты галушки к себе придвинь, а то Захар их пожрет! — напоследок выглянул нечистый.

— Сиди да помалкивай! — Накинув на него скатерть, я вдруг почувствовал подозрительный запах. — Ты что, уже хряпнул?!

— Всего лишь продегустировал! — хрюкнула обнаглевшая морда.

Словив мандраж, я вышел на улицу глотнуть свежего воздуха. Перед смертью, так сказать, не надышишься...

Правда, одиночество мое продлилось недолго. Через пару минут на тропинке, ведущей к пригорку, появились двое: Дина с лекарем. Всю дорогу они о чем-то переговаривались. Рыжая так вообще на себя не была похожа: шла развеселая, с румянцем на щеках, в пристойном платье, явно пылившемся в шкафу для особого случая. Бирюзовый цвет подчеркивал белизну ее кожи, сочетался с глазами и удачно контрастировал с медной копной, собранной в косу. Я инстинктивно приосанился и будто заново осознал, что все это время рядом со мной была... девушка. А не истрепанное, вечно злобное создание, прятавшееся в бесформенном мешке.

— Ты гляди, уже нас ждет! — по привычке усмехнулся Захар. — Смурной ты какой-то, пан завхоз!

— Скорее задумчивый, — сказал я, не отрывая глаз от Дины.

Ответив мне насмешливым взглядом, рыжая вздернула подбородок и между тем сообщила:

— Гостей будет тринадцать.

— Где-то заваялся еще один достопочтенный гражданин? — с не менее важным видом подыграл ей. Судьба словно глумилась надо мной, подсылая чертову дюжину!

— Кузьмич. В народе — Чуб, — кивнула Дина и, не выдержав, сорвала маску спесивой дамы. — Он отстать не мог! Привязался и все, зови его! Ни одну гулянку не пропускает!

— Между прочим, он рекордсмен по выкопке картошки! — нашел достижение Захар.

Скрипя зубами, я крикнул Тильбо, чтобы готовил еще одно место, и пригласил назойливого лекаря в дом. Сам остался с Диной — встречать остальных.

— Признаться, не узнал тебя, — не придумал я ничего лучше. — Отлично выглядишь в этом платье.

Дина пропустила комплимент мимо ушей и вместо хоть какого-то "Спасибо" воскликнула:

— Кажется, Солоха идет!

Подавив тяжелый вздох, я натянул улыбку. Корпулентная ведьма не заставила себя ждать — заявила с тарелкой золотистых пирожков и, любезно поприветствовав нас, прошествовала в дом.

Следом пришла весьма колоритная пара: громадная тетка, встречавшая пана рядом с Солохой, и щуплый мужичок, с которым мы тоже виделись. Именно он поспособствовал нашему с чертом знакомству — за ним рогатый погнался с лопатой. Тетка без умолку

подгоняла благоверного, обращаясь к нему исключительно "Котик". За что мужик заслужил такое погоняло, я мог только гадать. Судя по глазам, натура его была далеко не белой и пушистой...

— Маруся! — представившись, женщина вручила мне саженец в горшке. — А это муж мой, Сева.

Котик только похлопал ресницами в знак знакомства и послушно прошествовал за супружницей.

— Чудной он, ты внимания не обращай, — поспешила объяснить Дина. — Марусяка его никак закодировать не может. Ужасно запойный мужик этот Сева...

— Оно и понятно, почему, — кашлянул я.

За парочкой пожаловали коллеги из академии. Коротко поздоровавшись, они с непониманием покосились в сторону Дины и присоединились к застолью. А застолье уже набирало обороты: спор Солохи и Захара соревновался по громкости с перебранкой Маруси и Котика.

Завидев угрожающую фигуру кузнеца, я больше не мог устоять на месте. Ноги буквально сами поворачивали в дом!

— Да не полезет он на тебя с кулаками при всех! — взяла меня под руку Дина.

— Пф! На глазах у всего селения не постеснялся с голой задницей оставить, а тут точно совесть разыграет! — вскинулся я.

— Прекрати бубнить! — шикнула Дина и крепче вцепилась в меня — чтоб не сбежал!

Вакула уже поднимался по пригорку с женщиной, которого я видел однажды. В то утро, когда народ пришел глазеть на птичник, именно он твердил, что ко всему причастен нечистый. Теперь старик не нуждался в представлении: благодаря седому чубу на лысой голове я легко догадался, кто передо мной.

— Вечер добрый, пан завхоз. — Судя по тону Вакулы, вечер как раз-таки обещал быть не добрым...

Бросив на нас с Диной презрительный взгляд, кузнец без приглашения зашагал в дом. Земля под ним будто сотрясалась... А может, это меня так от нервов колотило.

Дольше всего мы прождали Брута — он опоздал, но в качестве извинений вручил мне томик сочинений Гоголя, завалившийся у него в двух экземплярах. С самим Николя он тоже не забыл поздороваться — Тильбо успел повесить портрет в столовой.

Оставив саженец в сенях, я последним прошел к гостям и поздно понял, что до конца вечера обречен смотреть на Вакулу. Как назло, он занял место в конце стола — прямо напротив меня! Дина села по левую руку — в опасной близости от логова черта. Благо, его хозяйка восседала на противоположной стороне, рядом с Захаром.

Тильбо стал разливать напитки, предварительно спрашивая кому что. Ароматные блюда дымились так, будто были только вытащены из печи — не обошлось без стараний рогатого. Заслышав жадное глотание слюны под стулом, я вспомнил про уговор и придвинул галушки поближе. Пока гости накладывали себе еду, даже успел кинуть ему пару штук. Дурак так оголодал, что подавился — галушки же были горячими! Пришлось покашлять для прикрытия!

— Смета-а-анки-и-и... — шепнули мне.

Легонько пнув черта, чтоб не наглел, я ляпнул сметаной на пол. Как-нибудь разберется!

Выбирать было из чего. Кроме того, что черт принес свои любимые яства, он раздобыл еще и запеченную курицу, и огромный холодец, на который я не мог смотреть без

содрогания. Переел вчера!

Присоединившись к трапезе, я заметил, как Дина стесняется взять блюдо с варениками. Подозвав Тильбо с этой просьбой, деликатно спросил:

— Что-нибудь еще?

По одному взгляду понял, что именно. В трактире она за обе щеки уплетала крылышки...

— И курочку неси.

— Та котлетку мне, а не курочку... — просипели под стулом, за что снова получили пинок. Каков нахал! И так Вакула глаз с меня не сводит, жизнь усложняет! Еще и другие услышать могут!

Словно читая мои мысли, Чуб стал озираться. Заподозрил что-то, с-собака! Он сюда только за этим и приперся!

Следующий час прошел спокойно — то было затишье перед бурей... Солоха интересовалась, как мне живется в родных краях и почему такой мужчина, как я, все еще не женат. Захар поднял тост за новоселье и, оценив медовуху, начал плести все, что приходило в голову: как в этом году прошел сенокос, как удачно разродилась Дунька, кто и с какой болячкой приходил к нему лечиться... Интереснее всего было Котику: мужик сметал все, что оказывалось рядом с тарелкой. Заглотив полпирога, он стал пихать в себя блюдо с котлетами. Я еле успел схватить одну и "случайно" уронить. Из-под стола донеслось довольное чавканье — пришлось изображать, что это мне так вкусно! Дина странно посмотрела на меня — то ли поняла... то ли разочаровалась!

Двое в конце стола перешептывались, постоянно зыркая в мою сторону. Чуб еще на печку показывал — думал, там я прячу черта... Когда разговор о плохом урожае стих, Вакула прочистил горло и вдруг громко спросил:

— Пан завхоз, а не поспорить бы нам с вами?

У Дины из рук выпала вилка. Захар так и замер с опрокинутым стаканом. Солоха, смачно хрустнув соленым огурцом, с открытым ртом уставилась на Вакулу. Брут тихо ойкнул и стал медленно сползать со стула...

Наконец я прервал повисшее молчание.

— По поводу?

Кузнец поднялся, заставив меня вздрогнуть, и направился в мою сторону.

— Еремей... — нахмурилась хозяйка рогатого, не забывая похрустывать огурчиком.

Скатерть у стула шевельнулась — кажется, кое-кто испугался за целостность собственного зада.

— Вот вы в селение уже вторую неделю, а пользы от вас ни-ка-кой! — с усмешкой заявил Вакула и добавил сквозь зубы: — Одни убытки.

— Как это, никакой? — Я выпрямился, стараясь не выдавать волнения. Кто бы знал, каких усилий мне стоило смотреть ему в глаза! — Я сделал почти все, о чем меня просили: подлатал крышу птичника, полностью отремонтировал теплицу... привез с ярмарки лопаты, которых никак досчитаться не могли!

— Хлева в порядок привел! — вспомнила Дина.

— Бумаги мне достал! А то ж совсем не на чем писать было... — пискнул Брут, слившись со скатертью.

— Ну-ну! — ухмыльнулся Вакула, подойдя вплотную. — Да только все это вы руками нечистой силы сделали, а не своими. Сами и яйца выеденного не стоите.

Все как один ахнули. Глаза Гоголя нервно забегали по сторонам. Я же заметил, как в противоположном конце из-под стола вынырнула лохматая ручонка и украла с тарелки Вакулы необглоданную куриную ножку. Этого чудом не заметил Кузьмич.

— Вакула дело говорит! Совсем ты, Солоха, черта своего запустила! Велено ему было в хозяйство не соваться! — поддакнул залетный гость, словно ждал этого весь вечер.

— Говори да не заговаривайся, голубчик! — встала на дыбы ведьма.

— Где доказательства? — спросил я, отодвигаясь от кузнеца. Мало ли, рука у него зачесется...

Широкая ладонь с грохотом приземлилась на стол, отчего приборы подпрыгнули. Мы с Диной как по команде отпрянули.

— Так я в Балдейкино з́авчера был, а там народ вовсю судачит, что черт красную свитку ищет... Уже на ярмарку захаживает, в бабу переодевается... — кузнец устрашающе понизил голос и склонился ко мне.

Солоха побагровела и отвела взгляд. Я же мысленно расчертил путь ко входной двери, готовясь сорваться в любой момент.

— Неча тут бесовской силе порядки наводить, место знать должна! — Негодующий Чуб аж подпрыгнул на стуле.

— Ребята, зря вы так! Чудненько же сидели, в самом деле... — вступился за меня Захар, порядком осмелевший.

— Так давай поспорим, пан завхоз? У нас бурака всего четыре сотки остались некопанные. Раз за ночь ты с крышей птичника и теплицей управляешься, для тебя их за день убрать — проще пареной репы! Я легко три копаю, но ты пошустрее меня будешь! — Вакула протянул мне руку.

— Только мы за тобой посматривать будем, беса позвать не выйдет! — вставил едкий комментарий Чуб.

Дина аккуратно толкнула меня ногой и покачала головой. Но чувство ущемленной гордости уже распухало внутри. Я не мог позволить каким-то котикам и любителям копать картошку насмехаться надо мной!

— А поспорим! — пожал протянутую руку.

Вакула больно стиснул ладонь — так, что костяшки пальцев хрустнули. Но я не подал виду и даже выдавил из себя улыбку.

Тем временем нешуточные страсти разворачивались и у Котика с Марусей. Та, засмотревшись на нашу перепалку, не заметила, как прямо из ее рук исчез пирожок. Запоздало обнаружив пропажу, она заподозрила в этом котика, сидящего рядом... Однако тот, воспользовавшись всеобщим отвлечением, давно наслаждался компанией медового напитка...

— Ах ты скотиньяка такая! — Маруся отвесила ему подзатыльник.

Котик, уронив злополучную банку, нырнул под скатерть... и вылетел оттуда с криком:

— А-а-а-а! Он меня и здесь наше-е-ел!

Оказавшись пойманным с поличным, черт на четвереньках вылез из-под стола и, подхватив тарелку с варениками, сиганул в распахнутое окно.

Что началось... Мама мия! Я даже опомниться не успел!

Чуб схватил вилку и с криком "Стой, супостат!" понесся на улицу. За ним кинулась с кулаками Солоха, приговаривая:

— А ну не трожь моего касатика!

Захар, перебравший за вечер, навернулся со стула в попытке догнать рассвирепевшую ведьму. Брут забился в угол, не зная, куда податься. А Маруська не теряла надежды поймать благоверного. Тот как раз метнулся к портрету дядьки и... опрокинул стоящий рядом столик. Все бы ничего, да только опрокинулся он вместе со свечами — Тильбо поставил туда канделябр для дополнительного освещения...

Вмиг вспыхнули половики — как не кстати, они лежали повсюду! Я отпрыгнул к окну, мимо промчался Вакула, с места подскочила Дина... Котик бросился наперерез рыжей и, столкнувшись с ней, буквально повалил с ног. Пламя, бежавшее по дорожкам, стремительно подкралось к ее платью...

Дина попыталась подняться. Одновременно с ней Маруся, догоняющая муженька, слегка не рассчитала шаг. Послышался хруст ткани — рыжая, освобожденная от загорающей юбки, полетела напрямик в мои объятия!

— Тильбо! Бочка с водой на заднем дворе! — крикнул гоблину.

Из угла охнули — это, завидев женские панталоны, не выдержал Брут. Я же, держа Дину за талию, поспешил на выход — гарь всюю распространялась по хате!

— Дай хоть коврик прикрываться! — Оттолкнув меня, рыжая обернулась половиком из сеней.

Захар, пытающийся потоптать пламя, бросил свою затею и вместе с Брутом припустил за нами. В горящую хату уже неслась Солоха, а за ней — кузнец и мой Тильбо с ведрами.

— Хлопцы, на счет три! — скомандовала ведьма. — Раз, два...

Послышался плеск воды, затем раздалось оглушительное шипение. Из хаты повалил густой дым — все кинулись врассыпную. След коллег из академии уж давно простыл!

Не успели мы с Диной отдышаться, как на пороге возникла Солоха.

— Ну шо... Вот и заглянули на огонек! — Сорвав с головы чепчик, ведьма вытерла пот со лба. — С новосельем, пан завхоз!

23.2

На том с застольем было покончено — продолжения банкета не хотелось никому. Котик, воспользовавшись суетой, исчез в неизвестном направлении. Маруся бросилась за ним с такими отборными... кхм, угрозами, что я даже повторить не мог!

— Найду — уши надеру! — прозвучала напоследок единственная цензурная фраза.

Ноги Захара заплетались, но несли его верно по курсу — в сторону дома.

— До завтра, пан завхоз! — икнул он на прощание. — Динка... сама дойдешь! Ик!

Брут, за вечер толком ни к чему не притронувшийся, откланялся и припустил по тропинке. Меж тем Солоха метала гром и молнии не хуже Маруси. Оглушительно свистнув, ведьма дождалась появления своей метлы и взмыла в ночное небо — на поиски рогатого подельника. Маскировка в виде осевшей на нее копоты была как нельзя кстати.

Вышедший из хаты Вакула прокашлялся и, отряхнувшись, сказал мне:

— Как трети петухи прокричат, буду ждать тебя на дороге, что к полям ведет.

Медвежья лапа вдруг легла на мое плечо и сжала его так сильно, что я дрогнул.

— И только попробуй не прийти. К бесу отправлю.

Не говоря больше ни слова, Вакула сошел по пригорку.

— Не догнал я ирода этого! — на заборе, еле переводя дыхание, повис Чуб. — Деру дал в чашу!

Кузнец махнул ему рукой, и уже вскоре два силуэта скрылись под покровом ночи.

— Да-а-а, не живется нам спокойно! — испустила тяжелый вздох Дина. — Еще и Вакула проблем подкинул...

— Разве это так сложно? Выкопаю как-нибудь! — Я потер ноющее плечо. Нашелся тут, костоправ недоделанный!

— Свеклу за ботву легко выдернуть, если не идет, подкопать можно. Да только ты... в поле... на грядках... — Дина с опасением покосилась на меня. — Четыре сотки за день — это вполне прилично. Особенно для того, кто даже не представляет, как они выглядят.

— Ты меня недооцениваешь! — из вредности ляпнул я и прошел в дом.

Без слез взглянуть было нельзя! Еще полчаса назад беленькая, чистенькая столовая превратилась в коптильню: часть стен почернела, на полу лежали обугленные остатки ковров, пострадали несколько стульев и стол со стороны, где сидел я. Тильбо, которого теперь можно было принять за родственника черта, с несчастным видом убирал осколки посуды.

— Кха... кха! — донеслось с портрета. — А знаете... мне и на прежнем месте было неплохо! — заявил покрытый сажей Гоголь, отмахиваясь от дыма, все еще гуляющего около картины.

— Ладно, пора мне, — резко стушевалась Дина. — Поздно уже...

— Одной? В таком виде? — хмыкнул я.

— Свои все, чего бояться? — Она покрепче вцепилась в половик.

Этим вечером я впервые был не против поухаживать за Диной. А после случившегося я тем более не мог оставить ее одну. Ну, не по-джентльменски это выглядело!

Сняв с себя сюртук, я предложил рыжей оставить несчастный коврик в покое.

— Отвернись! — нахмурила она бровки.

— Чего я там не видел? — усмехнулся я, но взгляд ведьмы был весьма красноречив.

Нырнув в сюртук, Дина запахнула его, как халат, и закатала рукава. С ее ростом он доходил почти до самой щиколотки, скрывая многострадальные панталоны.

Моя компания смущала девушку всю дорогу. Дина постоянно озиралась по сторонам, будто боялась, что нас кто-то увидит. А, когда она вильнула в проулок между домами, я чуть ли не потерял хрупкую фигурку из виду. Небо затянуло тучами, и лишь вдалеке в чьей-то хате брезжил огонек.

— Да погоди ты! — дернул рыжую за руку.

— Тише! Сейчас из окон повысовываются, а я в исподнем! — встрепенувшись, шепнула Дина.

— Ну и? Завтра уже все селение прознает, что случилось на новоселье!

— А то, что на такие истории везет одной мне! — Рыжая даже притопнула от негодования. — А замуж идти когда-то придется!

— Не хочется? — хмыкнул я.

— А может, хочется! — сгоряча выпалила она, сама того не ожидая. — Да только не можется!

Я прикусил язык. Медовуха до добра не доводила — после нее соль на рану особенно хорошо сыпалась. А рана там точно имелась — Инга не на шутку подпортила жизнь Дине.

Остаток пути мы проделали молча. Напоследок шмыгнув носом и поблагодарив меня, рыжая юркнула за дверь общежития. Я же побрел назад — в свой новый дом... Луна как раз выглянула из-за лесистых склонов и, повиснув в небе, словно шишка на дереве, рассеяла сизую тьму. О том, что я оставил сюртук Дине, вспомнил, когда налетел ветер — с каждым днем осень давала о себе знать все больше. Благо, холод не был мне страшен.

Несмотря на то, что все окна и даже дверь были распахнуты, запах гари стоял по всей хате. Он просочился и в перину, а потому я долго мучился в попытках заснуть.

— Че, не спится? — осведомились прямо под кроватью.

От столь внезапного начала разговора я слетел с нее! Рогатый тем временем преспокойненько выполз из укрытия и примостился на мягком местечке.

— Не терплю животных в постели! — Сдернул одеяло вместе с ним. — Не боишься, что тебя Солоха найдет? Ее хата всего-то через пару пригорков!

Черт обиженно хрюкнул и, потеряв ушибленное место, ответил:

— Она меня на другом конце ищет, я ж дорожки попутал...

— И не только дорожки, — фыркнул я. — Вон, сколько от тебя одного проблем! Половина дома теперь черная! Хорошо еще, Корней мое новоселье не застал, иначе вдвоем бы сейчас в поле сидели!

— Кстати, про поле. Вакула тебе это с рук не спустит. Еще и Чуб собачонкой вокруг него вертится. Небось ловушек наставят, чтоб я не пролез... — Черт задумчиво почесал затылок.

— А ты мне помочь собирался? — искренне удивился я.

— Отчего не помочь, коль руки свободны! — подмигнув мне, нечистый насмешливо прищурился. — Да и где это видано, чтоб простой кузнец черта одурачить сумел?

Глава 24. Вооружившись лопатой

Глава 24. Вооружившись лопатой

Как только свет луны перестал бить в окно и сумерки стали редеть, я открыл глаза. Времени было в обрез — рассвет уже наступал на пятки.

Второпях умывшись (Тильбо еще вечером наполнил блюдо по моей просьбе), я влез в свою "подкопченную" одежду.

— Апчха! — сообщили так громко, что стены хаты дрогнули.

В сенях застучали копыта, и через мгновение дверь беспардонно распахнули.

— Ну че, копатель, готов? — хрюкнул черт, отряхиваясь от золы.

— Я смотрю, в печке хорошо спалось, раз ты такой бодрый и говорливый! — огрызнулся я и поправил манжеты рукавов. Спешка спешкой, а в еще одном пугале поле не нуждалось!

— Всяко лучше, чем в стоге сена! — ничуть не обиделся рогатый. — Пошли, пока эти двое нас не опередили!

Хлопнув в ладоши, нечистый в два счета перенес нас на пустую дорогу, уходящую далеко в поля. С одной стороны, на горизонте, темнели спящие склоны гор, с другой — нестройные ряды хат. Воздух, еще не вобравший в себя запахи нового дня, полнился ароматами сырой травы и увядающей листвы деревьев...

Однако третьи петухи спешили прервать это умиротворение.

Воровато оглядевшись, черт схватился за голову и, взрыв копытом землю, ка-а-а-ак закрутился на месте! С каждым оборотом он уменьшался в размерах, не переставая вертеться волчком. Даже вампирский глаз едва мог уловить скорость его метаморфоз. Став величиной с мышь, рогатый наконец остановился и вскарабкался по моей ноге.

— Ишь, сети они всякие понаставляли, дурман-траву наложили! Совсем за дурака держат! — хохотнул он, бухнувшись мне на плечо.

Тут я заметил, как от селения отделяется и сворачивает на дорогу телега.

— Едут!

— Не спали контору! Одной хаты вполне достаточно... — съязвив напоследок, черт шмыгнул мне за шиворот.

Спина зачесалась — лохматый гад уселся на лопатке! Я повел плечом, давая понять, что мне неприятно. Перескочив на другую, он думал, что исправит ситуацию... но только усугубил желание почесаться! Я задергался интенсивнее — устоять на месте было уже невозможно! А он еще и когтями стал больно впиваться в кожу, зараза!

Тем временем телега приближалась...

— И давно ты нас ждешь, пан завхоз? — крикнул мне Вакула. Рядом, словно маятник часов, покачивался Чуб, борясь со слипающимися спросонья глазами.

— Да вот только что с-с-сам подошел! — ляпнул первое, что пришло на ум, и стиснул зубы. Зудела уже вся с-с-спина!

— А чего это мы тебя не видели? Должен был мимо пройти! — притормозив, Вакула с подозрением оглядел меня и толкнул локтем напарника.

Клевавший носом Кузьмич резко вздрогнул:

— Так точно! Должен был!

— И я вас-с-с не видел! — Я вытянулся по струнке, держась из последних сил. —

Разминулис-с-сь!

— Холодно тебе, что ль? — усмехнулся кузнец.

— Да не проснулся я еще! Мы ж с тобой полночи... — отозвался вместо меня Чуб и, запнувшись на полуслове, громко зевнул.

— Полезай давай! — скомандовал Вакула.

Забравшись в телегу, в которой меня уже ждала лопата, я без стеснения стал избавлять бедную спину от страданий. Чесался, как пес блохастый! Все борты обтер! Увидев эту картину, Чуб быстро пришел в себя и не мог оторвать удивленного взгляда. Хорошо, грохот колес и топот копыт не позволяли ему расслышать:

— Э! Харе! Щас раздавишь!

Телега миновала абсолютно голые участки земли и вскоре подкатила к зеленым, с которых урожай еще не был собран. В горах тем временем брезжил рассвет, скупо освещая поля, раскинувшиеся далеко вперед.

Спрыгнув с телеги, кузнец вручил мне лопату со словами:

— Ну, пан завхоз, твое время пошло! Как управишься, в хранилище повезем.

— А что, в колхозе сегодня выходной? — подначил я умников.

— А ты на нас внимания не обращай! Мы своим делом заняты, ты — своим! — разъярил Чуб, с важным видом расправляя усы. — Вон у тебя работы скока! Прямехонько до редиса!

Он даже ткнул куда-то пальцем... но куда именно — я так и не понял. Что здесь редис, а что — свекла, я с трудом мог себе представить. С виду так вообще сплошной лопух!

Однако не мне в этом было разбираться. По моей шее тут же пробежали крохотные копытца, и, затерявшись в волосах, черт шепнул у самого уха:

— Погоди-погоди, сейчас им не до тебя будет... Но лопатой вооружиться все же придется!

Двое за моей спиной о чем-то тихо переговаривались.

— Пойду отведу кобылу пастись, — объявил во всеуслышанье Вакула и стал распрягать телегу.

— Лопату у ботвы воткни и на себя подними, — меж тем велел мне рогатый.

Слегка не рассчитав силу, я воткнул эту лопату так, что она наполовину вошла в грядку.

— Ты кол всадить решил?! — Маленький, но твердый кулак треснул меня по шее.

Стиснув зубы, я вынул сей чудо-инструмент и предпринял еще одну попытку. Из земли вышел увесистый корнеплод, облепленный коричневыми комьями. Я поднял его и уставился, как на трофей, рассматривая со всех сторон.

— Че, свеклу впервые видишь? — рассмеялись над ухом. — Дальше копай!

— А ты присоединиться не хочешь? Мало ли, не сработает! — пробубнил себе под нос.

— Это когда у меня не срабатывало? — оскорбился черт, но все же соскользнул по черенку вниз.

Тут отдыхающий в телеге Чуб наострил уши.

— С мышами сдружился?

— Да это так, мысли вслух! — отмахнулся я и, дабы себя не выдать, добавил: — Свекла какая хорошая, крупная!

— Раз на раз не приходится! — Чуб лениво потянулся. — С бураком свезло, а картошку успел колорадский жук пожрать, подлюка такая! И луковым настоем травили, и чистотелом... все равно не досчитались части урожая!

— Ыть! — пискнули на соседней грядке.

К моим ногам подкатился корнеплод поменьше. Рогатый же перескочил на другую ботву и запыхтел изо всех сил. В телеге снова зашевелились — Чуб приподнялся, наблюдая, как свекла подпрыгивает буквально от одного моего взгляда. Он уж было хотел что-то сказать... но приближающийся со стороны селения топот отвлек его. Не обращая внимания на бегущего, я принялся впопыхах орудовать лопатой. Раз — подкоп, два — подкоп! Даже ногой себе помогал — где-то лопата входила с трудом. Многострадальные туфли жалко не было: благодаря местным колдобинам, они давно утратили презентабельный вид.

— Кузьми-и-и-ич! — позвал издали женский голос.

Я обернулся — к нам приближалась... Дина! Щеки ее покраснели от быстрого бега, подол форменного платья путался в ногах, усложняя задачу, но рыжая мчалась без промедлений.

— Случилось чего? — крикнул ей Чуб, позабыв о моих невероятных способностях.

— Вакула где?! — Наконец добравшись, Дина бессильно повисла на телеге.

— Кобылу на пастбище повел!

— Захар в конюшню на осмотр пришел, так там у всех лошадей подковы хлябают! А у нескольких даже сломаны! — сообщила Дина, совершенно не замечая меня.

— Так мы ж кобылку ночью брали, все в порядке было! — Чуб выпучил глаза от удивления. — Вакула еще на днях проверял, кого там подковать надо!

— Может, и проверял, да только теперь работа в поле на полдня встанет! Зовите Вакулу! — не отступала рыжая.

Черт, затихший в ямке от свеклы, высунул пятак:

— Вот так совпаденнице!

— А ты ее не подговаривал? — шепотом спросил я.

Мотнув головой, рогатый снова притаился. В его случае это было вовсе не обязательно — издали он сошел бы за обыкновенную полевку.

Вакулу звать не пришлось. Только Чуб двинул на поиски кузнеца, как тот замаячил на горизонте. Старик стал активно махать ему, мол, поторапливайся, и Вакула перешел на легкий бег.

Рыжая неодобрительно покосилась в мою сторону и качнула головой. Я пожал плечами — не моя же придумка!

Слушая Дину, Вакула не переставал бурлить меня гневным взглядом. Я даже позавидовал черту — мои габариты явно превосходили ямку от выдернутого овоща! Пришлось делать вид, что я увлечен трудовым процессом!

— Не может такого быть... Это бесовские происки! — Кузнец хрустнул пятерней сначала одной, затем другой руки. Благо, сегодня мы были на равных — я мог защититься лопатой!

Но мои опасения не подтвердились.

— Смотри за ним в оба, — приказал он Чубу, после чего кивнул рыжей. — Что уж делать, пошли!

Дождавшись, когда Вакула с Диной завернут к селению, рогатый выбрался из укрытия и стал подкрадываться к телеге. Кузьмич, вновь пристроившийся на ней, все пытался караулить меня, однако веки его предательски подрагивали. Он не замечал копошения под ногами. А, как известно, недооцененный противник — предвестник поражения...

Грудь черта увеличилась в несколько раз, щеки раздулись — казалось, он вот-вот

лопнет! Вобрав в себя воздух, рогатый с шипением выдохнул прямо на Чуба. В следующую секунду тот резко распахнул глаза и, чихнув в усы, повалился на спину. Из телеги послышалось мерное похрапывание.

— Не люблю, когда мне мешают! Теперь его пушечным выстрелом не разбудишь! — Черт довольно потер ладони и стал стремительно набирать рост. Уже через пару мгновений он вернул себе прежний облик. — Приступим!

Выставив перед собой руки, нечистый со свистом подул на грядки. Земля под нами забугрилась, затряслась... Откуда ни возьмись налетел ветер, да такой сильный, что меня отнесло к телеге. Спрятавшись за ней, я осторожно выглянул — черта не сдвинуло ни на шаг! Более того, он побежал напрямик на ветер! Стоило копыту коснуться грядки, как свекла с оглушительным "Ба-бах!" подлетала вверх! Клянусь, все поле ходило ходуном, в воздух взметались комья земли... Я только и делал, что прикрывался от обстрела — летело со всех сторон!

Не прошло и пары минут, как урожай с грохотом приземлился у телеги. Откашливаясь от пыли, я выбрался из укрытия. Передо мной предстала целая свекольная горка, на вершине которой горделиво восседал черт.

— Бал кончен! — сверкнул он зубами. — Засим откланяюсь!

— Подожди, а я?!

— Ну, посиди тут немножко для правдоподобности маневра! Этот очухается часика через три. Ты ему скажи, что так и так, все сделал, пока ты храпел. А Вакула не раньше обеда управится! — разъяснил мне рогатый, сияя как медный таз.

Поле затихло. Черт по щелчку пальцев исчез. Забаррикадированный свеклой, весь перепачканный, я присел рядом с безмятежно сопящим Чубом. Вакула мне эту победу не простит...

Глава 25. Лямур, тужур, бонжур

Глава 25. Лямур, тужур, бонжур

Время тянулось, как липкая патока. Я без остановки наматывал круги. В какой-то момент даже поймал себя на мысли, что гонять ворон — довольно занимательно, когда вокруг тебя сплошное поле.

Чуб очнулся вовремя: я как раз шел от редиса к телеге. Продрав глаза, он потянулся и, встретившись взглядом со свекольным нагромождением, так и подпрыгнул на месте.

— Ба!..

— Ну что, в хранилище повезем? — спросил я, с важным видом отряхивая руки.

— Так это я что... заснул?! — Кузьмич схватился за сердце. — Меня ж Вакула в бараний рог скрутит!

— А откуда он узнает? — усмехнулся я. — Я — молчок!

— Сманить меня, супостат, хочешь? Не мог ты так скоро управиться! — Чуб вскочил и, глянув на небо, грозно замахал кулаками. — Вон, солнце еще даже не в зените, а четыре сотки бурака уже убраны!

— Правду говорю, сам справился! На одежду мою глянь! — Грязные от "обстрела" вещи пришлишь как никогда кстати! — Ну, кого я мог позвать сюда?

— Знаемо кого... — фыркнул Чуб и отвернулся.

— Я один пришел! Ты это своими глазами видел! — предъявил весомый аргумент. Черт не пойман — значит, его и не было!

— Нечисто тут! — сдвинул кустистые брови Чуб. — Не могли у лошадей все подковы за ночь поотвалиться! Вакула свою работу на совесть делает!

— Меня в конюшне не было, я ночью спал, а не подковы с лошадей снимал! А если ты подозреваешь кого-то, знай, что я на черта управы не имею. У него для этого хозяйка есть. — Я был непреклонен.

Немного поразмыслив, Чуб с зубовным скрежетом поверил мне. Исподлобья зыряка, он все же помог загрузить в телегу около половины урожая — за раз ни телега, ни кобыла не могли увезти больше. О том, сколько штук я закинул в кузов, я даже думать не решался. Счет шел не на десятки — на сотни. Не все корнеплоды были большими, попадались и мелкие. Но это не облегчало задачу: от одинаковых многократных движений рука вскоре стала подрагивать.

За вожжами был Чуб, я трясся рядом на пассажирском. Стоило нам въехать в селение, как на дорогу откуда ни возьмись повалил народ. Все провожали нас "охами" и "ахами", кто-то всплескивал руками, кто-то пытался увязаться за урожайной телегой. Наконец мы подъехали к овощехранилищу — наверное, самой длинной постройке среди хозпомещений.

— Макар, на сушку принимай! — крикнул Чуб мужичку, вышедшему навстречу.

Как только телега была разгружена в несколько рук, мы покатали за оставшейся частью. Во второй раз было тяжелее, однако я старался изо всех сил, дабы не потерять шаткое расположение Чуба. Честно, никогда не думал, что в своей жизни буду копать и грузить овощи! Опыт не из приятных, повторения не хотелось!

Когда со свеклой было покончено, я распрощался с Чубом и припустил отсюда без оглядки. Хозяйственные помещения занимали довольно большой кусок селения: я миновал ангар, птичник, коровник, теплицу... и, к своему несчастью, прошел мимо конюшни. Оттуда

как раз выходил Захар в сопровождении Вакулы...

— Ну, бывай! У меня сейчас лекция с ребятами! — махнул он кузнецу.

Тут-то Вакула и увидел меня... Глаза его стали похожи на две монеты, кулачищи непроизвольно сжались... в одном он так не кстати держал молоточек...

— Захар! — Я бросился лекарю наперерез.

Тот, погруженный в свои мысли и до этого не замечавший меня, вздрогнул.

— Пан завхоз! Ты ж на поле должен быть!

— А я там уже закончил! — подхватив его под руку, прибавил шаг. Спину мою буквально пытались поджечь ненавистным взглядом!

— Неужели? Шустряк, ничего не скажешь! — Захар с усмешкой прищурился. — Ты по вопросу какому-то? Я в академию бегу.

Обернувшись, я застал кузнеца уже в компании Чуба, идущего за мной по пятам. Случившееся он пересказывал с такими восклицаниями... что я понял: в хату мне нельзя! Перспектива быть свернутым в бараний рог грозила не только Кузьмичу.

— Так я тоже в академию! — выпалил на одном дыхании.

Захар аж кашлем зашелся. Похлопав его по спине, поспешил объяснить:

— Я сегодня совершенно свободен! Вот и подумал, чего без дела сидеть? Ребяток просвещать же нужно!

— Нужно... — как-то не очень уверенно ответил лекарь. — Правда, внешний вид у тебя... не как у преподавателя.

— Грязи бояться — в поле не ходить! — переиначил я всем известную фразу. — Не на что мне одежду заменить. Обокрали. Еще давно.

— Ладно, накидкой моей прикроешься. Неча адептам дурной пример подавать, — повел усами Захар. — Поторопимся — пара вот-вот начнется.

Этого можно было не говорить! Я и так торопился!

В академии было шумно и суетно: адепты сновали по коридорам, о чем-то громко переговаривались, спорили... Но стоило Захару выйти из "учительской" с оглушающим колокольчиком, как все разбежались.

Шелестя черной накидкой, я шагал за лекарем в кабинет травознания. Захар предложил заменить его на первый раз. Начать мне следовало с будущих выпускников — по словам лекаря, неокрепшим умам грозила опасность от моего преподавания.

Стоило нам войти в кабинет, как присутствующие, как по команде, встали и приветственно склонили головы. Среди них я заметил рыжее пятно...

— Сегодня у вас будет необычное занятие. Его проведу не я, а ваш новый преподаватель по... кхм, светским дисциплинам, — последнее Захар произнес скептически, — господин Готи. Можете быть ему благодарны, я как раз хотел устроить проверку по новой теме.

По кабинету прокатился облегченный вздох. Казалось, все были рады провести полтора часа со мной...

Но только не Дина. Взгляд ее буквально кричал об этом!

— Господин Готи, чем вы предложите заниматься адептам? — с натянутой вежливостью поинтересовался Захар.

— Я? — тут я на секунду растерялся.

Считать меня не тянуло — напрактиковался на свекле. В голову пришло лишь...

— Иностранными языками!

— Чудесно! Начинайте, я ненадолго покину вас.

Оставшись наедине с кабинетом студентов, я слегка оторопел. К вниманию я, конечно, привык, однако я всегда получал его в более непринужденной обстановке: на балу, в окружении дам...

Орава уставилась на меня, я — на ораву. Кто-то стал перешептываться, кто-то — кидать в мою сторону застенчивые взгляды.

— Надеюсь, все слышали про Францию? — не придумал ничего остроумнее.

Несколько человек закивали, остальные переглянулись. Дина сидела неподвижно, как каменное изваяние.

— Ах, как жаль, что не все! Это страна моды, любви и канкана... — Я осекся — адептам необязательно было знать, что такое канкан. Я и сам знал со слов Тадеуша — это он успел побывать в парижском кабаре летом. Я думал съездить осенью... но ссылка перечеркнула все планы! — Страна прогрессивная! В прошлом году, вон, трехсотметровую башню себе построили!

— И вы ее видели? — спросила соседка Дины. Рыжая вопрос не одобрила — раздражилась сильнее.

— Еще нет. В основном я бываю в Италии. О ней мы тоже обязательно поговорим, но сегодня я хочу познакомить вас с французской культурой, — завернул я. Конечно, никакого франсе я не знал, хотя модные словечки из него все чаще проникали в наши круги. Да и Тадеуш своими рассказами подначивал узнать культуру поближе! — Культура любой страны начинается с языка. Вы только вслушайтесь: круассан, фуа-гра, трюфеля... — На голодный желудок французский акцент давался мне как никогда! — Давайте запишем самые расхожие слова. Приехав во Францию, вы будете слышать их на каждом шагу! — Фантазия тоже не на шутку разгулялась!

Адепты зашуршали бумагами. Взяв мелок, я принялся царапать на доске все, что приходило в голову.

— Surtout — сюртук. — Как раз при взгляде на рыжую вспомнил про него!

Адепты заскребли перьями, внемля каждому моему слову. Дина же лишь делала вид, что пишет.

— Aventure — приключение. — То, чего здесь оказалось в избытке! — Baraque — лачуга. — То, куда меня сначала поселили. — Courage... — Ах, молодость моя! — Храбрость. Restaurant — ресторан, тут просто. — И снова желудок скрутило. — Débauche... веселье. — Оставим интригу! — Va banque — пойти на риск. — То, после чего я лишился дома и наследства. — Rendez-vous — встреча, свидание...

— А как будет любовь? — снова подала голос соседка Дины. Рыжая толкнула ее локтем.

— Лямур, — улыбнулся я и, отчего-то вдохновившись, сморозил: — Moulin Rouge... — Нет, ну, по словам Тадеуша, название новомодного кабаре там и впрямь на каждом углу звучало! Такая она, правда по-французски! — Красная мельница...

Судя по выражению лица, рыжая знала больше, чем я предполагал. Каким образом — непонятно, ведь в этой дыре хоть шаром покати. Казалось, здесь все были далеки от цивилизованной жизни...

— Господин Готи, вы так хорошо владеете языком. Вы наверняка читали французскую классику. Что думаете о "Le Maître chat ou le chat botté"? — поставила меня в тупик Дина, демонстрируя идеальное произношение.

Сказать, что я не ожидал подставы, — это не сказать ничего! Как деревенская простачка могла знать такие вещи?! Не все представители моего общества хорошо владели иностранным языком, а за его пределами и вовсе многие оставались невеждами. Что говорить о жителях далекой провинции? Уж явно не в академии ее этому научили!

Адепты переводили с Дины на меня удивленные взгляды. Молчание затягивалось. Нужно было срочно что-то предпринять...

— Признаться, поражен вашими знаниями! Отчего же вы скромничали и не участвовали в дискуссии? — решил специально потянуть время. Интересно, Захар не хочет вернуться и спасти меня от позора?

— Я больше слушаю, чем говорю, — вскинув подбородок, Дина покосилась на свою соседку.

— Прекрасное качество для женщины! — одобрительно хмыкнул я. — Позвольте узнать, как вам удалось овладеть французским самостоятельно?

— Я им не владею, увы. На ежегодной ярмарке попадается корреспонденция, вот я и приобрела весной номер "Столичного вестника". Там обо многом упоминалось... в том числе и об открытии так называемой "Красной мельницы" в Париже. — Дина окинула меня насмешливым победным взглядом.

— Ой, а я думала, красных мельниц в этой Франции много... — вылупила глаза ее подружка.

— Не много, — кашлянул я. — Но потенциал к появлению с каждым годом растет. А, позвольте, откуда у вас тогда познания во французской литературе? — вновь обратился к рыжей.

— На ярмарке иногда можно купить и книги. Произведение, о котором я спросила, продавалось там в переводе. Оригинальное название я узнала от торговца, — раскрыла карты смышленная ведьма. — Так каково ваше мнение, господин Готи?

Я заскрежетал зубами. Как она сказала? Шаботэ? По-моему, так звучало последнее слово! Пойдем по протоптанной дорожке... Может, шабаш? Хотя изысканным французам вряд ли свойственны пляски с метлами вокруг костра. Тогда, наверное, имеется в виду саботаж? Это больше похоже на любителей лягушек и кабаре! Сколько у них там революций уже было?..

— Саботаж — дело губительное. Это сродни предательству, — выдал я, пытаюсь понять по ее лицу, угадал ли.

— Вы имеете в виду момент, когда кот просил крестьян отвечать, что поля принадлежат маркизу де Карабасу? — похлопала ресницами Дина.

— А кому еще они могли принадлежать, если не маркизу? — не уловил я очередного подвоха.

— Как вы могли запомнить? — Рыжая откровенно издевалась! — По сюжету землями владел не маркиз-самозванец, а Людоед. А вы, получается, осудили крестьян за то, что они подыграли коту, то есть, предали Людоеда. — Тут по кабинету прокатился громогласный "Ох!". — Кот, конечно, уловкой вынудил крестьян согласиться, но, выходит, вы поддерживаете отрицательного персонажа — монстра-Людоеда?

— Я?! — От неожиданности даже поперхнулся!

— А Дракула случайно не ваш предок? Он тоже людей ел... — донеслось с задней парты.

— Мы с ним слишком дальние родственники! — оскорбился я. — Вы неправильно меня

поняли!

В оживленный кабинет внезапно вошел Захар.

— Гляжу, у вас тут интересно! — Лекарь присел за свободную парту у двери.

— Мы обсуждали "Кота в сапогах" — старую французскую сказку, — окончательно добила меня Дина.

Сказку?! А то я думаю, не тянет на политический опус! Где это видано, чтобы коты крестьян подговаривали? И вообще, говорили?!

— Вы продолжайте, продолжайте, — махнул мне Захар.

Я кинул раздраженный взгляд на Дину — девушка опустила глазки. И за что мне так мстить?! Теперь против кого саботировать будут, так это против меня! Злополучного Дракулу они, видите ли, вспомнили! Я что, виноват, что с ним прабабка моей бабки связалась?

Фантазия была на исходе. Благо, подвернулись еще словечки из обихода: *coupages*, по которым плакали мои карманы, *chateau*, оставшийся в Трансильвании, и *voyage*, случившийся, собственно, в сторону Чертовой заводи, а не в сторону красных мельниц. Напоследок вспомнились и избитые фразы: "бон аппетит", "комси комса", "се ля ви" и прочее. От последней Тадеуш долго не мог отделаться, чем напоминал меня с "Mamma Mia!", приевшейся после поездок в Италию.

Когда Захар объявил, что ему нужно дать адептам задание, я выдохнул с невероятным облегчением. Теперь я был свободен!

Я заглянул в пустующую "учительскую", чтобы оставить накидку лекаря, и уже был в дверях, когда он нагнал меня.

— Честно, не думал, что у тебя получится поладить с адептами! — с ходу огорошил Захар.

Я застыл, словно громом пораженный. Поладить?!

— Сам от себя не ожидал...

— Ребята просят, чтобы ты и завтра урок у них провел. Сможешь ведь, с утречка? — преградив путь, Захар не оставлял мне выбора.

Что ж, придется сражать всех наповал своим итальянским... С французским после сегодняшнего, пожалуй, покончено!

Пообещав лекарю явиться к девяти часам, я покинул академию под звон колокольчика. Как же хотелось снять с себя одежду, принять ванну хотя бы в той же бочке... Каждой клеткой кожи ощущал вьезшуюся грязь!

По пути в хату в голове засели некоторые опасения. Я искренне надеялся, что они не подтвердятся, и шел, постоянно оглядываясь...

Но опасениям суждено было сбыться. Мести Дины на сегодня было недостаточно!

На подходе к пригорку я увидел Вакулу и Чуба, дежурящих прямо у забора.

Глава 26. Чао, бамбино!

Глава 26. Чао, бамбино!

С высоты, пускай и небольшой, заметить помеху справа было несложно...

— Эй, пан завхоз! — окрикнул меня Вакула. — А ну стой!

Стоять я не мог! Ноги сами несли в обратную сторону! Да еще с какой скоростью! Я так даже от Дины не бегал!

— Все равно не уйдешь! — пригрозил на всю округу Вакула.

За спиной земля уже содрогалась от тяжелой поступи кузнеца. Чуб на подхвате еле поспевал за ним, но запала не терял — теперь и у него со мной были личные счеты!

Я решил запутать противника — обогнуть хату и бежать в сторону Солохи. Тетка хотя бы разнимет! Однако в следующую секунду налетел на Вакулу и, встретившись лбом с широкой грудью кузнеца, позорно рухнул на землю. По ощущением, как в камень впечатался!

— Далеко собрался? — Кузнец вдруг наклонился ко мне. — Ты ж в хату шел!

Я бы с удовольствием слился с грязищей, чтобы не видеть эти черные, пылающие мезью глаза. Перспектива получить еще один боевой раскрас меня не привлекала!

— П-передумал! — выдавил из себя кривую улыбочку. Дипломат во мне обливался горькими слезами, но надежды не терял!

Вакула рывком поставил меня на ноги и, дернув за рукав, прорычал:

— Думаешь, я не понял, что ты черта спрятал?!

Тут к нам с опозданием присоединился Чуб.

— Еще и меня хотел на сторону бесовскую переманить! Ишь, какой! — пытаюсь унять отдышку, он показал мне кулак.

— Ничего я не хотел! И никакого черта не прятал! — настаивал на своем я.

За это меня снова тряхнули, только теперь сильнее.

— Кому ты втереть пытаешься?! — Лицо Вакулы налилось алой краской, пальцы намертво вцепились в мой воротник. — Раз по совести спорить не умеешь, мы тоже нечестно поступим! Это справедливо будет!

— Ты, пан завхоз, днями штаны протираешь, а делом никак не займешься! — укорил меня Чуб. — Народ по привычке туда-сюда на поле шатается, а хозяйство толком не ведется. Никто за ним не следит: инвентарь на износ не проверяет, головы скота не пересчитывает, сколько урожая осталось собрать, не ведает. Ты в дровницу хоть раз заглядывал? А в житницу, в которой от мышей нет отбоя? — заважничал Кузьмич, уперев руки в бока.

— Вот и не удивляйся, если в селении что-нибудь не так пойдет! — закончил за него Вакула.

— Вы мне угрожаете?! — возмутился я. — Что за грязные методы устранения соперников?!

— Мы всего лишь предупреждаем! — утешил кузнец и наконец оставил мою рубашку в покое. — Бывай, пан завхоз! Нам, в отличие от тебя, есть чем заняться.

Недобро переглянувшись с Чубом, Вакула прошел мимо меня и как бы случайно задел плечом. Верный соратник засеменял следом.

Дождавшись, пока заговорщики скроются за пригорком, я вприпрыжку бросился в хату и запер дверь на замок. Еще и окна повсюду зашторил, а то еще передумают...

— Нас и отсюда выжить хотят! — объяснил Тильбо, изумленно наблюдавшему за моими действиями из сеней. — Не подпускай к дому громилу и старика с чубом, что вчера на новоселье были! А то будет мне "чао, бамбино"! Прикопают! Прямо на заднем дворе!

Некоторое время Тильбо еще носил ведра из колодца, затем грел воду в самоваре и заваривал в кадучке травы, найденные на кухне. Ванна была подготовлена в старой бочке — всяко лучше, чем ничего!

В теплой ароматной воде думалось легче. Однако мысли были неутешительными. Дела мои, и без того обстоящие незавидным образом, могли вот-вот ухудшиться. И чего я должен был ожидать? Пожара? Потопа? Массового исчезновения скота из хлевов? Или урожая — с полей?

— Тильбо, поддай кипяточку! — крикнул гоблину.

Вот только не он явился на мой зов...

— Пришла вернуть тебе сюртук! — сказала показавшаяся из-за угла Дина.

Я чуть ли не с головой нырнул в бочку — часть воды сразу выплеснулась наружу. Вот же, только расслабился!

Отскочив от брызг, Дина оставила сюртук на стуле с одеждой, принесенном из столовой.

— Значит, ты у нас и завтра пару вести собрался? — рыжая окинула меня насмешливым взглядом.

— Захар попросил. Надеюсь, обойдемся без твоих уловок? — выгнул бровь.

— Уловок? — Дина с хитрой улыбочкой склонила голову. — Для знатока французского мой вопрос был безобидным... Я всего лишь поддержала вашу дискуссию!

Издевается, даже не краснея!

— Вот как это называется?!

— О ревуар, месье! — Дина неуклюже сделала реверанс. — Меня еще задание Захара ждет!

И она сбежала! Сбежала, снова выставив меня идиотом!

Рядом брякнуло ведро.

— Вот, тоже в кухне нашлось... — Тильбо протянул мне какой-то кусочек темного цвета.

— Что это? — повертел в руках.

— Мыло. Из золы.

До марсельского мыла из соды и оливкового масла этому самозванцу было далеко, прямо как мне до поместья в Трансильвании! На всякий случай понюхав его, я решился намылить волосы. Если что, пока я отсюда выберусь, новые успеют отрасти...

— Как водичка? — раздалось за моей спиной.

Резко открыв глаза, тут же об этом пожалел!

— Нашел, когда припереться! Чего тебе?! — огрызнулся я, скорее промывая их.

— Та ниче, о делах твоих зашел справиться...

— Плохи они! — Плюнул наугад — горечь в рот затекла!

— Э! Я, че ли, виноват?! — обиженно хрюкнул черт.

— Мыло в глаза попало... — Наконец смог открыть их и сразу наткнулся на возмущенного рогатого. — Вакула с Чубом мне хлопот подбавить решили. Говорят, ни за чем ты здесь не смотришь, вот и не удивляйся, если в селении что-то случится!

— Дезертирство! — охнул рогатый. — Че, раскусили?

— Раскусили, сразу же понятно было! Ты зачем налет на конюшню устроил? Меньшими жертвами нельзя было обойтись? — запоздало предъявил ему.

— Так я ж ради тебя старался! — Помощничек деловито сложил руки на груди. — Не бойсь! Угрожать-то они для виду могут, а сами выгоды хотят!

— У Вакулы другие мотивы. Ты про Ингу забыл?

— От и не скажи! Не стал бы он тебя так кошмарить, пару раз бы в морду дал — и хватит! — покачал головой черт. — Он же торговлю с городом все не наладит. Сам не может туды-сюды кататься, в селении обязан быть. Василь ему давно еще обещал, да никак руки не доходили. А у нас дойдут!

— И что ты собрался вытворить на сей раз? — Зная его, я был готов ко всему!

— В Балдейкино сгонять надо... Не хотелось бы, конечно, лишний раз пятаком светить, но ближе ниче нет. Так и быть, че-нить придумаю! — Глаза рогатого забегали по сторонам. — А с Чубом разговор короткий: бражку ему всунем, курочки сготовим и отцепится! Этот дурень больше из вредности с Вакулой повязался.

— План неплохой, но настроены они решительно, — с опаской посмотрел на него.

— Да и мы не пальцем деланы! Обожди, одно копыто — здесь, другое — там! — потер руки нечистый.

Взгляд мой совершенно случайно упал на сюртук. И тут, неожиданно для себя, я вспомнил о недавнем происшествии...

— Стой!

Черт обернулся.

— Можешь кое-что из Балдейкино прихватить? — И нерешительно добавил: — Для Дины...

— Че, опять черевички тащить? — Он аж подпрыгнул на месте. — Не, я пас! Товар дефицитный, в Балдейкино его точно не будет!

— Да какие черевички? — не понял я.

— Ну как? Царицыны, золотом расшитые! Или че там шас в моде?

— Не о них речь! — отмахнулся раздраженно. — Атласное платье можешь принести? Желательно бирюзового цвета...

— Тю! Че пугаешь так? — Рогатый даже выдохнул с облегчением. — Не вопрос! Тем более девчонка меня от гнева Солохи спасла...

— Тогда не буду тебя задерживать! — Помахав ему, я принялся смывать мыльную жижу с волос. Совсем забыл про них!

Помощничек все не возвращался. Миновал час, второй, третий... а он словно в воду канул! Когда же Чертова заводь погрузилась в сумерки, меня стало клонить в сон. Вскоре я оставил попытки дожидаться рогатого, надеясь, что хотя бы эту ночь селение проведет без потерь.

Утром меня разбудил Тильбо. Я даже забыл, каково это, просыпаться не вздрагивая! Без задней мысли умылся, распутал пальцами локоны (гребень давно был утерян) и хотел уже одеться... Да только и здесь не обошлось без подвохов! Рубашка со штанами были постираны после полевых работ и за ночь, конечно, не высохли — помешал прошедший дождь.

В шкафу меня ждал лишь один костюм... тот самый, с щедрого плеча черта! Который я

больше никогда не хотел надевать!

До последнего не мог смириться с бордовой рубашкой и голубыми брюками... Даже обыскал весь шкаф в надежде, что старик что-нибудь забыл. Но, кроме завалившегося в углу ночного колпака, ничего не обнаружил... Видимо, сегодня мне было суждено терпеть позорные смешки!

А впрочем, чтобы услышать глумление в адрес своего внешнего вида, мне не пришлось выходить из дома.

— Неужели в селении вновь намечается променаж? — прозвучало со стороны портрета.

Стараясь держать себя в руках, я сел за стол и принялся за смородиновый пирог, чудом уцелевший после новоселья.

— О, такими темпами к нам нагрянет целый карнавал... Держись, Венеция! — пошутил дядька и, вздохнув, вернулся к чтению рукописи.

Вот только он даже не подозревал, какую дельную мысль подкинул...

— Точно! — Я вскочил из-за стола, чуть ли не повалив стул.

Парлямо итальяно, значит? А что лучше всего передает итальянский дух, что приходит на ум, когда слышишь название этой страны? Нет, с пиццей и пастой и так все ясно...

— Carnevale di Venezia! — всплеснул я руками. — Не стоять же мне снова, не выдумывать какие-то словечки! Да у меня даже штаны от маскарадного костюма, купленного в Риме!

— Голубчик, ты сбил меня с толку! — нахмурился дядька. — О чем это ты?

— Теперь я обучаю адептов иностранным языкам, — сообщил я, приосанившись. — Вчера мы говорили по-французски, а сегодня я как раз хотел познакомить их с Италией!

— Боюсь представить, что будет, когда ты доберешься до англосаксов... — Гоголь с недоверием покосился на меня. — Разве ты настолько хорошо владеешь языками?

— Нет, но это мне не мешает! К тому же в итальянском я понимаю больше, чем во французском! — напомнил ему.

— Пользуешься чужим невежеством, — Николая неодобрительно покачал головой. Откинувшись на спинку кресла, он помолчал несколько секунд, а после с ностальгией в голосе произнес: — Ах, какие то были прекрасные времена! Помнится, карнавал в Венеции я не застал, зато оказался свидетелем празднования в Риме... Как я был впечатлен! Я даже писал об этом своему сердешному другу и однокашнику, Александру Семеновичу... Удивительная вольность! А чего только стоят маски!

— Маски мне и не хватает... — тут я призадумался. Затея вот-вот могла потерпеть крах: одних цветных брюк да рубашки для воплощения итальянского духа было недостаточно.

— Дай мне минуточку, пожалуйста.

Дядька вдруг поднялся с кресла и скрылся вне поля моего зрения. Вернулся он не с пустыми руками.

— Должно быть, тебе знаком Пульчинелла из комедии дель арте? О, еще Гете наблюдал эту "вечную" маску! Но я приобрел ее не из-за всенародной любви, — Гоголь приставил маску к лицу и усмехнулся, — она единственная подошла к моему птичьему носу!

Из портрета вынырнула полупрозрачная рука со сморщенной, чересчур носатой личиной черного цвета. Радости моей не было предела — я готов был расцеловать дядьку!

— Ты, голубчик, вернуть ее не забудь. Больно душу греет... — Мне показалось, что Николая прослезился.

Поблагодарив его, я позабыл про пирог и направился в сени. Уж было отпер дверь... как

внезапно заметил в углу тросточку. Ту самую, которую дед запустил в меня напоследок! Нашлась! Как удачно!

Захватив ее для полноты образа, я выдвинулся в академию. Дорожки слегка размыло, под ногами хлюпали лужи, но я был погружен в собственные мысли: придумывал, о чем расскажу адептам.

К терему всюду стягивались жаждущие знаний: кто-то кидал на меня удивленные или насмешливые взгляды, кто-то проходил мимо, зевая и не замечая ничего необычного. Я же держал путь в "учительскую" — одной детали в моем костюме все-таки не хватало.

В каморке появился крайне вовремя: там, за документацией, как раз чахнул Захар. Увидев меня, он так и разинул рот.

— Это... что за дурачество с утра пораньше?!

— Инновационная методика преподавания! — Ни один мускул на моем лице не дрогнул.

Захар, по-моему, не понял ни слова.

— Накидочку одолжишь?

— Ты в этом собираешься адептам лекции читать? — насупив брови, лекарь вышел из-за стола и осмотрел меня с головы до ног.

— У нас с ними урок итальянского! А это — венецианский костюм! — Я примерил маску. — Еще и историю подтянем!

— Ба-а-а-тюшки!.. — Захар аж за сердце схватился — впечатлил его Пульчинелла! Оглядевшись по сторонам, он снял со стула накидку и нехотя протянул ее со словами: — Учти, одна жалоба — и я пишу пану Корнею!

— Не стоит меня недооценивать! — ухмыльнулся я, облачаясь в мантию. Пестровато, но для сельского представления пойдет!

Звон колокольчика объявил о начале учебного дня. Когда коридоры опустели, я вынырнул из-под лестницы и направился во вчерашний кабинет.

Прочистив горло, я поднял перед собой тросточку и зашел в него со словами:

— Бонджорно, дорогие адепты!

Чего-чего, а что студенты — люди столь впечатлительные, я не ожидал!

Кто-то охнул, закрыв глаза руками. Кто-то выразился так креативно, что я слегка оторопел. Меня не то что проклинали — меня отослали в таком невероятном направлении... Чертова заводь нервно курила в сторонке!

Ребята с последних парт буквально забились в углы. Послышался громкий девичий визг — это соседка Дины шлепнулась под стол.

— Говорил же, нашествие злыдней! Уже сюда проникнуть успели, гады! — С первой парты поднялся парень, судя по выражению лица, готовясь меня пришибить.

На задних рядах явно были не против присоединиться к моему изгнанию. Одна рыжая сохраняла спокойствие.

— Сядь, Грицко! Злыдни в нашем случае — не самое страшное... — Она окинула меня ироничным взглядом.

Дверь за спиной тихонько приоткрылась, и в щель просунулся Захар.

Я поспешил снять личину.

— Неужели вы испугались карнавальной маски? Это ведь я, господин Готи!

Адепты молча заморгали и стали переглядываться. Из-под парты выглянула все еще трясущаяся подружка Дины.

— Правда, это не простая маска. Она венецианская. — И вновь одним движением перевоплотился. — Должно быть, некоторые из вас слышали, что каждый год по всей Италии проводятся карнавалы. Но с праздником в славном городе Венеция не сравнится ни один! Однако где бы вы ни были, вы должны знать главное правило: без маски — ни шагу! Не показывайте лицо!

— А если оно довольно симпатичное? — хихикнула подружка рыжей, отчего у той мгновенно испортилось настроение.

— А это, синьорина, не имеет значения! — усмехнулся я и медленно двинулся в их сторону. — На Carnevale di Venezia все равны и одинаково безлики! К примеру, за маской Пульчинеллы, героя народного театра, дебошира и похитителя кур из Неаполя, может скрываться граф, сапожник... или преподаватель иностранных языков. — Я провел рукой по маске, склонившись к соседке Дины. Про себя посмеялся — носатый неаполитанский бедняк так и намекал на мое плачевное положение! — Иногда даже нельзя угадать, кто за личиной: женщина или мужчина? Вы можете перевоплотиться в кого угодно: Чумного доктора, загадочную Венецианскую даму, Кота... Я всегда предпочитал маску Джокера — королевского придворного шута и авантюриста.

Подружка рыжей мечтательно вздохнула. Дина же вздернула брови и с ухмылкой прокомментировала:

— Шута? Да вы самокритичны...

Я пропустил колкость мимо ушей. Ждет, что снова облажаюсь? Ну-ну! В Венеции я развлекался, когда Диночки еще в помине не было!

— А для чего на этот карнавал так наряжаются? Чтобы танцевать? — вошла во вкус ее подружка.

Рыжая прыснула в кулачок. Пора и мне кое-что сделать в отместку...

— Синьорина, вы даже не представляете, насколько точный вопрос задали! Простите,

come si chiama? Как вас зовут? — решил любезничать я.

Коварная ведьма устремила на меня свой злобный взгляд. Зато девица расплылась в улыбке:

— Ася... В смысле Аселина.

— Выражаясь итальянским языком, *mi chiamo* Аселина, — кивнул я. — Вы правы, танцы — неотъемлемая часть карнавала. Все веселятся, гуляют по улицам Венеции... катаются на гондолах с прекрасными дамами! — Это, кстати, у меня особенно хорошо получалось! — Однако это не обычное народное увеселение на день-другой. Вы даже не представляете масштабы карнавала! В первую очередь, это праздник Сатурна, древнеримского правителя и бога земледелия, — зашевелилось что-то на задворках памяти. — Бушует он семь декабрьских дней и ночей, и за неделю в Венеции успевают побывать весь мир! Ни один другой праздник не передает итальянский дух, как карнавал! Уж поверьте мне, я посещал его не раз!

На этом моя речь подошла к концу. Вышла она поистине ошеломляющей: впервые у Дины не нашлось, что сказать! Но, судя по глазам, реванша она жаждала...

— Ну что ж... — Сняв маску, я прошествовал к доске. — Достаточно на сегодня экскурса в итальянскую культуру. Давайте поговорим на этом мелодичном языке.

Дверь наконец закрылась — Захар убедился в безопасности образовательного процесса.

— Фестивали, карнавалы, отменная кухня, превосходный климат — такую жизнь невозможно не любить! Вслушайтесь: *Bellissimo! Delizioso! Perfetto!* Как красиво, как вкусно, как замечательно! Так восклицают итальянцы, что бы они ни делали: пили чашечку кофе, прогуливались по побережью, пекли *чиабатту*...

— Вы говорите об Италии как о беззаботной стране, — вдруг прервала меня Дина.

— Так оно и есть! — Я мечтательно прикрыл глаза. Ах, как бы я хотел оказаться там снова... К черту Францию — по возвращении снаряжаю экипаж в Рим! — Не зря именно в Италии придумали фразу "*Dolce Far Niente*" — "Сладкое ничегонеделание". Даже простые итальянцы живут там припеваючи! Не то что у нас...

— Разве? Я думала, в Италии ничуть не лучше, если даже не хуже.

Тут я понял, что месть-таки созрела. И приготовился к худшему.

— Еще в "Столичном вестнике" писали, что в стране много нищих и оттуда массово сбегают люди. А на Сицилии так вообще складываются преступные группировки. Кажется, они называются *mafia*? — выдала Дина. — Но я и до этого поняла, что в Италии опасно. Вы ведь читали "Пиноккио"? Там деревянного человечка то сжечь хотели, то повесить, то в осла превратить...

— Вот смотрю на вас и думаю: что вы здесь делаете с такими познаниями? — с шумом выдохнул я.

Адепты с круглыми глазами следили за назревающей перебранкой.

— Мои познания не сравнятся с вашими, — пожал плечами рыжая, и бровью не поведя. — Вы извините. Продолжайте.

И снова эта улыбочка! Ну уж нет, я должен заткнуть за пояс девчонку! По-хорошему же просил!

Вот только продолжить у меня не вышло. Дверь резко открыли, и на пороге вновь показался Захар. Теперь он был не на шутку взволнован.

— Господин Готи... — резануло мне слух. — Дело срочное... Придется вам закончить раньше.

Глава 27. Держи друзей близко, а врагов еще ближе

Глава 27. Держи друзей близко, а врагов еще ближе

Внутри как-то нехорошо екнуло. Я сразу догадался, о чем и даже о ком речь...

— Ну, если без меня совсем никак... — бросил многозначительный взгляд на Дину. —

Всем грации за сегодняшнее занятие, продолжим на следующем.

Уж на нем последнее слово будет за мной! Обещаю!

— Вы немножко посидите, дальше у вас все равно со мной травознание, — сказал студентам Захар и приставил к губам палец. — Только ш-ш-ш! Смотрите у меня!

Стоило ошачливленным адептам остаться за дверью, как лекарь сменил тон:

— Не бывает у нас спокойно, как ты приехал! Ей-ей, каждый день что-то наперекосяк идет!

— Скажешь уже, что стряслось? — цокнул я.

— Банька у нас есть, старенькая... Как холодать начнет, все туда париться ходят. Так вот оказывается, ночью на нее дерево упало! И нехило так баньку повредило! Главное, урагана-то никакого не было, дождь как дождь! А оно взяло и надвое переломилось! — почесал затылок Захар. — Мистика какая-то!

Я еле сдержал ругательство. У неведомой силы, покусившейся на местную парилку, было вполне человеческое обличье. Я даже представлял эту картину: один, усатый, с чубом на голове, стоял на стороже, а второй, двухметровый громила с топором, валил дерево. Наверное, так сильно хотели дровницу пополнить!

Стоило нам выйти на улицу, как воздух сотрясло виноватое:

— Здас-с-сьти, пан завхоз...

Завидев супружницу Котика, я ограничился коротким кивком. Буду я еще с ней любезничать! Хату мне подожгли и сбежали без всяких извинений! Наглость какая!

Захар с Марусей возглавили процессию, бурно обсуждая ночное происшествие, я же пошел сзади. Маску спрятал под накидку, дабы избежать очередного переполоха. Адептов мне хватило!

— Та оно за лето подсохло! И так в любой момент могло шмякнуться! — доказывала лекарю Маруся.

— Надо было Вакулу звать! Срубил бы с мужиками, и дело с концом! — Захар обернулся на меня с таким видом, будто это была лично моя вина.

Знал бы он, что Вакула без просьб все понял! Только слегка "промахнулся" с тем, куда деревце припечатается!

Дорога лежала за колодец, в сторону чащи. Когда я ходил сюда за водой, не придал значения низкой постройке из бревен, прятанной за деревьями. Помимо нас поглазеть на бедствие уже стягивался любопытный народ.

— Пока до вашей бани дойдешь, желание помыться отобьется! — Я выглянул из-за широченной спины Маруси.

— Баня — место нечистое, в ней болезни смывают. Рядом с хатами не ставят, — объяснил Захар. — Колодец потому тут и рыли.

— Да и много чего в бане случалось, всякие истории ходили. Одно время даже банник шалил, девок пугал... Кому подле злого места жить захочется? Еще и загорится! — буркнула упитанная барышня.

— Кто-кто? Банник? — усмехнулся я, смекая, кто на самом деле подглядывал за девушками. Просто однажды Солоха догадалась и надрала черту уши, и "банник" волшебным образом исчез.

Картина, представшая перед глазами, была далека от "bellissimo". Часть крыши попросту отсутствовала. Из приличных размеров дыры торчал сломанный ствол. Причем заподозрить, что упало дерево не само, было практически невозможно. Никакого четкого сруба. Без ухищрений и помощи Чуба (если вообще не кого-то третьего) явно не обошлось.

Захар открыл дверь, в которую я бы еле смог втиснуться, и скрылся внутри.

— Здесь еще несколько повреждений, придется крышу разбирать! Воды будь здоров налило... — доложили из бани.

Я подавил очередной судорожный вздох. Теперь, когда Вакула с Чубом действовали назло, я не мог так открыто привлекать черта... Но, если рогатый добудет для кузнеца разрешение на торговлю, его помощь и не понадобится.

Видя, что народ смотрит на меня в ожидании, я крикнул лекарю:

— Захар! Собирай мужиков! Пускай поваленное дерево убирают и на дрова несут. Ближайшие к нему тоже осмотрите, чтоб впредь таких ситуаций не возникало!

— Теперь точно к Вакуле идти! — выглянул Захар. — Кто, как не он, крышу новую уложит?

— Разберемся, — бросив сквозь зубы, я протиснулся в собравшуюся у бани толпу. Мне бы с сообщником посоветоваться... Да только где его собратья носят?

Выйдя на дорогу, я прибавил шагу и уж было прошел мимо колодца... как вдруг из него послышалось тихое:

— Э! По сторонам бы посмотрел!

— Ну наконец-то! Я тебя до ночи прождал! — обрадовавшись, метнулся к черту. — Почему так долго?

— Та под дождем неохота было назад чапать, — без зазрения совести ответил рогатый и свесил копыта наружу. — Зато вон че раздобыл!

Лохматая ручонка протянула мне свиток. Развернув его, я с горем пополам разобрал:

— "Грамота. Постановляю разрешить Еремею Вакуле, кузнецу из селения Чертова заводь, вести постоянную торговлю на ярмарке близ Балдейкино и наделяю его правом участия в ежегодной весенней ярмарке. Городской староста Бульба И. Передать привратникам".

Подняв глаза на рогатого, воскликнул:

— Ай да черт, ай да молодец! А платье достал?

— Обижаешь! — самодовольно хрюкнул он. — Уже у тебя лежит!

— Вот спасибо! — Камень с души упал! — Видел, что Вакула с Чубом вытворили? — кивнул в сторону бани.

— Ви-и-идел... — протянул черт и повел пятаком, словно что-то учуяв. — Ты иди грамоту ему отдай, пушай стыдно будет. А я к хозяйке своей загляну. Пирожками что ль заманить пытается?..

На том и порешили. Черт исчез в колодце. Я же поспешил ретироваться отсюда, пока народ не заподозрил, что все это время я точил лясы с кем-то "невидимым".

Путь к кузне преодолел в два счета — руки так и чесались вручить грамоту Вакуле. Сегодня баня, а завтра что? Снова птичник или теплицу переделывать? Ну уж нет! Должен быть благодарен, что мы ему обогатиться помогли!

Кузница оказалась заперта, однако, судя по голосам, доносившимся из открытых окон, она не пустовала. Я постучался. Послышались гулкие шаги, и дверь неохотно отперли.

— Послание тебе из Балдейкино, — протянул Вакуле сверток, — от городского старосты.

Кузнец, и без того удивленный моим визитом, неверяще уставился на меня. Забрав грамоту, он осторожно развернул ее. С минуту мы так и стояли друг против друга. Когда же Вакула оторвал глаза от послания старосты, его лицо охватила бледность.

— Ты... ты как это сделал?! — заикаясь, спросил он.

— Как-как... — Я уже придумал "героическую" историю. — Еще когда в Балдейкино на ярмарку ездил, заглянул к Бульбе, говорю, почему честным людям дорогу не даете? Есть у меня в селении мастер на все руки, человек добросовестный... вежливый! — польстил я Вакуле. — Вашей ярмарке только лучше будет, а то одни проходимцы вокруг! Ни товара, ни умения обращаться с клиентами! — вспомнил барышню по соседству, пытавшуюся нас перекричать.

— Давно я бьюсь, а все коту под одно место... — до сих пор не верил кузнец. — Разрешение пана Корнея ему было нужно... А пан, если прознает, все себе до пятака медного заберет! Василь мне обещал, что без всякого согласия уговорит Бульбу, но от него не дождешься... — Вакула нахмурил брови. — Ты даже не представляешь, какую услугу мне оказал!

— Почему же? Представляю! — взыграла во мне гордыня. — Однако я не ожидал, что за добро мне подлостью отплатят! На баню вы с Чубом дерево уронили?

За спиной кузнеца, заслышав свое прозвище, возник Кузьмич.

— Ну, мы! — повел он усами.

— Совсем забыл! Угостить тебя, Чуб, кое-чем хотел... что у тебя в особом почете, — припомнил слова черта про бражку и курочку. — Только теперь угощать не за что!

— Как это, не за что? — запереживал Кузьмич и выразительно посмотрел на Вакулу. — Мы ж все поправим!

— Не ждали мы, пан завхоз, что ты к нам с миром придешь! Думали, вместе с бесом только и можешь что за нос водить! — спасовал кузнец. — Крышу мы быстро постелем, баня так-то целиком за день ставится.

— Делов-то! — отмахнулся Чуб. — Теса, что в сарае лежит, хватит?

— Хватит, я недавно на бумажницу Брута брал. Обрешетке тоже досталось, но это ничего. — Вакула свернул грамоту. — Ты, Кузьмич, в сарай дуй, а я крышу разбирать пойду. Может, Остапа прихвачу.

Когда он скрылся в кузне, я поинтересовался у Чуба:

— Остап небось тоже соучастник?

— Да это я его по-родственному попросил... — потупил взгляд тот.

— И чем это вы так с бедным деревом?

— Сначала топориком себе подмогнули, а дальше веревкой, — стушевавшись, открыл тайну старик. — Пан завхоз... а подсоби немного?

Следующий час (а то и два) я провел рука об руку с Чубом. Сначала мы переворачивали вверх дном весь сарай в поисках нужных досок, затем вытаскивали их на улицу и укладывали штабелями. Чуб — не Вакула, соображал он с опозданием. Только когда все доски были вынесены, он додумался, что ряды надо бы чем-то фиксировать, иначе ходить нам туда-сюда

долго. Нашли веревку, незамысловато перетянули. Чуб взял с одного конца, я — с другого и, покачиваясь, понесли. Навстречу нам, поругиваясь, точно так же шли несколько человек с уже распиленным деревом.

На поворотах сильно заносило то меня, то Чуба. Мы без остановки препирались. Кусты так вообще обладали удивительной силой притяжения. Это хорошо, я накидку в сарае оставил, иначе бы точно повалился!

— Да куда ты бежишь?! — злился я.

— Это ты еле-еле ноги переставляешь! — пыхтел Кузьмич.

В бане работа кипела вовсю. К моменту, когда тес был доставлен, Вакула и сухенький вороватый мужичок уже разобрали кровлю до обрешетки и вооружились молотком и пилой. Взамен пострадавшим жердям были приготовлены новые.

Теперь Чуб просил "подсобить" со строительным мусором. Я махнул рукой, мол, так уж и быть. Запачкался я еще в сарайных дебрях, да и участие в починке бани только обеляло меня перед Вакулой.

Все непригодные деревяшки решили тащить к дровнице — авось сгодятся. За это время мы с Чубом разговорились и под конец я знал почти все про его семью: про Остапа, сына мукомола, за которого он отдал старшую дочь, про жену Наталку, с которой жили как кошка с собакой...

— А младшая моя, Яринка, никак замуж не идет! Что ни день, свататься к ней бегают, а ей хоть бы хны! В столицу вашу вырваться хочет! — разгорячился вдруг Чуб. — Прямо как сестра Динки этой, ученицы Захара!

От неожиданности я чуть ли не выронил все доски.

— А у нее сестра есть?

— Ну как, была! — рассмеялся Кузьмич. — У нас тут все про всех знают, хотя бы вполуха да слушают. Девки вместе приехали с хутора подгорного, Дина в академию учиться пошла, а сестра ее через месяцок дала из нашей глуши деру. — Чуб потер лысый затылок, и это будто помогло ему вспомнить. — Кажись, Ольгой ее звали!

Меня словно молнией поразило! Перед глазами закрутился калейдоскоп неприятных воспоминаний: казино, красивая девушка, назвавшаяся Ольгой и охмурившая меня... следом — фиаско всей моей жизни. Еще и Тадеуш упоминал это имя, так сильно отличающееся от привычных нам.

Пообещав Чубу, что вечером приду взглянуть на крышу, я под впечатлением направился в сторону дома. Я ни разу не задумывался о том, откуда и как Дина переехала в это чертово местечко. Да и вообще, мне казалось, она совершенно одна, сама по себе... А тут обнаружили родственники, да еще где — в нашем столичном казино! Как тесен мир!

Зайдя в хату, я сразу заметил, что дверь в опочивальню приоткрыта и на кровати лежит что-то яркое. Бирюзовое. Платье, принесенное чертом, не шло ни в какое сравнение с предыдущим: оно было более пышным, торжественным, с оборками на юбке и россыпью жемчуга на рукавах. Не поскупился рогатый!

— Ну че, подойдет твоей Дине? — выглянули из-за моей спины.

Привыкший к внезапным появлениям черта, я кивнул.

— Ты где такое достал?

— Та я когда к старосте шел, увидел его в швейной мастерской на манекене, — деловито хрюкнул рогатый. — Наверняка отдали давно, а забрать — не забрали.

— Кстати, о старосте. Похоже, топор войны с Вакулой вот-вот будет зарыт! — сообщил

я радостную новость.

— Хорошо, он пока не знает, что Бульбе за это придется отдать половину барышей... — Хохотнув, черт поспешил оправдаться: — А че? Как бы я еще его уломал?!

— Справедливо, — вздохнул я.

— Я там это... пирожков принес. Не подвел таки пятак! Пошли чаи погоняем? — Рогатый, не дожидаясь меня, юркнул в столовую.

После оказанной Чубу помощи мне только оставалось, что чаи гонять. Бухнувшись на стул, я вспомнил про маску, которую до сих пор носил с собой, и протянул ее дядьке со словами:

— Возвращаю, как договаривались.

— Пригодилась? — Гоголь сдул с нее невидимые пылинки.

— Не то слово. Произвела настоящий фурор! — сказал с усмешкой.

— И что же, получилось у тебя провести занятие, поведать пытливым умам о *bella Italia*? — осведомился дядька с неподдельным интересом.

— В целом, да, если бы не одно "но". Каждый раз меня прерывает Дина! — пожаловался я. — Причем она говорит такие вещи, которые я знать не знаю!

— А-а-а, Дина... — Гоголь улыбнулся в усы. — Прелестная образованная барышня. Ей есть, чем ставить мат таким, как ты.

— Не очень-то и приятно! — отвернулся я.

А черт время не терял... Черт умял уже половину тарелки и явно целился ее уничтожить, пока мы между собой разбирались! Тут уж и чайок подоспел!

— Чего же ты ожидал? Книг в руки не берешь, со словом обращаешься неумело. Как такой, как ты, может овладеть вниманием слушателей? — разошелся дядька.

— Надеюсь только на свою харизму! — честно ответил я. — Ну а что ты предлагаешь? Наверстывать упущенное? Мне всегда было не до этого! Находились занятия поинтереснее чтения книг!

— Много же ты потерял... — раздосадованно покачал головой Николая. — Позволь мне, как человеку, имеющему опыт в преподавательском деле, вмешаться. Хоть он и невелик, я вложил знания далеко не в одну голову. Стало быть, пора заняться и твоей прежде, чем ты снова окажешься в стенах альма-матера.

Глава 28. За дело берется Николая

Глава 28. За дело берется Николая

А ведь я даже не представлял, на что меня подписали!

Началось все незатейливо. Гоголь, словно сгусток дыма, выпорхнул из своей обители и, заняв стул напротив, стал предаваться воспоминаниям о весеннем Риме — именно весной он впервые посетил город на семи холмах. От чая отказался — давно был не в том расположении духа.

Я и не заметил, как Николая стал виртуозно вставлять итальянскую лингву в свою речь. Где "питторов" помянет, с которыми имел честь знаться, где на "дотторов" посерчает, которые не могли унять его "нервозо фазколозо". Здоровье у него, как он выразился, non vale un fico secco — и выеденного яйца не стоило. Поначалу рассказы про недуги мой аппетит не портили. Я даже кивал в ответ. Но когда дядька дошел до болотной лихорадки... пирожок таки застрял в горле!

— Кто ж в сухомятку лопают? Запивать надо! — постучал по моей спине черт.

Вскоре я стал подозревать, что слезным "пор фавор" мне не отделаться — за меня взялись всерьез. Гоголь буквально рассказывал все, что знал об Италии, при случае добавляя что-то из собственного багажа историй. А он у него мог посоперничать с моим!

— Николая, давай как-нибудь потом продолжим? — улучил момент я.

— Как это, потом? — оскорбился Гоголь. — Позволь, голубчик, я только начал!

— У-у-у... — протянул черт, уж было заводивший глазами. — Пойду хоть бубликов принесу!

— Ты что, решил выговориться за все эти годы? — возмущенно фыркнул я.

— Погоди-погоди, к утру ты будешь способен недурно изъясниться! — огорошил дядька. — Maestro, конечно, из тебя не сделать, но толку явно прибавится.

— К утру?! — Я на стуле подпрыгнул! — Нет-нет, я никуда не спешу! Тем более у меня есть дела: еще в баню заглянуть нужно...

Предпринял попытку встать, однако в следующее мгновение с грохотом рухнул на место. Ноги в буквальном смысле отказывались идти!

— Ты что делаешь?! — словно привязанный, я задергался. — Может, лучше заклятия своим научишь?!

— И вовсе это не заклятия. Это — сила знаний, — усмехнулся Гоголь. — Помнится, когда я читал курс истории в Патриотическом институте, у меня не было ни одной не успевающей воспитанницы. Что уж говорить о... — он оглядел меня, — кхм, тебе! К тому же сегодня из-под пера совершенно ничего не идет...

На столе очертилась тарелка борща, рядом дзынькнула ложка. Следом возник рогатый с веревкой обещанных бубликов на шее.

— Ну, че я пропустил?

Моя гувернантка явно мстила мне с того света. При жизни она и мечтать не могла, чтобы я смиренно сидел и внимал всему, что говорят. Неправильными воспитательными методами пользовалась.

К петухам я уже мог поддержать без запинки нехитрую беседу. И если раньше эта беседа ограничивалась десятью словами и вертелась вокруг меню ресторана или

комплиментов синьоринам, то теперь я запросто отличал фокаччу от Боккаччо и Боккаччо — от Боттичелли. Дело было не только в том, что я оказался "приклеен" к стулу. Николая знал, на что давить.

Наутро я на всех парах мчался в академию. Благо, сегодня мой внешний вид не нуждался в оправданиях.

Захар, по привычке бдящий в каморке, был удивлен просьбой продолжить прерванное занятие.

— А может, ты к младшекурсникам через часик заглянешь? Им как раз будет нечего делать! — предложил он.

Но я стоял на своем. Что, зря ночь просидел? Да после такого мне и к младшекурсникам было не жалко зайти! Только сначала нужно кое-что исправить.

— Опять из-за тебя травознание отменять! — всплеснул руками лекарь. — Знаешь, что? Пойду и я послушаю, что у тебя за уроки такие!

Я не противился — это было даже на руку. Теперь-то Дина свой пыл поумерит!

Когда я в третий раз появился на пороге кабинета, адепты ничуть не удивились. Кого-то, как соседку рыжей, "Бонджорно!" обрадовало, кого-то заставило огорченно вздохнуть. А кое-кто и глазом не моргнул.

— Напомните, на чем мы остановились вчера? — специально спросил я.

Все взгляды устремились на Дину.

— На "Пиноккио" Коллоди. Кажется, вы о нем ничего не знаете, как и обо всем остальном... — ответила та с оглядкой на Захара.

— Зачем же мне читать эту новомодную попку? Есть вещи, куда лучше передающие дух Италии! — с полной уверенностью заявил я. Дядька ни о каком деревянном человечке не слышал, а его вкусу я доверял. — Читали ли вы Боккаччо, поэзию Петрарки? Или, на худой конец, комедии Гольдони? А это и есть энциклопедия итальянской жизни! — процитировал я своего новоиспеченного учителя. — Поэтому не вводите других студентов в заблуждение! Ни за какими деревянными человечками по Италии не гоняются!

Щеки Дины налились румянцем. Захар, разделявший мнение рыжей, уставился на меня с открытым ртом. По кабинету проšli смешки.

— Разве нам есть, откуда брать эти книги? Если на ярмарке удастся что-то найти, это большая редкость, — выкрутилась она. — Вы же сами из столицы будете?

— Будем. А к чему вопрос? — не сообразил я.

— К тому, что вам не составит труда достать для нас совсем чуть-чуть книг. Чтобы мы лучше изучали ваш итальянский с французским.

— А что? Хорошая идея! — поддержал Захар. — Мы ж давно писали пану Корнею, чтобы учебники академии выделил, долго упрашивали и кое-как добились! А тебе точно есть, кому написать в столицу! Нам еще многое нужно! — свалилось на меня как снег на голову.

Судя по злорадной ухмылке Дины, попал я конкретно... А воодушевленный взгляд Захара только укрепил это чувство!

— Приму к сведению, — нервно кашлянул я. — Пожалуй, пора перейти к азам итальянского... Обещаю, если после моей лекции вы и не сойдете за местных в Италии, то явно там не потеряетесь!

Сказать, что это был мой звездный час, — не сказать ничего. Уже через некоторое время в стенах академии звучали не привычные заклятия, а заморские "дискуссии".

Особенно полны энтузиазма были младшекурсники. Они без умолку представлялись друг другу, а после урока отпускали вслед преподавателям "Buona giornata!", отчего те испуганно шарахались. Думали, за двойки их проклинаят!

Меж тем я намеревался выскочить из академии незамеченным. Но Захар как будто специально поджидал меня в конце коридора.

— Я ж тебе список книг не дал! — радостно сообщил он. — Пойдем-ка в учительскую, заодно план занятий обсудим...

— А может, потом? — бочком попятился к двери.

Но путь к побегу тут же отрезали.

— Да не переживай, мы ненадолго! — Лекарь поволок меня напрямиком под лестницу.

Когда Захар говорил, что им "еще многое нужно", я подозревал, что парой книжек мне не отделаться... Но когда он развернул список на полстола... у меня задергался глаз! Писали явно всей академией!

— Здесь только необходимое! — с честным видом заверил лекарь.

Я хотел возразить... но дверь вдруг приоткрыли. В каморку просунулось крайне негодующее лицо.

— Господин Готи, неужели! Я вас ищу! — Проществовав к нам, дама вооружила острый нос пенсе. — Объясните-ка, чему вы учите адептов? Только что один из них оскорбил меня!

— Позвольте узнать, как? — Я удивленно изогнул бровь.

— Несся за мной по всей академии с криком "Горбатая Ганна Петровна"! Как не стыдно! — Преподавательница притопнула каблучком. — Да у меня прекрасная осанка!

С этим я бы поспорил: женщина, которая уже присутствовала на злополучном новоселье, была не самой приятной наружности. Костлявая, скрюченная, во всем черном, с жиденькой косичкой за спиной... Издалека бы сошла за родственницу моего гоблина!

— Вас никто не оскорблял. Напротив, обратились очень вежливо! — усмехнулся я, понимая, о чем речь. — "Garbata" по-итальянски значит "любезная".

— Какой обидный язык! — сердито фыркнула Ганна и отвернулась от меня. — Бублики к чаю остались?

— Конечно! — Захар вдруг засуетился: галантно отодвинул ей стул и даже налил чай. — Ганночка, я ж варенье ваше любимое принес! Из груш! — Он вынул из ближайшего шкафчика банку.

— Захар, вы меня балуете! — переменялась в лице дама.

Решив никого не смущать своим присутствием, я двинул в сторону двери. Лекарь, пряча улыбку за усами, очнулся, когда я был уже на пороге.

— Стой! Ты ж не только на языках своих лялякаешь? Говорил, еще арифметику знаешь! — припомнил мне Захар. — Пускай адепты цифирью писать учатся. Не надо им каждый день языки читать, а то скоро речь родную забудут. Вон, как Ганну Петровну запугали! — При взгляде на особу он вновь улыбнулся. — Завтра с утра приходи, я тебе кабинет выделю. И про учебники, будь добр, не забудь!

Когда "напоминание" волочится у самых ног, при всем желании не забудешь!

Вернувшись в дом, я застал любопытную картину. Без меня тут никто не скучал! Особенно рогатая особь, придерживающая у лба полотенце.

— Я ж вас, хлопцы, послушал, прихожу и говорю ей "Ти амо, Солоха"... А она как с печки грохнется, как погонит меня веником с хаты! Ох и долго я кубарем катился... — расстроено хрюкнул черт.

— Не робкого десятка женщина, — сделал вывод Тильбо, подливая ему чай.

Дядька уже не мог сдерживать слез от смеха. Я тенью прошел в столовую и, положив перед троицей "маленькую" просьбу Захара, опустился на стул.

— Это че? — Черт одной левой развернул сверток.

— Учебники, которые я должен достать для академии! — испустил вздох я. — Придется писать в столицу! И после всего случившегося я даже не знаю кому... Тадеушу не до меня: уверен, он еще не все мои запасы прикончил. Остается лишь один вариант...

Три пары глаз впились в меня в ожидании.

— Писать деду.

Черт аж чаем поперхнулся.

— По-вашему, у меня есть выбор? — задумчиво подпер рукой подбородок. — Это довольно нагло с моей стороны, но я подумал... что, если рассказать ему обо всем, что я здесь сделал? Конечно, не без вашей помощи! — не стал обижать товарищей. — Да и сама просьба пожертвовать в провинцию книги звучит благородно! Может, он сжалится и пришлет за мной экипаж?

— Тю! — вскочил из-за стола черт. — Та кому ты мешаешь? Сиди у нас, скока влезет!

— Вообще-то, там мое наследство к рукам прибирают! — С тоской вспомнил свой особняк и с содроганием — поместье в Трансильвании. — К тому же в деревне я стал забывать, как выглядит нормальная жизнь!

— Глянь, какие мы нежные! — наморщил пятак рогатый.

— Пускай пишет, его право. Когда-то же он должен нас покинуть? — сказал Николя со странной грустью в голосе.

— Только у меня ни пера, ни бумаги...

— Мое перо тебе, увы, не поможет, — передернул плечами дядька.

Я выразительно посмотрел на черта.

— А че сразу я? Сам бы пошел поискал! — Нечистый поупирался пару секунд для виду. — Ладно! У Василя там че-то лежало...

Уже через несколько минут я с дымящейся чашкой ломал над письмом голову. Со стола на меня смотрел громоздкий список учебников. Из-за правого плеча выглядывал Гоголь, из-за левого — недовольно сопящий черт. Даже Тильбо одним глазком подсматривал.

— Многопочтенный? Нет, слишком официально... Дорогой? Слишком просто... Любезнейший? Тоже не то... — перебирал я. — *Милостивейший дедушка...*

Глава 29. Оксана, Оксана...

Глава 29. Оксана, Оксана...

Спустя несколько часов письмо наконец-то было написано. Сколько бумаги я перемарал... Мало того, что обращение к всемогущему дедуле и мои "слезные раскаяния" беспощадно правились (нужна была лучшая версия!), я ошибался в бесконечном перечислении гримуаров. Название многих заставляло задуматься, не надает ли мне по шею пан Корней. "Ключ царя Соломона" и "Книгу Черного Братства" Николая так вообще запретил произносить вслух, не то что в письме упоминать. А в списке они значились чуть ли не первыми...

Перечень сократился вдвое: что-то было под запретом, что-то Гоголь заменял на свой вкус. Добавив уже известную мне итальянскую классику и пару книжек Дюма, я заверил деда, что судьба сельских ребятишек мне небезразлична, и поставил жирную точку.

— Я уж думал, не разродишься! От чаёв на задний двор устал бегать! — обрадовался чертяка, прихлебывая которую чашку.

— Как можно отправить письмо? — поинтересовался я, не припоминая почтовой конторы поблизости.

— Только в Балдейкино чесать! Недельки через две дойдет... — прикинул рогатый.

— А ответ мне когда ждать? Через месяц?! — ужаснулся я. — Нет, так дело не пойдет! Может, тебе, черт, до деда моего слетать? Ты здесь самый быстрый!

— Не видишь, че ли? Не выездной я! — Нечистый убрал со лба полотенце, демонстрируя вскочивший третий "рог". — Да и не бывал я там никогда, места незнакомые...

Я окинул задумчивым взглядом троицу. Гоголю края наши были известны, но на роль почтальона ввиду своей призрачности он не тянул. Посылать Тильбо? Старый гоблин триста раз потеряется, пока доедет, а письмо требовалось доставить как можно скорее... И тут меня осенило — кое-кого ведь не хватало в моей "команде"!

— Стефан! Вот кому нечем заняться! — хлопнул себя по лбу. — Правда, я давно его не видел...

— Этот тот, что у вдовы Настасьи прописался? — смекнул черт. — Поди, про него все бабы судачили...

— Что успел натворить мой кучер? — насторожился я.

— Та ниче... — Рогатый потупил взгляд, и пятак его слегка покраснел. — Просто они из хаты носа не высовывают...

— Избавь меня от подробностей! — поморщился я. — Где эта Настасья живет?

Исколошматив всю дверь, я стал заглядывать в окна низенькой хаты, что стояла неподалеку от дома Чуба. Внутри было подозрительно тихо, словно там действительно кто-то прятался. Передние окошки оказались занавешены, и только через заднее, не задернутое до конца, я разглядел два силуэта.

— Давай в трубу залезу? — донеслось с крыши. — Работает без нареканий!

— Подожди ты, шорох наводить, — отмахнулся я, озираясь на дом Кузьмича.

— Та за этого не переживай, я ж ему бутылочку уже подсунул! Только вместо курочки вобла была. Курочка мне самому сгодилась... — довольно облизнувшись, черт потер руки.

— Сте-е-ефа-а-ан! — предпринял последнюю попытку, забарабанив в окно. — Я же знаю, ты там! Выходи, иначе...

— Да не кричите так, господин! — вынырнул из-за угла раскрасневшийся кучер, застегивая рубашку. — Что случилось?

— Ты должен доставить это письмо моему деду. Немедленно! — протянул ему самодельный конверт, запечатанный каплей воска. — Скакуна возьмешь в конюшне, если спросят — завхоз тебе во временное пользование выделил. Без ответного письма даже не возвращайся.

— А... как же?.. — Он перевел взгляд на окно, в котором шевельнулась занавеска.

— Забыл, что ты все еще мой слуга? — От захлестнувшего меня раздражения схватил его за воротник. — Я и так закрыл глаза на твои загулы, о которых судачила вся деревня! Может, не стоило?!

— Бу! — С крыши вниз головой свесился черт.

— Только не он! — взвизгнул Стефан и, зажмурившись, боязливо закивал. — Сделаю! Все сделаю, господин! Дня два-три туда и столько же обратно! Вы только Настасьюшку не трогайте...

Покосившись на немолодую женщину, подслушивающую нас за занавеской, я отпустил его.

— Сдалась нам твоя Настасьюшка.

Кучер шмыгнул обратно в хату — объясняться с дамой сердца. Черт же с чувством выполненного долга испарился — пошел на мировую к Солохе.

Я свернул на дорогу, погруженный в мысли о том, как буду паковать чемоданы... Потом вспомнил, что чемоданов у меня нет...

А потом и вовсе врезался в несущуюся навстречу Марусю!

— Пан... завхоз! — еле выговорила жена Котика, пытаясь перевести дыхание. — Где ж вы... есть? Никак до вас... не донесу!

— Что не донесете? — не понял я.

— Сегодня мы урожай пересчитывали, сколько и чего имеется. С одной картошкой не задалось — мало ее! Коль отдадим, сами впроголодь всю зиму будем! Поутру можно собираться в Балдейкино! — отчеканила она, обмахиваясь руками.

— Зачем? — на всякий случай отодвинулся, чтоб мне по голове не прилетело.

— Ну как, зачем?! — возмутилась Маруся, стирая пот со лба. — Думаете, пану от нас морковка нужна? Мы ж каждый сезон, как урожай наберется, на ярмарку едем и всю выручку ему посылаем. Отхожими работами нам заниматься нельзя, только то продавать, что на поле растет. Одни копейки нам достаются! — посетовала жена Котика.

— А кто, кроме меня, должен ехать? — спросил я, ничуть не расстроившись.

Уж лучше на ярмарке проветриться, чем арифметику выдумывать! Хорошо я считал лишь деньги, а в карманах моих давно было шаром покати...

— Та кому скажете, тот и поедет! — развела руками Маруся. — Но я всегда пригождаюсь! При мне и яблочка не своруют!

Избежать кандидатуры Маруси было невозможно. Дав волю народу (пускай едет тот, кто хочет, мне какое дело?), я поспешил ретироваться. Над селением уже собирались сизые сумерки, и вот-вот на пост, разогнав суетливую облачность, должна была заступить луна.

— Здорово, работничек! — догнал меня знакомый голос.

Я обернулся — Чуб как раз подходил к своему дому с противоположной стороны.

— Ты, конечно, молодец, что слово держишь... Да кто ж на подоконнике добро оставляет? — рассмеялся в усы Кузьмич, имея в виду подарок черта. — Наталка меня с утра чуть ли не прибила! Обожди минутку, она как раз еще не вернулась... Для такого только хорошая компания нужна! — Чуб юркнул в хату и уже через минуту присоединился ко мне не с пустыми руками.

А вечер обещал быть тихим...

— Ну и запашок! — отвернулся я, не сдержавшись.

— Воблочка! Да какая хорошая! — Кузьмич потряс связкой вяленой рыбы.

Права была Дина: если Чуб привязался, ни под каким предлогом не отстанет! Завалившись в мой дом, он принялся скорее расчехлять гостинцы. После прошлого раза я завязал с экспериментами, потому, вооружившись ножиком, учился чистить рыбешку.

— Знаешь же, что завтра наши на ярмарку едут? — начал с насущного Чуб. — Пан, когда уезжал, сказал Захару, что к началу октября мы его карманы пополнить должны. Летним сбором он остался недоволен...

— Надо так надо, — кивнул я, пробуя вяленую рыбу. На вкус оказалась неплохой, чаем запивалась хорошо.

— Вакула тоже снаряжается, у него ж теперь грамота есть! — довольно прочавкал старик. — Вроде и Андрийка, песий сын, ехать собрался...

— Чем тебе Андрийка не угодил? — ухмыльнулся без задней мысли.

Чуб тут же переменялся в лице и, скрутив рыбешке голову, процедил сквозь зубы:

— Он мне Оксанку попортил!

— Оксанку? — нахмурился я, припоминая пару слов, брошенных вскользь. — А-а-а, среднюю дочку? Ты о ней почти ничего не говорил.

— Что тут говорить! Позор на все село... — шмыгнул носом Кузьмич. — Два года назад случилась и у нее любовь на сеновале... Да только Андрийка этот, бугай лысый, жениться на девке моей не собирался! К чертям его! В пекло! — Он стукнул по столу рукой.

— Подожди... бугай лысый? — Перед глазами всплыла потасовка, случившаяся в первый день моего приезда. — А это не с ним я трактир перевернул? Тот сыр-бор из-за твоей Оксаны был?! — ахнул я.

— Из-за нее, голубоньки! Теперь она у меня носа не показывает! — в сердцах воскликнул Чуб. — А то, что ты парень неплохой, я с самого начала понял! Напрасно только с дидько лысым спутался... Но кто из нас не совершал ошибок! — Старик по-дружески хлопнул меня по плечу и снова заговорил о своем: — Зря я ее тогда за Вакулу не отдал... Хороший мужик, силищи в нем — ого-го! Завертелась рядом с ним та прохвостка, а Оксанка моя, дура, на ласковые речи другого повелась... И до сих пор, гад, отстать не может! Морду ему пора набить...

— Ты погоди горевать, Чуб. Ситуацию же исправить можно... — пораскинул мозгами я.

— Ну и как? — недоверчиво прищурился он.

— Вакула у нас тоже не первой свежести... — Завидев суровый взгляд, исправился: — Я хотел сказать, сам был женат! Уверен, прошлое Оксаны его ничуть не смутит! Люди нынче сходятся и расходятся, это в порядке вещей!

— Да куда уж там... — совсем потерял надежду мой новый приятель.

— Между прочим, завтрашним походом заведую я. И если я не захочу, никакой Андрийка на ярмарку не поедет, — вспомнил слова Маруси. — Решено! Берем Вакулу, берем Оксану и утром выдвигаемся в Балдейкино! Налаживать нужно не только торговлю, но и

личную жизнь!

Поначалу Чуб отмахивался, мол, два раза в одну реку не войдешь, былого не воротить... Но когда главный гостинец был опустошен, он уже охотно собирал своей Оксане приданое.

— Черевички красные... и бусы! Бусы! — бормоча, клевал носом Чуб.

— Вставай давай! Я тебе не Наталка — с утра не подниму! — пытался растолкать его я.

Раза с пятого таки получилось. Сжав кулак, Кузьмич потряс им на прощание в воздухе и, пошатываясь, поплелся по дороге. Я почти сразу услышал шелест ближайших к дому кустов. Пришлось бежать, поднимать горе-отца и под руку вести в хату к жене. Она-то его быстро в чувство приведет!

Вернулся я далеко за полночь. Во всем доме брезжила одна-единственная свеча, скупо освещая портрет Гоголя.

— Казалось бы, история — столь непредсказуемая вещь... Однако все в нашей жизни имеет свойство повторяться, — задумчиво произнес дядька, за вечер не проронивший ни слова.

Не придав этому значения, я прошел в спальню и в одежде повалился на кровать. Скоро петухи отсчитают ночь, и придется снаряжаться в путь...

29.2

Едва золотистые лучи пронзили горизонт, вся Чертова заводь стояла на ушах. Около чащи, через которую и предстояло ехать, собиралась галдящая толпа. Вовсю снаряжались телеги, подмазывались колеса, таскались набитые доверху мешки. Руководила процессом Маруся.

— От капусты избавляться надо, в отдельную ее укладывай! — кричала она своему Котику, еле держащемуся на ногах. — Сюда еще мешок с яблоками влезет!

— Ну и утречко! Все друг на друге! — нашелся в суматохе Чуб. — Оксанка, ты ж с завхозом нашим не знакома? Хороший мужик! Деятельный! — хлопнули меня по спине.

Обернувшись, я увидел черноволосую, необыкновенно хрупкую девушку. Большие карие глаза смотрели смущенно и растерянно. Тогда, в трактире, я не особо к кому-то приглядывался, тем более Оксана с места потасовки сбежала первой. Однако теперь я был удивлен, что Вакула предпочел Ингу, слава о ветрености которой уже в ту пору гуляла по селу. Оксана если и не превосходила чертовку, то нисколько ей не уступала.

Откинув тугую косу за спину, девушка потупила взгляд.

— Виделись мы...

Позади нас остановилась еще одна телега, и с облучка, словно выждав момент, спрыгнул Вакула.

— Ну что, пан завхоз, выдвигаемся? — спросил он и сразу переменялся в лице. — Здравствуй, Оксана...

Дочь Чуба, и без того взволнованная, залилась румянцем. Кузнец с непониманием покосился на приятеля.

— Стар я стал, чтоб в такую даль отправляться! Ярина сегодня при хате, Наталке помогает, а Оксанка совсем заскучала, света белого не видит! — нашелся с объяснением Чуб и ласково приобнял дочку за плечи. — Вот я и решил ее с собой взять!

Не поднимая глаз, чернобровая красавица кивнула и отвернулась. Мы с Чубом неутешительно переглянулись — совсем плоха девка!

Тем временем под строгим надзором Маруси заваливали капустой третью телегу. Две других заложили мешками со свеклой, морковью, перцем и яблоками.

Когда Вакула запрыгнул в свою повозку, забитую инструментами и коваными изделиями, я шепнул старику:

— Может, Оксану к нему посадить?

— Я все придумал, — заверил Чуб и, забравшись на передок первой телеги, подал дочери руку.

Во второй восседала Маруся, с которой в комплекте безоговорочно шел Котик. Ему нашли приспособление: под боком мужик держал две тыквы. Я должен был занять последнюю телегу, однако место рядом со мной все еще пустовало.

— Марко! — дернули меня за рукав.

Из толпы неожиданно вынырнула рыжая.

— Какими судьбами? — удивленно уставился на нее.

Кутаясь в серую шаль, Дина протянула мне конверт.

— Не мог бы ты отправить письмо из города? Почтовая контора недалеко от ярмарки,

можно пешком дойти. Адрес на конверте. Этого должно хватить. — Она вложила мне в ладонь пару серебряных монет.

— Для кого письмо? — уточнил я, хоть и сразу догадался.

— Для сестры... Она с весны не пишет. Я отправляла одно, но ответа так и не получила, — понизила голос рыжая. — Боюсь, стряслось что-то плохое...

Я хмыкнул, уж было приготовившись ее обескуражить... Но тут между нами втиснулась живая гора мышц.

— Смотрю, место у тебя свободно, — сплюнул лысый бугай, с которым мне довелось столкнуться ранее.

Чуб, выглянув из-за мешков, ругнулся сквозь зубы. И было это далеко не "песий сын"!

— Я пригожусь, телегу поведу, — самонадеянно заявил Андрийка, буравя взглядом Оксану.

— А место уже занято! — Схватил Дину за руку. — За телегу не волнуйся — я сам справлюсь!

— На кой там сдалась студентка? Пускай в академию обратно чешет! — огрызнулся здоровяк.

— Девушке, вообще-то, письмо отправить нужно. — Не обращая на него внимания, я посадил Дину на облучок. — Так что чеши-ка ты отсюда, Андрийка. Как раз найдешь себе занятие, — не удержался от колкости.

Правда, в следующую секунду Андрийка злостно ощерился, и я слегка пожалел об этом... Но боевой клич Маруси всех спас:

— Разойдись!

Телеги тронулись. Вскочив на повозку, я изо всех сил дернул за вожжи, и кобыла пустилась вслед за другими.

— А я действительно должна быть в академии... — вздохнула Дина, пряча конверт под шалью. — Надеюсь, обойдемся без экстрима?

— В этот раз у меня особо ценный груз, — отшутился я.

Дороги толком не было — сплошная ухабистая колея. Телега, заваленная капустными кочанами, натужно кряхтела. Вцепившись в вожжи, я кое-как сворачивал за всеми, боясь, что такими темпами приеду с пустым кузовом.

— Не знал, что у тебя есть сестра, — решил продолжить разговор, когда мы углубились в чащу. — Почему она не здесь?

Дина, отрешенно смотревшая на завесу деревьев, вздрогнула.

— Старшая... — отозвалась неохотно. — Захотела устроить свою жизнь в столице.

— И как, получилось? — не сдержал усмешки я.

— Я была уверена, что да. Каждый месяц, вплоть до весны, она даже посылала мне небольшие суммы, — зябко поежилась рыжая. — Первое время Ольга работала швеей и в письмах всегда указывала адрес мастерской. Но потом места получения стали меняться как перчатки. Видимо, она просто не сочла нужным сообщить свой новый адрес. И это письмо тоже уйдет в никуда...

Я впервые видел Дину столь опечаленной. Однако я не мог не открыть ей истину.

— А если я скажу, что с Ольгой все в порядке? И живет она припеваючи? — начал с хорошего.

— Хочешь подбодрить меня? — не поверила мне Дина.

— Если бы. Дело в том, что я здесь отчасти из-за твоей сестры.

Напряжение пронзило ее насквозь.

— Ты знаком с ней?

— Когда я проиграл в казино, Ольга была там. Что имя, что внешний вид выдавали в ней человека приезжего. Сначала я думал, что она всего лишь хочет завести со мной... знакомство, — сгладил некоторые подробности. — Но потом я стал чувствовать странное головокружение, как будто меня чем-то опоили. Под конец вечера ноги уже не слушались меня, я буквально не соображал, что говорю и делаю. При этом, я не был пьян, чтобы впадать в беспамятство. Кажется, такое может проверить колдовка?

— Врешь! Это была не моя сестра! — Рыжая со злости вцепилась в мой рукав.

Вожжи дернулись — кобыла начала замедляться. Я подхлестнул ее и на всякий случай уточнил:

— Она ведь блондинка с голубыми глазами?

Выражение лица Дины говорило само за себя.

— Все сходится. Она работает в столичном казино с не очень хорошими людьми, которые не прочь прибрать к рукам чужое состояние. Кстати, не только я пал жертвой твоей сестры. Мой друг, Тадеуш, однажды проснулся обобраным после ночи с ней. Правда, отделался купюрами и драгоценностями...

— Да как ты смеешь?! — вскипела Дина, и в следующую секунду звонкая пощечина обожгла мне щеку.

— Я сказал правду! — возразил оскорбленно.

Маруся с беспокойством обернулась на нас.

— Правду, значит?! — Рыжая, пунцовая от негодования, достала из-под шали письмо... и разорвала его. — Гадина! Она опозорила нашу семью! А я знала, что она рано или поздно влипнет во что-то! — разразилась гневной тирадой Дина. За нами уже тянулся след из бумажных обрывков. — Останови телегу! Больше мне в город не надо!

— Собралась идти одна по чаще? Делать тебе нечего! — Я лишь подстегнул лошадь.

— Знаю ее как свои пять пальцев! — запротестовала рыжая, пытаюсь отобрать у меня поводья.

Кобыла чуть ли не свернула не туда. Мое терпение было на исходе — женские истерики я на дух не выносил.

— Перестань! — Схватив ее за запястье, что есть силы сжал. — Думаешь, мне так хочется, чтобы академия тебе под горячую руку попала? Сядь! Ты едешь со мной в это чертово Балдейкино! Ясно тебе?!

Глава 30. Операция «Сватовство»

Глава 30. Операция «Сватовство»

Проглотив возмущение, Дина отвернулась и за всю дорогу больше не проронила ни слова. Воздух между нами потрескивал, словно перед грозой. Время от времени, когда колея выравнивалась, я с опаской поглядывал на рыжую, боясь представить, что творилось у нее в голове и что осталось не высказано... В такой тишине там не могло ничего не замышляться.

Когда справа мелькнул покосившийся указатель, я облегченно выдохнул. Телега в моих неумелых руках то и дело подпрыгивала на кочках, норовя опрокинуться. Первым к привратникам подъехал Вакула — он предъявил грамоту и после беглого осмотра повозки был пропущен. Маруся же не нуждалась в представлении и по одному взгляду прошла контроль за всех нас. Правда, старому привратнику мое лицо показалось знакомым и он хотел что-то спросить, но я сделал вид, что не заметил этого, и подхлестнул кобылу.

Наша делегация расположилась неподалеку от въезда на ярмарку. Вакула встал в соседнем ряду — он не только собирался продать уже готовые изделия, но и взять пару заказов. Народ начинал стягиваться на торг: пригоняли повозки, ставили палатки с товаром. Мы не отставали: Маруся ворошила каждый мешок, перекладывая наверх отборные экземпляры, нерадивый Котик распрягал лошадей, Чуб с Оксаной расставляли вдоль телеги найденные в залежах тыквы.

А Дина... Дина решила улизнуть.

— Уже заскучала? — поймал ее за локоть.

— Пойду в почтовую контору, напишу письмо родителям. Чтоб на порог эту бесстыдницу пускать не смели, когда ее из столицы погонят! — Вырвавшись, она опрометью бросилась прочь.

— Придержи коней! — Я припустил за Диной по ряду. — Кто же о таком пишет?!

Но рыжий метеор оставался непреклонен.

— Да подожди ты! — Дернул ее за кончик шали. — Лучше помоги нам с Чубом...

Дина, резко затормозив, обернулась на меня явно не веря своим ушам.

— С Чубом? Когда это вы успели поладить?

— Яблоко раздора съедается гораздо проще, когда есть, чем запивать, — намекнул я на пристрастия старика.

— И с чем нужна помощь? — все еще с подозрением в голосе спросила рыжая.

— Мы хотим Оксану с Вакулой свести.

— Вам что, заняться нечем? — Дина не сдержала смешок.

— Почему нечем? Напротив, Чуб обеспокоен судьбой дочери! У Оксаны ведь не задалось с этим Андрийкой, который не захотел брать ее замуж, а у Вакулы не сложилось с Ингой. Как тут не поспособствовать счастью двух одиноких сердец? — Прямо почувствовал себя преуспевающей свахой! — Тем более когда-то Чуб хотел выдать среднюю дочь за Вакулу...

— Помню, — сдалась Дина. — Инга говорила, что Вакула долго Оксану вспоминал...

— Тогда зачем он эту проходимку взял в жены? — озадачился я.

— Инга соперниц не любила. Уж если на мужика какого-то глаз положит, пиши пропало. До последнего добивалась, чтобы все под ее дудку плясали, — фыркнула Дина, с неприязнью вспоминая бывшую подругу. — Только чем я вам помогу?

— Может, чарами? — Я выглянул из-за палатки с медом, загораживающей обзор. К Вакуле уже подходили люди. Чуб косился в его сторону, не предпринимая никаких действий.

— Колдовство любви — враг, а не помощник, — категорически заявила Дина и продолжила путь.

— Пускай у них хотя бы дорожки чаще пересекаются! — вспомнил рогатого, заведующего местным дорожным движением.

— Всё должно быть от чистого сердца, — отвергла предложение Дина, но все-таки остановилась. — Одно только сделать могу, из жалости к Вакуле. Оксане бархатцы, кажется, нравились. Однажды он их для нее достал и как раз собирался подарить, но на пути Инга попала. Прикинулась дурочкой, мол, это мне? Мои любимые цветы!

— Сельские страсти, — качнул головой я.

— Смейся-смейся, да только Оксана это увидела! — хмыкнула рыжая. — По ярмарке целыми днями расхаживает торговка цветами. Раз уж мы здесь, я прогуляюсь до лавки чародея. По пути разыщу ее и скажу, чтобы направлялась к вам. Если Вакула захочет, он обязательно сделает так, чтобы на сей раз подарок попал в те руки.

Не успел я и глазом моргнуть, как Дина исчезла в толпе. С каждой минутой на ярмарке прибавлялось людей, а на пустовавших местах вырастали новые палатки. Протиснувшись между желающими отведать меда, я завернул к телегам и застал приличную очередь.

— Капустка хрустящая, сочная! Яблочки наливные, сладенькие! Подходи, бери! Если с капусткой вместе возьмешь, отдам за полцены! — голосила без разбору Маруся.

— Смотрю, торговля идет. — Я подошел к Чубу. — Да и Вакула без дела не сидит.

— Никак отвлечь его не могу! — пожаловался старик. — Оксанка места себе не находит... — кивнул он на дочку, съезжившуюся на жерди повозки.

Видя, как кузнец мечется между приемом заказов и любопытствующими покупателями, я смекнул, что нужно сделать.

Торговка цветами доползла до нас, когда Оксана уже битый час помогала Вакуле записывать заказы. Их оказалось куда больше, чем ожидал кузнец. Сначала девушка делала это неохотно, боясь лишней раз поднять глаза, но чем дальше она находилась в его компании, тем разговорчивее становилась. А когда Вакула купил ей букет огненно-красных бархатцев, которые торговка так активно предлагала, Оксана и вовсе просияла. Бледное личико приобрело нежный румянец, да и сам кузнец уже не казался таким хмурым. Довольный Чуб подумывал пригласить Вакулу на ужин, я же готовился считать выручку. Нераспроданными остались лишь два мешка...

— По глазам вижу, хризантемы понравились! — пристала ко мне настырная торговка.

— Мне ничего не надо, — отмахнулся я.

— Нет, надо! — Она всучила мне цветы. — Я ради вас с нагретой точки ушла! Там бы у меня за час все раскупили, так что компенсируй! — Женщина даже не думала сдвигаться с места.

Нехотя оглянулся на Марусю — та как раз отбирала морковь покупателю, стоя к нам спиной. Незаметно вынув из раскрытой мощны пятак, протянул торговке со словами:

— Этого достаточно?

— Пойдет! — Цепкие пальцы мигом спрятали вознаграждение в карман фартука.

Если у цветов были глаза, то только что мы обменялись самыми что ни на есть

непонимающими взглядами! И куда теперь девать веник?..

— Когда отчаливаем? — раздался позади голос рыжей.

Кажется, придумал!

— Это тебе! — выпалил я, протянув хризантемы Дине. Не пропадать же добру! Тем более купленному на казенные деньги!

— Разве есть повод? — опешила она.

Как там черт говорил, когда с букетиком васильков меня отправлял?

— Для настроения! Тем более сегодня я его тебе испортил...

Несколько секунд мы молча моргали, глядя друг на друга. Я сам слегка оторопел! Вот уж не думал, что когда-то снизойду до подобного...

— Спасибо... — Дина осторожно взяла цветы и вдруг робко улыбнулась.

В этой улыбке было что-то такое... отчего мне самому на удивление стало приятно.

— Э-ге-гей! — Чуб, светясь от радости, легонько стукнул меня по плечу. — Представляешь, упробил-таки Вакулу прийти к нам вечерком! Поначалу смущался, отнекивался, мол, работы набралось... но на Оксанку-то посматривал! — Старик оглянулся на дочку, которая помогала кузнецу подсчитывать выручку. — В общем, как вернемся, через часик-другой Наталка стол накроет! Только я вот чего подумал... — Кузьмич потер усы. — Не спугнуть бы нам Вакулу. Еще подумает, что я его к Оксанке свататься раньше времени заставляю! Приходи-ка и ты, пан завхоз, для отвода глаз. Все-таки без тебя бы дело не спорилось! — Тут Чуб заметил Дину, стоящую за моей спиной с букетом в руках. — Ох ты ж... чего сразу не сказал? И спутницу свою заодно бери!

30.2

"Спутница" моя после такого и вовсе язык проглотила. Всю дорогу она переводила взгляд с меня на хризантемы и обратно. Казалось бы, на что способны захудалый букет и приглашение на ужин? Но от былой вредности не осталось и следа! Даже складки между грозно сдвинутых бровей разгладились! Впрочем, отказываться от компании Дины я не собирался — всяко лучше, чем просто сидеть и смотреть, как Чуб окручивает будущего зятя.

Вернувшись в хату, первым делом пересчитал купюры. Учитывая, что пан жаловался на убытки, сумма должна была порадовать. Маруся еще на ярмарке отобрала мелочь в награду честно трудившемуся народу, а остальное велела отдать Захару. Именно лекарь заведовал высылкой денег пану — для этого он раз в несколько месяцев навещался в почтовую контору.

Купюры, приятно шелестящие в руках, натолкнули на логичную мысль... В самом деле, я давно ходил как оборванец, не имея сменной рубашки! Туфли так вообще вот-вот должны были продырявиться... Почему бы не съездить с Захаром в город и не прикупить себе хоть что-то?

— Даже не думай, — донеслось с портрета. — Казнокрадов и без тебя весьма порядочно будет.

— Но я заслужил! — Почувствовав укол жадности, аккуратно продвинул банкноту в рукав. Хоть в карты я проигрывал часто, кое-какие фокусы провернуть мог.

— Позволь спросить, чем? — с издевательскими нотками в голосе спросил дядька.

— Вообще-то, на ярмарку ездили под моим начальством! — с важным видом заметил я.

— То, что ты рядом постоял, тебя начальником не делает. Не твоими стараниями урожай взрастил, не твоими стараниями продан. — Николая выглянул из своего кресла. — Так что, голубчик, вынимай из рукава купюру. Шулер ты, может быть, и ловкий, но меня так просто не проведешь!

Глазастый, зараза! Пристыдить решил! Ладно, они ведь полежат у меня до завтра... Возьму, прежде чем отдать Захару.

— Еще похитрить вздумай! — надзирательно прозвучало вслед.

— Мысли, что ли, читаешь? — с недоумением обернулся.

Но Гоголь уже как ни в чем не бывало слился с портретом. Только глаза едва заметно сверкнули в качестве предупреждения.

Время неумолимо близилось к вечеру — нужно было выдвигаться к Чубу. Так как выбором я был обделен, накинул для приличия сюртук, нашедшийся в шкафу. Краем глаза заметил бирюзовое платье, которое так и не отдал Дине. Настал подходящий момент — я еще успевал к рыжей, чтобы вконец ее обескуражить. Зря, что ли, черт швейную мастерскую проредил?

По пути к общежитию мне, как назло, только ленивый не попался! Все — от мала до велика — заискивающе здоровались, а девушки так вообще испепеляли взглядами платье. Сминать его было жалко, прятать — некуда, а потому избежать любопытства я не мог.

Окно Дины оказалось запечатано. Заметив букет белых хризантем на подоконнике, я не сдержал раздраженный вздох. То, что все успели его увидеть, не поддавалось сомнениям. Такими темпами уже завтра стены академии загудят от слухов! Неужели Дине это было

нужно?

Озираясь по сторонам, я тихо постучал по створке. Рыжая откликнулась почти сразу.

— Марко? — удивилась она, на ходу собирая волосы в низкую прическу. — Я еще не готова...

Из угла высунулась ее подружка — та самая, которой мои занятия нравились больше всех. Но, судя по недовольному выражению лица, только что это достижение было утеряно.

— У меня для тебя кое-что есть. — Я положил платье на подоконник.

За спиной рыжей громко ахнули.

— Это еще зачем? — Дина боязливо притронулась к жемчужной россыпи.

— Ну а в чем тебе идти на ужин? Тогда, на новоселье, не очень хорошо получилось... — пробормотал сконфуженно. — Я тебя тут подожду, все равно делать нечего.

Дина, до сих не веря своим глазам, кивнула и, задернув занавеску, юркнула обратно в комнату.

Ощущая странное волнение, я стал мерить шагами двор. Проходящие мимо адепки то и дело оборачивались, с подозрением перешептываясь. Навернув пару кругов вокруг общежития, я уж было хотел напомнить о себе, но тут моего плеча легонько коснулись.

В первые секунды меня взяла такая оторопь, что я усомнился в том, кто передо мной. Платье не просто сидело на Дине, как влитое, но и создавало вокруг нее притягательный ореол. Очередная проделка черта?

— Точно по мне шили! — Рыжая, любуясь собой, покружилась. — Где ты его достал?

— Не я. Рогатый. Летал по моей просьбе в город... — Даже приосанился. Теперь я на ее фоне выглядел деревенским замарашкой!

— Оно великолепно... Чего только стоит жемчуг на рукавах! — На припудренном личике вспыхнул румянец, а губы расплылись в улыбке. — Ну что, пойдём?

Манеры, давно позабытые и никому здесь не нужные, вдруг всколыхнулись. Сам того не ожидая, я подставил Дине локоть, готовясь сопроводить ее на званый вечер.

— Оксанка! Краса моя! — позвал дочку Чуб, заняв место во главе небольшого стола.

Несмотря на размеры дома, у старика было довольно уютно: чистенькая задняя хата с расписной печкой посередине, кухонный уголок, огороженный занавеской, и передняя за дверью, в которой наводила марафет Оксана. Младшая уже сидела с нами, допытывая Дину.

— Как у твоей сестры получилось остаться в столице? Чем она занимается? Может, и я смогу? — не теряла надежды Ярина.

Дина сердито покосилась на меня. Я подавил смешок. Знал бы Чуб, о чем речь...

— Сколько тебе лет? — прервала трещотку рыжая.

— Шестнадцать стукнуло, — ответила она, собираясь вставить новый вопрос...

— Рано тебе о таком думать, — отрезала моя спутница и уткнулась в тарелку.

— Вот и я ей говорю! — всплеснул руками Чуб и вновь прочистил горло. — Оксана! Никак перед зеркалом не накрусишься?!

Вакула заметно нервничал. Дине тоже испортили настроение. Один я чувствовал себя героем комедийного этюда!

Наталка, женщина круглая и румяная, словно пышка, заканчивала накрывать стол. Все было довольно скромно, но аппетитно: блюдо с варениками, пару тарелок с соленьями, сало с гренками и картофельная запеканка, а на десерт — маковые коржики.

Когда она отлучилась за еще одной банкой компота, Чуб вынул из-под стола пузырек и

плеснул в стакан пару капель.

— Будешь? — протянул он Вакуле.

— Что ты! — мотнул головой тот.

— От молодец! — усмехнулся старик, пряча секретную склянку обратно под стол.

Дверь передней наконец открылась — Оксана соизволила выйти. Всё было при ней: и бусы, и серьги, и нарядный сарафан, и черевички — красные! Вакула был сражен в самое сердце и сразу засуетился вокруг красы. Чубу это польстило — он хитро подмигнул мне.

Пришла Наталка — застучали вилки. Я не отставал от Вакулы. Раз уж все думали, что я здесь с дамой, должен был соответствовать. То блюдо ей придвину, то компота подолью... Чуб, меж тем веселея на глазах, успел перебрать тостов двадцать и даже умудрился накапать добавки в стакан. Жена явно подозревала, что дело далеко не в радости за дочку, и подозрение это укрепилось после громогласного:

— Наталка! Тащи баян!

— Пап, а может, не надо? — покраснела Ярина.

— Давно он у меня без дела стоит! А душа-то молодость вспомнить просит! — Старик по-родственному обнял кузнеца, потягивая компот.

Наталка аж подпрыгнула со злосчастливым баяном. Оксана прикрылась ладонью, понимая, что папка старается ради нее и отвертеться не выйдет. Так-то и я не горел желанием помянуть молодые годы, потому решил ретироваться:

— Отлучусь на минутку.

Выйдя из хаты, запоздало понял, что забыл на стуле сюртук. Возвращаться было нельзя — шальная гармонь уже заиграла. Завидев около дома покосившуюся лавчонку, присел на нее. Небо затягивало хмарью, прохладный ветерок шелестел пожелтевшими кустами и кронами деревьев, неся с собой дождь. Луна то обнажала бок, то вновь заходила...

Дверь хаты внезапно скрипнула. Я обернулся на быстрые шаги — это была Дина.

— Ты забыл. — Она протянула мне сюртук, подрагивая от ветра.

— Я еще не ухожу, — покачал головой. — Лучше сама надень.

— Разве тебе не холодно? — нахмурилась рыжая.

В ответ я улыбнулся, обнажив клыки.

— Надо же, совсем забыла! — рассмеялась она и, закутавшись в сюртук, села рядом. — Все вокруг говорят "Столица, столица...", мечтают туда попасть... — осторожно начала рыжая, подбирая слова. — А какая она, эта столица, на самом деле? Как там устроена жизнь? Сестра мне толком ни о чем не писала, да и обрывки из газет — всего лишь сухие факты.

— Разгульная. Беззаботная, — честно признался я. — В то же время обманчивая и опасная. Сегодня ты на коне и можешь позволить себе всё, а завтра — обобран и всеми забыт. Мне это известно как никому другому.

Дина вздохнула.

— Но вернуться все равно хочется?

— Было б куда! — фыркнул я, представляя, как Милош и Зоран хозяйничают в моем особняке. — Конечно, там удобства, к которым я привык... Да и жить намного проще, когда рядом дедушка, способный решить любую проблему.

— У вас в семье всем дед заведует?

— Больше некому. Мой дядя не претендует на власть и помогает ему время от времени.

А дальним родственникам есть, чем заняться, — объяснил я.

— Твои родители не принимают участия в делах? — слегка озадачилась рыжая.

— Они давно переселились в склеп, — отшутившись, поспешил сменить тему. — Вчера я отправил письмо деду с раскаяниями и просьбой прислать за мной экипаж. Про книги тоже не забыл — думаю, он отпишет часть из своей библиотеки.

Дина резко переменилась в лице. Дыхание ее стало тяжелым, прерывистым.

— Значит, ты скоро уедешь...

— Если Стефана ничто не задержит, то через неделю, — сказал я, приняв это за вопрос.

Луна вовремя вышла из-за тучи — я увидел, как странно Дина смотрит на меня. В мягком полумраке она показалась мне особенно утонченной. Локон, выбившийся из прически, красиво спадал на ее лицо. Губы заалели и слегка припухли...

Я даже не понял, как это произошло. То ли я потерял голову, то ли Дина первой подалась вперед, впившись поцелуем...

— Ехал парень дальнею-ю-ю дорого-о-ой, заглянул погреться в хуторо-о-ок... Оксанка, подпевай!

Глава 31. Сердцу не прикажешь

Глава 31. Сердцу не прикажешь

Я инстинктивно притянул к себе Дину. Сердце ее колотилось столь бешено, что вот-вот должно было выпрыгнуть из груди. В искусстве обольщения рыжая мне уступала, но как сладки, как нежны оказались ее губы... Мама мия, я забылся! И никакие песни, доносившиеся из открытого окна, меня не смущали.

— Нет! — Дина отпрянула. — Это какое-то... сумасбродство!

— Что плохого в одном безобидном поцелуе? — скрыл за глупой улыбкой легкое волнение.

Я не отпустил ее — лишь слегка разжал пальцы, но этого оказалось достаточно. Дина буквально выпрыгнула из кольца моих рук и, скинув сюртук на землю, попятилась.

— Я не должна была... — Она убрала непослушную прядь за ушко. — Это... неправильно!

Я хотел было остановить ее испуганный порыв, но Дина оказалась шустрее.

— Стой! — опомнился, глядя ей вслед. — Давай я тебя хотя бы провожу...

Но Дина, не оборачиваясь, только прибавила шагу. Ночное светило спряталось за тучу, и тьма поглотила героиню моего вечера...

Она сбежала.

Теперь и мне здесь было не зачем оставаться.

В хату влетел с такой скоростью, что о порог запнулся. Будто ветер толкнул меня в спину!

С оглушительным топотом пройдя в столовую, я навис над столом. В глазах дядьки застыл немой вопрос.

— Я ее поцеловал... Или это она меня поцеловала? — решил облегчить душу. — В общем, мы с Диной поцеловались!

— Позволь спросить, к чему мне эти интимные подробности? — осерчал Николая.

— Не-не, продолжай! — хрюкнули из печки, и в следующую секунду заслонка с грохотом отъехала на пол.

— Вынужден тебя огорчить! — вскинул бровь, глядя на высунувшуюся морду. — Она сбежала! Сказала, что всё это неправильно...

— Ну, после такого только жениться! — Черт, почесав пятак, громко чихнул. — Правда, че ли? Интересно девки пляшут...

— Издеваешься?! — аж поперхнулся. — Я понятия не имею, как это произошло! Сидели на лавке, разговаривали, пока Чуб с Оксаной отплясывали душевную народную...

— Отнекивайся! Развратил девку — женися! — гад откровенно потешался надо мной.

— Сейчас в трубу обратно вылетишь! — сорвался к нему с кулаками.

— Э! Я же шутя! — Тем не менее заслонку подобрал и, прикрывшись ею, затих в печи.

— Не до шуток мне! — окончательно растерял контроль я.

— Ты глянь! За живое, что ль, задела? — квакнули в печке. — Таки не все потеряно...

Больше не говоря ни слова, я громыхнул дверью опочивальни. Думать о том, что уже утром мы с Диной снова увидимся в академии, мне не хотелось, но, как назло, голову занимали только эти мысли. К ним примешивалось и полное неги чувство... Словно не было

в моей жизни поцелуя нежнее и искреннее, чем этот.

— Бр-р-р! — Я замотал головой, пытаюсь отогнать воспоминание, и накрылся одеялом до самых ушей.

Сон не шел. Капли дождя отбивали по окнам какой-то ужасающий марш, в печной трубе завывал, посвистывая, ветер... А может, это черт, затаив обиду, решил так "скрасить" ночь.

Когда предрассветный стылый сумрак поднял меня с кровати, я незамедлительно оделся и, прихватив деньги, направился к Захару. Предварительно спрятал в карман две купюры по пять, хоть и догадывался, что Гоголь прознает о моей шалости...

Дождь взял паузу, но ветер не утихал, трепля полы сюртука и спутывая пряди волос. Вскоре я уже добрался до пригорка, на котором стоял дом лекаря, вернувший прежний облик благодаря черту. Поднявшись, постучался. Послышалось шарканье, и из хаты высунул нос еще сонный Захар.

— Чего это тебя спозаранку нелегкая принесла?

— Хотел отдать выручку с ярмарки, — протянул ему купюры. — Ты же в город сегодня собирался?

— Кто ж через порог передает? Заходи давай! — Лекарь сильнее распахнул дверь, пуская меня в сени. — Да вот собирался... но погодка не балует!

— Поехали вместе! — вцепился ему в рукав.

— Шутишь? — наморщил лоб Захар и принялся пересчитывать деньги. — Я ж тебя за главного в академии оставить хотел!

— А я сегодня не в том расположении духа. Спал плохо, — не скривил душой я.

— Девяносто... — перебил Захар, с подозрением косясь на меня. — А их случаем не сто было?

— Может, и было, да только Маруся на нужды селения часть забрала, — вспомнил любимую фразу местных.

— Ну началось в колхозе утро... — неутешительно вздохнул лекарь. — Ладно! Поехали до города! Еще неизвестно, на сколько непогода затянется. Только в академию сначала заскочим — надо им теперича другой распорядок дать.

Телега, запряженная дохленькой кобылкой, остановилась у терема. Как только Захар скрылся за дверями, я стал оглядываться. Адепты прибавлялись с каждой минутой. Среди них я боялся увидеть рыжую шевелюру...

Занятия вот-вот должны были начаться, но Дины все не было. Когда лекарь вернулся, я не почувствовал радости. Напротив, испытал укол досады. Может, что-то случилось?

— Ты про учебники не забыл? — напомнил мне Захар, взявшись за вожжи.

— Уже написал и даже успел отправить письмо, — кивнул я.

— Ну, тогда поехали с чистой-то совестью! — подстегнул он кобылу, и телега, ухнувшись в глубокую лужу, закрипела колесами.

Всю дорогу я клевал носом на облучке. Несколько раз чуть ли не свалился в грязь, но был разбужен подпихиванием в бок или каплями воды, спадавшими с мокрых деревьев. Через пару часов мы, миновав ярмарку, въехали в знаменитое на всю округу (за неимением выбора) Балдейкино. Назвать это городом было тяжело... С таким же успехом можно было выдать сельского черта за столичного аристократа! Улицы усеивала разбитая брусчатка, с домов, в основном двухэтажных, осыпался кирпич. Я с трудом различал, где здесь тротуар, а где проезжая часть! Захудалые брички перемешивались с такими же, как наша, телегами, а

между ними петляли люди. Кто-то даже не доходил до ярмарки — прямо в окна пассажирам протягивали то булку хлеба, то букетик. "Жизнеутверждающую" картину приправляли запахи отходов, выливаемых и выбрасываемых прямо на улицу. А венчало ее душераздирающее пиликанье на скрипке, которое сопровождало:

— Пода-а-айте на пропита-а-ание!

— Развелось бродяг! А ну, с дороги! — пригрозил скрипачу в лохмотьях лекарь.

По правой стороне мелькнула нужная мне вывеска.

— Останови у швейной мастерской? — попросил я Захара. — Ты поезжай дальше, а я пока здесь прогуляюсь. На обратном пути меня подхватишь.

— Та мне самому вон туда! — ткнул он в огромную очередь, буквально оккупировавшую полдороги.

— Это все — письмо отправить?.. — ахнул с непривычки.

— Кому отправить, кому и жалование получить, — пожал плечами лекарь и остановил телегу. — Ну, бывай! Часика через два свидимся!

Спрыгнув на брусчатку, я припустил в серое здание, на первом этаже которого и расположилась мастерская. Стоило открыть дверь, как над головой дзынькнул колокольчик и три консультантки изучающе уставились на меня. Еще одна девушка, портниха, сидящая за швейной машиной, высунулась из-за шторки.

— Разрешите помочь? — засуетилась старшая из консультанток.

Я бегло осмотрел зал и, сам того не ожидая, выцепил манекен, запрятанный в дальний угол и одетый в вещи... подозрительно похожие на мои! Сорвавшись с места, я подлетел к нему и стал осматривать каждый сантиметр. Вот моя рубашка с жабо и пышными рукавами... На левом даже сохранилось пятнышко от соуса, поставленное на дне рождения дяди! Вот брюки в полоску... И шикарное темно-зеленое пальто с пелериной! Теперь понятно, с какой целью сюда заявлялся гад рогатый... Платье ему просто под руку подвернулось!

— Падла какая... — стиснул зубы я.

Девушка ойкнула, видно, приняв ругательство на свой счет.

— Как к вам попал этот комплект? — прошипел я, еле сдерживая негодование.

— Кажется, немолодой господин его на неделе сдал... — неуверенно ответила консультантка. — Выглядел очень благородно, хотя почему-то был укутан по самые глаза. Наверное, не хотел, чтобы его узнали... К нам иногда жалуют артисты из других городов. Многие из них соблюдают правило не надевать одну вещь дважды.

Знавал я того артиста... В печке у меня сегодня сольный концерт давал!

Опустил глаза на цену — там значилось три золотых. Как... дешево за него хотели!

— Этого достаточно? — Отдал девушке купюры. — Я покупаю комплект целиком.

— Конечно, господин. — Она махнула напарницам, стоящим без дела. — Сейчас же вам все упакуют.

Я стал разгуливать по залу с еще большим интересом — вдруг снова выйду на след? В модной лавке, развернутой при мастерской, было на что посмотреть. Платья здесь шили по столичным стандартам, даже несмотря на использование тканей попроще. Мужские сюртуки тоже отшивали по последнему писку моды, не боясь клетки. Дойдя до женской верхней одежды, я остановился около изысканного салоп, подбитого беличьим мехом. Просили за него, между прочим, как за мой костюм! Однако рядом с ним висел салоп дешевле, но ничуть не хуже: не на меху, но на подкладке, облегченный, с бархатным

отложным воротником. Тут мне вспомнилась сношенная шаль, в которую куталась Дина. Между жадностью и совестью разыгралась нешуточная борьба. С минуту я переминался с ноги на ногу. Рубашка точно была нужна — старая давно пожелтела. У брюк тоже оттянулись колени, да и одно место зазорно протерлось. А вот сюртук... пострадал меньше всех.

Комплект уже почти упаковали, но это не помешало мне остановить девушек.

— Позвольте, я возьму вместо пальто вот этот салоп.

Выйдя из швейной мастерской, я завернул на соседнюю улицу. Движение тут было менее беспорядочным, и я мог осмотреться, не боясь попасть под колеса. Захолустный городишка не баловал местами для посещения — швейная мастерская была едва ли не самым приличным из них. На углу стоял парикмахерский салон, до сих пор именуемый цирюльней. Напротив него размещалось низкое здание с козырьком — лекарская лавка, двери которой не закрывались. То мимо пробежит девушка с горланящим младенцем, то прошаркает старушка... А то и вовсе из ниоткуда вынырнет подозрительный тип со сдвинутым на лицо котелком. Горожане здесь были все как один хмурые и легко признавали во мне заезжего. Некоторые косились на сверток с одеждой так, что приходилось ускориться. Не ровен час прямо при свидетелях пришибут!

Я нырнул в ближайший к почте переулок и неожиданно встретился лицом к лицу с...

— Вакула?

— Пан завхоз? — растерянно заморгал кузнец, пряча что-то за спиной. — Вот так встреча!

— Какими судьбами? — Я вытянул шею в попытке хоть что-нибудь разглядеть.

— Та я ж... та тут... — ничего не придумав, Вакула сдался. — Я в москательную лавку приехал... за красками. — Он повертел в руках деревянную коробочку с акварелью. — Дорогие, зараза! Ну, ничего, я над заказами сегодня попотею...

— Художником решил сделаться? — ухмыльнулся я. — Или так, для души?

— Для Оксаны... — мечтательно вздохнул кузнец. — Портрет ее намалевать хочу. Я ж, когда парубком был, каждый день малевал... То на холм пойду, то в поле спущусь, то мамку свою у холста посажу. Но куда там мне до моего батьки! Он-то слыл лучшим малевальщиком в околотке! — с гордостью поведал Вакула. — А ты тут по делу какому?

— С Захаром приехал, выручку с ярмарки пану отправить. Вот, жду его... — Оглядевшись по сторонам, с удивлением обнаружил знакомую телегу, проехавшую мимо переулка. — Легок на помине!

Я уж было хотел догнать лекаря, да только вспомнил про приобретенный багаж... Решение само пришло в голову.

— Мне тут помощь нужна... даже жизненно необходима! — не соврал я. — Ты бы не мог взять этот сверток и завезти его ко мне? Решил подарок Захару сделать, да только он не должен раньше времени узнать!

— Не вопрос, — кивнул Вакула, и я, не теряя времени, вручил ему обновки.

Сам же бросился вслед за лекарем — он уже порядком отъехал отсюда. Выбежав на дорогу, я чуть ли не угодил под бешено несущийся экипаж, столкнулся с весьма объемной дамой, споткнулся о кусок развороченной брусчатки, но все-таки догнал его.

— Стой! — крикнул, переводя дыхание.

Захар натянул поводья.

— Ты откуда нарисовался? Полежай давай!

— Прошелся по здешним лавкам, — отмахнулся я, забравшись на жердь. — Быстро ты управился!

— Буду я ждать, пока они назеваются и закорючку поставить соизволят! Пришлось в обход очереди идти! — Воинственно настроенный лекарь вдруг вытащил конверт из кармана жилета. — Я ж иногда письма забираю, если кому кто строчит издалека. Редко приходится — мы, в основном, от пана нашего весточки получаем. Но вот сегодня мне вручили такое письмо... Для Дины.

Не спрашивая разрешения, выхватил у него конверт. Адрес, который я узнал, заставил меня дрогнуть.

Это был адрес моего особняка.

А в отправителях какого-то черта значилась Ольга!

— Не может быть... — прошептал я, ощущая, как пересыхает во рту от волнения.

Мне было плевать, что скажет Дина. С легкостью надломив сургуч, я заскользил глазами по строчкам, выведенным убористым почерком.

— Ты что делаешь? Не тебе ж пишут! — возмутился лекарь, но я осадил его.

— Не мешай!

"Дорогая сестрица!

Искренне прошу прощения за то, что так давно не писала... Иногда обстоятельства сильнее нас. О том, что со мной произошло за последние месяцы, я не могу сообщить так, в письме, однако жизнь моя наладилась. Больше я не работаю швеей — я стала вхожа в высшие круги. Теперь ты по праву можешь считать меня светской дамой, коротающей вечера на балах. Я встретила одного замечательного господина, который обеспечил мне мой новый статус. Быть может, когда-нибудь и ты познакомишься с ним... Большого сообщить не могу — закончу на столь заманчивой ноте. О твоём содержании не забыла, сумма в конверте покрывает все месяцы моего молчания.

Ольга".

Еле сдержался, чтобы не смять его. Последняя надежда, что теплилась все эти недели, угасла. Если раньше я верил, что дед не сделает этого, то сегодня сомнения безжалостно отсекали.

Мой особняк отдан этим подлецам.

Конюшня с лучшими скакунами, коллекция оружия, подаренная дедом на прошлый юбилей, антикварная мебель...

Все досталось им!

— Да провалитесь вы все! — сгоряча выпалил я. — Ненавижу!

— Тише, тише! — испугался Захар. — Мне ж в очереди то же самое кричали...

Весь обратный путь я сидел как на иголках. Мир окончательно рухнул. Надеяться на поместье в Трансильвании было бессмысленно — продав мой особняк, его сохранили не для меня. Просить еще одну недвижимость у деда я не мог. Напрашивался только один вывод...

Они хотят, чтобы я остался здесь, в глуши!

Захар остановил телегу у моей хаты. Не помня ни о каком подарке, я дождался, пока лекарь отъедет, и со всех ног кинулся в сторону общежития. Я знал, я чувствовал, что Дина там, а не в академии...

И это действительно оказалось так. Несмотря на прохладную погоду, створка окна была

приоткрыта. Занавеска гуляла туда-сюда от сквозняка. Дина же сидела на кровати в исподнем и гребнем распутывала волосы.

Обратил на себя внимание осторожным стуком.

— Почему ты не занятых?

— Не спалось ночью. Голова разболелась. — Накинув шаль, Дина отвернулась, давая понять, что не желает со мной говорить.

— Сегодня я узнал, что мой особняк продан, — не поддаваясь эмоциям, сообщил я.

— Сочувствую, — так же сухо ответила рыжая.

— Но ты даже не представляешь, от кого. — Потряс в руке конвертом. — Тебе письмо от сестры. Прости, что пришлось вскрыть. Я увидел знакомый адрес...

— Помяни лихо! — фыркнула Дина и, вскинувшись, подлетела к подоконнику. — Явилась не запылилась!

Даже не обратив внимания на купюры, лежавшие в конверте, она пробежалась по строкам. Руки ее слегка подрагивали, губы шевелились в полусепоте. Дойдя до последней, Дина испустила такой надрывный вздох, что мне стало не по себе.

— Деньги, значит... — Она удосужилась посмотреть в конверт.

Сумма была неплохой — тут бы ее с лихвой на год хватило.

Но деньги ждала страшная судьба.

В следующую секунду купюры громко хрустнули. А за ними и письмо.

Глава 32. Курс на столицу

Глава 32. Курс на столицу

Я так и замер, наблюдая за тем, как ветер разносит обрывки по двору.

— Гордость — это хорошо... Но деньги лишними не бывают! — сказал со знанием дела.

— Не нужны мне ее деньги! — напроць отрезала Дина. — И письма не нужны! Светская дама, значит? Теперь это так называется?! Еще и подачку мне сделала, чтоб я лишних вопросов не задавала! — осерчав, рыжая захлопнула окно перед моим носом.

— Дина! — настойчиво постучал. — Послушай, все совершают ошибки, но от этого Ольга не перестает быть твоей сестрой. Она все равно позаботилась о тебе! — решил разрядить обстановку.

Попытка успехом не увенчалась. Дина закрыла лицо ладонями и бросилась обратно на кровать. Плечи ее уже судорожно подрагивали...

Хуже женской истерики могло быть только одно: истерика со слезами впридачу!

Но внутри что-то екнуло, не позволяя оставить рыжую в расстроенных чувствах. После случившегося накануне это было бы совсем малодушно...

Обогнув общежитие, я поднялся на крыльцо и прошел в коридор, сплошь усыпанный дверьми. Из-за одной отчетливо слышались всхлипы. Ручка поддавалась, и я просунулся в тесную комнатку.

— Зачем же так себя изводить? — Не зная, куда деваться, присел на край кровати.

В ответ громко шмыгнули носом. Тут уж и я от безысходности готов был взвыть! Не придумав ничего лучше, положил руку ей на плечо. Но Дину это только больше разозлило, и она отодвинулась к стене.

— А мне ведь куда паршивее, чем тебе! И нюни я не развожу! — вскинулся я. — Вдумайся: пятьсот квадратных метров, напичканных раритетами, отданы аферистам! И все благодаря... — вовремя осекся — Дина подняла заплаканные глаза. — Чарам, будь они прокляты! Не зря Тадеуш сказал, что дело не в желании обзавестись очередным особняком. Здесь кроется махинация посерьезнее. Зоран разбогател буквально на наших глазах — пару месяцев назад он выиграл лучшую сеть таверн и ему неожиданно стало фартить. Милош же действовал более скрытно, отхватывая рудники один за другим вне казино. Как думаешь, на что они себе это позволили?

Дина перестала всхлипывать и уткнулась распухшим носом в шаль. Пальцем стер мокрые дорожки с ее щек и закончил мысль:

— На деньги, вырученные за продажу недвижимости. Той, что смогли урвать. Проигрышем особняка никого не удивишь — в казино отдают все что угодно. Твоя сестра не всегда была с ними, уверен, чаще обходилась сбытом краденных драгоценностей. Но в наши круги ее действительно пустили эти шакалы. И вот она добралась до меня...

Дина вдруг подскочила с кровати и решительно заявила:

— Мы должны разоблачить их. И вернуть тебе особняк.

— Чего? — не сдержал насмешки я. — Сидя в захолустье за сотни километров?

— Мы должны ехать в столицу.

— Уже завтра Стефан прибудет туда с письмом. Если дед пожелает свидеться со мной, он отправит вслед за ним экипаж. Сам я не смогу ничего сделать! Смешно говорить! — фыркнул, надеясь, что рыжая шутит.

Но она не отступала, уже переполняясь энтузиазмом.

— Если ты не обратишь внимания, в горах даже сейчас завеса дождя. Непогода держит твоего Стефана с вечера — он ни за что не доберется в столицу так быстро. Мы успеем догнать его!

— Я не знаю дороги! — сложил с себя ответственность. — А средств на то, чтобы взять экипаж из города, у нас нет. Теперь нет, — кивком указал на окно.

— Ты глянь, деньгами они разбрасываются! — возмутились по ту сторону, словно глумясь надо мной. — Мне че, склеивать их?..

Переглянувшись, мы с Диной одновременно кинулись на звук и, распахнув створки, высунулись в поисках его источника. Рогатый бродил по двору, внимательно осматривая каждый куст.

— А так можно? — удивился я.

— Тю! Не можно, а нужно! — Черт поймал один из обрывков прямо на лету. — Кто ж таким добром расшвыривается? Мне его до пенсии хватит!

— Ты уверена? — шепнул Дине. — Лучше сейчас объясни, что задумала!

— Есть у Солохи одно средство, разве не помнишь? — хмыкнула она. — Неужели сестрица меня, долгий путь проделавшую, на порог не пустит? А Стефан пускай, как и задумано было, письмо передает — твой дед не должен прознать, что ты в столице.

— Дина-Дина, ты даже не представляешь, во что мы ввязываемся... — покачал головой я. — Еще неизвестно, что за притон они устроили в моем особняке.

Глядя на рогатого, отчаянно шныряющего по двору, вспомнил про его навык скоростной езды. Горная местность должна быть ему знакома...

— Эй, черт! Дело к тебе есть!

Спустя час мой дом напоминал тайное логово заговорщиков. Укромности добавляли расставленные повсюду свечи — от сгустившихся туч за окном стемнело так, что пришлось их зажечь.

Круг посвященных расширился. Теперь за столом сидели не только мы с чертом, но и Захар, вырванный прямо с занятий, а с портрета посматривал Гоголь.

— И че прикажешь делать? Как я по такой погоде его сыщу? — Рогатый недовольно наморщил пятак.

— Когда за черевичками царицы летал, метель тебе не мешала, — вставил как бы невзначай Николая.

— Так у меня ж нюх на все дорогое! То деловая жилка включилась! — Черт выпятил грудь колесом.

— То-то я думаю, зачем ты мой костюм в швейную мастерскую сдал? Или манекен украсить захотелось? — всплыл в памяти утренний казус.

— Ну-у-у... — почесал затылок нечистый, придумывая оправдание. — Я ж из солидарности к тебе всей правды не договорил! Зачем лишний раз соль на рану сыпать?

— Какое благородство! — буркнул я, тая на него злобу. — Дина уверяет, что Стефан задержался у кого-то наверху. Когда мы ехали сюда, останавливались лишь раз на постоялом дворе в предгорной местности. Дальше было небезопасно — места дикие, пришлось не щадить лошадей. Однако я помню, что мы проезжали какой-то запущенный дом... Я еще подумал, неужели в лесу, на склоне, мог кто-то жить?

— Ты, голубчик, говоришь про одну скверную пани, разорившуюся еще на моем веку, —

подал голос Гоголь. — Да только сомневаюсь, что она до сих пор жива и принимает заблудших путников.

Три пары глаз пристально уставились на черта.

— А че вы на меня так смотрите? — хрюкнул гад, притворяясь. — Лично я ни о какой пани не слышал! Может, твоим кучером уже волки перекусили?

— Вот ты и проверишь! Одно копыто — здесь, другое — там! — безапелляционно заявил я.

— Не, ну беспредел! Я че, волшебный клубочек, туда-сюда кататься? — пожаловался далеко не бедный и несчастный, но курс взял верный — на дверь.

— Да-а-а, пан завхоз... Нашел ты себе заботу! — нахохлился лекарь. — Не зорно селение без присмотра оставить?

Хотел его даже обрадовать, что, как уеду, проблем у них в разы поубавится. Но вместо этого сказал:

— Почему без присмотра? Ты, Захар, давненько всем тут заведешь! Как еще пан Корней тебя завхозом не сделал?

— А скотиной кто заниматься станет? А людей лечить, коль захворают? На все рук не хватит! — обреченно вздохнул Захар и как-то по-дружески взглянул на меня. — Ты лучше возвращайся скорее. Адепты все спрашивают, когда ты к ним снова наведаешься.

Гоголь солидарно кивнул.

— Да вы только представьте! — взбудораженно воскликнул я. — Если нам с Диной удастся хоть что-нибудь сделать и у меня появится шанс остаться в столице... разве я могу им не воспользоваться? Конечно, я вернусь напоследок — как минимум за Тильбо! Он тут в качестве залога остается! — ткнул пальцем в гоблина, бегущего к нам с самоваром. — Но я не имею права упускать возможность... Я должен вернуть себе честное имя!

— Тебе виднее, пан завхоз. Рано или поздно Василь все равно проснется... Да только что нам с ним делать? — Захар расстроено качнул головой и отхлебнул чая.

Повисшее молчание нарушило странное заявление, сделанное с портрета:

— Кто знал, что черная кошка, что перебежит мне дорогу, окажется ведьмой... Эге, придется снова ворошить прошлое!

Мы с Захаром как по команде обернулись. Но Гоголь уже принял нарисованную личину, не желая приоткрывать завесу тайны...

Посидев еще немного в моей компании, лекарь побрел назад в академию — там за целый день скопились дела. Едва он шагнул за дверь, как в сенях показалась Дина с котомкой за спиной и метлой наперевес. Боевой летательный аппарат особенно бросался в глаза на фоне элегантного бирюзового платья.

— Я готова! Взяла все самое необходимое! — заверила рыжая.

— Позволь спросить, а для чего тебе метла? — с паническим ужасом покосился на веник. — В столице никто на доисторическом транспорте не летает...

— Кто сказал, что я на ней летать буду? — обиженно надулась Дина. — Это средство на все случаи жизни!

Меня аж передернуло от воспоминаний, в каких случаях сие "средство" применялось... и по какому месту попадало чаще всего! Ладно, у меня ведь тоже тросточка лежала? Так сказать, в противовес!

Пройдя в спальню, я распаковал ждущий на кровати сверток и с наслаждением

переоделся. Новый костюм буквально светился от чистоты и благоухал по сравнению со сброшенными лохмотьями. Дина тоже решила ехать в своем лучшем наряде: помимо платья отрыла где-то накидку и надела единственные пристойные туфли. Она даже не догадывалась, что я прятал за спиной...

— У меня для тебя есть еще кое-что.

Чашка звякнула о блюдец — рыжая чуть ли чаем не поперхнулась.

— Столицу нужно уметь покорять! — Салоп эффектно появился из-за моей спины.

Было видно, что Дине неудобно принять подарок. Пару секунд она сконфуженно мыкалась — глаза горели, но притронуться не решалась.

— У нас мало времени, — взял инициативу в свои руки. — Надевай!

Тут и в сенях послышалось копошение — Дине ничего не оставалось, как нырнуть в мой подарок. На ее щечках вспыхнул очаровательный румянец, и один искренне польщенный взгляд затмил всякие слова благодарности. Как далеки от искренности были столичные дамы, не знавшие меры и принимавшие любые траты как должное...

В столовую процокали на грязных копытах. Отряхнувшись, словно дворовой пес, черт таки утешил вестью:

— Ну, сами накаркали! Теплится в том убогом домишке огонек...

— Бери телегу — мы должны быть там сегодня, — решительно заявил я.

— Та стоит уже, одних вас ждет! Есть чем согреться? — отмахнулся рогатый и без зазрения совести отпил из чужой чашки. Заметив накидку, скинутую на пол, он и ее подобрал. — О, пригодится! Холодрыга ужасная...

— Ты ничего не забыл? — протянул ему раскрытую ладонь.

— Че? — прикинулся дураком черт, продолжая прихлебывать чай.

— То, что ты так усердно клеивал целый час. В столице деньги пригодятся.

Если наперекор мне хитрый бес мог пойти... то против грозного взгляда ведьмы не выстоял. Вернул все купюры, за исключением самой мелкой — таки прибрал к ручонкам в качестве платы за работу!

— Господин, я буду покорно вас ждать! — кричал из дверей почти рыдающий Тильбо. — Берегите себя и скорее возвращайтесь!

Кивнув ему, я помог Дине забраться в телегу, запряженную знакомой вороной кобылкой. Закутавшись в накидку, черт ударил по лошади, и мы понеслись по размытой дороге — навстречу риску.

За спиной оставались стоять хмурые хаты. На дворах не было ни души — лишь иногда кто-то несмело выглядывал в окно. Дорога лежала через поля, чернеющие под гнетом туч. Вороны, едва держась на лету, кружили темной стаей в небе. От срывающегося с гор ветра было столь неуютно, что я поднял воротник сюртука. Дина без конца жалась ко мне, пряча лицо.

Склоны, только недавно пестревшие вдаль, неумолимо приближались. Внутри все подрагивало от предвкушения, хоть я и понимал, что шансы на успех до безобразия малы. Но, как ни странно, присутствие Дины вселяло крошечную надежду...

— Вы там это... — прервал мои мысли черт. — Зацепились бы за что-то...

Я нервно сглотнул.

— Трясти будет сильно? — не поняла Дина, с опаской глядя на меня.

— Ну, вы ж пошустрее просили? — усмехнулся гад рогатый. — А дорогу только одним способом скоротать можно!

Глава 33. Одной темной ночью

Глава 33. Одной темной ночью

Я успел схватиться за борт телеги, а Дина... видимо, понадеялась, что черт шутит!

Спустя мгновение телега рванула с такой силой, что рыжая повалилась в кузов и кувыркнулась аккурат в противоположный конец. Под колесами загрохотало так, будто мы гром метали. А молнии и без того искрились перед глазами, от скорости! Грязь фонтаном поднималась по обе стороны, комьями приземляясь на одежду. Полей давно было не видать — черная полоса тянулась далеко на горизонте. Горы не то что приближались, они уже высились над нами. Но черт привстал на облучке — полы накидки теперь зловеще развевались — и только поторопил кобылу. От того, чтобы влететь в каменистый склон и закончить путешествие раз и навсегда, нас отделяли жалкие секунды...

— Держись! — скомандовал рогатый, натянув поводья. — Щас взлетим!

— Куда?! — вскричал, не помня себя от испуга. И я еще жаловался на дорогу в Балдейкино?! Тогда хоть безопасно было, без риска выпасть за борт!

Телега резко оторвалась от земли — лошадь сделала прыжок в невесомость. Под синхронное "А-а-а-а!" нас с Диной, попытавшейся привстать, не просто прижало ко дну кузова — нас расплющило от потока хлынувшего ветра. Телега качнулась — я завалился на свою спутницу, затем накренилась — тут уж меня вернуло на место. Зато теперь перекаатило Дину, и она оказалась прямо на мне. Вцепившись друг в друга, мы сползли к краю. Я исчертил спиной весь кузов, но положение рыжей было куда бедственнее: она вот-вот могла сорваться. От смертельного полета ее спасало кольцо моих рук...

Так крепко, как мог, я прижал к себе Дину и зажмурился.

— Зря приуныли! Уже идем на посадку! — задорно хрюкнул рогатый кучер.

Внезапно под колесами и впрямь захрустели камни. Осмелился открыть глаза — мимо нас проносились тенью деревья. Дина тоже завертела головой. Убедившись, что угроза миновала, она оправила платье и сползла с меня.

Пелена мороси действительно накрыла горы, ухудшив видимость. Двухэтажный дом с мансардой вынырнул из дремотной мглы неожиданно. Некогда помпезный, теперь он хирел среди беспросветной стены деревьев.

Черт остановился у забора. Пройти на прилегающую к особняку территорию не составляло труда — на поржавевших воротах замка не было.

— Все, как заказывали! — резюмировал рогатый, боязливо оглядываясь. — Ну, ребятки, я помчал! Надеюсь, свидимся...

Дина еле успела схватить котомку с метлой — телега сорвалась с места в ту же секунду. Отсюда черт сматывался еще быстрее. И я его понимал! Место, окруженное серой пеленой, выглядело гиблым, чуть ли не проклятым. Шутка про то, что Стефана пожрали волки, обретала в моих глазах правдоподобные очертания — никакой огонек в доме не теплился. На окнах лежал полувековой слой пыли, и лишь постукивание капель нарушало бездыханную тишину.

Только мы сделали шаг во двор, как шевельнулась ветка — оттуда за нами наблюдал чернокрылый ворон. Дина буквально впиалась мне в рукав и припустила так, будто птица могла вот-вот спикировать на нее.

Заросшая тропинка привела к таким же запущенным ступеням. Я взялся за дверное

кольцо и ударил им трижды. Ответа не последовало.

— Вот и доехали до столицы... — обреченно сказала Дина.

— Тоже заплутали? — проскрипел сзади незнакомый голос.

Мы с рыжей, вздрогнув, обернулись. Готов поклясться, никаких шагов слышно не было! У ступеней замер старик со связкой поленьев, возникший будто из ниоткуда. Судя по взгляду Дины, не я один заметил отсутствие следов на мокрой земле...

— А кто еще кроме нас? — я опомнился первым.

— Вчера оттуда, — он махнул рукой вниз, — приехал чей-то посыльный. До сих пор непогоду переживает. Не видно ни зги.

Я облегченно выдохнул.

— Платите и оставайтесь, сколько вздумается, — грубо бросил старик и взошел на крыльцо.

Внешне хозяин тоже был не приветлив: угрюмые морщины избороздили лицо, темные круги залегли под черными, не утратившими цвет глазами, губы были поджаты так, словно никогда не изгибались в улыбке.

Дернув тяжелую дверь, старик прошаркал в кромешную тьму дома. То, что когда-то это была его парадная часть, выдавали уцелевшие панно на стенах и лепнина на потолке. Обои потемнели и местами облезли до пола, паркет, испещренный царапинами, уже превращался в труху. Стылая сырость въедалась в кожу с первых секунд, и никакой очаг не был способен уберечь от нее.

— Кажется, здесь когда-то жила некая пани, — вспомнил я слова Гоголя.

— Их благородие давно на тот свет отправились, — нахмурился старик, подбрасывая поленья в камин.

— А вы кем приходитесь? — Осторожно присел на затертый диван.

— Ключник я. Был, — с грустью в голосе добавил пожилой слуга. — Барыня от чахотки сгинула, отпрысков после себя не оставила. Кто мог — ушел, а кто и сам за эти годы помер. Никак к рукам имение не приберут, вот я и остался, век свой доживать.

— И часто здесь останавливаются? — продолжил я.

— Когда мышь мимо не проскочит, когда несколько за день. Вы не смотрите, что в доме скверно так. Тяжело одному за ним уследить, но комнаты наверху я в порядке держу, гости все-таки платят... — Глаза его жадно сверкнули. — Чай, одну на двоих вам?

Мы с Диной переглянулись. Она незаметно потерла пальцы и мотнула головой, мол, переплачивать не будем.

— Одну, — согласился я.

Купюра легла в сухую ладонь, и старик, кутаясь в лохмотья, пошел по скрипучей лестнице. Не прошло и минуты, как на ступенях замаячила другая фигура.

— Господин? — ахнул заспанный кучер. — Я услышал голоса...

— Впервые рад тебя видеть! — признался я, оглядывая Стефана. — Откуда же ты взял деньги?

— Настасья дала... на всякий случай, — повинулся кавалер. — Со вчера уехать не могу, дождь, чтоб его, не вовремя зарядил! Что-то стряслось?

— Мне тоже нужно в столицу, но дед не должен знать, что я приехал с тобой. Передашь письмо, как я велел, и вернешься с ответом на адрес, который сообщу, — бегло ввел его в курс дела.

— Комната готова! — донеслось сверху, и ступени протяжно заскрипели.

Стефан был отпущен проведать лошадь, оставшуюся на заднем дворе. Поднимаясь, я заметил портрет одутловатой женщины, на котором в отличие от всего остального не было ни пылинки. Ночь предстояло провести в тесной спальне в конце коридора. Из мебели, некогда добротной, а теперь обветшавшей, сохранилась кровать с прибранным балдахином, комод да помутневшее зеркало.

— Как-нибудь переживем, — подытожил я, пристраиваясь с краю.

Стемнело быстро. Сон не шел. Косой дождь бил в окно, и мне все время чудилось, что кто-то бродит по коридору. Дина сидела на другом конце кровати, не смыкая глаз.

— Думаешь, твой друг пустит нас на порог? — спросила она, заслышав мое шевеление.

— Если никуда не отлучился, обязан пустить. Знаешь, сколько бутылок вина он забрал у меня на прощание? — отшутился я, придвинувшись к ней.

Дина обратила на меня внимательный взгляд. Пламя свечи отбрасывало мягкую тень на лицо девушки, делая ее опасно притягательной. Грудь начала учащенно вздыматься, в зеленых глазах мелькнул странный блеск, пробудивший внутри жгучее чувство...

Ничто не могло так взволновать сердце, как ночь, предстоящая в тихой, безлюдной глуши.

Тем временем в Чертовой заводи

Как только повечерело, окна хаты плотно задернулись занавесками. Полумрак разгоняли свечи, горящие на столе. Там же лежала колода игральных карт. Ночка выдалась подходящая: луне, исправно наблюдавшей за ведьмой, закрывали обзор тучи, а рогатый подельник еще не вернулся. Солохе никто не должен был помешать.

Перетасовав карты, ведьма взглянула в зеркало и вытащила... валета сердечной масти.

— Тьфу! — выругалась она. — Только этого не хватало! Ну-ка, еще раз...

Но карты не слушались хозяйку. Одна из них юркнула ей в рукав, другая и вовсе вылетела под стол. Солоха нагнулась, чтобы поднять ее, и с удивлением обнаружила, что зеркало пошло рябью. В дрожащей глади показались черты полупрозрачного лица.

— Здравствуй, Солоха, — хмуро поприветствовал Гоголь.

— Пан Никола?.. — Она заозиралась, прикрывшись карточным веером. — Какими судьбами?

— Поговорить мне с тобой, ведьма, надо, — сказал он с нескрываемым раздражением. — Ловко ты меня в прошлый раз вокруг пальца обвела, но тут я тебе с рук проделки не спущу. Долго еще обиду таить будешь?

— Вот тебе и червонный валет... — вздохнула Солоха, глядя на приставшую к ней карту. Еще и подмигнула, зараза!

А пан Никола не сводил с нее глаз. Он уже являлся к Солохе по весне, пытаясь вытребовать объяснение приступов, участившихся у племянника. Верилось ему в то, что ведьма к этому руку приложила. Как затаила смолоду обиду, так и держит, зуб точит.

— Я вам, пане, все сказала, — осталась непреклонна Солоха. — Не по силам мне это.

— Врешь! — Угол зеркала вдруг полоснула трещина. — Знаешь, что проклятие снять можно, да только молчишь. Недостаточно тебе было моих страданий? За границу уехал — даже там твои злостные слова мне помешали. Счастия я не нашел, наследников не нажил... а в каких страшных муках кончил! Давно меня нет на этом свете, а тебе все мало. Еще одну судьбу погубить вздумала?

Солоха подняла на него почерствевший взгляд.

— Я вам сердце свое открыла... а вы со мной так обошлись, — ответила она, пытаясь унять дрожь в голосе. — Земля слово помнит, бывшее воротить — не ворочу. Коль и он заслужил, недолго ему осталось.

— По-хорошему ведь хотел, ан нет... — Глаза Гоголя запылали гневным огнем. — Пора тебе, ведьма, знать свое место! Сама проход открыла...

Свеча вмиг погасла. Бросив карты, Солоха вскочила со стула и думала бежать к двери... Но тут со стороны зеркала послышался звон битого стекла.

Он опередил ее.

В глухой темноте раздались шаги.

Прекраснее этих губ ничего не было... Они пленяли, заставляя желать большего. Непорочный поцелуй норовил стать преступным. С какой нежностью, с каким трепетом Дина отдавалась ему. Я смело обхватил ее тонкий стан — она же робко провела пальцами по моей шее и нащупала пуговицу рубашки.

Неужели Дина, горячка с высокими моральными принципами, могла отдаться мне здесь и сейчас?

Неужели она действительно хотела этого и... не боялась?

Она была в моей власти. Ничто не мешало мне продолжить, и в любом другом случае я бы не стал останавливаться. Ни статус дамы, ни ее неопытность никогда меня не смущали...

Но с Диной я не мог себе это позволить.

Я мягко отстранился. В ее глазах тут же мелькнул испуг.

— Ты будешь жалеть об этом, — сказал, убрав с растерянного лица непослушную прядку.

Щеки девушки вспыхнули. Меня обожгло горячее дыхание:

— А если я впервые испытала это чувство... с тобой? Пускай я буду жалеть, чем думать всю оставшуюся жизнь, каково бы это было.

Мне захотелось провалиться на месте! Я разделял ее влечение до дрожи... Но я не мог не открыть ей ужасающей правды.

— Не будь наивной. Я уеду. Заживу как и прежде. А что станет с тобой?

В то же мгновение взгляд Дины остекленел. Она попыталась унять прерывистое дыхание, но из груди вырвалось что-то похожее на всхлип. Сорвавшись с кровати, Дина стрелой подлетела к окну и обхватила себя руками.

— Мимолетная страсть толкает на глупости. Ты же сама говорила...

Она обернулась, заставив меня прерваться на полуслове. Взгляд ее был острее лезвия и заменял любые слова. Дина не нуждалась в моих утешениях. Она не желала меня видеть.

Оставив ее, я направился к лестнице. В сумраке коридора ни черта не было видно, дождь заглушал даже поскрипывание половиц, однако мне показалось, что в углу мелькнула тень. Я остановился — очертание исчезло, словно и не бывало. Прибавив шагу, спустился в пустую гостиную, в которой все еще горел очаг.

Заняв кресло у камина, я уставился на потрескивающие дрова. Нутро, кипевшее внутри, сжалось и встало сухим комом в горле. Впервые в жизни меня волновало сказанное женщине...

Когда камин погас, дом погрузился во тьму и мертвенную тишину. Я не заметил, как утекла целая ночь и как я сомкнул веки. Проснулся от шарканья над ухом и, увидев рядом с собой ключника, с непривычки вздрогнул.

— Целую ночь тут, что ли, просидели? — спросил старик, с подозрением прищурившись.

Я кивнул.

— Смело... не тронули же, — бессвязно пробормотал он себе под нос.

Меж тем за окном забрезжил рассвет. Розовые лучи солнца буквально прорывали тучи, захватывая верхушки деревьев.

— В какой комнате остановился тот посыльный? — оживился я.

— Тремя дверьми правее вас, — ответил старик, расчищая очаг. — Откушать не желаете?

Мотнув головой, чуть ли не бегом сорвался с места. Стучать пришлось долго — я стал подозревать, что разбудил Дину, но носа из комнаты она не высунула.

Дверь наконец открылась, и на пороге показался сонный увалень.

— Господин...

— Мы должны выезжать сейчас же. Там почти распогодилось.

— Может, подождем хотя бы до обеда, чтоб удостовериться? — Стефан зевнул и поежился.

— У нас нет времени. В случае чего доберемся до постоянного двора, где останавливались по пути сюда.

Еще одной ночи, проведенной в этих стенах бок о бок с Диной, я бы не выдержал.

Глава 34. Деревенские авантюристы

Глава 34. Деревенские авантюристы

То ли судьба надо мной сжалилась, то ли вновь решила посмеяться, толкнув навстречу сокрушительному провалу. Двое последующих суток погода благоволила, и чем дальше мы были от Чертовой заводи, тем яснее становилось небо. Нигде подолгу не задерживались — спешили лишь пару раз у трактиров. Когда поредевший лес остался позади, дорога побежала меж привычных холмов и вскоре выровнялась. Очертания городков, разбросанных вдоль тракта, пронеслись перед глазами в два счета.

И вот, глубокой ночью, не жалея лошади, мы въехали в столицу. Весь мир мерк перед ней: она утопала в огнях, благоухала изысканными духами дам и сигарами джентльменов, звенела от музыки, шелестела деньгами, спускающимися на каждом углу. По улицам разъезжали не грязные телеги, к которым я успел привыкнуть, а роскошные кареты. Одни возвращались со светских приемов в свои особняки, другие только выходили поохотиться — их встречали вышколенные лакеи. Дома, высившиеся то тут, то там, казались мне как никогда большими и фешенебельными, заведения же манили заглянуть внутрь.

Я был готов отдать все, чтобы вернуться. А впрочем, не отдал ли я уже?..

Дом Тадеуша находился в старой части города, потому пришлось пересекать центр, который всегда патрулировался. Телега, громыхающая ночью по столице, не могла не вызвать вопросов. Но, как ни странно, ни один блюститель порядка нам не попался. Лишь некоторые "променадчики" оборачивались вслед, разглядывая разношерстных путников.

Стефан остановился у ворот. Я помог Дине спуститься и выглянул из-за забора. Свет теплился не только в коридорах, но и в угловой комнате на втором этаже.

Тадеуш был дома.

— Поезжай к особняку деда. На рассвете, когда принесут утреннюю корреспонденцию, отдай конверт вместе с ней дворецкому, дождись обратного письма и возвращайся сюда, — велел я кучеру.

Телега тронулась. Дина осоловело захлопала глазами в ожидании. Огни столицы мою спутницу не впечатлили — дорога утомила ее так, что она еле на ногах держалась.

Привратник отлучился на обход, и двор, освещенный одиноким фонарем, пустовал. Бить в ворота и поднимать посреди ночи шумиху не хотелось — Тадеуш вряд ли бы обрадовался. На ум не пришло ничего, кроме...

— Придется перелезть через забор.

Дина боязливо покосилась на кирпичную ограду.

— Шутишь?

— Полезай первая, я подсажу. — Я уже был наготове. — Скорее, привратник сейчас вернется! Поверь мне, с ним не сговоришься!

Сняв пожитки, рыжая забралась с моей помощью на ограждение и свесила ноги на ту сторону. Я и глазом моргнуть не успел, как она ухнулась вниз! Послышался глухой звук падения и шелест примятой травы.

— Ты жива? — тихо спросил.

— Бок ушибла, — буркнули в ответ.

Следом во двор приземлилась котомка с метлой, после чего через забор перемахнул я. Размял руки — вспомнил молодость! Именно так я сбегал от барышень, когда дед еще не

подарил мне особняк.

Проскочив аллею, мы взлетели вверх по ступеням, и я застучал увесистым молотком. Послышались торопливые шаги — из-за приоткрывшейся на цепочку двери показался дворецкий.

— Господин Готи? — узнал меня давешний слуга. — Господин Ракоци не предупреждал о вашем визите...

— Дорин, немедленно доложи ему, что я здесь, — перебил дворецкого. — Дело не терпит отлагательств.

Несколько секунд слуга с подозрением разглядывал Дину. Особенно смущал его веник, которая рыжая усердно прятала за спиной.

— Дорин?! — повторил раздраженно.

Дворецкий нехотя снял цепочку и пропустил нас в холл. Я не нуждался в расшаркиваниях, потому без лишних приглашений завернул в просторную гостиную.

Когда все канделябры были зажжены, Дорин удалился будить хозяина. У Дины, впервые попавшей в такую обстановку, сон как рукой сняло. Ясное дело, не деревенская хата! Взгляд ее блуждал по интерьеру: тут тебе и хрустальная люстра, и диваны с бархатной обивкой, и шелковый ковер, и рояль на случай званных вечеров. А в позолоченной раме над камином — портрет владельца, человека, в изыски не вписывающегося.

На лестнице раздались голоса, и из-за колонны вынырнула туша в халате и ночном колпаке. Заметив меня, Тадеуш чуть ли кубарем не скатился вниз.

— Мать честная... — Он хлопнул в ладоши. — Да разве сны бывают такими правдоподобными?

— Давно не виделись, домосед! — пошел ему навстречу с распростертыми руками.

— Ты посмотри, живее меня будет! — Толстяк по-дружески обнялся со мной. — Твой отдых в пасторали кончился? Знатно тебя потрепало... — вынес вердикт он, с удивлением рассматривая меня.

— Не совсем, — оправился я. — Чтобы отдых кончился, нужна твоя помощь.

— Как скажешь! — Тадеуш переплел пальцы на брюхе и наконец заметил Дину, переминающуюся с ноги на ногу. — Разве ты не со своим гоблином уезжал? На кой черт ты привел в мой дом горничную?

Спиной ощутив ее взгляд, нервно кашлянул.

— Это не горничная. Это... ведьма. Дина, — сказал я с оглядкой на метлу. — Она поможет мне вернуть особняк.

Напрягшись при слове "ведьма", Тадеуш попытался отшутиться:

— Решил испробовать народные средства?

— А есть другие предложения? Ты мне даже сообщить ни о чем не соизволил! — вскинулся я. — Предоставь-ка ей комнату со всеми удобствами. Мы почти трое суток тряслись в дороге.

— Дорин! — засуетился Тадеуш и расплылся в неловкой улыбке. — Прошу прощения, не признал... У нас тут ведьмы в диковинку!

Последовавший зырк не оставил сомнений: "горничную" мне еще долго будут припоминать... Вскоре комната была готова, и дворецкий увел Дину. Тадеуш распорядился подать горячего чая и шепнул мне:

— Почему она все время молчала? Прокляла уже, да?

— Когда скромность успела стать чем-то скверным? — усмехнулся я, подойдя к

окну. — Выкладывай, что изменилось в мое отсутствие.

— Ну, Эржебет, с которой ты крутил шашни по весне, сделал предложение скряга Карл, свадьба через месяц, — развалившись на диване, стал перечислять друг. — Нику спустил все деньги на тур по Средиземноморью, а Адриана...

— Я, конечно, рад за них, — прервал его на полуслове, — но это не то, что меня интересует. Что с моим домом? Ты был там?

Тадеуш замешкался.

— Нет. Твой дед провел сделку быстро, и уже через пару дней после того, как ты уехал, его заполучили Милош с Зораном.

— Наверняка все об этом посудачили... — сквозь зубы процедил я. — И что же, они бывают там?

— Не знаю. Никого из этой шайки я не видел, — странно отозвался друг.

— Даже Ольгу? — обернувшись, с подозрением прищурился.

— Я справлялся о ней интереса ради, но она как в воду канула, — заверил Тадеуш.

— И все-таки ты недоговариваешь, — смерил его укорительным взглядом.

Толстяк поджал губы и, вздохнув, неохотно сознался:

— Послезавтра, в пятницу, в твоем особняке намечается званый вечер. Мне тоже пришло приглашение.

Не веря ушам, я подлетел к нему.

— Мы с Диной должны попасть туда!

Утро в доме Тадеуша началось далеко за полдень. Разговоры в гостиной не утихали до рассвета: я пересказывал другу все, что приключилось со мной за эти недели. Услышав про сельского черта и призрачного писателя, он явно решил, что я свихнулся, а потому под конец беседы сам горел желанием вернуть мне особняк. Как можно быстрее.

Не мечта ли проснуться на свежей перине? Не слыша петухов за окном, потянуться и не спеша принять ванну... Да я помолодел лет на двадцать!

По коридорам уже разносились запахи выпечки, зазывая заглянуть в столовую. Щекотал нос пряный штрудель, угадывался и сладкий аромат "трандафиров" — булочек со сливочным кремом, особо любимых Тадеушем. В предвкушении спустившись, я застал в гостиной Дину. Казалось, весь дом был погружен в умиротворение, но только не она.

Что-то не давало ей покоя...

— Давно ты здесь сидишь?

Девушка вздрогнула, словно до сих пор не замечала меня, и подняла полные печали глаза.

— Уже час жду, пока ты проснешься.

— Что случилось? — насторожившись, занял кресло напротив.

Я видел, что Дина мечется в сомнениях: говорить или нет? Чувствовал, что сопротивляется, пытаюсь унять бурю внутри.

— Мне кое-что понадобится для дела... — И все же озвучила не то, о чем думала. — Подлить зелье в бокал — недостаточно. Тебе понадобятся доказательства причастности.

— Все, что скажешь, — незамедлительно кивнул я.

— Нужен красный драгоценный камень. Рубин или гранат. Любое украшение с ним. — Голос Дины выровнялся — она окончательно отмела то, что занимало ее мысли.

— У Тадеуша точно что-то найдется. Но как нам это поможет?

— Оба этих камня обладают отличной магической проводимостью. Я могла бы заговорить украшение и записать на него все, что удастся выудить из сестры под действием зелья.

Конечно, я верил в способности Дины, но такой хитрости представить не мог!

— Не думаю, что у тебя получится выяснить все при первом визите, — сказал, слегка оторопев.

— При первом — нет, мне нужно дождаться подходящего момента. Сестрица не пальцем делана, еще пронюхает, что здесь что-то нечисто, — и бровью не повела рыжая. — Я должна задержаться в твоём особняке на некоторое время.

— Собираешься давить на жалость? — не сдержал смехок.

— У нее не останется выбора. Я все придумала, — с непреклонной решимостью заявила Дина.

— Хорошо бы разоблачить их на глазах у всех... — Наткнувшись на заинтересованный взгляд, пояснил: — Послезавтра в моем особняке устраивают званый вечер. Тадеуш тоже приглашен. У тебя есть два дня, чтобы прощупать почву.

За завтраком странное напряжение вернулось к Дине. Все это время и даже после того, как с трапезой была покончено, она держалась отстраненно, чем снова навела страх на Тадеуша.

— А если она потеряет его? Или, чего хуже, украдет?! — трясся друг, жертвуя своим гранатовым перстнем.

— В отличие от твоей Ольги, она довольно честна, — ответил с иронией в голосе. Естественно, о родстве девушек я смолчал — Тадеуш и без того получил массу впечатлений.

Завладев кольцом, Дина продела в него заранее приготовленный шнурок и, повесив себе на шею, скрыла приспособление за тканью платья. Спустя каких-то двадцать минут карета встала неподалеку от злосчастливого особняка.

Предварительно выглянув в поисках знакомых лиц, я вышел первым и протянул Дине руку.

— Приезжай, как стемнеет, — шепнула моя подельница. — Я подам тебе знак, когда в дом можно будет проникнуть.

— Надеюсь, черный ход еще не успеют запереть, — прикинул в голове план действий.

Распровавшись с Диной, я уж было заскочил в карету... Однако шелест купюр, забытых в кармане, остановил меня.

— Постой! — метнулся обратно. — Возьми. Вдруг что-то пойдет не так и придется ловить экипаж?

— Не стоит во мне сомневаться. Лучше оставь себе, — отрезала Дина и скрылась за поворотом.

Вернувшись в салон, я завертел скромную пачку в руках.

— Ну? Куда прикажешь двинуть? — ухмыльнулись на противоположном сиденье. — К Иштвану за самой вкусной рулькой? Или хочешь, познакомлю тебя с мадам Джофранкой? — облизнулся голодный до всего Тадеуш.

— Не надоело скакать между борделем и рестораном? — впервые оскорбился подобным предложением. — Никто не должен прознать, что я здесь, иначе наш план потерпит крах! А вот куда мне действительно необходимо, так это в ателье... Негоже на очную ставку неприбранным являться.

Тадеуш обреченно вздохнул и, отвернувшись к окну, подпер рукой щеку. Обломал я ему веселье!

Дина

Дойдя до нужного дома, я с удивлением обнаружила, что никакого привратника тут и в помине нет. Ворота были приглашающе распахнуты — проникнуть на территорию мог кто угодно. Стоило сделать шаг, как ко мне пристало ощущение липкого взгляда. Кто-то наблюдал за мной, не торопясь выйти навстречу.

Дорожка, пролежавшая меж фигурных кустов, привела к белокаменному особняку. Я поднялась на крыльцо и стукнула дверным молотком. Лакей отозвался не сразу. Еще и окинул с порога пренебрежительным взглядом.

— Что вам будет угодно? — деланно спросил он.

— Мне известно, что здесь проживает девушка по имени Ольга. Будьте добры передать ей, что с ней хочет увидеться сестра, — вздернула подбородок я.

— Ни о каких гостях меня не предупреждали. Обождите, — фыркнул во всеуслышанье противный слуга.

Минуты тянулись мучительно долго. Я стала расхаживать туда-сюда и даже не заметила, как в дверях вновь появился лакей.

— Госпожа ожидает вас в гостиной. Прошу следовать за мной.

Меня аж передернуло! Боюсь представить послужной список сестрицы — просто так величать госпожой провинциалку без роду и племени не станут!

В первые секунды я даже усомнилась, кто передо мной. В окружении изысканной мебели и живописных полотен восседала преобразившаяся до неузнаваемости дама. Волосы, собранные в высокую прическу, локонами спадали на плечи, по хрупкой фигурке струилось белое платье, придававшее новоиспеченной госпоже непорочности. К запудренному лицу была приклеена растерянная улыбка.

— Ну здравствуй, сестра... — прервала молчание я, все еще не веря глазам.

Глава 35. Дебютантка поневоле

Глава 35. Дебютантка поневоле

— Дина... — привстав, выдохнула она. — Почему ты не предупредила меня письмом?

Шагнув навстречу, Ольга легонько дотронулась до моего плеча.

— Как только я получила от тебя весточку, немедля отправилась в путь.

— Что-то случилось? Для чего ты вообще это сделала?! — Тон ее вдруг переменялся: из мягкого стал холодным, резким.

Я отстранилась, еле сдерживая волнение. Конечно, сестрица не пришла в восторг от моей выходки, но отступить было нельзя.

Закрыв лицо ладонями, прошептала поникшим голосом:

— Случилось... Ты даже не представляешь, что!

— Дорогая, я не хотела тебя обидеть! Ни в коем случае! — испугавшись, Ольга взяла меня за руку и усадила на диван. — Просто ты... так неожиданно приехала!

В следующее мгновение в гостиной зазвучал колокольчик, и на звон явился лакей.

— Георге, подайте нам с гостьей чаю! — велела сестра, поглаживая меня по спине.

Слуга метнулся к дверям, вновь оставляя нас наедине. Я шмыгнула носом для правдоподобности, Ольга же схватила веер, лежавший на мраморном столике.

— Все это время я ждала от тебя сообщения... Писала с весны по тем адресам, что знала... Но все мои письма канули! Какие только мысли ни лезли мне в голову! — в сердцах воскликнула я.

— Дорогая, я не могла поступить иначе! — обмахивалась она, тяжело дыша. И когда только успела стать такой впечатлительной? — Скажи скорее, что стряслось!

— На деревню напал голод. С каждым днем все становится только хуже... — преувеличила я, борясь с взыгравшей совестью. — Дела у родителей обстоят не лучше — хозяйство наше совсем разорилось. Своим письмом ты дала знать, что надежно осела в столице, и я решила... не податься ли мне к единственной сестре? Конечно, я долго сомневалась, боялась, что помешаю...

Голубые глаза увеличились от ужаса.

— Глупости! Как ты могла такое подумать... — ответила Ольга, над чем-то судорожно размышляя.

— Я бежала со всем, что у меня есть, — продолжила нагнетать обстановку. — Наняла экипаж в городе, отдав почти все, что ты прислала. Спустя несколько дней тяжелой дороги я здесь.

Сестра бросила взгляд на скромные пожитки, оставленные у кресла, затем — на меня.

— Как же твое обучение? Ты ведь так хотела окончить академию... — вздохнула она.

— Разве я могу вернуться туда в такое страшное время? Не ровен час, на деревню найдет хворь! — добавила я, чтобы убедить Ольгу окончательно.

Послышались шаги — вернулся лакей. Поставив перед нами серебряный поднос, он наполнил чашки дымящимся напитком и тенью скользнул за дверь.

— Конечно, ты можешь остаться, — наконец сказала сестра. — Я похлопочу за тебя перед хозяином дома, господином Ворничем. Думаю, он не откажет...

— Это тот самый благодетель, которого ты упомянула? — наострила уши я.

Ольга опустила глаза.

— Да.

— Должно быть, он твой жених, раз ты живешь здесь и свободно распоряжаешься слугами? — спросила с деланной радостью в голосе.

— Все не так однозначно, — сестра выдавила из себя улыбку.

— Ты его... фаворитка?

— Скорее, компаньонка и деловой союзник. — Чашка в ее руке слегка дрогнула.

— Что за дело вас связывает? — подступилась с другой стороны.

— Каждому мужчине нужен мудрый советник. Почему бы не взять на эту роль красивую женщину? — отшутившись, сестрица поспешила сменить тему. — Боюсь представить, как ты устала после дороги! Сейчас же велю, чтобы тебе приготовили комнату.

Пока "госпожа" отдавала распоряжения дворецкому, я заметила движение за окном. Портьеры не позволяли разглядеть картину сполна, но от меня не укрылись две важные детали: во дворе ждала карета, а из особняка пытались вынести что-то большое и тяжелое, завернутое в ткань.

— Лакей сказал, вы не ждете гостей, — шепнула сестре.

— Должно быть, это не гости, — передернула она плечами, делая вид, что не в курсе. — У мужчин в этом доме полно дел, о которых я не осведомлена.

— У мужчин? Так здесь проживает кто-то еще? — зацепилась за след я.

Сестрица поздно поняла, что сморозила лишнее.

— На постоянной основе в особняке проживаю лишь я. Господин Ворнич появляется здесь время от времени со своим другом, господином Гури, — неохотно призналась Ольга.

Кивнув в ответ, я отвлеклась на угощения, поданные к чаю. С дальнейшими расспросами стоило повременить, чтобы меня ни в чем не заподозрили.

Незадолго до того, как комнату приготовили, в гостиную впопыхах ворвался мужчина. Хоть седина уже и тронула его усы, незнакомец выглядел моложаво: волосы были зализаны назад, а яркая одежда нарочито подчеркивала худошавую фигуру.

— Ты не видела... — прервал он незатейливый разговор и, заметив меня, запнулся. — Почему меня не предупредили о госте?

Ольга замешкалась.

— Я хотела объясниться с тобой позже... — Подхватив меня под локоть, она поднялась с дивана. — Это Дина. Моя сестра.

Плутоватые карие глаза прищурились.

— Прошу прощения, — мужчина склонил голову. — Рад представиться, Милош Ворнич, хозяин этого дома.

Я поклонилась в ответ, стараясь скрыть нарастающую тревогу. Достаточно было одного взгляда, чтобы понять: этот человек способен на все. И просто так сестра не отделается от того, во что встряла.

— Зайди ко мне в кабинет, как сможешь, — сказав напоследок, Милош покинул гостиную так же стремительно.

Комната, в которой меня поселили, находилась на втором этаже в правом крыле. Для счастья здесь было все: и просторная кровать, и платяной шкаф, и зеркало с ширмой, и стол с двумя креслами, на котором благоухали свежесрезанные розы. Ко всему прочему из спальни можно было попасть в персональную ванную комнату. Мне показалось, я стала первой гостьей этих покоев: все выглядело нетронутым, а воздух был словно

законсервирован. Неужели Марко не жаловал чужих в своем доме?

Пообещав нанести визит в скором времени, сестра оставила меня оправляться после дороги. Я выждала, пока в коридоре стихнет цокот каблуков, и шмыгнула за дверь. Нельзя было упускать шанс.

Услышав, как она спускается по ступеням, я метнулась в том же направлении. Благодаря платью, не столь пышному, передвигалась почти бесшумно. Когда я была у перил, под лестницей раздался приглушенный голос лакея, после чего слуга скрылся в дальнем проходе.

Дождавшись, пока суэта уляжется, я юркнула вниз. Колонна, прятавшая меня, загоразивала обзор: я видела, куда делся лакей, и лишь предполагала, где скрылась сестра. Но в одном из коридоров аромат духов показался сильнее, и я на цыпочках пошла по нему.

За дверью, почти в самом конце, о чем-то беседовали.

— ... сабля из дамасской стали с нефритовой рукояткой?! — различила голос Милоша.

— Что ты пристал? Не было ее в описи! — раздражилась Ольга. — Либо мы забыли, и она уже ушла с торгов...

— Исключено! — негодовал мужчина. — Ощупай все стены в доме! Сидишь тут целыми днями, а толку — ноль!

Спор стих. Кажется, Милош стал нервно расхаживать по кабинету.

— Смотри не проговорись, — бросил он. — Никто не должен прознать, что бумаги хранятся здесь.

Я усмехнулась — только что Милош сдал себя с потрохами.

— Вы заблудились?

За моей спиной, словно призрак, вынырнувший из ниши, стоял дворецкий.

Готи

Управились быстро. При всем желании разгуляться в заурядном ателье было нельзя, и я взял первое, что попало под руку, — обыкновенную черную "тройку". В обувной лавке напротив нашлись и туфли. Скучавший Тадеуш таки придумал себе занятие и, высадив меня на том же месте, двинул на шtos — испытывать судьбу.

Битый час я крутился у забора. Влезть на территорию было непросто: в саду, что раскинулся за особняком, постоянно шуршал газон, у ворот ждала карета, за окнами то и дело мелькали силуэты, а из столовой доносился стук приборов. После того, как все отужинали, оживился передний двор: у экипажа зазвучали голоса. Мне никто не спешил подать знак, но любопытство не позволяло остаться в неведении.

Зацепившись за каменный выступ, я подтянулся и перелез в сад. Миновав ряд деревьев, присел за клумбу и осторожно выглянул. Без сомнений, это были Милош с Зораном! Узнал я и Ольгу, которой очевидно давали указания. Когда оба подельника сели в карету, девушка осталась стоять на крыльце, словно переводя дыхание. Лакей, отиравшийся рядом, что-то сказал ей...

— Ищи! — прикрикнула Ольга и скрылась в дверях.

Клумба с задачей справлялась неплохо, но сидеть тут до ночи в планы не входило. Я уж думал явиться без приглашения, но в последний момент в крайних покоях зажгли свечи. Выждав с минуту, Дина высунулась в окно и завертела головой по сторонам.

Показавшись из укрытия, я метнулся к ходу для прислуги и чуть ли не столкнулся с горничной — она как раз вышла с ношей в руках. Дождался, пока служанка завернет за угол, и взбежал по черной лестнице на второй этаж. Проскользив вдоль стены, я толкнул нужную

дверь и налетел на Дину.

— Ну наконец-то! — выпалила она. — Я вся извелась!

— Что произошло? — спросил я, восхищенно оглядывая девушку. Сестра прибрала ее к ужину: она была подкрашена и облачена в лиловое платье, поддерживаемое тугим корсетом.

— С меня не спускает глаз дворецкий! Он понял, что я подслушала разговор Ольги с Милошем! — взволнованно зашептала Дина. — Клянусь, он появился из ниоткуда прямо за моей спиной!

— В доме есть несколько тайных ходов, — кивнул я, присаживаясь в кресло. — И что это был за разговор?

Недовольно пыхтя, Дина сорвала с волос заколку и стала мерить спальню шагами.

— Начнем по порядку. Сестра, конечно, не была рада меня видеть, но я убедила ее, что в деревню вернуться не могу. Слово за слово, и она сболтнула, что в доме кроме нее никто не живет — Милош и Зоран появляются по надобности.

— Я видел, как они садились в карету, — вставил я.

— О своей истинной роли сестрица умалчивает и называет себя "советником", — неодобрительно фыркнула Дина. — Пока мы пили чай, Милош ворвался в гостиную, чтобы что-то спросить у нее, но я помешала. Тогда он и велел явиться к себе в кабинет.

— К себе? — разинул рот я. — А этот мерзавец времени не теряет!

— Когда меня разместили, я выждала, пока Ольга спустится, и пошла следом за ней. Начало разговора не застала, но речь была про саблю из дамасской стали с нефритовой рукояткой. Они ищут ее по всему особняку! Милош приказал сестре ощупать стены и удачно вернул про то, что в кабинете хранятся какие-то секретные бумаги... — Она вдруг покраснела, жадно глотая воздух. — Дышать... нечем!

В следующую секунду по комнате пронесся рыжий вихрь — Дина юркнула за ширму.

— Помочь? — заволновался я.

— Н-нет, — ответили неуверенно. — Как думаешь... что за бумаги?

Я хмыкнул. Нет помощи желаннее, чем помощь даме в расшнуровке корсета!

За ширмой шла ожесточенная борьба: Дина пыталась развязать бант и явно проигрывала.

— Сильно ты испортила настроение сестрице, — отшутившись, дернул узел так, что она покачнулась. — Подозреваю, речь о тайных договорах... или письмах, которые можно предъявить тем, с кем повязан Милош. Если его захотят подставить.

Шнуровка поддалась охотнее, и пальцы невольно скользнули по нежной коже, отозвавшейся мурашками. Дина дрогнула, еле успев поймать платье.

— Ты даже не представляешь, что я испытываю... — Она метнула разгоряченный взгляд в зеркало. — Мне приходится подставлять сестру. Я буквально перечеркну ей жизнь... Ради чего?

Опустив руки на талию, я склонился к ее шее. Какой тонкой она была, как поражала своей ослепительной белизной...

— Рано или поздно они бы все равно попались. Им просто везло... — шепнул я и провел кончиком носа по щеке. — Проси все, что хочешь. Деньги — дам, сколько смогу... Любые наряды, украшения — все, что пожелаешь.

— Как ты не понял, не в деньгах дело... — шумно выдохнула Дина. — Да и тряпье с побрякушками в этой жизни ничего не значит.

— А хочешь, тебе никуда не придется возвращаться? — улыбнулся я, слыша неистовое

биение ее сердца. — Я сделаю так, что тебя примут в лучшую академию столицы...

— Зачем мне это? — горько усмехнулась девушка.

Развернув Дину к себе, я присел перед ней на корточки и мягко взял за руку.

— Послушай, если все из-за меня, то это того не стоит. Сколько раз я говорил, что люблю, а потом понимал, что это не имело никакого значения... Мы часто обманываемся чувствами.

На миг мне показалось, что в зеленых глазах застыли слезы. В горле у самого встал ком, но, сглотнув его, я продолжил:

— Не отказывай себе ни в чем — другого шанса может не быть.

Дина резко отдернула руку и отшатнулась к зеркалу.

— Когда моя помощь больше не понадобится, я уеду назад и, надеюсь, больше не увижу тебя. Это мое последнее слово, — дрожа, произнесла она.

За дверью раздались шаги — кто-то отчетливо подошел к ней и замер, будто прислушиваясь. Некоторое время мы смотрели друг на друга, боясь пошевелиться. Дина, выпрямившись, возвышалась надо мной, и взгляд ее черствел. Я же словно терял связь с реальностью...

Наконец некто удалился в направлении лестницы, и воздух прорезало тихое:

— Уходи.

35.2

Ночь была томительной, нескончаемой. Холод простыней обжигал кожу, а тишину заглушали мои собственные мысли: они бились, словно в лихорадке. Девушка, еще недавно казавшаяся заурядной провинциалкой и не вызывавшая интереса, не просто не давала мне покоя. От чувств, запертых внутри, я буквально сходил с ума.

Ничего похожего я не испытывал за те полвека, что прожил. Это пугало и манило одновременно, затмевая все, что было когда-либо. Мне довелось провести время со многими блистательными красавицами, но теперь все они казались мимолетным мгновением и меркли перед Диной. Хрупкой и в то же время волевой, пошедшей ради меня на такой шаг.

Отпустить ее значило навсегда оставить в душе пустоту.

Я мог предотвратить разрыв одним способом... жениться. Ни на что другое Дина бы не согласилась. Но разве я был готов расстаться со свободой? Да и как бы отнеслась ко мне семья, узнав, что я решил взять в жены бесприданницу?

Зайдя в тупик, вспомнил про письмо, принесенное Стефаном. Я так и не притронулся к нему...

Комнату тускло осветила свеча. Надломив сургуч, я прочел:

«Признаться, ожидал получить письмо намного раньше, но ты, по всей видимости, стоически терпел. Похвально! Твои раскаяния внушают мне веру, что жизнь вдали от родных пенатов пошла тебе на пользу. Я рад, что ты не стал чураться мирских дел, но с возвращением придется повременить, увы. В пятницу вечером мы с твоим дядей выдвигаемся в Трансильванию, чтобы сделать опись имущества. Мысль о том, чтобы продать имение, не покидает нас. Оно пришло в упадок, и в одиночку его все равно не потянуть. К тому же нужно заехать в Брашов — у бабушкиной сестры, Домны, начались странные припадки. Лекарь не нашел им объяснения. Боюсь, это наш последний визит к старушке...»

Корней, на удивление, хорошо о тебе отозвался. Думаю, ты в силах побыть там, пока все не уляжется. Книги распорядился отправить».

Сухо, без тени поблажки. И на что я надеялся? Звать меня собирались не раньше зимы, после продажи имения! Но дрогнуть заставила вовсе не эта новость...

Дед уезжал не вовремя. Именно тогда, когда столицу должно было сотрясти громкое разоблачение.

Во дворе послышался топот копыт — за окном занимался рассвет, а Тадеуш только возвращался со штоса. Сбежав по лестнице, я застал его в дверях.

— Дед ответил мне. Мало того, что он все еще хочет продать поместье, они с дядей уезжают уже завтра вечером! Я обязан их опередить! — выложил как на духу.

— Ну, шанс есть. В твоём особняке собираются к пяти часам, — протянул друг, еле держась на ногах. — И кстати, о гулянках... Мне бы отоспаться. Адриана зовет всех к себе сегодня.

— Значит, троица тоже будет... — Взгляд мой нервно забегал по холлу.

— И не только они. Мне тут нашептали, что у отдела финансовых преступлений сменился главный инспектор... — понизил голос Тадеуш. — В управление прислали какого-то Бардоша, человека, далекого от наших кругов. Все хотят с ним познакомиться, ведь он на

короткой ноге с комиссаром.

— Шутишь?! — схватился за голову я. — Дина должна быть там!

Дина

Всю ночь я ворочалась с боку на бок. Надежды рухнули окончательно. И когда я успела поверить, что Марко способен на чувства? Наивная дура! Он только и умел откупаться от тех, кто ублажал его по первому требованию... А я в их число не входила.

Следы разочарования на щеках высохли только ранним утром. Тогда-то к дому и подкатила карета, а в коридоре зазвучали голоса: дворецкий просил Ольгу спуститься.

Надев свое прежнее платье, я выждала, пока они пройдут, и покинула комнату. Бояться было нечего — я могла сослаться на то, что вышла к завтраку, а разговор застала случайно.

Дойдя до лестницы, услышала следующее:

— Ты поедешь туда. Адриана зовет всех, кто нам нужен, в том числе нового инспектора. Он до сих пор не принял приглашение на завтрашний вечер...

Дворецкий, заметив меня на ступенях, поморщился.

— Вы зря так рано поднялись. Завтрак еще не подан.

— Вместо того, чтобы общаться с гостьей в таком тоне, иди и подай его, Георге! — неожиданно вступился за меня Милош. Ничуть не смутившись, он добавил: — Можешь взять свою очаровательную сестру, чтобы тебе не было скучно.

Ольга обернулась, сонно моргая. Милош же, бодрый, одетый как и вчера с иголки, улыбнулся:

— Не смею задерживать вас, дамы! У меня самого много дел.

Когда мы остались вдвоем, я не позволила сестре замять тему.

— И к кому мы поедем? — изображала из себя радостную дурочку, готовую захлопать в ладоши.

— К госпоже Владическу, — зевнула Ольга, лениво раскинувшись в кресле. — Ты и правда хочешь ехать со мной? Там не будет ничего интересного... Обычный многочасовой прием с пустыми разговорами и скудными закусками.

— Конечно! — оборвала ее. — Не сидеть же мне взаперти целыми днями? Может, и я заведу полезное знакомство!

Сестра усмехнулась, окинув меня взглядом в духе "ты себя в зеркало видела?". Знала бы, что я к ней теперь испытываю...

Весь день она таила злобу: то ответит грубо, то больно дернет за волосы, сооружая прическу. А на просьбу не затягивать корсет столь сильно, и вовсе обиделась. К слову, платье мне досталось в наказание. Оно было старомодным, с тяжелой юбкой и бантом сзади, а желтый цвет совершенно не шел мне к лицу. С такой дамой не просто не стали бы говорить — на нее бы и не посмотрели! Сама же "госпожа" была моей противоположностью: изящная, в бордовом платье с богатой отделкой и обнаженным декольте.

В карете недовольство выплеснули снова.

— Держи язык за зубами. Еще сболтнешь лишнего, а я потом не отмоюсь от позора!

Я оторвала взгляд от окна. То, что не отмоеся, — это точно, но расстраивать ее раньше времени я не собиралась.

— Ты весь день сама не своя. Разве светские приемы не стали для тебя обыденностью?

— Это очень важный прием, — с шумом выдохнула сестра. — Там будет один человек, которого я должна расположить к себе.

— Инспектор? — спросила непринужденно.

— Некий Дамиан Бардош, глава отдела финансовых преступлений. Его назначили три дня назад.

— Предпочитаете дружить с полицией? — в шутку бросила я.

Ольга резко отвернулась, понимая, что ходит по грани. Остаток дороги мы проделали в молчании, но и того, что я узнала, было достаточно.

Госпожа Владическу оказалась очень молодой дамой, чуть ли не моей ровесницей. Она пыталась выглядеть добродушной, однако натуру выдавал стержовный блеск в глазах.

— Здравствуй, дорогая! — расцеловалась она с Ольгой. — А кто твоя спутница? Представь нас!

— Адриана, это Дина, моя младшая сестра, — сообщили с натянутой улыбочкой. — Прости, что не предупредила тебя, что буду не одна. Дина приехала буквально вчера, я и сама не ожидала...

— Перестань! — рассмеялась жгучая брюнетка. — Сегодня двери моего дома открыты для всех!

Я любезно улыбнулась в ответ. Ольга же, задрвав нос, рванула вперед.

Гостей ждали в обширном зале, убранство которого не могло не впечатлить. Одна его часть пестрила столами, за которыми собирались играть в карты и шахматы, другая — отдана под танцы, о которых нарочно смолчали. Музыканты уже выглядывали с балкона, наблюдали за происходящим и статуи. Но мне блеск люстр был не страшен: я слилась с желтыми портьерами и получала в свой адрес лишь тихие насмешки. Ольга блистала, купаясь в комплиментах.

— Как вы прекрасны, душенька! — крутился вокруг нее обрюзгший господин.

Сделав вид, что ничего не понимаю, я тенью пошла за сестрой. Стоило ей примкнуть к кружку девиц, как по залу прокатился взволнованный шепот. Дамы, словно пестрые бутоны, разбежались кто куда, а их потенциальные кавалеры приосанились. Выглянув из-за спин, я увидела вошедшего гостя — он как раз целовал руку хозяйке, смущенно обмахивающейся веером.

— Дамиан Бардош... — стало доноситься со всех сторон. — До чего же хорош...

— Я думала, он намного старше! — ахнула сестрица.

— Когда водишь дружбу с комиссаром, возраст не помеха, — заметила проходящая мимо дама.

— Он потомок трансильванского воеводы! — возразили за моей спиной.

Бардош, статный темноволосый мужчина с офицерской выправкой, действительно выглядел молодо — я дала бы ему от силы лет тридцать. Под взглядом черных глаз женская половина стремительно краснела. А смотрел он цепко. Словно ждал подвоха.

Взяв бокал, я наблюдала за игрой. Ольгу держала в поле зрения — она хихикала у соседнего стола в окружении поклонников. Бардош же петлял по залу, то пропадая, то выныривая из ниоткуда. Он еще не отдал предпочтение ни одной компании.

Внезапно Адриане в голову ударило веселье, и зал огласило бурное:

— Господа, сыграйте же мою любимую! Давайте танцевать!

Сестра засуетилась и, оправив платье, закрутила головой по сторонам. Я же прильнула к колонне, пропуская цепочку пар.

Каким-то образом Бардош появился в двух шагах от меня. Казалось, о нем все позабыли, но дамы мгновенно стали оглядываться, а Ольга... Кинулась ему наперерез.

Однако ее не удостоили взглядом.

— Разрешите пригласить вас на танец.

Глава 36. Новый союзник

Глава 36. Новый союзник

Глаза мои расширились от ужаса. Платье уже и без того подмочило мне репутацию, осталось добить ее неумелыми плясками!

По залу прошелся завистливый шепоток. Ольга замерла в проходе, неотрывно смотря на нас. Но Бардош будто не замечал всеобщего внимания — он протянул руку, давая понять, что отказов не принимает.

Лицо сестры перекосила ярость, что только подстегнуло меня. И я согласилась, вложив ладонь в его пальцы. Не стоило забывать, зачем я здесь.

Зазвучали скрипки — пронзительно, трогательно, словно играющие обнажали перед залом душу.

— Позвольте узнать ваше имя, — приглушенно сказал Бардош, обернув меня.

— Дина, — ответила так же тихо.

— Дамиан. Полагаю, вам меня уже представили.

— Не скрою, о вас говорят с начала вечера, — метнула растерянный взгляд по сторонам.

Инспектор сощурился. Он вслушивался в каждое слово, замечал любое колебание.

— Если не секрет, чем с вами успели поделиться?

— Лишь вашим недавним успехом...

— Отчего вы так напряжены? — вдруг спросил Дамиан, и красиво очерченные губы тронула улыбка. — Вы в надежных руках, Дина.

С этим нельзя было поспорить. Танец с Бардошем не шел ни в какое сравнение с самолюбованием Марко. Инспектор вел меня с предельной осторожностью, не допуская осечки. Мы делали пару коротких шагов, затем следовал плавный оборот, и с каждым разом я выполняла его все лучше.

— С непривычки, — призналась честно. — Я никогда не бывала на таких мероприятиях.

— Не считите за грубость, я так и понял. — Он притянул меня к себе. — Смею предположить, вас и сюда привело нечто большее, чем желание войти в светский круг.

Раскусил... и как ловко! Но спасовать я себе не позволила — выдержала этот испытывающий взгляд.

— Как именно вы это поняли? — спросила без стеснения.

Бардош сдержанно рассмеялся. Меж тем к скрипкам присоединился остальной оркестр, и мы закружились куда быстрее.

— Человека выдают глаза, — шепнул Дамиан, склонившись к моему уху. — Вы все время не спускали взгляд с той девушки в красном платье, при этом старались не выпускать из виду меня. Она вас деланно игнорировала — значит, вас что-то тесно связывает. — Он опустил руку мне на талию. — А то, что ее так разозлил мой жест в вашу сторону, лишь укореняет подозрение...

Он замолчал. Музыка стала еще задорнее. Теперь мы не просто кружились — мы перепрыгивали с ноги на ногу. Мимо пронеслась разгоряченная Адриана со своим кавалером, не отставала от нее и сестрица в паре с обрюзглым господином.

— Подозрение в чем? — продолжила я.

— В том, что ей от меня нужен далеко не танец, — ухмыльнулся Бардош, легко унося меня за собой. — Ваша подруга даже сейчас следит за нами, когда остальные дамы давно потеряли интерес. На обуянную чувствами она не похожа — в тех же глазах проскальзывает какое-то ожидание...

Мы резко отпрянули друг от друга и снова закружились вместе.

— Очевидно, ей дали задание, — вывел Бардош. — И вы знаете о нем. Или догадываетесь.

— Вы промахнулись лишь в одном, — улыбнулась я. — Она моя сестра.

— У меня мелькнула эта мысль, хоть вы и не похожи. Для того, чтобы привести даму, которую терпишь с трудом, должна быть веская причина, — резонно заметил инспектор.

— Положим, мне есть, что вам сообщить.

— Говорите скорее, музыка вот-вот кончится, — напрягся Дамиан.

— Вы же приглашены завтра на прием к господину Ворничу? Он очень хочет, чтобы вы согласились присутствовать... — намекнула я.

— Зря старается. Я сделал исключение госпоже Владическу, так как имел честь знать ее отца...

— Примите приглашение, — сжала его руку. — У вас будет шанс раскрыть череду крупных махинаций.

Инспектор вмиг переменялся в лице. Музыка стала стихать...

— Если вы пытаетесь втянуть меня во что-то, рискуете никогда не увидеть белого света, — в шутку предупредил он.

— Мне есть, что рассказать. Я в столице только ради этого, — выпалила я, понимая, что вот-вот упущу возможность. — Но мы не сможем пересечься в городе. Более того, я больше не должна говорить с вами — это навлечет подозрения...

— Я могу приехать к вам.

Дамы присели в реверансе, мужчины склонили головы. Все, кто не присоединился к танцам, рукоплескали. Среди них был и Тадеуш, которого я не заметила в начале вечера...

— Приходите в особняк Ворнича к часу ночи. Перелезьте забор, и я впущу вас через окно на первом этаже, — проговорила я, мучаясь с юбкой.

— Разве в доме нет черного хода? — удивился инспектор.

— Его запирают на ночь.

— Это не проблема, — он подал мне руку. — Нет такого замка, который я бы не вскрыл.

Распровавшись со мной у свободного стола, Бардош примкнул к игре в карты. Я старательно изображала, что не замечаю Тадеуша, пристроившегося за спиной. Подлетевшая Ольга тоже прикрылась веером — постыдное прошлое не позволяло ей светиться перед ним.

— О чем вы говорили?! — прошипела сестра.

— Этот Дамиан такой бестолковый! — зевнула я. — Он только и делал, что перечислял свои заслуги... Все не нарадуется, что его повысили в должности!

— Значит, верно говорят, что дело в комиссаре... — Тон Ольги смягчился.

— Очередной напыщенный индюк! — подлила масла в огонь.

— Прости, сестричка, но ты не та дама, с которой захочется вести светскую беседу, — невинно захлопали ресницами. — Уверена, со мной бы он сговорился куда охотнее! А тебя выбрал... чтобы еще больше блеснуть на тусклом фоне. Ай да Бардош! Эту выходку будут помнить долго! — заявила Ольга без зазрения совести.

Я проглотила обиду, комом вставшую в горле. Гадкая лицемерка... А я жалела ее, корила себя за то, что делаю!

Оставив меня, сестрица присоединилась к столу, где сидел инспектор. Через некоторое время у них завязался разговор — она заискивающе улыбалась, выспрашивая у него что-то.

Я же стала невольной свидетельницей другой беседы.

— А что ее, позволь спросить, не устраивает? — щебетала барышня в голубом. — Деньги есть, связей полно!

— Деньгами он делится неохотно! — присела рядом со мной ее подружка. — Ты видела его? Мягко говоря, на любителя! Тот Марко, по которому Эржебет сходила с ума весной, был куда симпатичнее!

Волнение слегка укололо меня.

— Какой Марко? — нахмурила бровки барышня.

— Ну Марко, который теперь нищеврод! — тут же разъяснили ей.

Я отвернулась, жалея, что не могу заткнуть уши. Как только мы закончим «вершить правосудие», ноги моей здесь не будет. Не нужна мне эта мишура, не могу я вариться в этом лживом обществе! Они оценивают друг друга по кошельку, предают сестер за деньги, выходят замуж за связи... одним словом, продают себя. Я бы так никогда не смогла.

Долгий взгляд Тадеуша вырвал из размышлений. Я уж было хотела отсесть, но на горизонте замаячила Ольга.

— Птичка в клетке! — хищно оскалилась сестра. — Всего несколько минут, и господин Бардош готов присутствовать на завтрашнем торжестве!

Готи

Весь вечер я не находил себе места и выглядывал в окна, надеясь скорее увидеть карету друга. Тадеушу было велено не спускать глаз с Дины — я знал, что она найдет способ присутствовать на приеме.

Когда часы пробили полночь, я услышал долгожданный стук копыт. Сгорая от нетерпения, метнулся к дверям и встретил друга на крыльце.

— Она была там?!

— Была, — вздохнул Тадеуш. — С Ольгой. Эти двое подослали ее вместо себя.

— У кого-то из них получилось завести знакомство с инспектором? — поторопил его.

— Получилось, — кивнул друг. — У обеих. С Ольгой он просто говорил, а Дину пригласил на танец.

— Эта дура всегда любила пораскинуть ногами! — сгоряча выпалил я, представив Дину в объятиях инспектора. — Я про Адриану... Небось велела играть польку?!

— Под конец...

— И что же, этот Бардош оказался хорош? — невольно сжал кулаки. Внутри уже вовсю кипело недовольство, приправленное долгим ожиданием.

— Ну, дамы долго строили ему глазки и порядком разозлились, когда он пригласил на танец твою Дину, — спокойно растолковал Тадеуш. — А его дружбу с комиссаром и родословную не обсудил только ленивый...

— Не распрягайте лошадей! — воскликнул я, сбегая вниз по ступеням. — Я еду к ней!

Дина

Бардош исчез в привычном репертуаре, не дожидаясь окончания. Это лишь сильнее раззадорило публику: оставшийся вечер музыку заглушали жаркие споры. Одни твердили, что инспектор вернулся в управление, другие заподозрили, что он сбежал к тайной

любовнице — даме, что тоже покинула прием заблаговременно. А третьи... поставили ему диагноз. Видите ли, после танца со мной его охватила страшная бледность! И как еще на тот свет не отправили?

Я еле вытерпела до полуночи. Там уж сестрица наговорилась и, довольная, изволила ехать. Клеймо изгоя, полученное ее стараниями, несколько не смущало. Зато ни у кого не было подозрений, что наше с Бардошем знакомство продолжится.

По возвращении Ольга удалилась к себе, и особняк погрузился во тьму. Я была уверена, что сестра быстро уснет, а из прислуги никто не высунет носа...

Никто, кроме дворецкого. Пока я сидела у замочной скважины, его силуэт мелькнул три раза.

Стрелки часов приближались к назначенному времени. Подкравшись к подоконнику, зажгла канделябр и выглянула. Фонари в саду не горели — за окном была чернота...

Сзади как будто раздались тихие шаги. Дверь точно не открывали — я подумала, что мне померещилось, и не обернулась...

А зря.

В следующую секунду кто-то зажал мне рот и развернул к себе. Сердце подскочило к горлу, в груди застрял испуганный вопль.

— Простите... — шепнул Дамиан в опасной близости от меня. — Был вынужден.

— Как вы нашли меня?! — выдохнула, когда он убрал руку. — Я только разожгла свечи...

— Я здесь уже час, — огорошил инспектор. — Видел, куда вы входили.

На этом потрясения не закончились! Не успел Бардош отстраниться, как дверь — теперь отчетливо — распахнули. Застигнутый врасплох инспектор тут же предпринял меры: меня оттолкнул на кровать, а вошедшего припечатал к полу.

— Это еще кто?! — прошипел Дамиан, тряхнув за воротник свидетеля нашей встречи.

В нем я узнала Марко...

— Позвольте полюбопытствовать... — прокряхтел он. — Чем вы занимаетесь в моем доме?!

— А-а-а, господин Ворнич? — Бардош одним движением вернул его на ноги.

— Еще чего! — вырвался тот. — Марко. Готи.

— Он свой, — коротко сказала я и, шурша юбкой, встала с постели. — Зачем ты пришел?

— Тадеуш рассказал мне о том, что было на приеме. — Отряхнувшись, Марко приосанился. — Но я захотел узнать все из первых уст!

— И сделали это очень не вовремя, — едко вставил Бардош.

— А вы, я смотрю, манерами не отличаетесь! — вступил в перебранку болван.

Торопливые шаги в коридоре заставили замолчать обоих.

— Сюда идет дворецкий! — прошептала я, оглядываясь. — Ты — в шкаф! — подтолкнула остолбеневшего Марко. — А вы...

— Разберусь. — Инспектор перемахнул через кровать.

Меж тем в дверь постучали.

Выждав, пока шорох в шкафу стихнет, я оправила платье и как ни в чем не бывало открыла.

— Георге? — окинула равнодушным взглядом дворецкого. — Вы что-то хотели?

— Прошу простить, что побеспокоил вас. Я услышал грохот и подумал, что-то

стряслось, — изображая извиняющийся тон, он тем не менее смотрел мне за спину.

— Грохот? Пойдите-ка, я тоже слышала... — Просунулась в коридор, вытесняя его. — Я как раз боролась со шнуровкой корсета — признаться, не привыкла к таким платьям... Мне показалось, в покоях сестры кто-то есть, но выглянуть я не решилась. Вам лучше проведать ее, — выбила почву из-под его ног.

Георге не мог спорить с гостьей. Ему оставалось вежливо склонить голову и удалиться, приняв поражение.

Когда дворецкий убедился, что "ничего не произошло", в коридоре вновь стало тихо. Дверцы шкафа скрипнули. Из-за кровати поднялся инспектор.

— Неплохо, — похвалил он меня.

Марко нарочито фыркнул.

— Раз ты здесь, — обратилась к нему, — объяснись с инспектором Бардошем сам.

Мужчины обменялись долгими взглядами, не предвещавшими ничего хорошего.

— Не ваш ли родственник в прошлом году вел спор по винодельне в Бистрице? — прервал паузу Дамиан.

— Если и мой, разве это имело к вам отношение? — огрызнулся Марко.

— Разбирательство было столь громким и путанным, что к решению до сих пор остались вопросы... — как бы невзначай подчеркнул Бардош.

— Кого ты, черт возьми, привела?! — накинулись уже на меня.

Ситуацию надо было спасать.

— Пожалуй, внесу ясность, — вздохнула, садясь в кресло. — Месяц назад Марко неудачно сыграл в казино. Проигрыши ни для кого не новость, но у нас есть сведения, подтверждающие, что его подставили.

Пострадавший отвернулся к окну, силясь разглядеть что-то во тьме. Инспектор занял кресло напротив.

— Слушаю.

— Это спланировали Ворнич и его друг, Зоран Гури, а замысел помогла воплотить моя сестра. Она, как и я, от природы обладает силой, но использует ее неумело, во вред другим.

— Значит, вы — ведьма? — приподнял бровь инспектор. — Вот оно что... Не считите за укор, ведьмы здесь давно перевелись, оставив после себя дурную славу. Потому я не ожидал услышать нечто подобное.

Кивнув, продолжила:

— Она заворожила его и подтолкнула на провальную ставку. Ворнич и Гури знали, что останутся в плюсе, — определенно, они вовлекли крупье. Сразу после Марко хотели отвезти в дом Гури, где он должен был отписать в пользу двоих все, что те пожелают. Но у казино его перехватил друг, который оказался там волей случая. Помехой стало и то, что поместье, разыгранное в тот вечер, еще не перешло к Марко — оно принадлежит его деду. Тогда ситуацию переиграли: наутро хозяина уведомили письмом. Не могли же они уйти ни с чем? С Ворничем рассчитались этим особняком, Марко же... — У окна кашлянули. — Был сослан далеко отсюда и до последнего находился в неведении. Мне удалось выяснить, что Ворнич хранит в особняке тайные договоры или переписки с подельниками. Видимо, его дом перестал подходить для этих целей.

— Зачем тогда устраивать торжество здесь? — остановил меня инспектор.

— По правилам, приобретение нужно обмыть, — влез с замечанием Марко.

— Вчера на ужине Ворнич упомянул, что планирует провести на вечере аукцион, чтобы

сбыть пару ценных вещей напрямую, — добавила, глядя на него. — Подразумевалась и сабля из дамасской стали.

— Мой случай будничней, — наконец отлипли от окна. — Эти двое интересны другим: Милош каким-то образом выиграл битву за рудники, а Зоран легко отобрал "Гарсона". Кстати, бывшего хозяина таверн давно никто не видел... Вам есть, куда копать.

— Занятно. — Бардош сложил пальцы домиком. — Но неужто вы надеетесь на их признание? Для начала мне нужно заполучить бумаги...

— Заговорит как минимум моя сестра. В комнате спрятано зелье, способное развязать язык даже вам, — раскрыла козырь я. — Свидетели не понадобятся. У меня есть приспособление, которое воспроизведет любой разговор. — Я задрала рукав — он скрывал шнурок с кольцом, намотанный на предплечье.

— Вы, Дина, не перестаете меня удивлять, — протянул инспектор и словно хотел что-то добавить...

Но его перебили.

— Предлагаю разделиться: я проникну в кабинет и найду бумаги, Дина возьмет на себя Ольгу, а вы... будете ждать сигнал и задержите негодяев. Управиться нужно за час-два, потому что дед собрался уехать из столицы вечером. Я хочу, чтобы он застал мое грандиозное возвращение! — вдохновенно прошептал Марко.

— Условимся так, — качнул головой Дамиан. — Я должен присутствовать на торжестве, но до его начала мне есть, чем заняться. Вокруг дома я расставлю констеблей... К тому же особняк мной уже осмотрен, а тайные ходы — найдены. Для подстраховки я подсоединю к вам своего коллегу. Он объявится заранее.

На столь таинственной ноте разговор был окончен. Прощаясь, Бардош задумчиво смотрел на меня. Он явно хотел что-то предложить... но не решался, не до конца убедившись в моей надежности.

Марко уходить не спешил. Так и стоял, не сводя с меня глаз.

— Я знаю, что выгляжу в этом платье ужасно, — усмехнулась я.

— Что вы делали, когда я вошел? — спросил резко.

— Он как-то бесшумно проник... и чтобы я не закричала... — отчего-то замешкалась.

— Ты знакома с ним несколько часов, а уже ввязываешься в сомнительные игры в темноте? — Расстояние между нами сократилось. — Что, настолько танцевать понравилось?!

— Это ты мне говоришь?! — Мой шепот стал яростнее. — Даже если так, какое тебе дело? Между нами ничего нет и быть не может!

Он отстранился. Опустил взгляд, словно что-то обдумывая...

— Ты ошибаешься. Дай мне совсем немного времени.

Комната опустела. Я осталась наедине со своими мыслями...

В ожидании рокового дня.

Глава 37. Да будет бал!

Глава 37. Да будет бал!

И он наступил, отрезав пути назад. Так стремительно, словно стрелки часов перевели по щелчку пальцев.

Уже с утра в доме кипела работа: под надзором Георге горничные до блеска начищали паркет, на кухне хлопотала кухарка, а садовник подравнивал газон и кусты. Особое внимание уделялось танцевальному залу и прилегающему к нему каминному — там устраивали буфет. К обеду и вовсе ожидался экипаж с цветами: особняк должны были украсить живые декорации.

За завтраком я сидела как на углях. Несмотря на помощь инспектора, меня терзали смутные сомнения. Что, если кто-то заметит, как я подливаю зелье сестре в бокал? Или же Марко поднимет всех на уши раньше времени? Осторожность не его конек...

— Ты слышала грохот посреди ночи? — спросила Ольга за чаем.

— Да. Мне показалось, звук был из твоей спальни, — не отступила от своей версии.

— С чего бы? Мой покой нарушили стуком в дверь! Георге, видите ли, тоже его слышал! — поморщилась сестра. — Этот идиот наверняка забыл закрыть ход, и механизм сработал сам с опозданием...

— Ход? — сделала вид, что не поняла, о чем речь.

— Дом оснащен потайными коридорами, — нехотя созналась Ольга. — Георге пользуется ими, когда поручение нужно выполнить как можно скорее.

— И куда они ведут? — наивно захлопала глазами.

— Один огибает кабинет Милоша, другой — парадные залы, а третий...

Ольга замолчала — за дверями столовой раздались голоса горничных. Боясь, что нас подслушают, она прошептала:

— Ведет из хозяйской спальни на черную лестницу. В ней останавливается господин Ворнич.

— А что заставило бывшего владельца продать особняк? — ввернула ненароком. — Милош упоминал, что он даже не забрал ни одной ценной вещи...

— У него не было выхода: он обанкротился, — перебила Ольга и вдруг наигранно охнула. — Как я могла забыть? Через час ведь приедет портниха с платьем! Пойдем наверх?

Я кивнула — с едой все равно уже было покончено. Пусть думает, что ей снова удалось заговорить мне зубы.

Пока сестрица крутилась перед зеркалом, я украдкой посматривала в окно. Может, среди снующих по дороге экипажей была и карета инспектора, а под маской неприметного прохожего скрывался его человек?..

Портниха прибыла в сопровождении камеристки. Милош обделил сестрицу личной служанкой, но в особых случаях, как сегодня, ей выпадала такая честь.

Я и не представляла, что сборы могут так утомить! Пока портниха готовила наряд, горничная нагревала щипцы на огне и завивала Ольге локоны. В какой-то момент сестра передумала и часть волос убрали в корзинку на затылке. Затем ей пудрили лицо, шею и грудь, после чего началась эпопея с платьем... Оно было великолепным — насыщенно голубым, как ее глаза, будто испещренным морозными узорами. Но капризная сестрица не оценила его по достоинству: то оборки казались не расправлены, то юбка — примята, то

корсет был не так зашнурован. Спустя пару часов руки камеристки дрожали, портниха изливалась потом, а я мечтала рвануть за дверь.

— Берта, сделай Дине прическу! — распорядилась сестрица, повторно нажимая на помпу духов.

От удушливого аромата зачесался нос. Я была согласна даже на косу — лишь бы скорее глотнуть свежего воздуха!

— Что мне надеть? — спросила, покашливая.

— Как, что? У тебя целых два платья: желтое и лиловое! — усмехнулась Ольга. — Я же не просто так их тебе отдала?

Какая щедрость! Терпеть косые взгляды второй вечер подряд я не собиралась — уж лучше облачусь в лиловое. В его лиф как раз поместится пузырек с зельем...

Когда Берта сделала мне пучок, я все-таки улизнула. На подбор украшений терпения не было, к тому же коллега Бардоша до сих пор не объявился. А до начала торжества оставались считанные часы...

Экипаж с цветами уже отбыл — горничные украшали ими лестницу и холл. Отвлекаясь, я не сразу заметила, как шевельнулась портьера в конце коридора. Только на подходе к покоям поняла, что меня поджидали.

Из укрытия выглянул худощавый мужчина с контрастной внешностью: серыми глазами, каштановой копной волос и смуглой кожей. Он был одет как разносчик (вероятно, прибыл с экипажем), но острый взгляд и аристократичные черты лица выдавали в нем человека представительного.

Запустив его, наглухо закрыла дверь.

— Будем знакомы, Эмиль Чабрань, — представились тихо. — Не зря Дамиан хвалил вашу реакцию...

Готи

Все нутро трепетало в предвкушении: я не мог ни спать, ни есть, ни разговаривать на отвлеченные темы. В то, что обстоятельства сложились так удачно, до сих пор не верилось. Мы прибыли в столицу именно тогда, когда в отделе финансовых преступлений сменилось начальство, а подонкам приспичило устроить шабаш в моем доме!

В эту рулетку судьбы я был обязан выиграть.

К пяти часам карета Тадеуша остановилась у ворот особняка. Когда друг вышел, кучер отъехал на безопасное расстояние и я смог незаметно выскочить. Ощущение, что за мной следуют по пятам, прилипло намертво, но я припустил по привычному маршруту, списав это на волнение.

Вся прислуга была сосредоточена в парадной части дома. Окна покоев темнели, а танцевальная зала, выходящая на обе стороны, еще пустовала. Гостей только встречали.

Миновав хозяйственные помещения, я вошел в малую гостиную. В ней собирались в тех случаях, когда визит наносил кто-то из товарищей или родственников. Сколько раз я проходил мимо большого семейного портрета, ни разу не думал, что мне пригодится проход за ним...

Нашупав углубление в стене, дождался, пока дверь отъедет в сторону, и скрылся в толще стен. Тьма была настолько густой, что даже мне со своим зрением приходилось идти на ощупь. Но проход был устроен нехитро — делал крюк за соседним коридором и кончался прямым в кабинете.

Прислушавшись, толкнул дверь и очутился рядом с окном. За неимением дел я бывал в

кабинете нечасто, используя его в качестве хранилища почтовых переписок, злополучной коллекции оружия и хьюмидора с сигарами. Раздвинув портьеры, первым делом метнулся на поиски запасного ключа от секретера. Милош наверняка нашел потайную нишу и спрятал туда все бумаги.

Скрип за спиной заставил замереть от ужаса. Проход незамедлительно открылся, и в кабинете стало на одного больше...

Под рукой не нашлось ничего лучше канделябра. Схватив его, резко обернулся. Я ожидал увидеть кого угодно: Зорана, Милоша... даже этого цепного пса, дворецкого!

Но наткнулся на револьвер. И держал его незнакомый человек в обносках уличного разносчика.

— Марко Готи? — прошептал он, вглядываясь в мое лицо.

Недоверчиво кивнул.

— Сержант Чабрань. — Оружие опустили. — Вы еще не нашли бумаги?

— Нет, — облегченно выдохнув, отставил канделябр на стол. С серебряными пулями шутить не стоило — с недавних пор мы стали чувствительны к ним. — Думаю, они хранятся в секретере — там есть потайное отделение. Запасной ключ всегда лежал в вазе... — Снова закрутил головой по сторонам. — Но вазы здесь больше нет!

Сержант запустил руку в карман и вынул оттуда приспособление с мелкими зубчиками на конце, отчасти напоминающее ключ.

— Отойдите.

Я с интересом наблюдал, как он прильнул ухом к поверхности и стал ковырять отмычкой в замке. Проблема была легко решена: послышался щелчок, и столешница откинулась, открыв доступ к ящикам. Пять слева, пять справа, между ними — дверца. За ней — ниша с еще одним, уже поменьше. На первый взгляд, никакого подвоха... Но, если нащупать неприметную защелку и выдвинуть нишу, секрет станет известен.

Пространство в глубине тайника было забито конвертами. Мы с сержантом поняли друг друга без слов — стали пихать их во все карманы. Парочку я даже успел распечатать.

— Взгляните, бывший глава вашего отдела! — шепнул Чабраню и зачитал: — "Стряпчий подменил бумаги, подпись есть. Не забудь, что обещал".

— Вовремя он соскочил, — процедил сквозь зубы сержант.

— Или вот, свежее! Некий Мариус пишет: "Ты спрашивал про Р. Глуп до невозможности, но крайне удачлив. Недавно получил в наследство счет с шестью нулями и выиграл земельный участок близ Б. Не упusti шанс, он будет в субботу". Один из крупье?

— Запросто. — Чабрань вставил нишу обратно. — Где вы храните оружие, которое они ищут? Дина выяснила, что после встречи гостей дворецкому велели осмотреть дом еще раз. Многие придут сюда ради сабли.

Я ухмыльнулся.

— Милоша не просто обвести вокруг пальца, но у меня, похоже, получилось. Он так и не сообразил, что все это время сабля была у него под носом.

Расчистив стол от принадлежностей, приподнял увесистую крышку и кивком указал на футляр.

— Красивая штукавина, — Чабрань одобрительно поджал губы, поднеся клинок к окну.

— Бесплезная! — отмахнулся я. — Дядя подарил, а деть некуда. На стену не повесить — как по мне, не смотрится. Вот и убрал подальше, чтоб глаза не мозолила.

Сержант уже собрался вернуть футляр на место, но я остановил его.

— Постоите! Все же хотят, чтоб сабля была на аукционе? Я им это обеспечу... Только для пушего эффекта предлагаю перехватить дворецкого.

Дина

К пяти часам дом оживился с новой силой. Сперва прибывающих встречал дворецкий, в гостиной же, за которой и следовал танцевальный зал, их ждал Милош. Увидевшись с покровителем, Ольга не теряла надежды получить от него комплимент, но старания не увенчались успехом. Милошу было плевать — мысли его занимала так и не найденная сабля. Я успела сказать об этом Эмилю, маневрирующему по коридорам не хуже Бардоша. По моим подсчетам, они с Марко уже должны были пересечься...

С первых минут я играла роль покорной овечки — тихонько стояла возле Ольги. Быть ее тенью получалось отменно: каждый, кто входил в зал, восхищался платьем сестры и ахал, видя парящие над головами гирлянды из цветов. На меня — ноль внимания, чем я и пользовалась, высматривая инспектора.

Бардош явился без опозданий. Он был одет по последнему писку моды, в смокинг, как выразилась сестра. С Ольгой держался учтиво — поцеловал протянутую ручку, завел разговор "ни о чем"... А, когда заиграла музыка, и вовсе пригласил на танец. Меня же из вежливости подхватил Зоран. Милош вел Адриану — я слышала, как он раскаивался за свое вчерашнее отсутствие.

И вновь все кружились в танце. Зал благоухал цветочными ароматами, пестрел нарядами дам, наполнился радостными улыбками. Сестрица сияла как медный таз — думала, урвала такую шишку, самого инспектора! Ее подельники то и дело обменивались одобрительными взглядами. А мы с Дамианом вели свою игру...

"Все идет по плану," — будто сообщали его глаза.

"Скоро уведу ее," — украдкой отвечала я.

Когда музыка кончилась, я чуть ли не бегом кинулась к буфету. Конечно, я и сама не отличалась грацией, но Зоран за каких-то пять минут успел истоптать мне все ноги!

До аукциона планировалось провести два танца с перерывом — Георге должно было хватить времени, чтобы прочесать дом. Но, затягивая, мы рисковали упустить деда Марко.

Выждав, пока в каминном зале прибавится людей, я увязалась за сестрой. Гости могли закусывать когда и сколько угодно — столы были сервированы заранее, и прислуга никому не мешала. На одном выставили различные вина и тяжелые блюда вроде мяса, на другом — чайные принадлежности и десерты.

Меня выручил Бардош: он вновь присоединился к Ольге, шныряющей по залу.

— Какой интересный набор блюд! Неужели я вижу паприкаш?

— Советую попробовать паштет из фазана! Кухарке Милоша сложно сыскать ровню во всей столице! — стала выделяться сестра.

Меж тем она придвинула бокал...

— Так вы бываете здесь довольно часто? — Склонившись к Ольге, инспектор понизил голос: — Прошу простить, я совершенно ничего о вас не слышал. Вы кажетесь такой загадочной...

На клушу подействовало. Она отвлеклась, так и не взяв вино.

Времени было в обрез. Одной рукой я прикрыла лиф, другой — нащупала крохотный пузырек. Уловив кивок Бардоша, откупила его под столом и точным движением влила содержимое в бокал. Затем медленно отошла и спрятала улику.

Кажется, получилось.

Какое-то время инспектор ловко кружил ей голову — сестра и без вина разомлела, смеясь и кокетничая. Когда же Бардош, извиняясь, отлучился, ее перехватила я. Георге как раз распахнул двери в сад, а зелье успело раствориться в бокале.

— Как душно! Голова кружится... — обмахиваясь, запричитала я. — Давай прогуляемся?

— И все-таки я ему понравилась, — вздохнула сестрица, глядя инспектору вслед. — Такие, как он, умеют обращаться с женщинами!

— Я думала, господин Ворнич не менее обходителен... — Взяв ее под локоть, повела к пустующей беседке.

— Ах если бы! — Сестра в расстроенных чувствах сделала глоток. — Милош использует женщин даже не ради удовольствия — ради наживы! Я лишь пешка в его руках... — И еще один.

Гости пока не успели насладиться фуршетом. Нам никто не мог помешать. Я поправила рукав — на самом деле спустила тесемку на запястье и вынула из-под платья кольцо. Оно было заговорено заранее и отозвалось едва уловимым свечением.

Зелье сработало быстро: я видела, как сестру охватил легкий мандраж. Она попыталась запить его...

— Поэтому ты ложишься в койку с теми, с кем Милош прикажет, и используешь запретные чары?

Сестра нисколько не растерялась. Проигнорировав неудобную часть вопроса, ответила:

— Чарам закон не писан. Кто сказал, что они запрещены?

— Не стыдно тебе пачкаться? — не отступила я.

— Разве я пачкаюсь? — Ольга негромко рассмеялась. — Всего-то устраиваю свою жизнь, чтобы не сидеть в вонючем чулане с иголкой и не драить полы в трактире! Возвращаться в захолустье я не собираюсь — я же не дурнушка, как ты? Пускай мне сослужит хоть красота, раз не повезло родиться в приличной семье! — Она пожала плечами, ничуть не стыдясь. — К тому же господин Ворнич следит за моей репутацией — я имею дело лишь с теми, кто не скажет лишнего слова... или не получит возможности его сказать. Не скрою, иногда это даже приятно.

Я поморщилась от омерзения.

— Неужели ты стала такой из-за денег?

— Деньги, моя дорогая, способны решить все. — Ольга посмотрела на меня свысока. — Я живу в богатом доме с прислугой, каждый день ем то, что подают в ресторанах, могу позволить себе любой наряд и вожу дружбу с влиятельными людьми столицы. Биография моя тоже подправлена. Разве это не предел мечтаний всякой простолюдинки? — горделиво заявила сестрица. — Ах нет! Забыла! Хорошо бы иметь собственный особняк... Но и это мне обеспечат. — Она откинулась на перила, метнув взгляд в сад. — Полно с меня уроков взрослой жизни. Думаешь, я не догадалась, чем ты промышляешь за моей спиной?

Тело всколыхнул страх. Я подозревала, что могу быть поймана... но ведь все шло так гладко!

В следующую секунду она выплеснула содержимое бокала на газон.

— Одного глотка было достаточно. Я подыграла тебе. — Самодовольный смешок. — Конечно, сначала я поверила бедной сестрице, но уже на следующий день стало понятно, что ты здесь неспроста. Что, получила письмо и зависть загрызла? — Меня резко схватили за подбородок. — Ломаешь комедию, а ведь сама не прочь пожить! Решила собрать на

нас компромат и донести газетчикам?

Сказать, что я выдохнула, — это ничего не сказать. Она оказалась умнее, чем я думала, но преимущество оставалось в моих руках. Точнее находилось в компании сержанта в кабинете.

— Еще и Бардоша стала обхаживать! Ишь, куда прыгнуть вздумала! — Меж тем меня толкнули — не выстояв, я рухнула на скамейку. — Думаешь, инспектор пойдет на поводу у какой-то замарашки? Конечно, он мог послушать тебя и даже подождать, пока ты нароешь что-то "повесомее"... Ты ведь сама искала в доме тайные ходы и наверняка хотела впустить к нам жалкого репортеришку? — презрительно фыркнув, Ольга нависла надо мной. — Наивная! Ты даже не представляешь, как помогла мне! Бардош — человек новый, потому и недооценил господина Ворнича. А зря. Сегодня Милош сделает ему предложение, от которого инспектор не сможет отказаться. Отвергнуть его — значит, бороться с целым управлением. У комиссара-то, его непосредственного начальника, рыльце давно в пушку! Зачем пилить сук, на котором сидишь? — Ее губы изогнулись в победном оскале.

Я была готова принять поражение, но одна мысль напрочь не шла из головы. На самоотверженного энтузиаста Бардош не был похож...

Значит, он знал, на что решается.

— Георге! — вдруг позвала сестрица.

Кусты за беседкой зашелестели.

— Скажем, что ей стало дурно и ты отвел ее наверх, — шепнула Ольга мне за спину. — Тем более некоторые слышали, как Дина жаловалась на головокружение...

Миг — и рука дворецкого прижала к моему носу платок, пропитанный чем-то едким. Попыталась вырваться — бесполезно. Ольга намертво вцепилась в меня, а силы убывали с каждым новым вдохом...

Последнее, что я увидела, — как что-то блеснуло около рукава. Кажется, надрезали тесемку.

— Избавься от этого. Разберемся с ней позже.

Готи

Когда все улики нашего визита были устранены, мы с сержантом рассредоточились. Я ждал в кабинете, а Чабрань прятался в засаде в малой гостиной.

Время от времени я поглядывал за портьеру — отсюда был виден ход для прислуги. Примерно через час около него стала происходить возня, будто что-то случилось. Что именно, я не застал, но довольно скоро за стеной послышался характерный звук.

Дверь отъехала в сторону, и в кабинет шагнул Георге. Погруженный в свои мысли, он не сразу заметил блеснувший в углу клинок.

— Стоять.

Дворецкий резко отшатнулся.

— Кто вы и что здесь забыли? — Он дотронулся до кармана брюк.

— Со мной лучше не делать лишних движений, — покрепче перехватил оружие. — В неумелых руках эта сабля еще страшнее. Вы ведь ее искали?

Больше не теряя ни секунды, меня со всей силы пнули. Качнувшись, я чуть ли не повалился на стол, а слуга кинулся наутек. Но топот стих быстро. Не успел он преодолеть и половину пути, как залетел обратно и обессиленно рухнул к моим ногам. Чабрань буквально снес дворецкого, напоследок хорошенько припечатав по голове. Несмотря на сухошавую комплекцию, силы в сержанте было за троих.

— Нашли, чем связать? — склонился над поверженным.

— Обижаете.

В том, что накинули на запястья Георге, я узнал декоративные шнуры для штор...
Ладно, для дела не жалко!

Теперь путь был расчищен. Я уже собрался переступить дворецкого... но то, что выкатилось из-под него и, моргнув красным светом, потухло, заставило остановиться.

Подобрав украшение, я нервно сглотнул.

— Перстень! — показал сержанту. — Они что-то сделали с Диной!

Чабрань обшарил карманы слуги и вытянул из одного платок.

— Усыпили и, вероятно, заперли где-то, — приняхавшись, он отпрянул. — Идите. Я попытаюсь свистнуть нашим.

Не испуг — ярость захлестнула меня с небывалой силой. Как они посмели притронуться к Дине?! Думали, легко устранили помеху?! Ну, недолго ликовать осталось...

Метнувшись в проход, я добежал до малой гостиной, распахнул двери и, больше не скрываясь, направился в зал торжества. Все до единого находились там — музыканты перестали играть, когда я почти достиг цели.

В одном я точно был благодарен деду: он никогда не отличался болтливостью и не разглашал проблем семьи. Тадеуш тоже не подвел, но он, скорее, просто ни черта не запомнил после количества выпитого. Никто из этого сборища понятия не имел, где я пропадал целый месяц. Да что они вообще знали, кроме показной роскоши и разовых интрижек? Даже их сплетни были нелепы!

В зал я проник незамеченным. Все взгляды были обращены на Милоша — он стоял в окружении разодетых шавок. Слуги как раз выносили трибуну, специально подготовленную для аукциона, и холст, прикрытый тканью.

— Господа, дамы! Для меня честь провести для вас этот аукцион! — объявил Милош с радушной улыбкой. — А не начать ли нам с картины...

— Почему же с картины? — громко перебил его.

Десятки голов дернулись, как по команде. По залу прошла волна недоуменных восклицаний.

— Давайте начнем с самого интересного, — обнажив клинок, взмахнул им над собой. — С сабли, которую вам всем обещали!

Глава 38. Маски сорваны

Глава 38. Маски сорваны

Трибуна с грохотом ударилась о пол. На лице Милоша отразился целый калейдоскоп эмоций: от страха и удивления до злости и раздражения. На Зорана напал кашель. Ольга же пошатнулась, бледнея. Взгляд девушки побежал по присутствующим, однако его словно заволочло пеленой.

Полагаю, пазлы в ее голове сложились.

— Марко Готи... Тот самый... — стало доноситься отовсюду.

— Надо же! Я думала, холуй вбежал! — с отвращением оглядев меня, сострила незнакомая дама.

— Советую быть аккуратнее в высказываниях в *моем* доме, — натянуто улыбнувшись, подался вперед.

Великосветская толпа расступилась. Теперь нас с Милошем разделяли пару жалких шагов. Он замер, словно кролик перед удавом. Надежда на подельников таяла на глазах: одна была в предобморочном состоянии, другой пятился, делая вид, что никого не знает.

Правда, трусу не повезло наткнуться на Бардоша, выросшего посреди зала.

— Кстати, о холуях, как вы имели неосторожность выразиться... — Особа скривилась, а я перевел взгляд с Зорана на Ольгу. — Ни один из них не смог найти эту саблю. А была она в столе, Милош, за которым ты отирался в мое отсутствие. — Я провел пальцем по лезвию. — Дамасская сталь, рукоять из нефрита, золотая инкрустация, крестовина из серебра с искусным узором... Не просто коллекционная вещица, а одно из лучших и самых дорогих оружий прошлого. Я помню, как загорелись твои глаза, когда ты узнал об этом подарке. Интересно, ты и от других успел избавиться?

— Марко... Право слово, не ожидал! — наконец произнес Милош. — Ты, должно быть, не в курсе, что дом теперь принадлежит мне. Я волен распоряжаться имуществом без твоего ведома, — он развел руками, нацепив улыбку. — Этот ценный атрибут заинтересовал моих приятелей, а потому я решил найти ему куда более увлеченного владельца, чем я. Не скрою, поиски сабли продолжались вплоть до сегодняшнего дня и ты вовремя меня выручил. Но может, стоило предупредить о своем визите и не заявляться по-хамски? — Милош оглянулся, ища в толпе одобрение.

Но он не получил его. Присутствующие насторожились, наблюдая за нами в безмолвии.

— Ах, к чему мне манеры! Я давно изгнан из вашего благородного кружка! — вложив саблю в ножны, вынул из внутреннего кармана конверт. — Пора закончить этот спектакль. Узнаешь?

Гости стали высовываться из-за спин друг друга. Искоса посмотрев на инспектора, Милош дернулся в мою сторону.

— Но-но! — увернулся я. — Разве ты не видишь любопытство в глазах публики? Позволь его утолить! — раскрыл письмо. — Думаю, всем известен господин Дабижа, которого на днях сменил инспектор Бардош. Кадровые перестановки в отделе финансовых преступлений случились неспроста. Вы даже не представляете, на что закрывал глаза бывший начальник! А скольких из нас успели одурачить его сообщники, среди которых господин Ворнич, господин Гури... и эта прелестная дама, с недавних пор обосновавшаяся в столице.

От подскочившего напряжения люстры норовили разлететься на осколки. Взгляды устремились на Ольгу, парализованную ужасом.

— Нелепая выдумка, господин Готи! — усмехнулся Милош, стараясь скрыть волнение. — Ворвались сюда без приглашения и трясете какой-то фальшивой бумажкой, чтобы очернить мое имя! Не придумали другого способа вернуться? — нарочито вежливо обратился он.

— Почему фальшивой? — Я прочистил горло. — Она взята из секретера, где хранились твои тайные переписки. Вот здесь инспектор пишет, что похлопотал обо всем и стряпчий подменил бумаги своему клиенту — господину Пальфи, который, кажется, владел шахтой на побережье? Сейчас он банкрот, — продемонстрировал письмо. — А тут, — достал из кармана следующее, — крупье сообщает о некоем Р., за счет которого можно пожить. Земля и сумма в банке с шестью нулями — неплохое вознаграждение, тем более когда нужно делиться со всеми участниками цепочки. Конкретно эти двое, — кивнул на Зорана с Ольгой, — непритязательны. Одному хватило "Гарсона", а самозванка работает за похлебку и крышу над головой.

Женская половина возмущенно загудела. Пудра больше не могла скрыть краску, залившую щеки Ольги. Девушка нырнула за спину покровителя, присматривая пути побега.

— Да-да, вы не ослышались! — добавил громче. — Ольга — обыкновенная проходимка, решившая попытать счастья в столице. Уж не знаю, при каких обстоятельствах они с Милошем познакомились, но он стал использовать ее в своих интересах. Ольга обладает даром колдовства и может заморозить любого, на кого укажет хозяин. Под чарами легко подписать не ту бумагу, проставиться в казино... — стал загибать пальцы.

— Подтверждаю! — прочавкали из каминного зала. Тадеуш времени не терял — пока все следили за разоблачением, подчищал остатки фуршета. — Пару месяцев назад мы с ней оказались в одной постели. Она опустошила мой кошелек, сняла с меня драгоценности и каким-то образом смогла избежать второй встречи! Потеря была несущественной, и я даже забыл о случившемся...

— Зато ей не повезло пересечься со мной, — вставил я. — О моем проигрыше в казино, наверное, не говорил только ленивый! Я был вынужден оставить все и, по воле моего деда, отправился подальше от столицы. В дивное местечко — Чертову заводь. До сих пор теряюсь в догадках, совпадение это или у судьбы на меня оказались свои планы, но я повстречал там девушку, приходящуюся Ольге сестрой. Я здесь благодаря ей.

Маска спокойствия окончательно треснула. Милош был готов придушить Ольгу на месте.

— Клянусь, я ничего не знала! — залепетала девица, отодвигаясь. — Я думала, Дина повязалась с прессой...

— Идиотка! — Милош встряхнул ее, теряя остатки самообладания.

— Вы просчитались, господин Ворнич, — вступил в разговор инспектор. — То, на что вы посмели мне намекнуть, только подставило вас. Да будет вам известно, в массовой зачистке заинтересован некто намного выше комиссара. Выйти сухим из воды все равно бы не получилось. — Бардош приблизился к нему и взял за плечо. — Я арестовываю вас по подозрению в мошенничестве.

Такого переполоха мой дом еще не видел! Секунду спустя Милош оттолкнул инспектора и опрометью помчался в сад. За ним припустил Зоран. Напуганные гости кинулись врассыпную, мешаясь и сталкиваясь. Несколько дам даже повалились — в суматохе им

наступили на платья. В каминном зале послышался звон битого стекла, затем вскрик...

Только Ольга никуда не делась. Вместо того, чтобы сбежать, она бросилась на меня со всей жестокостью, пытаясь уничтожить письма. Девушка знала, куда метить, но я оказался быстрее — сделал подсечку, и она рухнула на пол.

Тут пригодилась сабля. Обнажив ее, приставил к горлу проходимки и процедил:

— Где Дина?

— Наверху... — пискнула сдавленно. — Я... я многого не знала! Милош толком не посвящал меня ни во что! Он угрожал мне!

— Не пытайся давить на жалость. — В очередной раз запустил руку в карман. — Час назад ты наверняка говорила иначе.

Увидев кольцо, она испустила надрывный вздох. Милое личико исказила гримаса отчаяния.

Зал вдруг содрогнулся от быстрого топота ног и крика:

— Всем оставаться на местах!

Я в жизни не видел столько констеблей! Мало того, что полчища сотрудников Бардоша хлынули в дом, территория вокруг уже была оцеплена ими. Похоже, налет устроили всем отделом!

— Пакуем, — велел инспектор, рывком подняв Ольгу. — Пойдет как соучастница.

Дина

Голова отяжелела, а конечности занемели так, что я была не в силах сдвинуться с места. Я слышала голоса возле себя, но веки будто свинцом налились.

В какой-то момент в ноздри ударил резкий запах, и я распахнула глаза, жадно глотая воздух. Картинка еще не приняла четких очертаний, но я поняла, что лежу на кровати, а кроме меня в покоях находятся двое. В одном угадывался Марко, другой же был мне неизвестен. Именно этот мужчина привел меня в чувства — кажется, он держал пузырек с нюхательной солью.

— Дина? — обеспокоенно позвал Марко.

Нащупала его руку и крепко сжала.

— Это дворецкий... Я говорила с Ольгой в саду, а он все время прятался за беседкой... — стала бормотать я. — Он сунул под нос какой-то платок...

— Я знаю, — спокойно ответил Марко. — Теперь все позади.

— У нас... получилось? — Поднявшись в кровати, во все глаза уставилась на него.

— Не делайте резких движений, — пробурчал, по всей видимости, лекарь, копаясь в своем саквояже. — Ее лучше отвести на воздух как можно скорее.

— Пойдем. — Марко помог мне встать и, взяв под локоть, осторожно повел прочь.

Произошедшее до конца не укладывалось в голове. Я шла медленно, покачиваясь и щурясь от яркого света. То тут, то там мелькали силуэты — по дому беспрерывно сновали люди в погонах.

— Георге успел избавиться от кольца? — спросила, боязливо преодолевая ступени.

— Нет. Мы с сержантом перехватили его и обезвредили. Хороший парень, этот Чабрань... Да и Бардош не подвел. Его констебли за пару минут повязали всех троих, — в голосе Марко звучало ликование.

— У меня не получилось выбить из Ольги признание... Она поняла, что я подлила в бокал зелье, и рассказала только о своих мотивах.

— Она как минимум признала соучастие, — хмыкнули в ответ.

Я ощутила легкий укол страха.

— Что будет с моей сестрой?

— А это ты сможешь узнать лично у инспектора. Он все еще тут.

Двери распахнулись — меня обдало вечерней прохладой. Во дворе яблоку негде было упасть. Констебли стояли буквально повсюду: кто-то из них просто наблюдал, а кто-то опрашивал присутствовавших на торжестве. У ворот ждали несколько экипажей, к которым только что присоединилась очередная карета.

Бардош появился прямо за ней, на ходу раскуривая тонкую сигару. Еще одну инспектор предложил Эмилю, устремившемуся навстречу.

— Мы же бросили? — устало рассмеялся сержант, но сигару принял.

— Нервы, друг мой, страшная вещь, — ответил Бардош, подняв взгляд на небо. — Работы у нас на сутки вперед, теперь всю ночь не приляжем.

— Ну, после такого и меня обязаны повесить! — заключил в шутку Чабрань.

Я собиралась присоединиться к ним, но на пути у нас с Марко вырос пожилой мужчина. Он был крайне бледен, худощав и довольно привлекателен для своего возраста. Волосы, спускающиеся чуть ниже уха, уже тронула седина, но усы оставались черными, как смоль. Прибыл он не один — со своей молодой копией, таким же черноволосым, скуластым и кареглазым мужчиной.

— Марко, черт побери! — сотрясло воздух вместо приветствия. — Почему ты не сказал, что приехал?!

— Решил устроить сюрприз, — невинно пожали плечами.

— Был бы я человеком, схватился б за сердце от твоего сюрприза! Констебли еще никогда не гнались за мной через весь город! — Суровый взгляд смягчился. — Конечно, я рад тебя видеть, но потрудись объяснить, что здесь происходит.

— Обязательно. — Марко вдруг притянул меня к себе. — Только сначала я представлю вам свою невесту.

Глава 39. Не было бы счастья, да несчастье помогло

Глава 39. Не было бы счастья, да несчастье помогло

Брови так и поползли вверх. Может, я в беседке головой пристукнуться успела?

— А? — подумала, что не расслышала.

— Дина Беленькая. Девушка, на которой я собираюсь жениться, — прозвучало как гром среди ясного неба.

Земля стала уходить из-под ног... И, видимо, не у меня одной!

Пожилой вампир уж было набрал полную грудь воздуха, но из разинутого рта вырвался лишь свистящий хрип. Тот, что до сих пор молчал, нервно кашлянул и оттянул воротник рубашки. Даже Бардош с Чабранем замерли, перестав дымить и с интересом наострив уши.

Повисшая тишина была прервана громким:

— Он сведет меня в склеп раньше, чем я того желаю!

— Влад Готи. Собственно, мой дед, — представил старшего Марко, ничуть не смутившись. — Не обращай внимания, у него специфическое чувство юмора.

— Думаешь, я шучу?! — Глава семьи Готи сжал кулаки. — Меня на глазах у всех развернул наряд констеблей! По их словам, тут была целая операция по поимке опасных преступников с твоим участием! Мало того, что я до сих пор не понимаю, как ты это провернул, ты, похоже, решил добить меня! Ни с того ни с сего жениться! — Он эмоционально всплеснул руками.

— Разве ты не рад? — Марко, по-моему, только развеселился.

— На тебя же не действовали никакие уговоры! — продолжал негодовать дед. — Ты не соглашался ни на какие почести! Даже от поместья отказался, лишь бы не связывать себя узами брака! Вы! — Он резко указал в мою сторону, отчего я вздрогнула. — Вы, юная леди, никак ведьма, раз заставили моего внука произнести эти слова!

— Отец... — Второй вампир положил ему на плечо руку.

— А это, кстати, мой дядя, Альберто, — меж тем сказал Марко. Виновато посмотрев на меня, мужчина склонил голову. — Должно быть, те дамы, которых ты считал для меня хорошей партией, на самом деле мне не подходили. Более того, я убежден, что в наших кругах не сыскать такой, кто мог бы сравниться с Диной в достоинствах. — Меня крепче прижали к себе. — И да, ты попал в точку. Дина — ведьма. Но это здесь ни при чем. Я люблю ее.

Взгляд карих глаз заметался между нами. Ничего хорошего он не предвещал.

— Мне плохо, — коротко заключил дед и вдруг пошатнулся.

— Отец! Дедушка! — воскликнули с разных сторон.

Но глава семейства уже был сражен наповал. Впрочем, как и я!

— В дом! Срочно! — успел подхватить его Марко. — Лекарь еще не ушел!

Не на шутку перепугавшись, я метнулась вслед за Альберто, но почти сразу поняла, что буду лишней. В доме и без того хватало людей, да и, очнувшись, дед Марко вряд ли бы обрадовался, увидев меня рядом. Им было что обсудить в узком семейном кругу.

Чувствуя себя несколько обескураженно, я прибилась к Бардошу с Чабранем.

— Ну и семейка... — усмехнулся инспектор, глядя на меня с плохо скрываемым сочувствием.

— Разве так девушке делают предложение? — дрожащим голосом спросила я. — Разве

так признаются в любви?

— Для меня эта наука непостижима, — пожал плечами Дамиан, выдыхая облако дыма. — Но, думаю, кандидат на вашу руку и сердце не соврал. Он действительно питает к вам добрые чувства.

Его слова польстили мне. Последние дни я только и делала, что старалась заглушить в себе едкое, противоречивое чувство. Несмотря на горечь обиды, мне казалось, Марко прав и уповать на что-либо глупо. Но вдруг, когда все надежды рухнули, он решил в корне изменить ситуацию и взять на себя обязательства — воплотить свой кошмар, со слов деда. Не было ли это сиюминутной прихотью, очередным показным геройством? Неужели он смог испытать то же, что и я?..

— Господин Бардош, простите мою бестактность, но я бы хотела задать вам вопрос, — отвлеклась от размышлений.

Инспектор подался вперед.

— Вы, очевидно, нравитесь дамам. Вы так обходительны с ними и крадете женские сердца с одного взгляда, где бы ни появились, — прозвучало не как комплимент — как факт. — Почему же вы сказали, что наука любви вам непостижима?

Бардош и бровью не повел. Я была не первой, кто спрашивал об этом.

— Раньше меня нередко командировали с особыми поручениями, в том числе за границу. Наверное, вас не удивит, что чаще всего информаторами становились женщины — вы и сами опробовали себя в этой роли. А к каждой женщине, как известно, нужен свой подход... — завуалированно намекнул Дамиан. — Моя обходительность — всего лишь навык, выработанный за годы практики.

— Он всегда жутко злится, когда я говорю, что еще погуляю на его свадьбе, — Эмиль улыбнулся, украдкой следя за реакцией инспектора.

— Я уже женат на своей работе. Другой мне не надо, — отрезал Бардош, стараясь сохранить лицо. — Дина, оставьте формальности. У меня к вам предложение делового характера.

От неожиданности я слегка оторопела, но быстро подобралась и обратилась в слух.

— Вы довольно хорошо проявили себя. Вы сообразительны, наблюдательны, к тому же обладаете магией. Последний навык особенно может пригодиться в некоторых мероприятиях в будущем, — начал издали инспектор. — Подразделение, вверенное мне, несет убытки после прошлого начальства. В моих интересах реформировать его и привлечь новых, заинтересованных лиц. Я понимаю, что общество накладывает на вас, как на женщину, ограничения, поэтому предлагаю стать нашим внештатным консультантом. По пустякам беспокоить не буду. Только в особых случаях, — последнее сопровождалось деликатной улыбкой.

— Я не могу ничего обещать, — ответила с осторожностью. — Кое-что в моей жизни еще требует прояснения. Мне нужно совсем немного времени, и я сообщу вам, какое решение приняла.

Бардош понимающе кивнул.

— Скажите... — в горле разом пересохло. — Какое наказание ждет Ольгу за соучастие?

— Это не мне решать — суду. Следствию предстоит быть долгим, и на это время ее поместят под стражу. — Инспектор задумчиво отвел глаза. — Но, если выяснится, что она не представляет для нас особого интереса, я могу поспособствовать смягчению наказания и, например, отправить ее не в каземат, а... в сторону дома без права вернуться в столицу.

Даже внештатным сотрудиникам не положено иметь в семье заключенных, — добавил "в шутку".

Что ж, господин инспектор, я обязательно рассмотрю ваше предложение... Но сначала нам с Марко надо поговорить.

Готи

Как только лекарь привел деда в чувство, решено было ехать в его особняк. Всех четверых, включая дворецкого, давно увезли, а констебли уже начали опечатывать дом. Больше здесь было нечего делать.

Всю дорогу дед прожигал Дину взглядом, заставляя ее беспокойно ерзать на сидении и отодвигаться к окну. Дядя, наделенный более степенным нравом, наблюдал за безмолвным поединком украдкой. Я держался ровно, стараясь не подавать виду, что тоже переживаю. У меня имелось что сказать им.

Когда мы наконец прибыли в особняк, дед распорядился о гостевых покоях и велел следовать за ним в кабинет. Взяв с дворецкого слово, что комнату приготовят в кратчайшее время, я оставил Дину в одиночестве...

Наверное, лишь призрак бабушки, заточенный в портрете, был искренне рад меня видеть. Правда, бабуля не обладала умением покидать его, как это делал Николая, а потому не могла участвовать в семейной разборке.

Передо мной со стуком поставили рюмку.

— Я не буду, — сказал, с опасением наблюдая за дедом.

— Это мне, — бросил он, устраиваясь напротив. — Я слушаю.

Без предыстории обойтись было нельзя. Местами я не мог сдержать смеха — например, когда вспоминал наш побег из трактира, первый визит на ярмарку или новоселье в доме пана. Местами возмущался — когда описывал бойню с Вакулой и покушение на мой зад в зазорных труселях на глазах у всей деревни. О цыганском налете упомянул вскользь. Дружбе с Гоголем и "приручению" нечистой силы посвятил отдельный рассказ. Когда дело дошло до "исправительных" работ на поле, дед понял, что одной рюмкой не обойдется. Дядя уже давно схватился за голову и молча хлопал глазами. А я продолжал перечислять свои незабываемые приключения в Чертовой заводи... Как там Захар, Чуб с Оксаной? Как поживает Солоха? Поднял ли Гоголь племянника с помощью ведьмы? И, главное, с кем теперь разговаривать дядьке? Определенно, нужно их навестить!

При упоминании Дины даже бабуля прильнула к невидимой преграде. Наличие сестры-аферистки, конечно, насторожило деда, но я пресек сомнения на корню. В Дине не было ни капли корысти и лицемерия, она, в отличие от Ольги, жила по совести. Даже решив помочь мне, девушка не согласилась на вознаграждение — ею руководило другое чувство.

Зная натуру наших дам, я не верил, что ко мне могут испытывать нечто подобное. А, оставшись без гроша в кармане, убедился в этом. Я и сам не желал встывать во что-то большее... пока не встретил Дину.

Она одна нуждалась во мне по-настоящему. Во **мне**, а не в моем кошельке, связях и прочем, что было в почете у столичных девиц.

— Если бы мне когда-то сказали, что ты решишься на мезальянс, я бы рассмеялся этому шутнику в лицо. — Дед подошел к окну, обдумывая услышанное. — Ты удивил меня как никогда.

— Я не откажусь от своих намерений, даже если ты против, — заявил твердо. — Дом я отсужу. На вечную жизнь не претендую. Найду способ обеспечить себя и свою спутницу.

Дед обменялся долгим взглядом с бабушкой.

— А кто сказал, что я против? В нашем роду всякое бывало... — кашлянул многозначительно. — Времена Дракулы канули. Мы давно не пьем кровь, очеловечились и, если бы не деньги, которых с каждым веком становится меньше, никто бы нас не жаловал. Если ты действительно нашел ту, с которой готов провести значительную часть жизни, я только за.

Не веря ушам, аж привстал.

— Правда?

Дед кивнул.

— Поддерживаю, — резюмировал немногословный Альберто.

Я хотел броситься к дедуле с объятиями... но он остановил меня жестом.

— Ты помнишь наш уговор? — спросил строго. — Я предпочитаю сдерживать слово. — Карие глаза вдруг по-доброму прищурились. — Если ты готов взяться за восстановление поместья, разумеется, не без нашей помощи, я согласен передать его молодой семье.

Я говорил о планах на Дину без всякого умысла... но отказываться от такого подарка было бы непростительно. Мало того, что трансильванские уголья оставались как и прежде богаты, сколько семейных историй знали те стены!

— Готов! — широко улыбнулся.

— Так и быть, заслужил! — Дед снисходительно приобнял меня за плечи. К нам присоединился и дядя. — По правде говоря, продавать его жалко... Пускай хоть правнуки по лужайкам побегают, а там уж разберемся!

К Дине я мчался на всех парах. Застал ее в крайней степени нервозности: бледная, как никогда, она мерила спальню шагами.

— Я знаю, что поставил тебя в неловкое положение. — Мне тут же захотели ответить, но я опередил ее. — И знаю, что ты обо всех нас успела подумать. Но позволь объясниться.

Дина недоверчиво сощурилась, однако сопротивляться не стала.

— То, что последнее время происходило между нами... не давало покоя и мне, — начал неуверенно. — Наверное, тебе и без того было понятно, что такой, как я, вряд ли соберется жениться. Но представь, ты первая, кто заставил меня об этом серьезно задуматься. Ни одна из женщин, что я встречал, не обладала качествами, которые есть в тебе. Отчасти ты напоминаешь мне маму, о которой я знаю из рассказов деда. Мой отец тоже долго не хотел жениться, но, встретив ее, не смог поступить иначе. Жаль, их счастье вскоре закончилось... — на миг замялся, подбирая слова. — Не будем о грустном. Я полюбил тебя, Дина, сам того не ожидая. Именно полюбил — по-другому это чувство не назовешь. Его не спутать ни с чем другим, — мягко взял ее за руку, холодную от волнения. — Я бы не хотел знать, что ты испытываешь то же самое не рядом со мной, а в сотнях километрах от меня. И я понимаю, что только я могу на это повлиять.

Дина заворуженно наблюдала за тем, как я встаю на одно колено и достаю из кармана кольцо с бриллиантом.

Прочистив горло, произнес:

— Дина, ты станешь моей женой?

Несколько секунд она переводила взгляд с украшения на меня, не веря глазам. Грудь ее порывисто вздымалась, руки слегка подрагивали. Дина была растеряна настолько, что печать молчания сковала ее уста.

Она кивнула. Робко, боязливо. Немедля надел кольцо на безымянный палец. Подошло идеально, в точности, как обещал дед.

— Это помолвочное кольцо моей бабушки. Дед захотел, чтобы я подарил тебе именно его. — Поднявшись, приблизился к Дине.

— Он... не против? — наконец сказала она.

— Нисколько! — Я не мог сдержать радости. — Он даже согласился отдать нам во владение поместье в Трансильвании!

— Так вот зачем я тебе! — Дина резко отпрянула.

— Смеешься?! — опешил я. — Клянусь, свои намерения я озвучил до того, как дед выступил с предложением! Более того, я готов был больше не рассчитывать на его помощь! Но он заявил, что ему жаль продавать родовое гнездо! Там еще правнуки побегать должны!

На личике Дины мгновенно отразилось облегчение, а затем... его озарила самая счастливая улыбка на свете. По щеке вдруг побежала слеза, которую она поспешила смахнуть.

Обняв ее, я сделал то, чего так желал. Поцеловал, крепко и нежно одновременно, вкладывая всё то светлое чувство, которым наполнилось сердце.

Теперь я мог себе это позволить.

Теперь Дина была моей невестой.

— А ведь Бардош тоже сделал мне предложение, — шепнула она, когда я стал целовать тонкие пальчики.

Гнев вспыхнул во мне, точно спичка.

— Что?!

— Деловое, — добавила Дина, смеясь.

— Шутница, — притянул ее к себе за талию. — И какое же?

— Он хочет, чтобы я стала внештатным консультантом отдела. Обещает вызывать только в особых случаях. Полагаю, где требуется вмешательство магии или обнаружены ее следы, — довольно объяснила она.

— Соглашайся. Утром же направим ему письмо!

Эпилог

С того момента черная полоса в моей жизни кончилась, уступив место новой главе. Она была полна надежд и грандиозных планов, на которые я бы никогда не решился без Дины. Мысли, всегда пугавшие меня, теперь занимали всю голову, а за спиной словно выросли крылья.

Свадьба была назначена на первый день зимы. Никто из нас не хотел пышного торжества, а потому провести ее планировалось в кругу родственников и нескольких знакомых: Бардоша, Чабраня и Тадеуша (куда ж без толстяка?). Правда, подготовкой к бракосочетанию мы были заняты в меньшей степени. Ввиду всего случившегося появились и другие дела, требовавшие личного присутствия.

Дед не стал откладывать поездку к бабушкиной сестре. Уже в понедельник они с Альберто отчалили в Брашов, оставив дом в нашем с Диной распоряжении. Но и моя краса решила не засиживаться в столице — отправилась навестить родителей и сообщить Захару о том, что покидает академию.

Побывав на допросе, я был отпущен до первого судебного заседания и думал рвануть к Дине... Однако вновь оказался в гуще событий.

В столице, голодной до новостей, поднялся страшный переполох. Последний раз с таким усердием обсуждали коронацию монарха десять лет назад. Даже зеваки на улицах судачили про поимку мошеннической группировки и дебют инспектора, возникшего из ниоткуда. Но не только фигура Бардоша будоражила публику. Конкуренцию ему составила некая Моника Костаки, именем которой были подписаны многие статьи скандальной хроники. Эта дамочка была наотмашь одним заголовком! Среди самых расхожих были: *"Седина в бороду, бес в ребро"*, *"Оборотень в погонах"*, *"Путеводитель по Бухаресту: как остаться по уши в долгах"* и даже *"Прекрасная незнакомка, темная душонка"*. Мало того, что она нарыла постыдные детали личной жизни Милоша, восходящая звезда прессы добралась и до меня. Я согласился дать интервью за определенную плату от редакции, а потому Монике пришлось отработать его по полной. Она не просто выведала детали рокового вечера, но и разузнала, где я пропадал целый месяц. Так родился другой громкий заголовок: *"Как перевоспитать вампира за 30 дней"*.

Бардош успел прозвать ее "Косточкой". Дело было не только в созвучной фамилии — Моника буквально встала у него поперек горла. Каждый день она пыталась подловить инспектора в городе и штурмовала отдел письмами, но получала отказ за отказом. Со слов Бардоша, сообщать ему было нечего — обо всем и так докладывали в официальной сводке. А делиться подробностями своей жизни он не желал. Довольствовался малым — справедливостью.

Все эти дни меня навещали одни и те же: Тадеуш, Бардош и Чабрань. Любые приглашения на приемы я отклонял, не собираясь возвращаться в змеиное гнездо. Мне даже пришло письмо от Эржебет, готовой бросить ради меня жениха и умолявшей "одуматься". Но я порвал его и глазом не моргнув. В моей семейной жизни не было места всякой швали.

Спустя неделю вернулись Стефан с Тильбо. Без Дины — она предупредила, что задержится, но тем не менее передала записку. Завидев подпись "Любимому Марко", я развернул ее в трепетном предвкушении и с удивлением прочел следующее:

"Ты даже не представляешь, сколько всего случилось в наше отсутствие! Лучше присядь..."

Вакула уже посватался к Оксане, Василь очнулся и больше не намерен впасть в забытье, Захар завел роман с одной преподавательницей, а Солоха... решила завязать с ведьмовством. Поговаривают, она изменилась до неузнаваемости: буквально за ночь состарилась и поседела. Еще и с чертом рассорилась, и теперь Василь выдворяет его отсюда за ненадобность. Подозреваю, в этом замешан Гоголь, но он молчит как рыба об лед.

Наверное, каждый успел спросить меня, вернешься ли ты. Чуб особенно присел на уши. Говорит, какая свадьба без пана завхоза? Пускай хоть на денек заглянет, всей деревней гулять будем!

В общем, приезжай, как освободишься.

Твоя Дина".

Да-а-а... В Чертовой заводи скучно никогда не бывало! Я готов был сорваться сразу же, но вслед за кучером и гоблином нагрянул дед. И принес он не менее любопытные новости.

— Домна чуть ли не передумала отправляться на тот свет! Три дня слушал, какой я тиран и как ей жалко бедного мальчика! — заявили с порога, стукнув меня газетенкой.

— Ты о чем? — не сообразил я.

— О твоём интервью! — И вновь получил по лбу. — "Как перевоспитать вампира за 30 дней" не обсудил только ленивый!

— Эта Костаки перевернула мои слова! — возразив, вырвал у него злополучную газету. — Я ни на что не жаловался!

— Как бы там ни было, Домна распереживалась и велела передать тебе кое-что. — Дед протянул мне толстенный конверт. — С собой это все равно не унесешь.

— Сколько?! — воскликнул, подсчитывая купюры. — Здесь на несколько лет вперед хватит!

— Распоряжайся с умом, — хлопнув меня по плечу, дед устало побрел наверх.

Неожиданный подарок натолкнул на интересные мысли... Как ни крути, а все дороги вели в Чертову заводь.

Я приехал поздно вечером, когда селение погрузилось в безмятежный сон. Свет теплился лишь в одной хате...

Едва карета остановилась, навстречу мне выпорхнула Дина.

— Ты будто знала, что я еду, — заключив ее в объятия, зарылся носом в копну рыжих волос.

— Чувствовала. Даже самовар поставила, — кивнула, прижавшись к моей груди. — Как хорошо, что ты рядом...

— Ты навестила родителей? — спросил я, когда мы вошли в дом.

— Да, Стефан сначала привез меня к ним, — тоскливо отозвалась она, разливая чай. — Я не стала раскрывать правду про сестру. Сказала только, что она рано или поздно вернется, так как в столице у нее не заладилось. Конечно, Ольга не останется в родительском доме и скорее всего попытается вырваться в Балдейкино. Но и об этом я смолчала — не захотела их огорчать...

— Как они отреагировали на то, что ты выходишь замуж?

— Довольно спокойно. Они всегда понимали, что мы не сможем устроить жизнь в

глубинке. Наш хутор даже меньше Чертовой заводи.

— Должно быть, им очень нелегко там приходится... — задумчиво протянул я.

— За тридцать лет привыкли, — пожала плечами Дина и вдруг вынесла из закутка блюдо. — Я пирог испекла к чаю.

Поймав ее за руку, решил поделиться своей задумкой:

— Помнишь дом на склоне, в котором мы останавливались?

Она вмиг насторожилась.

— На днях моя двоюродная бабка пожаловала мне приличную сумму денег. Большую часть я отложил, а на оставшуюся хочу купить это заброшенное имение. Перед отъездом я справился обо всем у дедушкиного стряпчего. С выкупом земли проблем не будет, она стоит копейки. А к восстановлению дома можно привлечь черта, раз ему теперь нечем заняться. Я подумал, почему бы нам не иметь что-то и на твоей малой родине, рядом с родителями? Я даже не против, чтобы они туда перебрались...

Дина растерянно захлопала глазами.

— Ты... правда этого хочешь?

— Почему нет? И вообще, не пора ли нам познакомиться? — Усадив ее к себе на колени, запоздало понял, что чего-то не хватает.

Стена, побеленная после новоселья, пустовала...

— А где Гоголь?

— Василь перевесил его на прежнее место. — Дина придвинула к нам блюдо с пирогом. — Наверное, одному черту известно, что произошло между ними с Солохой... Но и он ничего не скажет.

Наутро я решил выяснить это лично. Наведавшись в развалюшку, действительно застал племянничка за работой. Румяный и бодрый, он составлял новый список дел вместе с Захаром.

— Явился не запылится! — всплеснул руками лекарь. — Ну наконец-то!

— Успехи в сердечных делах идут тебе на пользу! Ты прямо помолодел! — улыбнулся ему в ответ.

Пока Василь что-то считал на счетах, Захар по новой пересказывал мне события минувших недель. Не забыл он упомянуть и книги, под которые выделили отдельный кабинет в академии. Адепты просиживали там днями и ночами и постоянно спрашивали, когда я продолжу вести "уроки". Конечно, браться за учительство всерьез я не мог, однако навещать их и устраивать совместные чтения не отказался. Тем более повод должен был появиться уже скоро.

Когда Захар отвлекся, я попытался расшевелить Гоголя.

— Николя? — шепнул, размахивая руками перед портретом.

Бесполезно. Он не подавал признаков присутствия!

Предприняв еще пару попыток, я оставил затею. То ли Гоголь коварно спрятался до полнолуния... то ли унес с собой тайну проклятия навсегда. Возможно, о ней не суждено было узнать никому...

А может, стоило попытать удачу у черта.

Дни побежали быстрее облаков на небе. До того, как отправиться к родителям Дины, мы успели побывать на свадьбе Вакулы и Оксаны. Чертова заводь гуляла душевно, с размахом! Столы ломились от яств, земля гудела от плясок, медовуха лилась через край, а воздух сотрясало бурное народное творчество. Чуб так вообще не мог нарадоваться — стоит

ли говорить, что он не выпускал из рук баян?..

Однако не всем на свадьбе было до веселья. Когда я в перерыве присел за стол, из-под него высунулась знакомая ручонка. В тарелке стало на два вареника меньше.

— Здороваться не учили? — приподняв скатерть, встретился с перепачканной мордой.

— Та мне скорее попрощаться... — пробубнели с набитым ртом.

— Рано отчаялся! — усмехнулся я и, сжалившись, отдал черту всю тарелку. — У меня к тебе предложение...

КОНЕЦ